

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

**Особенности «новой»
южнославянской государственности:
Болгария, Сербия, Черногория,
Королевство СХС
в 1878–1921 гг.**

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ
Особенности «новой»
южнославянской государственности:
Болгария, Сербия, Черногория,
Королевство СХС
в 1878–1921 гг.

МОСКВА
2016

УДК 94(497.1-2):323/324

ББК 63.3(4)

Ч 39

*Коллективная монография подготовлена при поддержке
Программы фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук РАН
«Нации и государства в мировой истории»*

Ответственный редактор:

доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Е.Л. Валева*

(Институт славяноведения РАН),

кандидат исторических наук *О.А. Дубовик*

(МГУ им. М.В. Ломоносова)

Ч39

Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 408 с.

ISBN 978-5-7576-0358-2

Коллективная монография, завершающая проект Института славяноведения РАН «Человек на Балканах». Ее ключевой задачей избран анализ социально-политической дилеммы, имманентно присущей характеру сербской, болгарской и черногорской государственности (и серьезно ее искажившей в сравнении с европейскими «канонами»): «национальный идеал и/или гражданское общество», порожденной недорешенностью проблемы «освобождения и объединения». Авторы показали серьезную разницу в возможных вариантах развития «новой» южнославянской государственности у разных народов. У «пограничных» и de facto свободных сербов и черногорцев главной государственной задачей являлось достижение «национального идеала», что вступало в противоречие с задачей формирования в Сербии и Черногории «гражданского общества», придавая процессу их модернизации неорганичный и односторонний характер. Болгария («анклавная» и инкорпорированная в экономическое пространство Османской империи) имела все шансы эволюционировать по пути естественной модернизации, т. е. снизу – ментальные предпосылки для этого в народе складывались. Но такой шанс использован не был: под воздействием изнутри (монарх, военная верхушка, часть «национально-фрустрированной» интеллигенции) и извне (провокации македонцев и «македонствующих») страна к началу Балканских войн сделала выбор, приведший ее к двум «национальным катастрофам» – 1913 и 1918 гг.

Коллективная монография рассчитана на профессиональных специалистов-балканистов, а также всех интересующихся историей народов Юго-Восточной Европы.

УДК 94(497.1-2):323/324

ББК 63.3 (4)

ISBN 978-5-7576-0358-2

© Институт славяноведения РАН, 2016

© Коллектив авторов, текст, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (<i>А.Л. Шемякин</i>)	4
---	---

Вместо введения.

«Короткий XIX век» Балкан (<i>К.В. Никифоров</i>)	16
---	----

ГЛАВА I

Болгария в 1878–1920 гг. (Р.П. Гришина)	27
---	----

ГЛАВА II

Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» (<i>А.Л. Шемякин</i>)	169
--	-----

ГЛАВА III

Модернизация и «европеизация» по-балкански (к вопросу о причинах недолговечности черногорской государственности на рубеже XIX–XX вв.) (<i>В.Б. Хлебникова</i>)	261
---	-----

ГЛАВА IV

Королевство сербов, хорватов и словенцев от создания до обретения конституции (1918–1921) (<i>А.А. Силкин</i>)	369
--	-----

Post scriptum (<i>А.Л. Шемякин</i>)	393
--	-----

ОТ РЕДАКТОРА

Представлять коллективную монографию «Особенности „новой“ южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг.», завершающую многолетний проект Института славяноведения РАН «Человек на Балканах», приходится с тяжелым чувством. 19 мая 2015 г. ушла из жизни Ритта Петровна Гришина – его фактический инициатор, бессменный куратор и неперемный участник*. Ее не стало, когда книга уже находилась на завершающей стадии, оказавшись, таким образом, точкой не только в конкретном проекте, но и во всем научном творчестве Ритты Петровны. Хотя в случае с ней – это, конечно, не точка, а полноценный восклицательный знак, имея в виду синтетический характер авторского замысла («Болгария в 1878–1920 гг.»), его успешную реализацию и объем написанного текста, над которым она трудилась с вдохновением и энергией даже в больнице. Кто знает, быть может, желание уложиться в поставленные сроки и избранный ею в связи с этим беспощадный режим: «Ни дня без строчки!», перенапрягли, ускорив уход...

• • •

Коллективный труд подводит итог длившимся полтора десятилетия исследованиям процесса модернизации на Балканах в Новое время (после 1878 г.). Семь уже изданных выпусков серии – это печатные результаты конференций, каждая из которых была посвящена его отдельно взятому аспекту**. На-

* Об идее проекта «Человек на Балканах»; его концепции, реализации, руководителях и участниках см. в Post scriptum к данному изданию.

** См.: Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя

стоящий же (восьмой по счету) воплотил попытку обобщения накопленного материала, причем в сравнительном ключе, давшем возможность наглядно показать, что было общим и что различалось в ходе «пересадки» европейских идей, институтов и практик на балканскую почву элитами южнославянских православных народов.

Ключевой задачей монографии избран анализ социально-политической дилеммы, имманентно присущей характеру сербской, болгарской и черногорской государственности (и серьезно ее искажившей в сравнении с европейскими «канонами»): «национальный идеал и/или гражданское общество», порожденной в свою очередь недорешенностью проблемы «освобождения и объединения». Несмотря на во многом схожий культурно-политический архетип *Homo Balcanicus*, отношение к этой проблеме имело в Софии, Белграде и Цетинье свою специфику. И если средством ее решения местные элиты предполагали, прежде всего, войну, то в глубинках она воспринималась по-разному.

Так, в Болгарии, имевшей, как нам кажется, все шансы эволюционировать по пути естественной модернизации (о чем речь ниже), милитаристские настроения в начале XX в. подогревались *сверху* (монарх, военная верхушка, национально-фрустрированное учительство) и *сбоку* (македонцы и «македонствующие»), что могло означать лишь одно – страна подошла тогда к судьбоносной развилке: «война или модернизация?», сделав в итоге выбор, приведший к поражению¹.

Перед Сербией и Черногорией такой альтернативы не было: в отличие от Болгарии, воинственный настрой там «санкционировался» *снизу* – многовековые конфликты с турками (производные от *окраинного* положения в составе Османской империи) привели к формированию у сербов и черногорцев стойкого конфронтационного сознания, во многом определив-

треть XIX – начало XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2009; Человек на Балканах глазами русских / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб, 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.

шего их дальнейшую историческую судьбу. Кроме того, идеологически оно мощно подпитывалось «Косовским мифом» и растущей из поколения в поколение жадой мести за катастрофу 1389 г., вследствие чего «героическое» начало закладывалось в поведенческий код населения с младых ногтей: «С ранних лет ребенок воспитывался как воин и мститель, в лютой ненависти к врагу»². Поэтому жизнь в Сербии и Черногории строилась по принципу «передышка между войнами». Здесь или воевали, или готовились к схватке за «национальный идеал», ибо считалось, что «сербская проблема должна быть разрешена силой»³. И, следовательно, крылатое: «Война – мать родна!», это оттуда⁴.

Данное различие базовых мотиваций (с одной стороны, почти искусственный, спровоцированный *извне*, перевод массового сознания болгар на военные рельсы, а с другой – восприятие войны дождавшимися своего часа сербами и черногорцами, как праздника⁵) со всей наглядностью проявилось

* Сторонники единого балканского архетипа, распространяя его на весь полуостров, приходят порой к противоположным выводам. Так, болгарский историк Иван Илчев, говоря о реакции населения Болгарии на рост националистических настроений «в верхах», отмечает: «Огромное большинство электората оставалось пассивным в вопросах внешней политики. В целом оно позволяло политической элите свободно принимать свои решения». При этом это наблюдение ученый относит *ко всем балканским странам* (Илчев И. Родина ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни. 1821–1923 гт. София, 1995. С. 472). С другой стороны, отечественный исследователь Р.Р. Субаев, опираясь на труд о Балканских войнах американского автора греческого происхождения Андре Геролиматоса (*Gerolymatos A. The Balkan Wars: Conquest, Revolution and Retribution from the Ottoman Era to the Twentieth Century and Beyond. N.Y., 2002*), проводит мысль о «конфликтности» балканского сознания и политики, как некоей *общерегиональной* константы, и о войне на Балканах, как способе существования в веках (Субаев Р.Р. Имперская политическая традиция в Юго-Восточной Европе как идеологическая предпосылка Балканских войн 1912–1913 гт. // Модернизация *vs* война... С. 16–17). При этом он полагает, что нет смысла ограничиваться одними лишь западными Балканами (а Геролиматос с полным правом ставит в центр внимания Сербию и Грецию), распространяя феномен «конфликтности сознания» и на Болгарию (Там же. С. 25–27; *Он же*. Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегало-идей» // Славяноведение. 2015. № 1. С. 19).

в ходе Балканских войн 1912–1913 гг., что на болгарском материале убедительно показала Р.П. Гришина. Но перед тем, и столь обстоятельно, как редко кто в отечественной историографии, она вскрыла природу этого феномена болгарского общественного пацифизма.

• • •

Дело в том, что в отличие от *пограничных* и уже свободных Греции (с конца 1820-х гг.), Сербии (*de facto* с начала 1830-х), Черногории (исторически), Болгария находилась в *анклавном* положении в балканском тылу Османской империи. При этом, болгарская элита «под крышей» турок не была инкорпорирована в политическую и военную надстройку государства. Ей оставались ниши «бизнеса» и культуры: заметим, – теснейше переплетенные! К тому же, в ходе складывания единого османского рынка, развивалась хозяйственная специализация регионов, в рамках которой нашлось место и для болгар («болгарский экономический ренессанс»). Всего один пример – они были знаменитыми на всю Европу огородниками. «Героические» сербы презрительно звали их «баштованами». В связи с чем, по свидетельству бельгийского путешественника Эмиля де Лавелэ, даже «те овощи, которые потребляются в Белграде, возделываются болгарами на другом берегу Савы и каждое утро привозятся из Землина»⁶. Различие в иерархии ценностей налицо – отложенное «геройство» и ежедневный труд, что подтверждает и русский очевидец в своем сравнении болгар с их соседями: «Они далеко не так способны, но зато работают, как волю»⁷.

«Соседи» же, понятно, не слишком себя обременяли (о черногорцах и не говорим – у них вообще трудились одни женщины, а основой экономики была война – т. е. *вооруженный грабеж чужих материальных ценностей*). «Работать только для того, чтобы выжить – становилось главным принципом серба, как следствие его постоянной неуверенности, войн и переселений», – резюмирует сербская исследовательница Радмила Радич⁸. Очевидно, что смысл хозяйственной деятельности сербского крестьянина можно свести к единственному понятию – *довольствоваться*, что значит «поддерживать уровень существования, определенный социокультурно»⁹. Эта

характеристика органично вплетается в ткань фундаментального противоречия традиционного сознания (особенно при наличии базового «героического начала») и веберовского духа капитализма, с присущим ему «трудом постоянным, неутомимым, квалифицированным»¹⁰, что было характерно как раз для болгар, добавим от себя...

Но вернемся к болгарской элите, точнее к ее *культурной* функции, прочно связанной с «экономическим ренессансом». В конце XIX в. Болгария приближалась к среднему европейскому уровню по числу посещающих начальную школу. Она имела лучшие показатели среди балканских стран. И это не могло быть случайностью. Ведь, поскольку болгарские крестьяне спонтанно формировали такую общественную ценность, как постоянный труд, настроенный на мир, то им – подчеркнем это особо – было необходимо *подлинное*, а не *номинальное* (как нередко в Сербии и Черногории) знание. Почему так и отличались в Болгарии и Сербии характер, уровень и качество грамотности; содержание школьных программ и учебников.

И если в Сербии государство приспособило всю образовательную систему своим собственным надобностям (в основном, для рекрутирования чиновников), поставив содержательный акцент на национальных и героических ценностях, «в ущерб привитию практических навыков»¹¹, то в Болгарии было иначе. Шкала предпочтений в болгарской школе отличалась от таковой же в сербской. По замечанию болгарского историка Наума Кайчева, «военные ценности не доминируют в учебниках. В них вы редко встретите стихи, величающие в глазах маленьких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл, Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной земли»¹². Кроме того, присутствует ясно выраженный курс на «привитие практических навыков»¹³.

В сербских школах, как уже говорилось, им уделялось слишком мало внимания, – следствием чего был характерный для всякого традиционного общества феномен «вторичной неграмотности»¹⁴. Бельгийский ученый Мишель Паларе подтверждает данный факт: «Власти открывали школы все больше и чаще, но при этом мало прислушивались к тому, что действительно надо крестьянам. И многие из них (хотя формально и обра-

зованные) оставались функционально неграмотными*, а те, кто имел пользу от образования, считали его лишь средством бегства из деревни. Школа выглядела негативно в глазах крестьянина, который полагал, что получившие образование дети будут потеряны для хозяйства»¹⁵. Причем негативно настолько, что в 1905 г. депутаты Народной скупщины без сожаления ввели налог на торговлю учебниками, однако не решились на ту же меру в отношении выгонки домашней ракии¹⁶. Иерархия «ценностей» сербского селяка, таким образом, налицо. «У нас в Сербии имеется 1.500 школ и 25.000 кабаков», – горько констатировал видный политик и интеллигент Йован Скерлич¹⁷.

В итоге, процент грамотных, число учеников, объем государственных вложений в образование на душу населения были в Болгарии много выше, чем в Сербии. Потому-то к началу XX в. в числе грамотных сельских обывателей, болгар и сербов, и «зиял» такой разрыв: 28,4 и 12 %^{**}; к тому же грамотность, подчеркнем, в болгарском варианте была, в основном, «активной». Так что, Болгария, повторимся, имела все шансы эволюционировать путем естественной модернизации, т. е. *снизу*, – ментальные предпосылки для этого в народе складывались.

Убедимся в оправданности данного тезиса с другой стороны – крайне важным представляется то обстоятельство, что у болгарской элиты (в отличие от греков и сербов) отсутствовал единый и конкретный план «национальной работы», отчего общеполитический «национальный идеал» так и не обрел ясной формулировки. В такой ситуации не было и специальных условий для вызревания идеи конфликтности в сознании болгар. Об этом говорит и отношение населения к призывам готовить вооруженное выступление против турок, поднять восстание, с которыми в 1860-е–1870-е гг. обращались революционные «апостолы», причем такие крупные как Георгий Раковский, Васил Левский, Христо Ботев: успехом их усилия не

* Тот же термин – «функциональная неграмотность» – употребляет и немецкий исследователь Хольм Зюндхаузен (см.: *Зюндхаузен Х. История Сербии* от 19 до 21 века. Београд, 2009. С. 190).

** В селах Тырновского округа, жители которого специализировались в садоводстве и огородничестве *на продажу*, грамотных было 43,3 % (*Палафе М. Балканске привреде* око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 372).

увенчались, никому из них не удалось мобилизовать болгарских крестьян на широкое повстанческое движение. Освобождение пришло извне – в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Переориентация же сознания самих болгар на войну произошла значительно позже (после формирования в 1912 г. Балканского союза) и, как уже говорилось выше, во многом искусственно – стараниями «патриотической» части собственной элиты и кровавыми провокациями «македонствующих». Чем все закончилось для Болгарии, хорошо известно – национальными катастрофами 1913 и 1918 гг. ...

Ритта Петровна Гришина не смогла полностью завершить свой раздел, доведя повествование до момента прихода к власти в Болгарии правительства Болгарского земледельческого народного союза во главе с Александром Стамболийским (1920 г.). Впрочем, и этот рубеж может считаться вполне корректным финалом, ибо она со всем тщанием успела изучить идеологию и организацию БЗНС, проследить его парламентскую тактику и борьбу за власть, густо «населив» свой рассказ живыми людьми – большими и малыми «земледельцами». Практическая же деятельность Стамболийского, т. е. предпринятая им попытка претворить крестьянскую «утопию» в жизнь (что является отдельным сюжетом), увы, осталась за кадром, хотя анализ ее, несомненно, планировался, что очевидно из размышлений автора, приведенных нами во фрагментах, – в качестве дополнений к основному тексту.

Над окончательной подготовкой раздела Р.П. Гришиной к публикации (вычитка, дополнительное структурирование, частичная редакция и стилистическая обработка, написание комментариев, уточнение научного аппарата) работали А.Л. Шемякин, Т.В. Волокитина, М.В. Лескинен, Н.С. Гусев.

• • •

Что касается Сербии и Черногории (авторы глав – А.Л. Шемякин и В.Б. Хлебникова), то присущее их гражданам «конфронтационное сознание» определяло и специфику внутригосударственной жизни в обеих странах, органично экстраполируясь на отношение к Другому в среде соотечественников, выбивавшемуся из традиционной системы ценностей и представлений. «Внешние турки», таким образом, могли

плавно переходить в категорию «внутренних турок». А потому *миp* для сербов и черногорцев (как вовне, так и изнутри) был окрашен в черно-белые тона: свои – чужие, друзья – враги. Причем и в фокусе *внутреннего* конфликта находилась выраженная *внешне*-окрашенная претензия на «эксклюзивный» патриотизм, отчего в диалоге политических сил и звучали столь часто упреки в «измене родине». Это во многом объясняет природу архаичной, основанной на насилии (а не на компромиссе), политической культуры в Сербии и Черногории, обращение к которой позволило окончательно разобраться в степени их «европейскости».

Таким образом, подчеркнем еще раз, сербы и черногорцы практически и не жили, постоянно воюя, либо ожидая войну, пребывая в никогда не спадавшем психологическом напряжении. В таких условиях «в народе создался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания»¹⁸. Оно и понятно: вместо естественного поступательного развития – всплески отчаянных усилий и относительно мирные паузы, заполненные не «органической работой», а новым ожиданием «национальной сатисфакции» и «разборками» местных элит.

И соответственно, воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизованности народа, постоянная готовность к реализации «национального идеала» (добиться чего без военных мер было невозможно) вступали в противоречие с задачей формирования гражданского общества в Сербии и Черногории, что, в свою очередь, не могло не сказаться на ходе и характере процесса их модернизации, носившего явно деформированный характер. Синтетически данную парадигму, в виде чеканной формулы, выразил классик сербской литературы Добрица Чосич: «Сербы учились гражданским свободам и правам, они их принимали, осознавая их ценность, но, тем не менее, национальная свобода всегда оставалась для них ближе гражданской»¹⁹. Еще более прямолинейно высказался сто с лишним лет назад лидер Сербской народной радикальной партии Никола Пашич: «Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня высшим идеалом, чем гражданская свобода сербов Королевс-

тва»²⁰. К тому же, отнюдь не он явился первым, кто столь явно предпочел основанный на этноисторическом мифе «национальный идеал» универсальному и «безликому» гражданскому порядку (или, используя его собственный политический лексикон, провозгласил верховенство «свободы извне» над «свободой изнутри»²¹): вспомним здесь хотя бы Илию Гарашанина, или двух Михайлов – князя (Обреновича) и митрополита (Йовановича)...

Но вот Балканские войны закончились, и у победителей «развязались» руки для интенсивного внутреннего строительства. Спрашивается, привел ли триумф на фронтах и присоединение вожделенных турецких территорий к ускорению темпов модернизации в Сербии и Черногории? Ничуть не бывало! Завершение противостояния вызвало тяжелый кризис не только в «униженной и оскорбленной» Болгарии, но и, как ни парадоксально, в странах-победительницах.

В Сербском королевстве вхождение Вардарской Македонии и части Старой Сербии (что было закреплено в Бухарестском договоре от 10 августа 1913 г.) сопровождалось сложностями двоякого рода. С одной стороны, усиление политического веса людей в погонах привело к ожесточенной борьбе за *modus* правления на новых землях между гражданской и военной властями. Знаменитый «Спор о приоритете», в котором активно участвовала тайная офицерская организация «Черная рука», и твердая позиция, занятая радикальным правительством Николы Пашича, привели даже к попытке переворота – «чернорукцы» чуть было не двинули войска из Скопья на Белград! С другой стороны, в то же самое время политические противники Пашича из гражданских в эгоистическом угаре (любой ценой свалить его) пошли на тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю парламентскую систему власти. До модернизационных ли забот тут было?.. В конечном итоге, конфликт разрешился – путем вмешательства российского посланника Н.Г. Гартвига и ценой скрытого отречения короля Петра Карагеоргиевича: в июне 1914 г., под предлогом болезни, он передал свои полномочия престолонаследнику Александру. В борьбе с «Черной рукой» (этим мощным *антиконституционным* фактором сербской политики) граждан-

ский режим устоял, но при поддержке другой *нелигитимной* силы – российской императорской миссии²².

Ну, а затем разразилась еще одна война – Первая мировая. Из нее Белград вышел одним из победителей и лидером Королевства сербов, хорватов и словенцев. Казалось, что вековой сон превращается в реальность: сербская «заветная цель» была достигнута, и значит – вновь наступало время для внутренней перестройки (модернизации). Но нет, руки до нее опять не дошли, ибо к старым внутренним склокам «шумадийцев» (сербов из собственно Сербии) добавились новые – между ними и «пречанами» (сербам из-за Савы и Дуная). И все это на фоне явно-скрытой конфронтации с хорватами и словенцами, которые именно в межвоенной Югославии завершили процесс национально-политической консолидации. Специфика совсем не братских отношений в едином югославянском государстве, причем на самой заре его существования, рассматривается в тексте А.А. Силкина, подводящем итог данному изданию.

• • •

Открывает сборник теоретическое вступление К.В. Никифорова «“Короткий XIX век” Балкан». В нем применительно к региону анализируются хронологические рамки Нового времени и так называемого «долгого XIX века». Автор делает вывод, что для Балкан этот век, наоборот, был «коротким» и уместился в 36 лет – между Берлинским конгрессом 1878 г. и началом Первой мировой войны в 1914 г. Именно такой период история отвела их жителям, чтобы пройти свой путь возвращения в Европу (т. е. пройти испытание модернизацией) – от получения независимости до «европеизации» всех сторон жизни. Вот только, спрашивается, возможно ли втиснуть в три с половиной десятилетия те процессы, которые в Старом Свете протекали веками? Ответ очевиден: несмотря на «заимствование» западных практик и институтов, балканские страны (точнее – социумы) сохраняли свою традиционную природу. И после Мировой войны их развитие оставалось «догоняющим» (имитирующим), в результате чего сократить отставание от передовых держав снова не удалось...

Именно это, на конкретном страноведческом материале, члены авторского коллектива и старались показать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX вв. Приоритеты развития // *Etudes Balkaniques*. Sofia, 2014. № 1. P. 41–80.

² *Perović L.* Između anarhije i autokratije: srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006. S. 64.

³ *Наумовић С.* Јован Цвијић // Срби 1903–1914. Историја идеја / Приред. М. Ковић. Београд, 2015. С. 694.

⁴ См.: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Война – мать родна? Судьба балканских союзников из 1912 г.: сто лет спустя // *Родина*. 2012. № 11. С. 5–8.

⁵ Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX в. // *Югославия в XX веке. Очерки политической истории*. М., 2011. С. 41–42.

⁶ *Лавеле Э. де.* Балканский полуостров. Ч. 2. М., 1889. С. 12.

⁷ К.Ф. Радченко – Т.Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июня 1899 г. // *Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства)* / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 328.

⁸ *Радић Р.* Верска елита и модернизација – тешкоће проналажења одговора // *Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века*. Књ. 3. Улога елита. Београд, 2003. С. 157.

⁹ *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 86.

¹⁰ Цит. по: *Гришина Р.П.* Предисловие // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.* / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002. С. 9.

¹¹ *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 203, 370–372. См. также: *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу века – сукобљени светови. Београд, 2011. С. 251.

¹² *Кайчев Н.* Македонијо, възжелана. Армията, училището и градежът на нация в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 92.

¹³ См., например: Э.И. Тотлебен – Александру II. Варна, 9 (21) марта 1879 г. // *Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х тт.* Т. III. М., 1967. С. 498–499.

¹⁴ См.: *Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков*. М., 2001. С. 330–331; *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)* / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2007. С. 90–102.

¹⁵ *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914... С. 371.

¹⁶ Самоуправа (Београд). 28. новембар 1905. – Приведено по: *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914... С. 372.

¹⁷ *Скерлић Ј.* Фелтони, скице и говори // Сабрана дела Јована Скерлића. Књ. 7. Београд, 1964. С. 313.

¹⁸ *Дворниковић В.* Херојски тип и његове негативности // *Он же.* Борба идеја. Београд, 1995. С. 111.

¹⁹ Цит. по: *Perović L.* Dobrica Ćosić o Josipu Brozu Titu. Skica za istraživanje političkog i intelektualnog odnosa // Tito – viđenja i tumačenja (Zbornik radova). Beograd, 2011. S. 169.

²⁰ *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Србија и коментари. Изд. Задужбине М. Црњанског. Београд, 1989. С. 129.

²¹ *Кривокапић-Јовић Г.* Никола Пашић 1918–1926: крај једне карјере // Токови историје. Београд, 2011. Бр. 1. С. 32.

²² *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX в. ... С. 36–37.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.

«КОРОТКИЙ XIX ВЕК» БАЛКАН*

При всей условности начальной даты Нового времени, для Балкан начинать, по-видимому, правильно с рубежа XVII и XVIII вв. Война Священной лиги (Австрия, Польша, Россия, Венеция) против Османской империи 1683–1699 гг. «ознаменовалась крутой переменой в раскладе и расстановке сил, христиане стали стороной наступающей, мусульмане – обороняющейся и отступающей. Роли переменились. И все это происходило на фоне первых ростков балканского Возрождения»¹. Воистину будущее обещало большие изменения, но расцвет лишь брезжил.

Не менее важно, что именно в XVIII в. Балканы, по точному замечанию американской исследовательницы болгарского происхождения Марии Тодоровой, перестали рассматриваться в Европе только как часть Османской империи². В последней трети XVIII в. Балканы стали частью общеевропейской международной системы в связи с возникновением Восточного вопроса. А сам Восточный вопрос был открыт Кучук-Кайнарджийским миром, заключенным после очередной русско-турецкой войны в 1774 г.³. Чуть позже завершилась и последняя австрийско-турецкая война (1788–1791 гг.). А России в XIX в. предстояло воевать с Турцией еще четыре раза (1806–1812 гг., 1828–1829 гг., Крымская война 1853–1856 гг., 1877–1878 гг.).

Великая французская революция и начало наполеоновских войн еще больше ускорили процесс втягивания Юго-Восточной Европы в мировые международные отношения, что не могло не сказаться на судьбах проживавших там народов. Сербский историк Радош Люшич пишет: «Конец XVIII и начало XIX в. представляют собой время войн и революций, и его

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 15-01-00145 «История Балкан: на переломе эпох (1878–1914 гг.)»).

можно считать переломным периодом в истории Европы и естественно, Балкан, являющихся ее частью...»⁴.

В XIX в. при воссоздании на Балканах независимых национальных государств и попытках их расширения до трактуемых часто весьма расширительно этнически обусловленных границ (именно тогда появились все «великие» балканские планы – «мегали-идея», «Начертание» и т. п.) проявилась та самая конфликтогенность региона, о которой столь много написано в историографии. В отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен. Причем огромную роль в воспроизводстве межэтнической напряженности сыграло постоянное вмешательство на Балканы великих держав. Во многом именно из-за этого в регионе возникли та самая пресловутая этническая чересполосица и множество территориальных споров.

Так, проиграв борьбу за объединение немецких земель и войну с Италией, Австро-Венгрия стала искать компенсации на Балканах. После Берлинского конгресса 1878 г. она добилась права на оккупацию Боснии и Герцеговины и ввод своих воинских гарнизонов в Новопазарский санджак. Карты на Балканах вновь оказались смешанными. Например, для Сербии путь расширения в сторону Боснии и Герцеговины и Старой Сербии, в том числе и к Адриатическому морю, огибая с одной или другой стороны Черногорию, оказался перекрытым. Остался путь в противоположную сторону – долиной Вардара до Салоник и с выходом уже в Эгейское море.

Этот период после Берлинского конгресса и до начала Первой мировой войны оказался особенно важным для дальнейшей эмансипации балканских народов. И не только потому, что на Берлинском конгрессе многие из них после долгого перерыва получили независимость, а Болгария – самостоятельность. В.Н. Виноградов считает, что после Берлина «в связи со стремительным ослаблением Турецкой державы резко снизилось значение Восточного вопроса в судьбах Европы, под ним стали понимать соперничество держав»⁵. Но и державы уже не были полновластными хозяевами в любой точке Балкан. «Османское владычество в регионе пришло к концу, – продолжает В.Н. Виноградов. – Вместе с тем отошла в прошлое система международных отношений в регионе, в котором тон задавали

великие державы, то соперничавшие, то сотрудничавшие друг с другом. Отныне решающими субъектами международного права здесь стали сами балканские государства, их взаимоотношения и, как скоро выяснилось, их соперничество»⁶.

Национальные планы балканских государств не только накладывались на планы великих держав, но и на вековую отсталость. Образно говоря, из Азии, куда они попали после турецкого завоевания, эти страны вновь вернулись в Европу. Но вернуться формально было недостаточно, нужно было вернуться фактически, то есть европеизировать все стороны своей во многом еще патриархальной жизни, стать настоящими европейцами. Поэтому модернизация (или европеизация) – являлась основным содержанием периода истории балканских государств после Берлина и до Первой мировой войны. Для стран с «догоняющим развитием» не было более актуальной и насущной задачи. Кстати, и в России этот период связан с той же модернизацией и «догоняющим развитием» в экономике.

Этот же период от Берлинского конгресса до Первой мировой войны был периодом так называемой «первой глобализации». Казалось, это предоставляло балканским государствам новые возможности. Однако этот шанс ни европейскими державами, ни балканскими странами использован не был. Балканские страны стали «бедными родственниками» западного мира с угрозой попасть под новую зависимость, но уже не от Турции, а от европейских держав. В случае Сербии, например, таковой державой оказалась Австро-Венгрия.

Р.Р. Субаев смотрит на эти события через призму имперского наднационального наследства, попыток греков (наиболее последовательных), болгар и сербов восстановления своей «Неовизантии», заключенных в концепциях «мегало-идей». Такая тенденция в остаточных формах сохранялась до 1878 г., эволюционировав затем от империи к национальному государству⁷. Так что и здесь Берлинский конгресс стал своего рода водоразделом.

В то же время возрождавшиеся балканские государства все равно оставались в имперском окружении, сохраняя с ним глубинные связи. В современной историографии происходит частичный отход от «канонизации» национального государс-

тва. Кстати, апологетика национального государства существовала и в отечественной исторической науке, хотя и признавалась, например, объективная роль политики Австрийской империи в возрождении национального самосознания сербов, хорватов или румын. Сегодня империи трактуются уже не только как препятствие в нациестроительстве и заведомо устаревшая форма. «В действительности большинство процессов, которые подготовили создание современного государства, происходили в имперских метрополиях», – пишет А.И. Миллер⁸.

Таким образом, XIX в. уже не объявляется однозначно только веком наций-государств, а империя перестает трактоваться как нелегитимное образование. Дискуссии продолжаются. И если для одних историков XIX в. остается «эпохой на пути предначертанного заката империй и различных национальных возрождений», то другие исследователи «видели в той же эпохе прогрессивную правовую интеграцию, охраняемые конституцией личные права и невиданный культурный расцвет»⁹.

В целом Берлинский конгресс сохранял свою силу до Балканских войн 1912–1913 гг., хотя его решения и стали пересматриваться намного раньше. В 1885 г. произошли объединение Болгарии, а затем и сербско-болгарская война. В 1896–1897 гг. разразилось восстание на Крите, переросшее в греко-турецкую войну. В 1903 г. произошел государственный переворот в Сербии, завершившийся сменой правившей династии. В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, закрепив новые балканские пределы со стороны великих держав. В том же году усилиями молодых офицеров произошла Младотурецкая революция в Османской империи.

Рост влияния военного фактора, милитаризация политики в истории балканских государств этого периода носило общерегиональный характер. Офицерство пыталось взять на себя ответственность за развитие своих стран. Тогда же, в 1908 г., в Греции возникла панэллинистическая организация Военная лига. В Сербии переворот 1903 г., был также совершен военными. Они создали затем тайную организацию «Объединение или смерть», известную под названием «Черная рука», и претендовали на главную роль в государстве. На определенном этапе развития страны офицерство пыталось заполнить нишу потомственной элиты, уничтоженной в Сербии и некоторых

других балканских странах после турецкого завоевания. Исключением в силу своей отдаленности от Стамбула оказалась «боярская Румыния».

Наконец, выбор цивилизационного пути часто означал для балканских стран выбор между Западом и Россией. Еще А.Л. Погодин применительно к сербам писал о том, что контрастами, поражающими в их жизни, являются «европейские вкусы небольшой группы лиц... и глубоко укоренившаяся в массах привязанность к России»¹⁰. Подобную ситуацию можно было наблюдать и в других балканских странах. Сразу после Берлинского конгресса Россия испытала «неблагодарность» со стороны сначала Сербии, затем Болгарии. Этот ряд можно легко продолжить.

Но вернемся к балканским территориальным спорам. Их пытались разрешить по-разному, но прежде всего самым традиционным способом – войной. В 1885 г. уже через несколько лет после Берлинского конгресса произошла сербско-болгарская война – первая между освободившимися балканскими странами.

Особое место в переустройстве Юго-Восточной Европы принадлежало Балканским войнам, особенно первой из них. Она оказалась своего рода восточноевропейской Реконкистой, выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию. Малые балканские государства впервые в истории выступили вместе и самостоятельно, а не для поддержки тех или иных действий великих держав. Балканских союзников стали называть даже «седьмой великой державой». Однако союз балканских государств продлился, как известно, совсем недолго.

Вторая балканская война носила региональный характер, была войной между вчерашними союзниками. Как борьба против мавров не удержала христианские королевства от борьбы друг с другом, так и изгнание османов сопровождалось борьбой новых балканских государств за дележ турецких трофеев.

Часто цитируется знаменитая формула-предостережение австрийского драматурга Франца Грильпарцера – «от гуманизма через национализм к зверству». В спрессованном виде в этой формуле заключена эволюция многих балканских госу-

дарств, вышедших из лона империй и передравившихся из-за их наследия друг с другом. Кстати, именно тогда появилось определение Балкан как «порохового погреба Европы».

Балканские войны после Берлинского конгресса 1878 г. «стали хронологически вторым, а по значимости – равным ему этапом становления национальной государственности балканских государств»¹¹. Причем корни Балканских войн как раз обычно и находят в решениях Берлинского конгресса, а непосредственный повод – в Младотурецкой революции 1908 г. Принятые в Берлине решения опирались на идею национальной государственности и тем самым вели к реализации идеи раздела Османского наследства между новыми балканскими государствами. «Национализм победил имперскую традицию»¹². Так или иначе, «Балканские войны завершили не только “долгий XIX век”, но и переходную (во многом – переломную) эпоху в развитии всех государств региона»¹³.

Именно на Балканах вместо ожидавшейся эры благоденствия мир скатился к мировой войне. Соперничество великих держав тоже никуда не делось. Более того, оно неуклонно нарастало. И если после наполеоновских войн европейские державы придерживались определенных правил игры, ограничений во взаимоотношениях друг с другом, то затем эти правила начали меняться. Начало процессу их разрушения положила Крымская война. «Окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился в ходе Первой мировой войны»¹⁴.

Первая мировая война привела к исчезновению Восточного вопроса из повестки дня международной дипломатии, что произошло одновременно с распадом Османской империи. Россия, сорвавшись в революцию, так и не получила «ключи от своего дома» – контроль над Проливами и Константинополем.

Первая мировая война также была тесно связана с процессами модернизации. И одновременно являлась при этом «своего рода ее двигателем, что и стало ее главной особенностью по сравнению с другими военными конфликтами». Действительно, «благодаря этому война существенно увеличила возможности реализации ранее возникших теоретических замыслов и идей»¹⁵.

Подобно тому, как рубеж XVIII и XIX вв. открыл Балканы Европе и миру, рубеж XIX и XX вв. окончательно сделал их «интегральной частью Европы». Великая французская революция, пишет Милорад Экмечич, стала своего рода «матрицей» для XIX в., а Первая мировая война – для XX в.¹⁶.

Распад Османской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны привел к образованию на их месте новых национальных государств в результате реализации модного и ставшего актуальным лозунга о праве наций на самоопределение. В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными.

Почти все балканские страны в начале XX в. столкнулись с национальными катастрофами. Потерю европейских владений, а затем и распад империи пережили турки. Горькое разочарование дважды ждало Болгарию – после Второй балканской и Первой мировой войн. Свою Голгофу во время Первой мировой войны пережила Сербия. Осталась разделенной Македония. Уже после Первой мировой войны в связи с поражением в греко-турецкой войне 1919–1921 гг. «малозападную катастрофу» пережила Греция. Фактически исключение в этом ряду составляет только карпато-балканская Румыния.

Никуда не исчезли после Мировых войн и проблемы балканской модернизации. После Первой мировой войны она была по-прежнему имитирующей и догоняющей и, в конце концов, сократить отставание от развитых держав вновь не удалось. После Второй мировой войны во всех странах (кроме Греции) в очередной раз происходила догоняющая, но уже альтернативная модернизация, модернизация по социалистическому пути. В Югославии были попытки найти другую модель альтернативной модернизации. И вновь успехи в начальной стадии обернулись крахом в конце пути. Причем этот крах сопровождался ростом национализма во всех балканских странах, именно национализм стал тогда альтернативой коммунизму. Сейчас балканские страны вновь переживают этап догоняющей имитирующей модернизации.

Сегодня почти все балканские страны входят или стремятся войти в Европейский союз (осуществить новое «возвращение в Европу»). И вновь этому способствует глобализирующийся мир. Однако этот европейский проект опять не означает конца многочисленным балканским противоречиям. К тому же нерешенными остались, по крайней мере, сербский, македонский и албанский национальные вопросы. Остались и такие застарелые противоречия, как турецко-греческие. С объединительной евроатлантической идеей на Балканах конкурируют и некоторые другие, например, ушедшая сегодня в тень славянская и, наоборот, набирающая силу идея Великого Турана (как часть более глобальной исламской идеи).

Балканы остаются беспокойным и далеко не самым развитым регионом Европы. От этого больше всего страдают сами балканцы. Реализация их мечты о спокойной и зажиточной жизни нам видится все-таки не в новом, пусть и добровольном подчинении, на этот раз «европейской империи», а в реализации бытовавшего в конце XIX – начале XX в. и актуального до сих пор лозунга – «Балканы балканским народам». Сегодня это выглядит несколько утопично, но, кто знает, что будет завтра. Балканская история, несмотря ни на что, продолжается.

• • •

Историки любят говорить о «долгом XIX веке», который оказался дольше отмеренных ему календарных ста лет, поскольку он закончился только с началом Первой мировой войны. И в этом, конечно, есть свой смысл. Однако в историографической традиции последних десятилетий этот век предстает не только в удлинненном, но и укороченном виде, не только «долгим», но и «коротким». Его начинают не только с 1789 г., а то и с 1776 г., но и с 1815 и даже 1848 г.¹⁷

В последней дате есть свой резон, хотя события революции не затронули, кроме Валахии, территории Европейской Турции. Однако процесс самой начальной, еще почти незаметной «европеизации» пошел на Балканах после революции быстрее. Есть резон и в такой важной дате, как 1856-й год – окончание Крымской войны, самого крупного военного конфликта в Европе в XIX в. После Парижского мира покровительство России над христианским населением Европейской Турции было за-

менено коллективным покровительством европейских держав. Для России «перестало действовать старое правило – решать споры с Турцией с глазу на глаз, без постороннего вмешательства. Восточный вопрос во всех его аспектах превратился в интернациональный»¹⁸.

И все же рискнем заметить, что для балканских народов этот «короткий XIX век» можно начинать еще на тридцать лет позже – с 1878 г. Собственная Новая история для балканских народов как раз и началась после Берлинского конгресса. И она оказалась спрессованной в 36 лет – до Первой мировой войны. И за этот небольшой срок балканским государствам на ниве эмансипации и модернизации предстояло сделать чрезвычайно много.

И этот балканский «короткий XIX век» размером в 36 лет – от Берлинского конгресса до Первой мировой войны – нам представляется целесообразным разбить на два этапа – «эпоха Берлинского конгресса» и «эпоха Балканских войн». Первая эпоха – относительно мирная (с плавающей границей для разных балканских стран) и вторая – период сползания к военному лихолетью, когда Балканские войны оказались уже событием, общим для всех.

Как и общим для всего региона стало основное содержание этого периода: «Хребтом века становится прогресс вместо статической модели Просвещения, ... всё приходит в движение, и желающим не отстать от прогресса предлагается "вскакивать на подножку"; парадигма "догнать" и "перегнать" вызывает фрустрацию от недостижимости этой цели». Одновременно «в последней трети XIX в. западная цивилизация расширяет не только свои пространственные границы, она меняет свою сущность, осознавая себя как доминирующую культуру»¹⁹.

Надо сказать, что совсем не случайно этот балканский «короткий XIX век» привлек к себе в последнее время пристальное внимание отечественных историков. Достаточно назвать выходящую в Институте славяноведения РАН серию «Человек на Балканах»²⁰, а также сразу несколько научно значимых книг на русском языке²¹. Эти работы, несомненно, увеличили наше знание и наше понимание сложных процессов, протекавших на Балканах на рубеже XIX и XX вв. А интерес к Балканам в России никогда не угасал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Виноградов В.Н.* Предисловие // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 3.

² История Балкан. Век восемнадцатый. С. 527.

³ См.: *Достян И.С.* Особая позиция России // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 15.

⁴ *Љушић Р.* Други српски устанак (1815) // *Љушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 65.

⁵ *Виноградов В.Н.* Последняя русско-турецкая война // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М., 2013. С. 325.

⁶ *Он же.* Предисловие // В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 7.

⁷ *Субаев Р.Р.* Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегалогий» // Славяноведение. 2015. № 1. С. 3–21.

⁸ *Миллер А.И.* Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 248–249.

⁹ *Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени // Всемирная история. Т. 5. С. 13–14.

¹⁰ *Погодин А.Л.* История Сербии // История Сербии и Черногории. М., 2002. С. 205.

¹¹ *Улунян Ар.* Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 48.

¹² *Субаев Р.Р.* Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе... С. 10–11, 19.

¹³ *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. С. 123.

¹⁴ *Миллер А.И.* Империя и нация... С. 262.

¹⁵ *Грдина И.* Первая мировая война – кризис доверия и конфликт между модернизацией и реализацией проектов // SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К 100-летию начала Первой мировой войны. М., 2014. С. 19.

¹⁶ См.: *Екмечић М.* Огледи из историје. Београд, 1999. С. 163.

¹⁷ *Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории... С. 7.

¹⁸ *Виноградов В.Н.* Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012. С. 422.

¹⁹ *Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории... С. 8, 15.

²⁰ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб, 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб, 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX – начало XX в.). СПб, 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб, 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб, 2009; Человек на Балканах глазами русских. СПб, 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн; см. также: *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности) Конец XIX – начало XX в. М., 2008.

²¹ Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб, 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II. Архивные свидетельства / сост. А.Л. Шемякин. М., 2014; *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда в 1878–1912 гг. СПб, 2007; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб, 2013.

ГЛАВА I

БОЛГАРИЯ В 1878 –1920 гг.

1. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ МОЛОДОГО КНЯЖЕСТВА

1.1. После Освобождения

Болгарский народ вступил на путь строительства государства Нового времени на 30–50 лет позже своих балканских соседей. Известная отдаленность территории проживания сербов, черногорцев, греков от центра Османской империи помогла успеху их повстанческой борьбы, и в первые два десятилетия XIX в. им удалось заложить основы своего существования как административно-автономного.

Болгарское же население оказалось более плотно вплетенным в турецкий уклад жизни, и ему труднее было, стремясь к освобождению, рассчитывать на победу. Действовало и другое осложняющее обстоятельство – болгары, помимо османского гнета, испытывали и гнет духовный. По османскому правилу Константинопольская патриархия являлась центральным представителем православного люда перед турецкими властями, и греческое духовенство благодаря своему монопольному положению не только сумело подчинить болгарскую церковь, где службы и внутренняя организационная деятельность велись на греческом языке, но и участвовало в общей эллинизации болгарского населения, особенно городского. Борьба за болгарскую независимую церковь стала тем первым шагом, который обозначил путь болгар к освобождению. Многолетние усилия ознаменовались в 1870 г. созданием собственной болгарской церкви, правда, в форме Экзархии. Отход от Константинопольской патриархии привел в результате объявленной в 1872 г. схизмы к разрыву отношений болгар с ней и, следовательно, с другими православными церквями.

Политическое освобождение от власти османов пришло к болгарам извне, в результате Русско-турецкой войны 1877–

1878 г., произведшей фактически революцию в этой части Балканского полуострова. Как каждая революция сопровождается разрушением прежнего строя и прежних жизненных устоев, так и выход Болгарии из османской системы разорвал ее связи с турецким государством. Существовавший под крышей османской администрации политико-социальный «кокон» в виде «возрожденческого царства болгарского духа», не обремененного содержанием чиновничества и войска, был разрушен. Притом основательно: болгары, пять веков до этого находившиеся в зависимости от турецких властителей и не имевшие управленческого опыта, стали хозяевами положения в провозглашенном Княжестве Болгария. Им предстояло заняться строительством собственной государственности.

Новое положение означало и разрыв с внутренним османским рынком. От этого более всего пострадало болгарское ремесленное производство, жизнеспособность которому придавала система организации мастерских в цехи (эснафы); в них устанавливались внутренние правила и дисциплина, регламентировались сам процесс производства, ценообразование и торговля. Администрация эснафов была выборной, и сами они становились одним из органов местного самоуправления¹. Именно такое ремесленное производство, считает бельгийский обществовед Мишель Паларе, изучавший динамику экономики и хозяйства на балканских территориях в Новое время, являлось главным источником уверенного стабильного развития. И потому категорично заключает: «Экономический прогресс закончился в Болгарии в 1878 году»².

В болгарской исторической литературе также встречаются не менее болезненные оценки произошедшего: разрыв органичных экономических связей с Османской империей, отмечает современный философ, академик Васил Проданов, имел катастрофические последствия для хозяйства в болгарских землях, и потребовались два десятилетия для восстановления потерь. Он пишет: для Болгарии революция 1878 г., не будучи результатом ее собственного внутреннего развития, в экономическом отношении оказалась поворотом назад³. Процесс разорения ремесленников и возвращение их к сельскому труду, т. е. превращение вновь в крестьян⁴, болгарский социолог и культуролог Владимир Свинтила квалифицирует как инво-

люционный. По его мнению, приметами времени после Освобождения стало умирание возрожденческих городов, появление «вторичного» крестьянства и другие отрицательные явления⁵. В российской историографии такой подход к трактовке Освобождения, по понятным причинам, отражения чаще всего не находит – слишком дорога память о 200 тыс. русских солдат, погибших в войне 1877–1878 гг. Да и десятилетия односторонней политической пропаганды нельзя сбрасывать со счета.

Княжество в 1880-е гг. лихорадило: масштабные перемены явились в известной мере неожиданными. Сдвиги в перераспределении населения с точки зрения его этничности и социализации, «перемешивание» человеческих судеб стали почти тектоническими. Покидала пределы болгарской автономии часть турок. С уходом их гарнизонов и администрации многие города заметно пустели, новое заселение не могло быть быстрым⁶. Спускались с гор крестьяне, которым предстояло приспособиться к новым условиям жизнедеятельности. Как пишет болгарский историк Румяна Прешленова, с Освобождением «всё и вся перевернулись с ног на голову». Она соглашается с мнением, что в 1878 г. «саморазвитие было прервано», но считает, что в стране имелись «необходимые ферменты для свободного развития»⁷. Весьма проникновенно и, кажется, психологически обоснованно оценивает обстановку «переворота» Искра Пелева: «Болгарин, оказавшись вдруг (а с определенной точки зрения и насильственно) в новой, абсолютно иной ситуации, пережил болезненный культурный шок от случившегося»⁸.

Итак, болгарам предстояло построить собственное государство. Но, констатируют ученые, за века византийского, а затем и османского владычества ими была потеряна государственность, произошел разрыв болгарского исторического континуитета⁹. На протяжении примерно 200–300 лет (XV–XVIII вв.) понятия «болгарин, болгары» выпали, исчезли из местного лексикона, в том числе из уст служителей церкви в болгарских землях, которые, защищаясь от наступления ислама, выступали в то время с *общехристианских позиций*¹⁰, т. е. очевидно, не делая упора на том, что разделяло, например, православие и католичество. Болгарский историк Стойчо Грын-

чаров считает, что за время султанского господства «болгары потеряли значительную часть своей исторической памяти»¹¹. С ним солидарен профессор Петко Петков: говоря о периоде 1856–1878 гг., он отмечает, что даже у представителей болгарской интеллектуальной элиты «отсутствовало ясное воспоминание о последнем болгарском государстве»¹².

Выбравшись из возрожденческих мягких перин, не зная приемов государственного управления правящая верхушка Княжества оказалась в атмосфере, скорее препятствовавшей, чем способствовавшей формированию государственных чувств, пониманию государственных интересов, способов и приемов их достижения.

Проблема строительства государства и осознания ее важности населением сама по себе сложна и трудоемка при решении. И не только с точки зрения «технической» (создание системы государственных атрибутов, органов управления, а в условиях Нового времени и парламентов, партий и других институтов, в том числе монархического), но и с точки зрения идейно-духовной, в том числе, – как растить-воспитывать «государственное чувство». По мнению отечественного социолога А.И. Панова, именно оно является определяющей, главной чертой политического менталитета нации¹³. Такого сознания не доставало ни массе болгарского крестьянства, ни контингенту формировавшегося управленческого аппарата. В самом деле, посмотрим, как и из кого он складывался.

К новому служению было приспособлено «катастрофически призванное»* болгарское учительство – прослойка наиболее грамотных людей, преобладающая часть возрожденческой интеллигенции. Но и ей предстояла трудная внутренняя перестройка: вышедшая из недр народа, она оставалась верна его традициям, однако должна была стать «движителем» модернизации. «Возрожденческий интеллигент, – отмечает болгарский историк Николай Генчев, – будучи традиционалистом, должен

*Термин, на мой взгляд, весьма удачный, принадлежит Л.Д. Троцкому, писавшему в 1912 г.: «Болгарская интеллигенция, катастрофически призванная после свержения турецкого ига к управлению судьбами страны, получила возможность увенчать примитивно-бытовую основу политической надстройки демократии». (*Троцкий Л., Кабакчиев Хр. Очерки политической Болгарии. М.–Пг., 1923. С. 27*).

был стать модернизатором»¹⁴. Не все они были готовы к новому поприщу. А те, кто был готов или считал себя таковым, не имели ни управленческого опыта, ни, как уже говорилось, чувства государственности (возрожденческие общины являлись самоуправляющимися). Большая часть анемичной, по мнению Н. Генчева, возрожденческой интеллигенции перешла на положение чиновников. Становится понятным, отчего управленческие кадры в Княжестве Болгария оказались столь слабыми. Политика и государственное управление поглотили, указывает Р. Прешленова, почти 50 тыс. человек. Недостаток же специалистов во всех областях государственной, политической и общественной жизни, требующих профессиональной подготовки, отмечался, по крайней мере, до Первой мировой войны.

Строительство политических основ болгарского государства проходило с большими трудностями. На первом поколении болгарских партийно-государственных деятелей не могло не отразиться их происхождение из возрожденческой интеллигенции с образованием, которое, в лучшем случае, можно было бы назвать средним. Почти каждый из них в свое время учительствовал, организовывал «читалишта», активно участвовал в журналистской деятельности. Многие брались за основание и издание новых газет и журналов, которых, действительно, возникло большое количество. Свою роль играл и опыт предыдущего участия в национально-освободительной и церковной борьбе. Однако слой интеллигенции, заикленной на своей узкой сфере деятельности, не обеспечивал формирования квалифицированного управленческого аппарата. Верно замечено, что образование – это еще не культура. Особенно если говорить о политической культуре, уровень которой у болгар на протяжении многих десятилетий оставался весьма низким.

Если открыть справочник с перечнем правительств и их составов в Княжестве за период от Освобождения до конца XIX в., то в глазах просто зарябит: за эти примерно 22 года в стране сменилось 26 правительств. Некоторые из них существовали всего по несколько месяцев. Члены кабинета редко оставались на своих постах, хотя бы в течение двух лет подряд; легко переходя с одного министерского поста на другой, они не успевали ничего сделать в первоначально вверенном им департаменте. Например, Васил Радославов в правительстве

Константина Стоилова занимал с мая по сентябрь 1884 г. кресло министра народного просвещения и одновременно министра правосудия; но кабинет продержался до декабря, и на эти три-четыре месяца «правосудие» было доверено Петру Пешеву, а «просвещением» не занимался никто¹⁵. Сформировав собственное правительство, действовавшее в 1886–1887 гг. почти год, Радославов занял в нем, помимо премьерского, еще и пост министра внутренних дел, а финансовыми делами в нем попеременно заведовали Григор Начович (одновременно министр иностранных дел), Иван Гешов, и опять сам Радославов¹⁶. Естественно, о приобретении высокой квалификации такими управленцами говорить трудно, несмотря на то, что почти у всех государственных и политических деятелей 1880–1890-х гг. – членов Учредительного собрания по выработке конституции, премьер-министров, спикеров парламента имелось то или иное заграничное образование, чаще западное.

Сложившаяся обстановка порождала чисто утилитарное отношение к власти – главным считалось приблизиться к ней, получить (и получать!) от этого привилегии. Мало кто реально заботился о нуждах государства. Из такой касты трудно формировались действительно креативные силы, которые могли бы стать носителями социальных реформ. Чувство гражданственности и ответственности на всех этажах общества вырабатывалось очень медленно. Болгарский экономист Крыстю Крыстев констатировал, что двадцать лет спустя после Освобождения в стране «действуют институты самых передовых государств XIX в., но наши собственные идеи государства относятся к XV и XVI вв.»¹⁷. Из-за недостатка квалифицированных кадров стадия становления управленческого аппарата бесконечно затягивалась, болгарское общество в целом оставалось аморфным.

В этих условиях прекрасные, с большим внутренним потенциалом, возрожденческие идеи имели мало шансов на реализацию. Казалось бы, политические контуры свободного рыночного государства получили после 1878 г. достойные очертания по европейскому образцу: в Княжестве были введены либеральная конституция и выборный парламент, появились политические партии, предусматривалась возможность смены правительств. И во главе истинный европеец – князь

Фердинанд, добившийся, наконец, в конце XIX в. признания на международном уровне. Почему же так грустно звучит сентенция Р. Прешленовой: «К сожалению, реализация этих мечтаний и ожидаемого от них эффекта – ускорение экономического развития и культурный взлет нации – по ряду причин откладывалась на десятилетия»^{18?}

1.2. Государственное управление и политические партии

Об особенностях формирования системы политических партий, строившихся по западным лекалам, следует сказать особо. Свои названия они заимствовали из английского партийного лексикона и идентифицировались, главным образом, со своими лидерами¹⁹. «Бум» их образования пришелся на 1884–1885 гг. До тех пор действовали так называемые Либеральная и Консервативная партии, заявившие о себе – по необходимости – накануне принятия Тырновской конституции 1879 года.

В конце XIX – начале XX в. в Болгарии насчитывалось около десятка партийных образований, но среди них не было сильных и авторитетных. Их пытались создавать как организованные структуры – с регистрацией членов, партийными взносами, выборами руководства²⁰, однако это не всегда удавалось. Как свидетельствует мемуарист, в буржуазных партиях для записи было достаточно заявления и подписей-поручительств двух членов партии; в партии народняков избрание местного руководства не было постоянным принципом, часто вопрос решался начальственным лицом из Софии, большинство людей верхушки были связаны между собой родственными отношениями²¹. Не удивительно, что членский состав не отличался постоянством, переливаясь из одной партии в другую, особенно в зависимости от результатов парламентских выборов. Програвшие быстро «худели». Такая неразборчивость в партийной принадлежности, нарушение верности «своей» партии объяснялись тем, что программы буржуазных партий почти не различались. В 1910 г. Л.Д. Троцкий, находясь в Болгарии и внимательно наблюдая за политической ситуацией в стране, констатировал: «Границы буржуазных партий отличаются совершенно хаотическим характером или, точнее, таких границ

вообще не существует»²². А ведь каждая из них к тому времени уже обладала почти 15-летним опытом существования!

Социальный состав большинства партий был примерно одним и тем же – преимущественно крестьянство и нижние слои городского населения. Ядро партий группировалось вокруг лидеров, а не ведущих принципов. Главным был вопрос о власти. Для неопытных и предоставленных самим себе (в Тырновской конституции такая форма политической организации, как партия, вообще не упоминалась) целеполагающей, хотя и не зримой, мотивировкой межпартийной борьбы за власть являлась, главным образом, возможность для победителя и его сторонников беспрепятственно обогащаться. Основным становилось извлечение максимальной пользы от близости к власти; добились успеха – надо накопить запасы для голодных лет, когда придется уйти в оппозицию²³. Меркантильный подход к управлению стал своего рода нормой. Вокруг политических партий начало концентрироваться люмпенизированное чиновничество. Вот почему в канун очередных выборов в парламент среди избирателей наступала сумятица – какую же партию следует поддержать своим бюллетенем. При этом конституционное правило о предоставлении поста премьер-министра главе победившей партии нередко нарушалось (например, князь, назначавший на премьерский пост, дважды «прокатывал» законного претендента В. Радославова). Ни один состав парламента с середины 1880-х гг. не проработал полностью свой срок. И каждое правительство, так или иначе, уходило в отставку по воле Фердинанда²⁴.

Именно слабость партийно-политической системы позволила сформироваться «личному режиму» князя. Это была не единоличная власть, поясняет Ст. Грынчаров, а результат более хитроумного приема, использованного монархом, – установление его единоличного контроля над ключевыми рычагами власти. При таком положении демократические институты внешне сохранялись, но теряли свою самостоятельность и силу, что позволяло Фердинанду легко манипулировать ими. Этому порядку не могли противостоять ни политическая интеллигенция, не обладавшая экономической независимостью, ни молодая буржуазия, партии которой не имели стабильного влияния среди избирательной массы, что-

бы при опоре на нее оспорить властный приоритет монарха через Народное собрание²⁵.

Еще меньше возможностей оказать воздействие на изменение ситуации в стране имели партии левого спектра, представлявшие низшие слои общества: как изначально слабая мелкобуржуазная Радикальная (позже Радикально-демократическая), так и Болгарская социал-демократическая и крестьянский Земледельческий союз. Хотя, две последние и приобрели со временем довольно значительное влияние.

Ветер вестернизации принес в политическую жизнь Болгарии парадоксальное явление – создание в крестьянской стране, где не было рабочего класса, социал-демократической партии (1891). Ее необходимость «теоретически обосновывал» Димитр Благоев в книге «Что такое социализм, и имеет ли он почву в Болгарии»; в ней он опирался на марксово понимание классовой борьбы, диктатуры пролетариата и др. Его идей было поставить рабочее движение, как только оно начнет развиваться в стране, под руководство социалистической партии, чтобы придать ему «правильное направление». В 1903 г. произошел раскол: наряду с БРСДП (тесных социалистов) во главе с Д. Благоевым, отстаивавшим узко классовый характер партии, принцип демократического централизма в ней и т.п., стала отдельно существовать БРСДП (широких социалистов) во главе с Янко Сакызовым; она считалась реформистской, как «выступающая за „общее дело“ с буржуазией». Представители обеих партий избирались в парламент, «тесняки» участвовали в работе II-го Интернационала, их деятельность особенно ценили русские большевики. И «тесняки», и «широканцы» много сделали для распространения идей социализма в стране. Троцкий даже говорил, что социализм является серьезной духовной традицией болгарской интеллигенции, что «журналисты и министры всех буржуазных партий были, хотя бы недолго, на выучке у социализма» и что «социализм был для них школой политической азбуки»²⁶. Социалистические идеи стремительно распространялись, благодаря весьма обширной издательской деятельности партии, а также и прессе других политических оттенков. Свою лепту, и немалую, внесли учителя, заразившиеся модным учением и организовывавшие социалистические кружки.

Спецификой нестандартно вестернизирующейся крестьянской страны явилось и создание в 1899 г. крестьянской партии Болгарский земледельческий народный союз. БЗНС с его теоретической и практической утопичностью представляется интересным и даже парадоксальным феноменом. Характеризуя его, профессор Н. Генчев пишет: «Только сознание такого крестьянина, как болгарский, могло придумать такую политическую партию, как БЗНС, начертавшую на своих знаменах вечный и священный идеал мелкой трудовой собственности; невозможно представить, чтобы в классической буржуазной стране родилась такая патриархальная, такая крестьянская и в то же время такая страдальческая политическая формация, как наш Земледельческий союз»²⁷.

Сквозным образом Союз «прошил» всю историю Болгарии в большей части XX в., оказываясь политически действующим во всех его «цивилизационных эпохах», а в 1920–1923 гг. даже установил собственную власть и режим. Политика миролюбия под лозунгом «Мирное сосуществование балканских государств», с трудом пробитая руководством БЗНС как внутри страны, так и вовне, в условиях послевоенного кризиса 1918 – начала 1920-х гг. и Версальского диктата, на долгие годы утвердилась в этой партии, стала, говоря современным языком, постоянным трендом ее внешней политики. По причине важности роли БЗНС в истории страны, уделим ему ниже специальное внимание.

Подводя промежуточный итог, должно признать, что по большому счету в Болгарии складывалась система квази-партий, не имевших под собой (за редким исключением) серьезной реальной социальной основы ни в виде традиции, ни в виде определенных имущественных интересов. На плаву при столь непрочных корнях они держались в немалой степени благодаря тому, что сумели быстро организовать свои печатные органы (следуя возрожденческому опыту!?). Пожалуй, именно распространение живого печатного слова характеризовало общественную жизнь Болгарии после ее Освобождения. Партийные газеты были особенно важны в годы, когда аппарат партий только выстраивался. Но и позже, став традицией, они играли подчас ключевую роль в формировании общественного мнения. При слабости болгарской политической

системы партийная печать выполняла своеобразную дополнительную функцию – вылепливала «тело» такого важного в парламентской системе органа, как партия.

В целом о болгарской партийно-политической системе можно говорить, как о, своего рода, «недофункциональной», ибо она далеко не в полной мере играла свойственную ей роль фактора, организующего политическую жизнь государства. Будто забота о его внутренней стабильности, или осуществление связи между высшими правящими структурами и населением, или выработка идейных программ, политическое просвещение народа, или выражение и защита социальных интересов каких-либо групп населения. Даже достаточно образованные политики, честно изучавшие политические науки за границей, попадая в балканскую политическую среду, где государственная политическая культура и соответствующие правила поведения не имели традиции, теряли точку опоры в своей политической практике и нередко терпели крах. С точки зрения умения стратегически мыслить политическая и интеллектуальная «элита» Княжества Болгария ушла недалеко. Из-за «глубокого непрофессионализма»²⁸, она оказалась неспособной к внутреннему напряжению, мобилизованности, необходимым для выработки перспективных программ в области внешней или внутренней модернизационной политики, как это загодя сделали соседи – сербы и греки. Да никто в Болгарии и не рвался к этому. Эволюционистская идея времен Возрождения проявляла свою жизнеспособность и в условиях значительно более энергичной политической практики молодого государства. Из пут архаичных представлений было трудно освободиться даже правителям, находившимся на самом верху. Преобладали ценностные ориентации (семья, религия, язык, собственное прошлое), а не целевые²⁹. Действительно, выработка, скажем, *государственной цели*, ее формулирование и гражданское осознание, мобилизация народа на ее достижение, – такая задача в конце XIX – начале XX в. в лучшем случае обговаривалась или обсуждалась политиками и идеологами, но не ставилась в полной мере как непосредственная, актуальная. Особенно это относится к внутренним проблемам модернизации.

К тому же устойчивости нового государства мешали как общая недостаточная эффективность (уже упомянутая ра-

нее «недофункциональность») государственно-политических структур, так и сосуществование легальных учреждений с нелегальными, подпольными (или полуполегалными) с их непредсказуемостью. Механизма целенаправленного выращивания чиновников для высоких постов и с высокой гражданской ответственностью не существовало, хотя в первое десятилетие XX в. об этом уже стали задумываться. Политическая жизнь была временами бурной и шумной, но плохо регулируемой, недисциплинированной. В целом, государство, его органы и административные структуры оставались слабыми, трудно мобилизующимися.

Если исходить из понимания того, что реализация функции управления определяет степень его адекватности объективным задачам, которые стоят перед страной³⁰, то, очевидно, оценка этого соответствия применительно к Болгарии в конце XIX – начале XX в. может быть очень невысокой.

От партийно-политической и управленческой систем государственности, составляющих ее механизм, перейдем к факторам ее внутренней опоры и основы, каковыми являются школа, религия, армия. Каждый из этих институтов, будучи в той или иной степени принудительным, оказывает *дисциплинирующее воздействие* на общество по главным параметрам его жизнедеятельности.

1.3. Школа

Развитие института школы имеет в Болгарии свою историю и специфику. Еще в первые десятилетия XIX в. в ходе начавшихся в Османской империи реформ в болгарских землях возникло движение за «новоболгарское просвещение». Это направление становилось одним из важнейших в деятельности болгарских общин³¹. Стали создаваться начальные школы, а вслед за ними и школы более высокого уровня образования – так называемые классные. Сельские и городские общины, сохранившие себя в соответствии с условиями Танзимата в качестве самоуправляющихся административных единиц, держали руководство школами в своих руках.

Духовный подъем конца XVIII – середины XIX вв. в болгарских землях был устремлен, главным образом, в сферу образо-

вания и просвещения, интереса к собственной истории и нес на себе налет *самоинициативы* болгарского населения, подвижнического труда учителей и духовенства. Укреплялся национальный дух населения, возникали организационные очаги его воспитания и пропаганды, что способствовало формированию основ самоидентификации народа.

Один из лидеров Либеральной партии Петко Каравелов почти с умилением писал в 1895 г.: «Если есть, чем мы можем действительно гордиться, – так это появлением народных школ в турецкое время*. Они возникли самобытно и имели огромное значение не только для учащихся, но и для воспитания всего народа. Они с гордостью могут сказать, мы создали Болгарию! Школа была средоточием, соединительной точкой, вокруг которой группировались граждане; управление ими было первой школой самоуправления и в других делах. В нашей народной школе издавна был освящен принцип, который не так легко провести повсюду, – бесплатное первоначальное образование бедных»³². Сеть народных школ содержалась за счет общин и находилась под управлением и контролем попечительских советов.

* Показательно мнение болгарского автора Х. Мишкова по этому поводу. Говоря о модернизации на Балканах в XIX в., он указывает, что она «продвигалась» различными путями: благодаря влияниям с разных сторон – *европейскому* (опосредованно), *российскому* (важному для православных народов) и, «как ни парадоксально», – со стороны *Османской империи*. Хотя Империя, отсталая и загнивающая, пишет Х. Мишков, считалась тормозом развития, Танзимат, в сущности, стал фактором, иногда непосредственно поощрявшим модернизацию, или делавшим ее возможной. Так, Органическим законом о народном образовании 1869 г. Высокая Порта учреждала в каждом населенном пункте школы, отдельно для мусульман и христиан. Их посещение объявлялось обязательным для мальчиков и девочек 6-10 лет. «Выходит, – заключает Х. Мишков, – что болгарская система просвещения, которой наша нация с основанием гордится, продуцирована политикой Османского государства». Конечно, говорит он далее, административный аппарат Империи был неэффективным, «и болгары создали свою образовательную систему своими силами и средствами, но правда заключается в том, что национальная культура Возрождения не появилась бы, если бы Империя целенаправленно действовала против нее» (см.: Черно море между Истока и Запада. София, 2003. С. 214).

Достигнутое в области народного просвещения вызывало удивление у иностранцев. Генерал Э.И. Тотлебен, путешествовавший по Болгарии и Восточной Румелии весной 1879 г., сообщал императору Александру II: «Особого внимания заслуживают устройство и распространение народных школ. Не только в городах, но и в каждой деревне выходили ко мне мальчики и девушки с их учителями и учительницами»; «преподавание весьма простое и практичное, а обучение детей обязательно для всех. В крае, какой столько лет находился под гнетом мусульман, подобное явление невольно возбуждает удивление»³³.

Когда же перед страной встали проблемы модернизации, горделивое отношение болгарских политиков к «народной школе» сменилось первостепенным вниманием к просвещению народа уже на основе государственной школы. Образование стало пониматься как едва ли не главный рычаг в деле преобразования страны и ее грядущего процветания. Что и отразили программные документы буквально всех ново-явленных после Освобождения партий, и о чем позже тот же П. Каравелов уже с явным скептицизмом замечал: «У нас почти все надеются на школы, ожидают от них подъема экономического благосостояния народа»³⁴.

Не приходится спорить, что стремление модернизирующихся государств обеспечить всеобщую грамотность населения, повысить уровень образованности людей является едва ли не главным исходным основанием для успеха модернизационных реформ. И тут важен сам институт государственной школы, включающий обязательность хотя бы начального образования, его доступность (бесплатность), обучение по определенной программе. Школа, осуществляя прямое и опосредствованное влияние на сознание всего общества, выступает, таким образом, своеобразным инструментом модернизации.

Подходя к народному просвещению как «основе развития народа», а к школе как обязанной не только подготовить достойных служителей для общественной и государственной жизни, но и «дать умных и знающих работников в сфере частной деятельности», ибо «от этого будет во многом зависеть и экономическое положение народа»³⁵, идеологи всех болгарских партий в конце XIX – начале XX в. единодушно, хотя

и в разных вариациях, высказывались за *обязательность* бесплатного 4-х летнего образования для всех детей без различия пола, веры и народности, которое при поддержке общин было бы доступно и для детей бедных родителей.

Но путь «модернизаторов» не был гладок: многим хотелось сохранить «народную школу», как таковую. У ряда политиков вызвали возмущение попытки поставить школьное образование под государственный контроль, сделать его единообразным, а не только обязательным. Высказывались мнения, что «просвещение народа шло бы лучше, если бы у нас не было Министерства просвещения, которое начало свою деятельность с открытия максимально возможного числа средних учебных заведений, не думая о том, найдется ли для них достаточно подготовленных учителей, а также вводя единообразие в предметы, в само преподавание и даже в учебники, что является ни чем иным, как бюрократией. Министерские чиновники не хотели использовать наши школьные настоятельства, столь проявившие себя в турецкое время, и стремились, как можно скорее, взять народные школы под свое прямое управление»³⁶.

И все же «школьное строительство» двигалось быстрыми шагами. Росло число прогимназий (семилетних), они появились почти в каждом околийском (районном) центре³⁷. Если полных гимназий в 1900/1901 учебном году было 16, то в 1910/1911 учебном году – уже 30. При поддержке общины любой болгарский крестьянин имел все шансы получить образование, в том числе самого высокого уровня. Иными словами, заявляет Наум Кайчев, специально занимавшийся изучением вопроса, в Болгарии были созданы благоприятные условия для воспроизводства среднего класса. В конце XIX в. Болгария приближалась к среднему европейскому уровню по числу посещавших начальную школу.

В начале 1920-х гг., в преддверии введения обязательного бесплатного *среднего* образования, инициатор реформы – министр народного просвещения Стоян Омарчевский – констатировал, что в Болгарии грамотность призывников-новобранцев составляет 75%, и страна по этому показателю занимает 10-е место в мире вслед за Германией, Данией, Швецией, Швейцарией, Голландией, Англией, Францией, Бельгией и Австрией. Общую грамотность городского населения в Болгарии он

оценивал в 65%, а сельского – в 60%, в то время, как в Сербии, указывал он, грамотность мужского населения по переписи 1922 г. составила 33%, а женского – 7%. При этом министр настаивал: «Несмотря на эти успехи, мы не удовлетворены и не можем быть удовлетворены»³⁸.

Однако не стоит преувеличивать достигнутое. В крестьянской стране оставалось много неграмотных, способных вместо подписи поставить против своей фамилии только крест, или полуграмотных. Хотя, считает Р. Прешленова, после Освобождения стартовые позиции для решения управленческих задач были в Болгарии более благоприятными (существовал образовательный ценз), интеллигенция до Мировой войны составляла не более 1–2% от занятого населения страны³⁹. Преобладали лица с основным и незаконченным средним образованием, правящая элита обучалась на ходу, «в процессе». Так, накануне Балканских войн в Министерстве иностранных дел 2/3 начальников имели только среднее образование. Из 12 окружных управителей высшее образование было лишь у пятерых, трое довольствовались неполным средним. Чем ниже был уровень государственной структуры, тем реже там можно было обнаружить прилично образованного чиновника – 75% околийских (районных) начальников не завершили полного среднего образования, с высшим в их среде не оказалось ни одного⁴⁰.

Реплика в сторону: У меня как исследователя вызывают искреннее восхищение «простые люди», которые могли вести и вели подробные личные дневники, и не только в военное время. Складывается впечатление, что такой способ самовыражения личности имел в Болгарии довольно широкое распространение, может быть, являлся даже своего рода явлением повседневности. Жаль, что эта сторона жизни болгарина не стала предметом научного изучения.*

Пристальное внимание к образованию, своеобразный гимн в его честь явились константой общественного развития страны, наложившей отпечаток на весь ход болгарской истории после Освобождения. «Лицо страны» получилось привлекательным, однако несколько искаженным, несимметричным, так как преобладало тяготение к гуманитарным дис-

* Выделено в рукописи самой Р.П. Гришиной. (Примеч. отв. ред.).

циплинам. Но гуманитарное образование не готовит кадры для практической политической и государственной деятельности, а именно этого так не хватало стране. Иными словами, образование существовало ради образования, как бы замыкая важную проблему на самом себе. Все попытки организовать профессионально-технические училища в Болгарии в начале XX в., пишет болгарский историк Александр Костов, принесли незначительные результаты. Завещанные в 1897 г. известным меценатом 6 млн. левов на создание Высшего технического училища были реализованы лишь в 1942 г.⁴¹

Преимущественно гуманитарное образование в недостаточно развитом обществе приводило к перепроизводству «образованных», которые не находили себе применения в жизни. В результате их знания выхолащивались, продвижение по карьерной лестнице блокировалось, приоритет оставался за абстрактными размышлениями и словесным критиканством. Эта лакуна дала о себе знать после Мировой войны, когда в болгарском обществе заговорили о потере пути, о «недооформлении» болгарской нации, национальном нигилизме и бесприютности существования страны на балканском перекрестье дорог между Западом и Востоком...

Другая особенность болгарской школы состояла в том, что воспитание детей в ней велось в романтически-мечтательном духе и не ставило конкретной цели вырастить гражданина, патриота. Вернее, идея патриотизма понималась проще, одностороннее, устремлялась в сферу разума, а не чувства, сосредоточиваясь на прекрасной и величественной мечте: восполнить недостаток знаний и умений, и таким образом сделать страну «цивилизованной», полноправным членом мирового сообщества. На такой базе было воспитано несколько поколений болгарской молодежи. При этом, как пишет болгарский историк Илия Тодев, «у нас мало достижений культуры под знаком национальной идеи»⁴². Тщательно изучавший проблему постановки образования Н. Кайчев отмечает: «Руководители болгарского просвещения долгое время не уделяли специального внимания воспитанию чувства патриотизма, культивированию ощущения своей национальности». В болгарских учебниках, в отличие, например, от сербских, не воспевалось величие смерти за родину, авторы ограничивались тезисом об обязан-

ности защищать отечество, если нападет враг⁴³. Сведения об Ильинденском восстании 1903 г.^{*}, например, появились в учебнике истории только в начале 1920-х гг. Н. Кайчев замечает: «Военные ценности не доминируют в учебниках. В них вы редко встретите стихи, величающие в глазах маленьких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл, Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной земли»⁴⁴.

Не с такой ли гражданской размягченностью связана отмечаемая многими авторами высокая степень толерантности болгарина, его умение приспособиться к меняющимся обстоятельствам жизни, отказ от бравурной воинственности?!

На явные прорехи образовательного процесса обращали внимание и многие деятели того времени. Методи Янчулев, в середине 1920-х гг. секретарь премьер-министра Андрея Ляпчева, возлагал ответственность за слабость народного сознания и дефицит здорового национального духа в Третьем болгарском царстве на учителей, с их политизацией и ориентацией в основном на социалистические партии. «Этим болгарское учительство отличалось от сербского и румынского», – заключает он и эмоционально продолжает: «Вы не найдете у нас поболгаренного турка, грека, румына или серба, в то время, как в школах учатся тысячи потурченных на протяжении веков болгарских детей; и в пятом поколении к таким детям не вернулось болгарское национальное сознание»⁴⁵.

По-своему видели недостатки школьного воспитания и некоторые представители православной церкви. В изданной в 1928 г. книжке «Кризис нашей школы» архимандрит Борис Разумов писал: «Главный, основной недостаток нашей школы в том, что она только обучает, а не воспитывает. Она развивает только способности ума и атрофирует силы души. Нашей шко-

^{*} Ильинденско-Преображенское восстание – выступление населения Македонии и Одринской Фракии против Османской империи за создание в ее составе автономной Македонии. Началось в Ильин день 2 августа 1903 г. – отсюда получило свое название. К середине октября 1903 г. восстание подавлено почти десятикратно превосходящими повстанцев силами регулярной турецкой армии. Вопрос о принадлежности и государственном статусе Македонии остался нерешенным, что привело к двум Балканским войнам 1912–1913 гг. между Грецией, Болгарией Сербией и Турцией (*Примеч. отв. ред.*).

ле совершенно чуждо самое великое и вечное в человеке – его душа»⁴⁶.

В 1920-е годы некоторые из этих недостатков стали объектом особого внимания общественности и администрации. Так, министр народного просвещения, давая специальные поручения подчиненным, писал: «1. Разработать программу практической направленности обучения в сельских прогимназиях, исходя из рода занятия населения, и немедленно приступить к применению этого принципа в административном порядке, позже вопрос будет урегулирован законом. Учредить также уже нынешним летом специальные курсы для заинтересованных в этом учителей. 2. В программе основных школ уделить больше места отечественной истории и географии с целью более выраженного воспитания в национальном духе»⁴⁷. Кроме того, по согласованию между светской и церковной властями предусматривалось увеличение количества уроков по вероучению.

1.4. Церковь

Константинопольская патриархия, являвшаяся официальным османским институтом, распространяла свою власть и влияние на все православное население Турецкой империи. Фанариотское духовенство издавна лелеяло мысль о создании на поствизантийском пространстве своей – православной – империи, по сути, считает И.Ф. Макарова, космополитической⁴⁸. Однако в ходе исторического развития, на рубеже XVIII–XIX вв. у народов некоторых частей огромной «Османнии» стали пробиваться ростки национального самосознания, обретая со временем отчетливое стремление образовать собственное государство. Так, например, в первые два десятилетия XIX в. тяга сербов, а в свою очередь и греков, к свободе выразилась в эпохальной национально-освободительной борьбе против турецкой власти в каждой из областей их расселения. В результате в начале 1830-х гг. на балканской карте появились административно автономная Сербия и самостоятельное греческое государство.

Болгарам приходилось нести двойную инородную нагрузку – помимо турецкой, еще и греческую. Близкое расположение болгарских земель к Константинополю позволило фана-

риотским иерархам поставить болгарскую церковь в почти полную зависимость от себя. Духовный гнет распространялся не только на церковную жизнь (службы велись на греческом языке), но и на повседневную. В городах популяризировалось все эллинское, насаждалось использование греческого языка в быту, что являлось как бы знаком принадлежности к высшему кругу. Эллинский стиль поведения становился модным.

Болгарам, облачившим свое неприятие эллинского засилья в борьбу за самостоятельную национальную церковь, потребовалось несколько десятков лет, чтобы добиться, наконец, разрешения султана на учреждение отдельной Болгарской православной церкви. Это произошло в 1870 г.

Важнейший институт, идейно скрепляющий популяцию, учреждался в статусе Экзархии. Из-под ее руководства изымались города и села с греческим или эллинизированным населением, хотя бы оно и составляло там меньшинство⁴⁹. В сентябре 1872 г. Вселенская патриархия, обвинив болгарскую церковь в ереси (филетизме), отказалась признать ее, и БПЦ, как говорилось выше, перешла на положение схизматической, т.е. отдельной, непризнанной, и находящейся в определенном смысле в изоляции от других православных церквей. Схизма была отменена только в 1945 г. Так что плата за приобретение чисто национального болгарского института оказалась немалой.

Освобождение от греческого духовного гнета, обретение церковной самостоятельности, несомненно, стало большой победой боровшихся за нее болгар. Но затем произошло удивительное: после получения искомого накал интереса к церкви и церковным делам в болгарском обществе существенно уменьшился, что не раз отмечалось в историографии. Возможно, это было связано с хронологическим совпадением возрождения болгарской национальной церкви и общего духовного кризиса в Европе, спадом религиозности на континенте (и в известной мере и среди болгарского населения), и это изначально делало почву под ногами БПЦ весьма непрочной. Столкновение явлений возрождения и кризиса, т.е. восходящего и нисходящего движений, как правило, разрушает саму систему, что, предположительно, и стало одной из причин ряда неблагоприятных для Болгарской православной церкви последствий.

Едва став независимой, БПЦ оказалась разделенной – в Софии заседал Святейший Синод как руководящий орган церкви, но одновременно в Константинополе располагался (вплоть до 1913 г.) болгарский Экзархат во главе с экзархом, который именно себя считал главой БПЦ. Так в обществе возник первый конфликт – *внутрицерковный*. Допуская такое раздвоение в руководстве и тем самым, нарушая собственный Устав⁵⁰, БПЦ теряла часть своей законоустойчивости. Тем не менее, в новую жизнь, пришедшую с освобождением страны в 1878 г. от турецкого гнета, церковь вступала «с самочувствием объединителя болгарского народа»⁵¹. В первое время много забот у нее было в связи с территориальным переделом: согласно решениям Берлинского конгресса, болгарской пастве, находившейся под омофором Русенского и Варненского митрополита, пришлось перейти к румынскому владыке, а из Пиротской и Враньской епархий – к сербскому⁵². Но если целью Экзархии являлось «прибрать к себе всех болгар» в вилайетах Европейской Турции и развивать болгарское сознание у смешанного населения Македонии и Фракии, создавая сеть духовного и просветительского свойства, то интересы БПЦ в собственно Княжестве оказывались, как пишет болгарский исследователь Христо Темелски, более узкими⁵³.

Дело в том, что к моменту создания первых государственных структур в Болгарии именно церковь была единственным более или менее сформированным общенародным органом. К тому же православное священство обладало определенным административным опытом: под турецкой властью оно по традиции выполняло не только духовные, но и некоторые административные функции, касавшиеся общинных дел и семейных отношений. И стремилось расширять их. Например, Пловдивское епархиальное настоятельство в 1860-е гг. увеличило свои полномочия и функции, наполнив традиционную форму новым содержанием и превратившись, таким образом, «в областное полифункциональное учреждение». В этом качестве, указывает болгарская исследовательница Огняна Маждракова-Чавдарова, оно выполняло обязанности не только церковной епархиальной власти, но и финансового и административного органа, поддерживавшего связи, как с османскими структурами, так и с болгарским представительством

в имперской столице (в свое время такое представительство было избрано болгарским населением и направлено в Константинополь)⁵⁴.

Исходя из имевшегося управленческого опыта и наличия определенных навыков, представители БПЦ ожидали «законного места» во властных структурах нового государства. Но не тут-то было. Хотя поначалу, скорее всего, под влиянием деятелей русского гражданского управления, именно епископ (затем митрополит) Климент возглавил два правительственных кабинета (правда, оба весьма краткосрочных), но утвердиться в таком качестве священнослужителям не позволили. Уже в Учредительном собрании 1879 г. проявились трения между представителями БПЦ (среди «нотаблей» – учредителей Собрания – их было около десяти) и светскими деятелями, настроенными антиклерикально⁵⁵.

Так, помимо внутрицерковного, в едва определившемся в 1879 г. Княжестве возник *конфликт по линии церковь – государство*. Фактически, пишет в очерке истории БПЦ Клер-Анастасия Бойкикева, возникла борьба за преобладание между церковной и светской властями. Сложившееся положение было отражено в принятой в том же году Конституции: хотя православие провозглашалось ведущей конфессией в Княжестве, однако сама БПЦ признавалась автономной – на вторых ролях. Таким образом, отношения между церковью и государством выстраивались в рамках дуалистического разделения властей, можно сказать, по Сэмюэлю Хантингтону, – на западный манер⁵⁶. Священству оставалось только жаловаться, в частности, на то, что его не допускают до «воспитания» молодежи, преподавания в школах: в 1906 г. профсоюз учителей добился от министра народного просвещения Ивана Шишманова, чтобы уроки вероучения проводили светские учителя, а не священники⁵⁷.

Установившиеся правила позволяли последовательно проводить в отношении священнослужителей репрессивную политику. Особенно усилились давление на церковь при правительстве Стефана Стамболова⁵⁸. Оно бесцеремонно вмешивалось в дела, например, Стара-Загорской епархии, в 1891 г. объявило ее временно закрытой. В 1888 г., используя полицию, правительство разогнало Св. Синод, переместило его в провинцию, так что этот орган надолго потерял возможность собираться.

Годом раньше сторонники Стамболова, настроенные русофобски, ворвались в здание Софийской митрополии с требованием к митрополиту «убраться из столицы» и угрозами: если в течение трех дней он не сделает этого, с ним поступят «самым жестоким образом»⁵⁹. В 1880 г. были закрыты духовное училище в Самокове, в 1886 – семинария около Лесковца.

Обобщая, болгарский автор П. Петков называет отношение государства к церкви «обидно пренебрежительным»; по его мнению, это не могло не влиять негативно на духовно-нравственную атмосферу в стране⁶⁰. Следует добавить, что в программах политических партий мы не найдем ни идей, ни простого интереса к проблемам православной церкви, словно никто из политиков не был заинтересован в урегулировании ее отношений с государством. Пренебрежительное отношение государственной власти к церковным делам выразилось и в том, что после смерти Экзарха Йосифа I в 1915 г., выборы нового Экзарха, несмотря на неоднократные обращения Св. Синода к царствующей династии, так и не были проведены. Этим озаботилась в 1945 г. лишь новая власть.

Приведу емкую характеристику фактического состояния БПЦ, принадлежащую болгарской исследовательнице Лизбет Любеновой: «Из-за политики государства поставить церковь под свой контроль БПЦ постепенно теряла свой авторитет и престиж в обществе, ее служители превращались в государственных чиновников, все более зависевших от политики дня. Общая незаинтересованность в финансовом укреплении церкви, действия отдельных лиц в пользу личного благожелательства, политических интересов и т.п., постепенно вели к бесконтрольности, нарушениям закона и даже краже имущества. Это отражалось на моральном престиже церкви – углублялась пропасть между клиром и народом, а также между низшим и высшим духовенством. В период после Освобождения церковь как институт была лишена возможности самостоятельно конституироваться и постепенно превратилась в придаток государства, что делало ее легко уязвимой и неспособной связать свою деятельность с духовными и общественными потребностями православных христиан»⁶¹.

Прокручивая ленту истории назад, истоки неустойчивого положения БПЦ можно увидеть и в том, что в сложный период

строительства после Освобождения нового государства православные болгары вступили без признанного духовного лидера. У них не было ни общebolгарского религиозного центра, ни «общebolгарской святыни»⁶². Первоучители и апостолы Кирилл и Мефодий, а также Иоанн Рильский, хотя и почитались издавна среди христиан, но традиционно, скорее, как общеславянские святые, и только со временем обрели «статус» «небесных покровителей» именно болгар. В этом отношении Русская церковь с преподобным Сергием Радонежским или Сербская церковь со святителем Саввой⁶³, ассоциировавшимися в той или иной степени с объединительными устремлениями своих народов, находились в более благоприятном положении.

В качестве другого немаловажного фактора современные болгарские авторы указывают на такое обстоятельство: болгарские пастыри, воспитанные греческим духовенством, впитали его качества, подчас не самые лучшие: стали повторять его далеко не аскетический образ жизни, сребролюбие, интриганство. Болгарские священники, замечает Иван Еленков, «не умели обращаться с населением», защищать его перед властями, не смогли стать его вождями, заслужить авторитет⁶⁴. Невысокие профессиональные качества болгарского православного священства отмечал в своем дневнике и Экзарх: «Высшие иерархи слабы, без строгой дисциплины, без самоотверженности», на их «единомыслие и искренность невозможно рассчитывать», а «низшее духовенство является слишком невежественным, непрофессиональным, невлиятельным и недисциплинированным, чтобы иметь больше влияния на народ, чем интеллигенция»⁶⁵. В ряде мест не было иерархов с необходимым для серьезной работы с паствой образованием. Некоторые села в течение 30 лет вообще обходились без священнослужителей⁶⁶. Религиозная жизнь в Болгарии, отмечалось в софийском журнале «АБВ», не имела традиций совместных обсуждений и диспутов даже в рамках богословской схоластики⁶⁷. Религиозность нации в духовном смысле оставалась весьма слабой.

Не удивительно, что паства в основном сосредоточивалась лишь на обрядовой стороне. Да и то, по отзыву одного из современников, «верующие не понимают литургии; они появляются ненадолго во время службы, поклоняются, зажгут

купленную у дверей свечу и уходят»⁶⁸. Не уделялось большого внимания религии и в армии. Русский военный агент Н.И. Протопопов, прибывший в Болгарию в 1902 г., в донесении в Петербург о местных порядках писал: «Помещения нижних чинов 9-го полка хороши. Каждая рота занимает достаточно просторную комнату. Света и воздуха вполне достаточно. Иконы имеются, но маленькие, без риз и каких-либо украшений. Видно, что иконы не в почете, и на эту сторону не обращает внимание начальство». Протопопов развивал свою мысль дальше: «Многие из болгар рассказывали мне, что в особенности в последние годы население вообще стало относиться очень индифферентно к церкви в смысле посещения храма, приобретения икон, украшения их и т.п.»⁶⁹.

Правда, кое-какие меры для изменения положения принимались: в 1901 г. был построен комплекс зданий Софийской духовной семинарии, в 1923 г. в Софийском университете открылся богословский факультет. Но эти представительные учреждения не меняли положения БПЦ среди других православных церквей. Как пишет биограф Софийского митрополита Стефана, избранного в 1945 г. Экзархом, владыку весьма беспокоили обстоятельства существования болгарской Экзархии как схизматичной: «Поистине международная атмосфера была невыносима для нас», – говорил Стефан о ситуации⁷⁰. В 1911 г. комиссия Святейшего Синода констатировала, что БПЦ «живет жизнью одинокой, изолированной от других православных церквей <...> и, как следствие, многие болгары принимают церковь нашу не как Божественное учреждение с чисто духовными задачами, а как светское, национальное или политическое учреждение»⁷¹. Если эти слова были произнесены людьми действительно верующими, то, очевидно, – это очень тяжелое признание. «Как философу, – заключает болгарский автор З. Дунов, – мне кажется, что большинство болгарского народа продолжает быть не столько атеистически, сколько скептически и в некоторой степени безразлично настроенным к влиянию церкви и религии. Это результат не только всей его истории, но и форм существования и проявления восточно-православного христианства»⁷².

Сколь ни медленно и неплановмерно происходили в Болгарии процессы модернизации, они все-таки происходили.

Но БПЦ стояла в стороне от них, не принимая деятельного участия ни в облегчении социального положения паствы, затронутой реформами, ни в оказании помощи государству в их проведении.

1.5. Армия и казарма

Армию молодому болгарскому государству приходилось строить, в отличие от школы, на совершенно не освоенном месте. Болгары в Османской империи не несли военной службы, не имели военных дисциплинарных и прочих строгих навыков, не говоря уже об умении руководить сложным и громоздким армейским механизмом. Уплатой специального военного налога определялась их связь в этом отношении с государственным аппаратом султана.

Первоначальная военизация болгар опиралась на традицию четничества – формирования и ухода в горы небольших вооруженных групп, что, видимо, было связано с влиянием первичной матрицы, впитавшей в себя особенности жизни горцев. При жизни под инонациональным гнетом это явление вполне естественно стало почти повседневной практикой. Поначалу целью была охрана населения, однако с течением времени эта архаичная гражданственность породнилась с разбойничеством, а к рубежу XIX–XX вв. «романтики с большой дороги» все чаще стали возглавлять группы, упражнявшие террор и насилие уже в политических целях. Им даже удавалось устанавливать на отдельных территориях собственное управление. Сила традиции была такова, что и в новом свободном государстве обычной для заинтересованных политиков становилась практика опираться на нелегальные четы и другие неконституционные образования, входить с ними в контакт, а также использовать в своих целях заговорщиков, тайные комитеты, способные на многие деяния, вплоть до совершения государственного переворота. Беда в том, что «модернизирующееся общество» почти не сопротивлялось такой практике, скорее, наоборот, с готовностью принимало ее, внутренне срашивалось с нею. Что и говорить, политическая модернизация зачастую сопровождалась не красивыми улыбками, а уродливыми гримасами.

К начальным формам болгарской армии исследователи относят отряды болгарских добровольцев, которые собирало в 1877 г. русское военное командование в Кишиневе накануне очередной Русско-турецкой войны. В самой войне они участвовали уже как Болгарское ополчение. В апреле 1878 г. на основе 12 отрядов ополченцев было сформировано Болгарское земское войско. В создании болгарской армии участвовали, да, собственно, и руководили всем процессом, русские офицеры, включая Российского императорского комиссара в Болгарии А.М. Дондукова, а также болгарские офицеры, находившиеся на русской военной службе. Части формировались по видам и родам войск. Официальной датой рождения регулярной болгарской армии считается 31 марта 1878 г. В ноябре того же года в Софии было открыто Военное училище по подготовке болгарских командных кадров, в 1880 г. принят закон о призыве новобранцев, введении всеобщей воинской повинности. К концу XIX в. армия уже приобрела национальное лицо. Главная функция ее заключалась в обеспечении внутренней безопасности государства. Никаких внешнеполитических задач и целей перед ней не ставилось, военной доктрины не существовало.

Положение изменилось, когда князь Фердинанд, настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, начал принимать меры к тому, чтобы поставить вооруженные силы под личный контроль, сделать своей опорой⁷³. Отсюда проистекала его особая забота об армии, ее обучении и вооружении. В 1903 г. был принят специальный закон об устройстве вооруженных сил, состав армии увеличен с 25 до 60 тыс. человек, на ее нужды стало отводиться до 1/3 бюджета страны. Ежегодно проводились военные маневры.

По мнению болгарского автора Румена Даскалова, в 1903 г. был совершен решительный поворот государства в сторону модификации и усовершенствования войска, его перевооружения. Период до начала Балканских войн, считает он, стал «триумфом массовой армии». Были созданы 12 новых пехотных полков, 3 новых артиллерийских полка и столько же саперных, появились даже зачатки военно-воздушных сил. Вооруженные силы были разделены на три армии, изготовлены оперативные планы войны с Турцией⁷⁴. Офицеры не только

стали проходить профессиональную выучку, но и целенаправленно воспитываться в духе патриотизма и личной преданности монарху. Им устанавливалось высокое жалование, обеспечивалось быстрое продвижение по службе. Именно они должны были стать и становились носителями национальной идеи – объединения всего болгарского народа на «присущей» ему части балканской территории, идеи, провозглашенной русской дипломатией в 1878 г. в Сан-Стефано. Из армейской элиты формировался специфический слой, близкий к власти, обслуживающий ее. Это рождало желание офицерства чувствовать себя хозяином положения в стране.

Из всех болгарских государственных структур военное ведомство развивалось наиболее интенсивно. Офицерство как общественная группа людей, более грамотная и специально обученная и потому способная к конкретному четкому мышлению, наученная жизненными обстоятельствами определять цели и задачи не только в рамках своей компетенции, стало стремиться выходить на передовые позиции, в, казалось бы, далекой от него политической сфере. Офицерский корпус стремился ощущать себя гарантом национального суверенитета и независимости своей страны.

Денег на армию, заключая иностранные займы, раздувая собственный бюджет, не жалели. Финансовые вложения в армию и ее вооружение, составлявшие до 25–30% расходной части бюджета, позволили болгарскому войску к 1907 г. стать «одним из лучших в Европе»⁷⁵. А в 1912 г. оно имело почти в 15 раз больше вооружения (поставлявшегося из Франции, Германии, Австро-Венгрии, России, Италии), чем во время сербско-болгарской войны 1885 г., и не испытывало недостатка оружия во время I-ой Балканской войны. Власти порывались даже ввести военное обучение в школах для воспитания «патриотических граждан и подготовки будущих защитников отечества к более легкому и сознательному восприятию военной службы»⁷⁶. Накануне Балканских войн Болгария считалась самой милитаризованной страной на полуострове. На один миллион ее населения приходилось 9 полков, в то время как в Сербии – 8, Румынии – 5,2, Турции – 3,4⁷⁷. В регионе Болгарию называли «Пруссией на Балканах». Она имела превосходство перед соседями в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках⁷⁸.

Приведенные данные, несомненно, производят впечатление. Но представляется, что, как и в других областях жизни Болгарии, развитие в этой сфере происходило, главным образом, вширь, объемно, т.е. экстенсивно, а не внутрь, качественно. В этом отношении весьма важны, например, донесения русской военной разведки, действовавшей на Балканах. Уже упоминавшийся агент Н.И. Протопопов сообщал, что, по его мнению, высшие лица болгарской армии не занимаются военным делом и, во всяком случае, не следят за военной литературой⁷⁹. Сменивший его в 1905 г. М.Н. Леонтьев оценивал профессиональный уровень болгарского высшего командования как очень невысокий. Один из своих выводов офицер-разведчик, не лишенный, очевидно, пристрастия к «изысканным выражениям», сформулировал так: «Нищета болгарской армии в отношении высшего служебного персонала»⁸⁰.

Большие сомнения у Леонтьева вызывали моральные качества болгарского командования. Он сообщал, что армию потрясали крупные коррупционные скандалы, существовала странная практика – увольнение и вновь возвращение на службу скомпрометировавших себя офицеров, причем самых высокопоставленных. Или даже повышение в должности после провала на доверенном месте службы, как это случилось с начальником Военного училища, допустившим создание «социалистического гнезда» в этом заведении (он был переведен на должность начальника штаба армии)⁸¹.

• • •

В принципе армию готовили с прицелом на осуществление идеи «Великой Болгарии». Еще в начале XX в. большинство болгарских буржуазных политиков высказывались, хотя и не вполне определенно, что военный путь предпочтительнее. В целом же, дело ограничивалось бесконечными разговорами о нерешенности национального вопроса, словесно постоянно подогреваемыми интеллигентскими и политическими кругами. Сторонники «Великой Болгарии» несколько оживились после Аннексионного кризиса 1908–1909 гг. (оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией), начало которого совпало с провозглашением Княжества Болгария Царством, а его главы – «царем [всех] болгар». Но и тогда деятельность поли-

тиков выражалась в говорении, обсуждении, даже написании отдельных программ. Но все это – при отсутствии конкретных действий. А именно их требовали военные, пытаясь поднять общество на войну «за национальный идеал». Они считали, что осуществления национального объединения следует добиваться, чего бы это ни стоило, на войну были настроены Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, македонские и другие землячества, ряд политиков и их группировки.

Однако болгарская государственно-политическая элита никак не могла организовать. В отличие от сербской и греческой, никто из ее представителей не потрудился составить *мобилизующий* письменный документ-программу объединения болгарского народа. Не нашлось и признанного национального лидера, вокруг которого общество сознательно сплотилось бы ради дорогой сердцу идеи.

Тормозом для того служила сложившаяся в стране политическая модель с личным режимом князя/царя Фердинанда, который долгое время сам испытывал неуверенность в возможности вести войну с Турцией или соседями. Вместе с тем, постоянно тасуя на политической арене ее фигурантов, к слову, в общем-то, анемичных и бегущих от ответственности, Фердинанд не позволял утвердиться какой-либо серьезной личности, способной стать «народным героем». И все это в условиях, когда общество в целом было расколото в вопросе о войне: нижние слои народа – преобладающая масса в крестьянской стране – ее не хотели.

Невольно напрашивается сравнение с тем, как велась подготовка к войне в соседней Греции. Причем, там речь шла о разносторонней подготовке именно *общества* – идеологической, политической, но также и социальной.

В Греции, как, может быть, нигде больше, роль опоры в формировании агрессивно-воинственной общественной идеологии принадлежала имперской традиции, отражавшейся в настроениях значительной части населения. Задача формулировалась как возрождение страны в границах и чуть ли не в статусе Византийской империи. Молодое греческое государство, явившееся плодом непрерывной семилетней борьбы против османского господства и первым на Балканском полуострове добившееся освобождения, едва осмотревшись,

уже через какие-нибудь 15 лет принимает в качестве государственной доктрины знаменитую Мегали идею, т. е. идею Великой Греции. В обществе, где нация провозглашалась высшей ценностью, ее полное этническое собрание открыто увязывалось с территориальной экспансией – освобождением населенных греками территорий, остававшихся в составе Османской империи. И этим не ограничивались расчеты на новые приобретения. «С созданием государства вера, язык и национальное самосознание подготовили почву для дальнейшего присоединения к молодому государству земель, населенных не только греками», – не пропускают отметить специалисты по истории Греции⁸².

В 1909–1910 гг. к власти в стране, воспользовавшись результатами военного мятежа, пришла Либеральная партия во главе с молодым, способным и амбициозным критским политиком Элефтериосом Венизелосом. До этого он участвовал в национально-освободительной борьбе на Крите, учился в Афинском университете, по возвращении на остров стал министром юстиции в правительстве автономии. Острый ум, приобретенный опыт и отстраненность от традиционных политических кланов позволили ему совершить своего рода интеллектуально-политический переворот в Греции – составить многоуровневую программу внутри- и внешнеполитических преобразований в стране. Новый премьер обещал за пять лет возродить Грецию, и, по мнению российских историков, во многом это ему удалось. Любопытно, что программа включала в себя, *в первую очередь*, реформу политической системы. Среди достижений модернизаторов выделяются такие «столпы», как демократизация и упорядочение парламентской практики, борьба с засильем клановости и коррупции в государственном аппарате, экзаменация поступавших на государственную службу чиновников, введение обязательного начального образования и широкого трудового законодательства, а также минимальной зарплаты для женщин и детей, официальное признание прав профсоюзов⁸³. В 1911 г. с целью усиления роли парламента и его *независимости от монарха* были приняты многочисленные поправки к Конституции; проводилась модернизация армии и флота, была создана законодательная основа для раздела крупных землевладений и создания ка-

питализированных фермерских хозяйств. Стабилизировалось финансовое положение страны – курс драхмы сравнялся с курсом французского франка.

Преобразования проводились вполне осмысленно: одной из целей Венизелоса и его окружения было создание более или менее надежной опоры режиму, достижение общественного консенсуса накануне Балканских войн. Заботясь об этом, греческая элита обратилась не только к чувствам – игре на струнах национализма, но и к разуму – подведению под национальную идею политического и экономического фундамента.

Политическая модернизация сверху послужила толчком и для социально-экономического развития страны. В 1911–1912 гг. заработали 66 новых промышленных предприятий. Современники отмечали популярность правительства Венизелоса в народе – зримое осуществление пунктов программы, оповещенной премьером при приходе к власти, вселяло надежды на будущее, но, более того, питало чувство гордости за достигнутые успехи, обещало успехи будущие – внешнеполитические⁸⁴. И все это – в условиях широкой и неустанной пропаганды давней «великогреческой» идеи.

Такой продуманной работы по подготовке общества к войне в Болгарии не велось. Все упования связывались с армией и ее вооружением. Когда же война началась, оказалось, что военное начальство не может договориться с гражданским, что в самом военном командовании – распря, что командиры плохо ориентируются на местности, а снабжение и медицинское обслуживание войск – из рук вон плохи...

Один характерный пример красноречиво рисует и отсутствие масштабного государственно-стратегического мышления высшего болгарского офицерства. При оформлении военных статей Балканского союза болгарский представитель, начальник штаба армии Иван Фичев согласился на такую дислокацию болгарских и сербских войск на театре военных действий, которое изначально ставило под сомнение успех «болгарской войны» для болгар. В «Соглашении между болгарским и сербским генеральными штабами», подписанном в Софии 15 сентября 1912 г., принципиально, «по взаимному согласию», устанавливалось: «вся сербская армия будет действовать на македонском оперативном театре...», а вся болгарская ар-

мия – «в долине реки Марицы, оставив на первое время одну дивизию на линии Кюстендил-Дупница...». Соглашение подписали генерал-майор Фичев и генерал Радомир Путник⁸⁵. Не удивительно, что к окончанию войны сложилась конфликтная ситуация – сербские и греческие войска отказались покидать зону своих оперативных действий и о дележе македонских земель, отвоеванных у Турции, в том числе благодаря тяжелым сражениям, которые вели болгары на востоке, во Фракии, говорить не собирались. Как и о предоставлении Болгарии «бесспорной зоны», о чем прежде договаривались.

Много позже болгарский историк, академик Георгий Марков с основанием скажет: «Балканская война была проиграна еще до ее начала»⁸⁶.

2. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К НОВОМУ СТИЛЮ ЖИЗНИ

2.1. Политические новшества и традиция

Княжество Болгария, несмотря на все нестыковки, связанные с недостаточной готовностью архаичного еще общества к переходу на более высокую цивилизационную ступень, все же постепенно приспособлялось к новому укладу. Заимствованные на Западе административно-государственные институты, несмотря на их функциональное несовершенство и во многом декоративность, становились фактором новизны устройства жизни и знаком управленческой самостоятельности.

Новое встраивалось в старое не без труда. Ностальгия по романтической возрожденческой поре, когда важные вопросы управления решались в большой мере на местном уровне, эмоционально подпитывала в народе сознание первостепенной важности общинных корней. Это чувство было свойственно как крестьянам, так и тем, кто перебрался в город. В том числе действующим буржуазным и мелкобуржуазным политикам, многократно обращавшимся в своей практике к вопросам местного самоуправления и идее его расширения.

Такая идея присутствовала в программах почти всех болгарских политических партий периода их становления. Радикальная партия, например, требовала в 1894 г. децентрализации администрации и расширения местного самоуправления, введения права референдума в крупных общинах; подобная мысль повторялась в проекте программы «молодых демократов» в 1902 г. В 1908 г. с развернутым обоснованием такой постановки вопроса выступила Младо-либеральная партия. В ее программе говорилось: «Так как у нас нет господ и рабов, и все мы равны, и каждый, кто трудится и бережлив, может стать зажиточным, чтобы наш народ преуспевал и сделал себя богатым, а государство было мирным и сильным, для всего этого должна быть полная свобода, которая обеспечена только тогда, когда общины и околийские советы находятся в руках народа, и у правительства нет права вмешиваться в их работу, кроме простого контроля, а таким правом обладает любой член общины и любой гражданин околии». Младо-либералы в статье 2-ой своей программы настаивали на: а) полном самоуправлении общин, б) создании околийских советов, в обязанности которых должна входить забота о развитии в околии здравоохранения, путей сообщения, экономики, земледелия, школьного дела⁸⁷.

Такого безмерного самоуправления администрация, понятно, не могла позволить. Были приняты специальные законы, устанавливавшие границы народной самодеятельности, но так, чтобы не подавить ее полностью. В исторической же перспективе сохранность такой самодеятельности важна как основа, «плацдарм» для формирования и развития общественного мнения, гражданской позиции.

Проблема не теряла остроты и в последующие годы. Дополнительным материалом для недовольства служил быстрый рост численности чиновничества, старавшегося заполнить собой все уголки структур управления. О необходимости оптимизации государственного механизма, введения экзаменационного ценза для чиновников, «одной своей множественностью наносящих рану стране», и об установлении в управлении общин «широкой внутренней автономии» указывалось в программе Народно-либеральной партии, принятой в июле 1911 г.⁸⁸

Явное неприятие населения вызывало, кроме того, появление новых структур в судебной системе из-за их несоот-

ветствия прежним, «обычным» нормам. В частности, введение института судебных заседателей – «этого недоношенного ребенка» – рождало у многих опасение, что такой суд не будет защищать слабых от посягательств сильных. Особенно остро воспринимались изменения в министерстве правосудия, в котором, «как ни в одном другом, было введено множество иностранных законов, навязанных болгарскому народу и не соответствующих его быту, интересам и желаниям»⁸⁹.

В ходе политических дискуссий критике подвергалась сама «техника» обзаведения новыми законами, когда «педантичные профессора, недолго думая, берут какой-нибудь бельгийский закон, переводят его, как попало, на болгарский язык – и вот тебе новый болгарский закон». К таковым, например, относили закон о наследстве, по которому правом наследовать землю стали наделяться и дети женского пола. Это не только не соответствовало обычаю, но и создавало угрозу для дополнительного дробления родительских участков, в то время как требованием дня было преодоление или хотя бы сокращение уже существовавшей парцеляции земли.

Настойчивое обращение к проблемам государственно-политического и общественного устройства страны, предложения по его реорганизации по пути дальнейшей демократизации и учета устоявшихся традиций стало практикой буквально всех идеологов болгарских партий, даже когда «лицо» некоторых из них приобретало все более «буржуазное» выражение. Примером может служить включение кметских судов (кмет – глава сельской общины) в новую систему судопроизводства в Княжестве. В отличие от «бельгийского» закона о наследстве, кметский суд, занимавшийся на селе гражданскими делами, соответствовал традиционному представлению крестьян о судебной власти. Идея состояла в том, считает болгарский автор Марина Манолова, чтобы, сохраняя универсальные богатые традиции в области правораздачи, обеспечить населению правосудие, близкое его правовой культуре. Законами 1882 и 1886 гг., регулировавшими права общины, местное самоуправление было введено в определенные рамки, но кметская юрисдикция сохранялась – общинный суд провозглашался обязательной первой инстанцией, не пройдя которую, нельзя было обращаться в более высокую. Закон 1886 г. дейс-

твовал с разными изменениями до 1934 г., но судебная функция общины была ликвидирована уже в 1903 г.⁹⁰ Идеи же защиты Тырновской конституции, отстаивания принципа народовластия, расширения политической демократии вплоть до предоставления избирательного права «не имеющим его», увеличения числа депутатов Народного собрания, введения пропорциональной избирательной системы, а также прямого участия народа в управлении через референдум, так или иначе, присутствовали в разных вариантах законодательных инициатив, получивших распространение в болгарском обществе.

2.2. Модернизация и новая мобильность Трудовой этос болгарина

Крестьяне, обретшие право частной собственности на землю, благодаря неподдельному энтузиазму и привычному упорному труду, сумели за два десятка лет после Освобождения достичь того, что производило на иностранцев впечатление болгарского чуда. Известно пословичное трудолюбие болгарского селянина. Недаром болгарский историк Стойчо Грынчаров отмечал как характерный признак «неистовую отдачу труду» болгарина, добавляя: это не трудолюбие, крайнюю форму которого называют трудоголизмом, а именно отдача труду⁹¹. Не о таком ли упоении в работе писал А.И. Солженицын (вспомним «Один день Ивана Денисовича»)! Так что у британца Генри Блейсфорда были все основания утверждать, отталкиваясь от сравнения с сербами, что у последних «отсутствует способность к постоянной работе, потому-то они и достигли за восемьдесят лет меньшего морального и материального прогресса, чем болгары всего за двадцать пять»⁹².

За годы после Освобождения возросла экономическая мобильность крестьян, одним из ее показателей могут служить несколько переселенческих волн. Это и освоение горским населением равнинных местностей, и горизонтальная мобильность людей, например, «переезд» из бедного Кюстендилского округа в несравненно более богатый природными и хозяйственными условиями Тырговиштский край⁹³. Двигались, можно сказать, пешим ходом, от западных границ страны к восточным. Стержень занятий населения директор канцелярии МИД России

В.Н. Ламздорф увидел, судя по записи в его дневнике от 18 апреля 1892 г., в том, что «всё, чего они (болгары. – РЛ) хотят, – это чтобы им дали возможность мирно существовать и заниматься своими материальными интересами»⁹⁴. В свою очередь, А.А. Савинский, российский посланник в Софии в годы Первой мировой войны, обращал внимание на такие черты болгарского характера, как честолюбие, энергия, живучесть, твердость, желание и способность совершенствоваться. Качества, можно сказать, достаточные, чтобы сравнительно быстро приспособляться к новым обстоятельствам и укладу жизни.

Это проявилось, прежде всего, в использовании земли, стоимость которой резко возрастает. Согласно исследованию болгарского профессора Цветаны Тодоровой, мелкие хозяйства размером 20–50 декаров (1 декар = 0,1 га) в период с конца XIX в. по 1908 г. заметно укрупняются, причем часто до размера средних, являвшихся ядром аграрной структуры страны, что особенно было характерно для районов интенсивного земледелия. Высвобождение при этом рабочих рук Тодорова считает положительным явлением. Одновременно с ростом численности населения шел процесс создания новых мелких хозяйств, но «теперь преимущественно более стабильных», так что в целом, заключает она, самые мелкие хозяйства («мельчайшие») все более отодвигались от черты бедности. И к 1910 г. в стране нет крестьян без земли. Устраивается и судьба беднейших: им позволяют арендовать общинную землю с присоединением ее к их мелким отрезкам и постепенным переходом ко владению всем участком⁹⁵. Позиция Цв. Тодоровой, ее объяснение социальных процессов в селе и земледелии в конце XIX – начале XX в. – не единственная в болгарской историографии. Есть и другие, даже противоположные по сути, но ее подход заслуживает быть отмеченным.

Интересны в этом отношении данные, приводимые Янки Молловым, исследовавшим состояние сельского хозяйства в Софийской сельской околии. Описывая типы конкретных хозяйств, он не приводит ни одного такового размером меньше 10 декаров. А вот, очевидно, в небогатом по тогдашним меркам хозяйстве Или Ташова имеется 21,2 декаров земли, жилое помещение, хлев, колодец, каменный забор, 2 вола, 4 овцы и ягнята, поросенок, 15 птиц. Инвентарь самый простой, семья состо-

ит из 4-х человек, работоспособных из них двое⁹⁶. Еще пример: семья из 7 человек при 5 работоспособных располагает 68,8 декаров земли, а также домом (стоимостью 600 левов), хлевом, амбаром, оградой и двумя буйволами, двумя конями (для молотьбы), 5 свиньями, 25 птицами, 2 козлятами. Инвентарь весьма разнообразный – для разного вида работ, в том числе плуг.

Но это не предел. Обращаясь к хозяйству братьев Харитовых (это уже Фердинандская околия), другой специалист характеризует его как многоотраслевое, специализировавшееся, главным образом, на производстве зерновых и огородных культур, животноводстве. Оно располагает 3640 декарами земли, инвентарь его таков: «большинство машин, употребляющихся в хозяйстве братьев Харитовых, не упоминается в описании мелких крестьянских дворов». Братья же используют 46 плугов, трактор, молотилку и иной инвентарь еще 13 наименований; рабочий скот составляют 19 лошадей, 20 буйволов, 55 волов. Широко применяется наемная рабочая сила, даже в зимнее время⁹⁷.

Первое десятилетие XX в. характеризовалось особой атмосферой оптимизма. Это были тучные годы экономического подъема, хотя и не совсем изолированного, ибо такой подъем был характерен для большинства развитых стран. Но уже сам этот факт свидетельствует, что болгарская экономика не находилась в отрыве от них.

Не менее важна и другая деталь мотивации социального поведения болгарских крестьян. Если согласно статистическим данным, собранным болгарским специалистом Константином Поповым, за 11 лет, с 1897 по 1908 гг., состояние земельной собственности основных видов (мельчайшие, мелкие, средние) практически не изменилось, т. е. очевидных сдвигов не наблюдалось, то следующий краткий период – 1908–1912 гг. – отмечен 11-процентным ростом площади обрабатываемых земель в целом по стране, и таким же увеличением количества обрабатываемой земли, приходящейся на одного жителя и на одно крестьянское хозяйство⁹⁸. Можно предположить, что вначале крестьяне еще только приспособлялись к системе свободного хозяйствования – деньги, главным образом, копили, предпочитали «выживать», а не тратить. Затем «поощряемые» «жирными» годами, стали в большей мере ориентироваться на новые цели – тренд сбережения стал меняться на тренд при-

обретения, стремление «преуспеть» стало вытеснять прежний настрой на «выживание». Особенно показательны в этом отношении конкретные данные о покупке земли, которая во все времена считается главной ценностью.

Определенные модернизационные успехи были достигнуты и в других отраслях хозяйства, главным образом, в деле накопления первоначального капитала. Правда, стремление к обогащению реализовывалось порой отнюдь не гуманным образом, как это происходило в свое время и в других странах. Наиболее легким путем являлось ростовщичество. Городские центры Видин, Чирпан, Пазарджик обособились в отдельные ростовщические центры, в их сети некоторые села попадали целиком⁹⁹.

Временем жадного, напористого, но более или менее продуманного, обогащения стал период жесткого диктаторского режима правительства Стефана Стамболова (1887–1894 гг.). Благодаря использованию властных полномочий не только личный капитал главы кабинета вырос «заоблачно», но и состоялись продуктивные вложения в строительство шоссейных и железных дорог в стране. София, Пловдив, Русе, Плевен, Стара-Загора, Габрово преобразовывались в крупные торговые центры, в то время как «заслуженные» возрожденческие города – Карлово, Копривштица, Калофер – превращались в музейные объекты. Часть разорившихся ремесленников, приспосабливаясь к новым условиям – новым потребностям и вкусам рынка, сумела добиться успеха. Уже в 1888–1893 гг. наблюдался численный рост «самостоятельных ремесленников» – хозяев, имеющих работников. Другие находили пропитание, становясь чиновниками, корчмарями или вновь приобщаясь, как уже говорилось, к сельскому хозяйству¹⁰⁰.

В обществе развертывались острые дискуссии: что предпочтительнее – поддерживать в новом государстве фабричное производство или сельское хозяйство. Обсуждение шло с переменным успехом, однако на рубеже 1880–1890-х гг. побеждает линия на параллельное развитие этих отраслей при создании общенациональных коммуникаций – железных дорог и водных сетей. Еще до начала XX в. складывается убеждение, что в Болгарии, отставшей в капиталистическом развитии, государство должно вести протекционистскую политику в экономике¹⁰¹. Указом 1882 г. создавалось министерство экономи-

ки, в задачи которого входила подготовка закона о помощи и покровительстве местной промышленности.

Такой закон был принят в 1895 г., за ним последовали другие – в 1905 и 1909 гг. Но еще до этого правительство Стамболова оказывало поддержку различным экономическим начинаниям. Это не была еще последовательная протекционистская политика, поскольку правительство действовало избирательно, однако, уже появлялись частные шахты, первые концессии, кредитные учреждения, начиналась «эра внешних займов». Последнее являлось поистине революционным шагом – тем самым «подрывались» представления, присущие архаичному сознанию, когда проникновение иностранных финансов в страну связывается только с ее закабалением. Накапливалось пивоваренное, кожевенное производство, заработали фабрики – табачные, мыловаренные. Быстрее всего развивается текстильная (шерстяная) промышленность в Габрово, Сливене, Трявне, Карлово, именно она замещает прежнее ремесленничество. Только в Сливене в 1887–1890 гг. основаны 12 фабрик. Всего при Стамболове создано 80 новых производств¹⁰². В 1887 г. импульсом для развития местной промышленности становится крупный заказ государства по обеспечению обмундированием солдат, полицейских, таможенников, лесничих. В 1892 г. в Пловдиве была проведена Первая болгарская выставка промышленных и сельскохозяйственных изделий¹⁰³. Позже город превратился в центр международной торговли.

Особенно важными представляются усилия по железнодорожному, шоссейному, водно-транспортному строительству. Заработала железная дорога Цариброд-София-Белово; в 1890 г. открыта железнодорожная линия Ямбол-Бургас, что облегчало вывоз зерновых из Южной Болгарии. Кроме того, было построено 360 км пристаней.

Модернизационное строительство продолжалось и после смерти Стамболова. Здесь же важно отметить, что толчок оно получило именно благодаря твердому, хотя и небескорыстному курсу главы правительства. И не зря период диктатуры Стамболова в историографии называют временем первых модернизационных успехов Болгарии. Это лишний раз подтверждает, что для получения результата в таком деле необ-

ходима «твердая рука», действия которой весьма затруднены и проблематичны в условиях демократического режима.

• • •

Начало XX века ознаменовалось в странах Балканского полуострова оживлением и даже подъемом экономической жизни, впрочем, в большой степени благодаря их включенности в систему мирового хозяйства, переживавшего в это время свои «тучные» годы. Но также и усилением националистической и милитаристской пропаганды во имя идеалов полного национального объединения, военно-политическими планами в отношении соседних балканских государств, быстрыми темпами военного строительства.

История ускоряла свой ход. По мнению известного социолога Питирима Сорокина, с начала XX в. это выражалось в усилившейся социальной и политической мобильности населения на всем пространстве Европы, когда совершенно новые люди оказывались на вершине политической пирамиды. Сорокин причисляет к ним В.И. Ленина, Бенито Муссолини, Томаша Масарика, Александра Стамболийского, Мустафу Кемаль-пашу, Степана Радича. И перемены этой эпохи сравнивает со временем Ренессанса и Реформации, как явивших собою «периоды необычайно интенсивной социальной мобильности»¹⁰⁴.

Весьма важной с методологической точки зрения представляется разработка им вопроса о каналах социальной циркуляции. Прислушаемся к маститому социологу: одним из главнейших «общественных проводников», считает он, являются политические партии. Многие функции, пишет П. Сорокин, которые раньше выполняли церковь, правительство и другие социальные институты, в «наше время» взяли на себя политические партии. Подавляющее большинство политических лидеров, правителей, государственных деятелей и т.п. современных демократических стран заняли свои посты, используя канал политических партий. Это особенно относится к тем, кто родился в низшем социальном слое (Т. Масарик, Э. Бенеш). Иначе многие из выдающихся политиков и государственных деятелей никогда не смогли бы достичь высокого положения¹⁰⁵. Вместо Романовых правит группа советских диктаторов, которые почти все вышли из разряда ремесленников, служилой интел-

лигенции, рабочих и крестьян. Доктор Масарик – сын бедного ремесленника. В Турции у руля власти – Мустафа Кемаль-паша, выходец из среднего слоя, который при нормальных условиях вряд ли получил когда-нибудь шанс занять трон Османов¹⁰⁶.

Замечания Сорокина представляются весьма важными с точки зрения изучения болгарского общества начала XX в. В нем также происходило энергичное брожение, при отличительном качестве – молодости его населения, а, следовательно, и высокой мобильности. Страна из-за высокой рождаемости до и после Освобождения сохраняла прямо-таки юношеский характер: в 1900 г. дети до 14 лет составляли 40,2 %, люди самого продуктивного рабочего возраста (15–49 лет) – 44,5 %. Средний возраст исчислялся цифрой 25,7 лет¹⁰⁷. К этому стоит прибавить, что население в Болгарии было самым большим среди балканских стран: в 1880 г. в Сербии жили 1,9 млн человек, Болгарии – 2,8 млн., Греции – 1,7 млн¹⁰⁸. Словенцев насчитывалось примерно около 1 млн.

Не удивительно, что многие болгарские авторы с удовлетворением отмечают «приподнятое настроение» соотечественников в начале XX в., их энтузиазм. Мобильность проявлялась и в переселении людей из села в город, где темп жизни был гораздо выше и приходилось к нему приспосабливаться. Нововведения, помимо бытовых, появились и в общественной сфере. Шло, какое-никакое, партийное строительство, проводились выборы, возникала такая социально-политическая категория, как электорат. Болгарский гражданин имел много поводов, пишет Милко Палангурский, «быть призванным» к избирательным урнам – регулярные выборы в Обыкновенные и Великие народные собрания, в окружные, городские и сельские общинные советы, кметов, школьных настоятелей, кассиров земельных касс и т.п.¹⁰⁹. Как никогда, ускоренными темпами развивалась журналистика, распространялось социалистическое учение, которым интересовались и высшие, и низшие слои общества, в том числе крестьяне. Появление БРСДП и его лидера Димитра Благоева, вскоре завоевавшего непререкаемый авторитет в партии «тесняков», сделало эту партию хорошо известной в Болгарии и вывело ее на международный уровень – она активно действовала во II-м Интернационале. Свою долю признания в народе имели и «широкие» социалисты во

главе с Янко Сакызовым, выступавшие с программой, менее радикальной, чем «тесняки». В целом, увлечение социалистическими учениями получило действительно широкое распространение в Болгарии, этому способствовало участие в их пропаганде болгарских учителей.

Начало нового XX века ознаменовалось возникновением такого общественно-политического феномена, как Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) – организация болгарского крестьянства. Этот Союз, как уже говорилось, сквозным образом «прошил» большую часть всей истории Болгарии «рокового столетия», отметившись в разных его цивилизационных фазах и играя в иные периоды лидирующую политическую роль. Крестьянские партии были общим явлением для стран срединной и юго-восточной частей европейского континента, они, хотя и в разной степени, не поспевали за «передовыми», западными. Аграрные, крестьянские партии имелись в Польше, Чехословакии, Румынии и многих других странах, и каждая отличалась собственным характером.

Питирим Сорокин недаром сравнивает со временем Реформации или Ренессанса начальные десятилетия XX в. Это время стало предвестником смены парадигмы социального и политического развития Европы, парадигмы, которая в силу созданных ею провокативных обстоятельств вызвала вступление крестьянских партий на политическую авансцену. Речь идет главным образом о странах, где аграрный сектор занимал большую, а иногда и преимущественную долю в структуре хозяйства, и гипотетически можно предположить, что государственно-политическое заявление о себе крестьянства явилось здесь своеобразной конвульсией этого класса перед его историческим уходом, попыткой сбросить с себя шелуху архаизма, преобразиться в предчувствии новых времен. В разных случаях это происходило различно.

Как таковая, история БЗНС заслуживает, на наш взгляд, внимательного рассмотрения. Проследим ее с первых дней существования Союза до установления им государственной власти в 1920 г., обращая особое внимание на то, как в это двадцатилетие в Болгарии ставились вопросы модернизации общественной и политической жизни, формирования общественного мнения, гражданского общества.

3. БОЛГАРСКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ СОЮЗ: ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

3.1. Люди

Инициаторами создания БЗНС явились 30-летние выходцы из болгарской сельской интеллигенции, еще не оторвавшиеся далеко от традиций Возрождения, но уже заряженные новыми идеями, Янко Забунов и Цанко Бакалов-Церковский. В сентябре 1899 г. в газете «Земледелска защита» они поместили «Воззвание к болгарским крестьянам» с призывом создать собственную организацию.

Этому предшествовала большая печатная и устная пропаганда, которую предварительно, хотя и по-разному, вели оба деятеля. Интересна судьба Я. Забунова, характеризующая «удивительный» болгарский социум, причем, нельзя сказать, чтобы она была исключительной. Как сирота и церковный служка Забунов при финансовой поддержке общинного органа – постоянной комиссии – получил прогимназическое, гимназическое, а затем и высшее агрономическое образование, причем последнее в Австрии. По возвращении на родину, следуя «возрожденческому правилу», он учительствовал, был директором школы. Несколько лет работал по специальности – управлял государственным виноградником при Евксиноградском дворце князя Болгарии, затем возглавлял Плевенское училище по производству вин. Завоевал авторитет хорошего винодела, однако, по словам его биографа, Забунову этого занятия было мало, он загорается идеей сплочения людей, работающих на земле¹¹⁰. Первоначально речь шла об объединении агрономов, ученых-земледельцев, позже – об объединении крестьян в профорганизации. Забунов разъезжает по стране с просветительскими целями, начинает издавать газету «Земледелска защита», рассчитанную на «непробудившихся крестьян». В ней и было опубликовано «Воззвание», которое написал Цанко Бакалов-Церковский, известный болгарский поэт и писатель.

Бакалов-Церковский окончил педучилище в Болгарии и поначалу тоже был сельским учителем, работал в селе Мусина

Тырновского округа, где в то время широкое распространение получили социалистические идеи. Ими увлекся и Бакалов. Однако в нем звучала не рабочая, а крестьянская струна, звавшая к защите сельского жителя, с его привязанностью к клочку земли, черному, но приносящему радость труду. Под влиянием публикаций в забуновской газете Бакалов-Церковский проникается идеей пользы для крестьян собственной политической организации. И вскоре появляется знаменитое «Воззвание к болгарским крестьянам» с призывом объединяться*.

Призыв не остался не услышанным. Активность крестьян, откликнувшихся на него, явилась новым удивительным фактом общественной жизни Болгарии. 28 декабря 1899 г. в Плевене открылся крестьянский съезд. В нем, по разным данным, участвовали от 500 до 1000 делегатов от местных организаций («дружб»). «Воззвание» представил собравшимся Димитр Драгиев – «мастер народного слова»¹¹¹. В съезде участвовали много учителей, агрономов, священников, интерес к нему проявили представители Радикальной партии и социалисты, был и вездесущий Димитр Ризов**.

Несколько слов о Драгиеве. Он принадлежал к тому же – первому – поколению деятелей БЗНС. По сравнению с Забуновым и Бакаловым, имел значительно больший учительский стаж: окончив гимназию, работал в бедном родном селе близ Стара-Загоры. Переселившись в 1897 г. в этот город, также работал в школе, занимался культурно-просветительской и кооперативной деятельностью.

* Янко Забунов много лет подряд избирался в состав руководства Земледельческого союза. Он с головой отдавался работе, не жалел ни физических сил, ни собственных финансовых средств. В 1909 г. 41-летним умер от туберкулеза.

** Димитр Ризов – болгарский дипломат, публицист, общественный деятель. В одной из статей Р.П. Гришина писала о нем, как о человеке «ста мнений»: «Бурно бьющая энергия заставляет [Ризова] часто менять позиции, мнение, действовать резко, ходить “по острию”, что не удивительно в условиях довольно хаосообразного состояния политического поля Княжества, только начинавшего приспосабливаться к системной партийной жизни» (*Гришина Р.П. Болгарский дипломат Димитр Ризов и Балканские войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн 1912–1913 гг. / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 180*) (*Примеч. отв. ред.*).

Вокруг этих людей и оформилась «профессионально-просветительская сельская организация» – Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Согласно принятому уставу, высшим органом организации провозглашался съезд, на нем избирался Управительный совет (УС), а из его состава формировалось Постоянное присутствие. Первоочередной заботой было организационное укрепление Союза. Этим непосредственно занимался Драгиев, карьера которого быстро пошла в гору: в 1901 г. он заместитель председателя УС, в 1902 г. – его председатель и первый редактор органа БЗНС – газеты «Земледельско знаме», в 1902 г. – депутат Народного собрания. Не удивительно, что центральные органы и редакция «Земледельско знаме» переместились в Стара-Загору.

Деятели, стоявшие у истоков БЗНС, почти сразу же, помимо газеты «Земледельско знаме», учредили несколько печатных изданий с задачей «будить и просвещать темную крестьянскую массу и распространять в ее среде полезные знания из разных областей науки и жизни»¹¹². Движение за объединение крестьян распространилось по всей стране, быстро росло число «дружб». Энтузиазм был таков, что и в конце XX в. глубокие к тому времени старики хорошо помнили события далеких лет, подробно и эмоционально рассказывали интервьюерам о деятельности своей «дружбы».

Проявившаяся заинтересованность и организованность сельских жителей кажутся удивительными для только еще «просыпающегося» политически люда. Поразительна массовость движения. Например, на призыв настоятельства земледельческой «дружбы» села Бяла Церква прийти 25 марта 1900 г. на «громадный митинг» собрались, согласно отчету организаторов, 14 тыс. человек из Павликенской, Тырновской, Горно-Оряховской, Севлиевской, Свиштовской и других околий; шли с развернутыми флагами, на которых красовались надписи: «Долой десятину!», «Долой правительство!», «Да здравствует освобождение народа!»¹¹³. Последний лозунг особенно показательен: селянин, всегда скептически относившийся к официальной власти, заявлял теперь, что не хочет ее.

Взрыв крестьянского неповиновения произошел после введения нового налога – так называемой десятины. Он должен был вноситься десятой частью урожая зерна натурой вместо

прежнего земельного налога, что, как принято считать в историографии, привело в ряде мест к сельским бунтам. Профессор Иван Илчев вносит в эту трактовку любопытный нюанс: по его мнению, бунты были вызваны не самим законом, а тем, что власти не сумели распорядиться собранным богатством, которое гнило на глазах у всех под открытым небом из-за нехватки крытых помещений¹¹⁴. Взбешенные таким поруганием их труда селяне на местах призывали: жгите снопы, но не давайте их правительству! Если Илчев прав, и действительно таковой была истинная причина неповиновения крестьян, и они чувствовали себя оскорбленными из-за пренебрежения их трудом, не говорит ли это о неожиданно высоком самочувствии болгарского работника на земле? Но откуда оно взялось? Достаточно ли для этого было нового ощущения себя (после Освобождения) свободным частным собственником?

Этому могла способствовать царившая в Княжестве «духотподъемная», оптимистическая атмосфера. Но был и другой фактор. Выше говорилось о появлении «вторичного крестьянства» – к земле возвращались разорившиеся ремесленники, что, очевидно, придавало сельской жизни некие новые качества. Такой «вторичный крестьянин» имел опыт жизнедеятельности за пределами традиционного сезонного севооборота, мог выполнять ручную, более тонкую работу, приучавшую мыслить, фантазировать. Согласно прежним цеховым правилам, создав «шедевр», ремесленник добивался профессионального признания, что повышало его самочувствие. Это были люди, обладавшие большей свободой и более высоким представлением о себе. Такая самооценка передавалась из рода в род.

Особенно важны в этом отношении рассуждения недавно почившего Владимира Свинтилы, разностороннего ученого, литератора и обществоведа, близкого в свое время к Ивану Хаджийскому – первому и самому авторитетному болгарскому социологу. Свинтила сообщает в одной из своих работ, что Хаджийский предполагал заняться психологией именно «вторичного крестьянства», и они что-то по этой теме обсуждали. Но наставник погиб на фронте в 1944 г. Сам же Свинтила увязывает общественную активность низших слоев населения в Княжестве с мироощущением «вторичной» прослойки соци-

ума, активность, породившую, по его мнению, партии радикалов и социалистов-общедельцев. «И вообще, – добавляет он, – политический экстремизм в жизни [18]80–[18]90-х гг.»¹¹⁵.

«Земледельцам» этот автор уделяет особое внимание. Быстрый организационный рост БЗНС, пишет он, «не мог основываться на исконном крестьянине, который не имел еще никакой общественной и политической практики. (Село практически не приняло участия в национальной революции). Его обаятельные трибуны типа Янко Забунова не могли сформироваться в спокойной сельской массе. Появление столь ранней земледельческой печати (партийной и профессиональной) нельзя объяснить активностью самих крестьян. Здесь действуют общественные матрицы, типы социального опыта, созданные в период Возрождения и привнесенные в земледельческое движение этими “вторичными крестьянами”. Их интеллектуальная активность, организационные способности, навыки общественной и политической пропаганды объясняют быстрое, взрывообразное развитие Союза и его республиканский характер»¹¹⁶.

Предложенный тезис не получил большого отклика и развития в болгарской историографии, а российской – совсем не знаком. Однако, на наш взгляд, в нем содержатся новые интересные подходы к лучшему пониманию особенностей болгарского общества вообще и истории БЗНС, в частности. Хотя, естественно, он нуждается в дальнейшем глубоком изучении учеными-историками, но также и социальными психологами.

Ряды активистов БЗНС быстро росли. В 1903–1905 гг. в организации и ее руководстве появляются представители поколения, не столь крепко связанного с традициями. Родом они были также из бедной крестьянской среды, однако отличались стремлением к образованию: Александр Стамболийский, Марко Турлаков, Александр Оббов, Александр Димитров, Стоян Омарчевский, Недялко Атанасов, чуть позже – в 1913 г. – Райко Даскалов, выросший в более благополучной семье. Они были обладателями дипломов педагогических или земледельческих училищ, а также Софийского университета (иногда двух факультетов, в том числе философского), учились и в зарубежных университетах (Забунов, Стамболийский, Даскалов), занимались самообразованием. При этом каждый из них имел тот

или иной стаж учительской работы; некоторые продолжали заниматься сельскохозяйственным трудом.

Тогда это была, – писал в 1922 г. один из «земледельческих» пропагандистов, – довольно сплоченная группа молодых энергичных людей, «пропитанных идеалами и высокими чувствами, которыми обычно воодушевляются апостолы одной идеи, одного культа». И добавлял: в первые годы руководящая группа Земледельческого союза была немногочисленна, ее члены не имели навыков «испытанных политиков»¹¹⁷.

Опыта пока что было мало, однако цель представлялась высокой. На вопрос «Зачем появился Земледельческий союз» Драгиев, вспоминая прошлое, отвечал: «Мы считали, что огромный земледельческий механизм в земледельческой машине, в земледельческой Болгарии должен быть приведен в движение, должен работать для просвещения сельского населения, для его умственного и нравственного роста, для его политического перевоспитания, <...> мы думали, что внесем большой вклад в правильное движение всей народной и государственной машины»¹¹⁸.

Они много работали – «в поле», в низах: вели в селах агитацию, создавали «дружбы», непосредственно общались с людьми, проводили беседы, руководили собраниями, выступали защитниками крестьян, не оставались в стороне, когда сталкивались с коррупцией, обидами, несправедливостью и т.п. Для успеха пропаганды – в то время еще и радио не было – требовалось постоянное личное общение.

Одновременно «земледельцы» широко развернули журналистскую и издательскую деятельность. Ежедневно выходила газета «Земледелско знаме». На нее проводилась подписка. Даже по болгарским условиям она была мизерной (5900 абонентов в 1909 г.), но не надо забывать, что подписчиками, вносившими предварительную оплату, были простые сельские труженики, передававшие газету из рук в руки. Редакцию главного печатного органа БЗНС попеременно возглавлял тот или иной член руководства организации, а писал в газету буквально каждый из них, часто и помногу. В 1904 г. стал выходить ежегодник «Земеделски народен календар» (основатель А. Стамболийский), к 1909 г. тираж календаря вырос с 20 до 50 тыс. экземпляров¹¹⁹. В 1910 г. появился ежемесячный

журнал «Земледелска мисъл» (основатель Ц. Бакалов). В отличие от «Земледелско знаме», освещавшей текущие политические вопросы, журнал брал на себя важную миссию: разъяснять «спасительную для всей Болгарии идею крестьянского объединения», равно как и пропагандировать необходимость знаний для селян. Отсюда лозунг: «Земледельческая и агрономическая наука – это то, что сделает нас богатыми»¹²⁰. В журнале печатались многие писатели, публиковались просветительские материалы из области истории, естествознания, культуры и литературы, затрагивались общественно-политические и профессиональные темы – земледелие, виноградарство, производство другой сельскохозяйственной продукции¹²¹. Иными словами, действовало то, что, говоря о роли журналистско-издательской деятельности в жизни общества, в ускорении социальной циркуляции, Питирим Сорокин назвал «Институтом прессы»¹²².

Существенную роль в организации всей этой работы играл А. Стамболийский, быстро превращавшийся в одного из лидеров Союза. В юности он, как и его товарищи по БЗНС, по окончании школы в родном селе, работал учителем. Образование продолжил в известном на Балканах Земледельческом училище в Садово (1893–1895) и в виноградарско-винодельческом училище в Плевене (1895–1897), где его преподавателем был Янко Забунов. В 1900–1902 гг. изучал агрономию в Германии (сохранился экземпляр книги: *Bernstein* «Das Agrarische Programm» (1899) с его подчеркиваниями в тексте¹²³), интересовался философией, но из-за тяжелой болезни (туберкулез в острой форме) обучение пришлось прервать и вернуться на родину¹²⁴. Здесь Стамболийский включается в «земледельческое» движение, по предложению Драгиева работает в редакции «Земледелско знаме».

3.2. Организация и программа

Забота об организационном строительстве БЗНС – едва ли не главное звено в работе Союза. Идея состояла в превращении Союза в массовую организацию. Конкретно это означало создание в каждом селе – «дружбы», при каждой «дружбе» – читалишта и сберегательно-кредитного общества. Сплочение

крестьян снизу объявлялось первейшей задачей. «Земледельско знаме» в номере от 5 января 1905 г. писала: прежде чем устраивать митинги, надо сначала создать крепкую самостоятельную политико-экономическую общественную силу. В 1903 г. на 5-м съезде БЗНС в Шумене Союз из экономико-просветительской организации был преобразован в партию. В основу ее идеологии закладывались постулаты сословной теории с принципом главенства крестьянского сословия в обществе. На этом съезде 25-летний Стамболийский был избран заместителем председателя Управительного совета (сменил на этом посту Драгиева) и редактором «Земледельско знаме». Вскоре он завершает работу над брошюрой «Принципы БЗНС», в которой, помимо экономических основ организации, формулирует ее политическую платформу. Программа партии была представлена 7-му съезду Союза (1905, Тырново).

Удивительно, но, в отличие от внутренне довольно аморфных «классических» буржуазных болгарских партий, руководители БЗНС строили партию на основе строгой дисциплины, принципе подчинения меньшинства большинству. То есть, можно сказать, почти как «партию нового типа» (по Ленину). В брошюре 1908 г. «Земледелец по занятию и земледелец по убеждению» Стамболийский так определил важнейшее уставное требование: «Членом организации может быть земледелец по занятию, который отказался письменно от всех политических партий, состоит в списках земледельческой дружбы (и, следовательно, в списках БЗНС), платит определенные взносы, получает и читает печатный орган газету “Земледельско знаме” и другую союзную литературу, усиленно старается распространять идеи земледельческого объединения, выполняет его распоряжения и поддерживает искренне и всегда его стремления, его программу»¹²⁵. В целях регламентации деятельности Союза А. Димитров, интенсивно работавший по созданию «дружб», публикует в 1909 г. «Руководство земледельцу».

Решениями 6-го съезда (Варна, 1904 г.) устанавливалось число подписчиков на «Земледельско знаме» для каждой первичной организации с таким расчетом, чтобы один экземпляр приходился примерно на двух-трех человек¹²⁶. Трудно сказать, как и насколько простые крестьяне соблюдали все эти строгие установки, но в печатном органе БЗНС не раз появлялись

сообщения об исключении отдельных «дружб» из БЗНС за невыполнение союзных постановлений или общих решений, за нарушение союзной дисциплины.

Члены партии поддерживали ее деятельность обязательными взносами, руководство Союза отчитывалось перед делегатами *ежегодных* съездов. Съезды проводились в разных городах поочередно, территориально расширяя, таким образом, поле агитации, возбуждая к себе интерес населения в разных частях страны. «Земледельцы» гордились введением и соблюдением отчетности в партии. В одном из отчетов руководства о деятельности БЗНС в Народном собрании говорилось: «БЗНС первым ввел как принцип, что каждый избранный член Земледельческого союза, будь то депутат парламента, окружной или общинный советник, школьный или церковный настоятель, в конце каждой сессии отчитывается перед своими избирателями»¹²⁷.

БЗНС старался быть авторитетной в сельской среде партией. Деятельность местных «дружб» там, где они реально существовали, была направлена на повышение политического сознания крестьянства, его социальной идентификации. Но отстаивание БЗНС собственного места в политической системе было уделом, главным образом, лидеров партии. Крестьянство же в целом – весьма разнородное по степени благосостояния, культуре и образованию (большинство оставалось неграмотным или полутрамотным) – перипетии болгарской и балканской политики обсуждало чаще в корчме за бутылочкой ракии или чашкой турецкого кофе, нежели на страницах печати.

Зачем «земледельцам» требовалась высокая степень организации? Для ответа на этот вопрос познакомимся с главным сочинением А. Стамболийского «Политические партии или сословные организации», увидевшим свет в 1908 г. К тому времени его позиции во главе БЗНС значительно укрепились: он руководил 9-м съездом партии (1907, Пловдив), добился перемещения центральных органов Союза из драгиевской Стара-Загоры в Софию.

Книга Стамболийского по-своему удивительна: крестьянский сын с неполным высшим образованием сумел разработать собственную теорию преобразования общества. Ее философия

скую часть Стамболийский определяет как биоматериализм, сущность которого сводится к тому, что человека из мира животных выделяет лишь стремление к общественной жизни¹²⁸. Основой любого движения он считает борьбу, она свойственна народам всех стран, всему человечеству¹²⁹. Поскольку же земледелие повсеместно является главным источником пропитания населения, то именно крестьянскому сословию принадлежит преобладающая и главенствующая роль в общественной жизни¹³⁰. Этот постулат и есть основа сословной теории, ставшей центральным пунктом крестьянской идеологии аграризма. Другой важный пункт – признание частной собственности главным стимулом к прогрессу, однако с принципиальной оговоркой: полезна только средняя и мелкая частная *трудовая* собственность (в государственной, общинной и кооперативной формах)¹³¹.

Своеобразно представление Стамболийского об идеальном политическом устройстве государства, особенно в той части, что касалась Болгарии: по его мнению, политические партии, выполнив задачу борьбы за политические права, изжили сами себя; они вступили в тесный контакт с монархом, потеряли доверие народа, стали проводниками и защитниками личного режима¹³². Из таких подходов складывался новый образ общественно-политического идеала – политические партии уничтожены, главную роль играют сословия и среди них на первом месте – земледельцы. Добившись большинства в парламенте, земледельческое сословие будет осуществлять *народовластие*. В стране предполагалось установление парламентского, «действительно конституционного строя, когда не будет никаких привилегий, разделяющих общество на касты». И тут же констатировалась непримиримость межсословных противоречий, недопустимость компромиссов. И никакой монархии, только республика.

Сочинение Стамболийского стало краеугольным камнем идеологии БЗНС. Т.Ф. Маковецкая определяет ее, как мелкобуржуазный вариант аграризма с отрицанием классовой борьбы и отстаиванием возможности переустройства общества посредством приоритетного развития аграрного сектора экономики и выравнивания размеров собственности путем ограничения ее до мелкой и средней¹³³.

Помимо Стамболийского разработкой принципов БЗНС занимались и другие члены руководящей группы. Д. Драгиев в 1900 г. публикует брошюру «Рождение, цель и развитие БЗНС», в 1912 г. – «Земледельческий союз и интеллигенция», а затем – «Каким путем?» В его работах уже явственно чувствуется противостояние с более политически резким Стамболийским. А. Димитров в 1906–1909 гг. выступает с серией брошюр, направлявших конкретную деятельность членов Союза, жизнь «дружб» – «Пропорциональная избирательная система», «Объединенные земледельцы в избирательной борьбе», и уже упомянутое «Руководство земледельцу». Ц. Бакалов, помимо сочинительской литературной работы, пишет гимн Союзу. Ст. Омарчевский, тогда только что окончивший философский факультет Софийского университета, публикует крупную работу «Балканская война. Ее причины и последствия» (1913). Замечу, что способность автора к анализу, зрелость интерпретации и выводов делает ее актуальной и в наши дни. В последующие годы, когда БЗНС находился у власти, его руководящие деятели в еще большем масштабе использовали печатное слово, чтобы донести принципы партии и ее установки до болгарской общественности.

• • •

Рождение теории аграризма специалисты связывают со стремлением крестьянства защитить *свои, особые, интересы*. Крестьянские партии в Юго-Восточной Европе опирались на собственную идеологию, подчеркивает болгарский историк Искра Баева¹³⁴. То же можно было наблюдать и в Центральной, и в Восточной Европе, в Чехии и Польше, например, т.е. там, где крестьянское население было достаточно многочисленным.

Известно, что аграризм далеко не однозначен, в разных странах и в зависимости от этапа их истории он получал то или иное наполнение, вплоть до формулирования теории об особом, «третьем», пути общественного развития и попыток лидеров крестьянского движения реализовать ее и возглавить государственную власть¹³⁵.

Хотя крестьянство активно пользовалось таким буржуазным благом, как частная собственность на землю, в идеологии

аграризма всегда присутствовала антикапиталистическая составляющая. Ярче всего она проявлялась в начале – на рубеже XIX–XX вв.: социальные ожидания увязывались крестьянскими партиями с перспективой сохранения прежнего уклада и доминирования мелкой собственности, т.е. оказывались прямо противоположными идеологии всеобъемлющей модернизации.

Следует учитывать еще один важный момент. Как специфический социокультурный феномен, крестьянство по-особому мотивирует свое поведение в обществе. Социологами отмечено, что в цивилизационно недостаточно развитой среде, в которой с трудом пробивает себе дорогу модернизационный настрой, крестьянству не чуждо стремление к «просперитету» и, главным образом, личному. Болгарский ученый Н. Генчев в интересной книге о социально-психологических типах в истории Болгарии посвятил крестьянству специальный раздел. Он пишет: в буржуазном обществе «частнособственнический инстинкт, обнаруженный еще у патриархального человека, становится господствующим в системе мыслей, чувств, идей и стремлений крестьянина. Разрастается невиданная в прошлом страсть к приобретению земли и скота, стремление захватить, прикупить, отвоевать пустующую землю, обладать имуществом любого рода»¹³⁶. Добавим, что крестьянство *неосознанно* выполняет при этом важные и необходимые для осуществления модернизации функции, а именно формирует такую общественную ценность, как мирный постоянный труд. На наш взгляд, фактор культивирования в обществе высокого статуса труда и настроя на мир ставит под вопрос справедливость существующих в историографии характеристик крестьянства только как тормоза для процесса модернизации, заставляет отказаться от излишне прямолинейных оценок.

Действительно, проблема модернизации страны, где крестьянство составляет до 80% населения, не имеет простого решения. Уже первое прикосновение к ней обнаруживает кажущееся абсолютным противостояние ее сущностных сторон: глубинный консерватизм крестьянства как социального слоя и революционность процесса модернизации. Однако сельская масса отнюдь не лишена способности к эволюции. И здесь уже многое зависит от мощи самого модернизационного процесса, от интенсивности процесса культурного развития социума.

3.3. Тактические задачи и выраженный антимилитаризм

Болгарский крестьянин – свободный собственник земли и своего хозяйства, приобщаясь к новой политической системе болгарского государства, образовавшегося после Освобождения Болгарии, в принципе поддерживал его буржуазно-либеральные структуры. Во всяком случае, в кризисных ситуациях последующих лет селяне не раз выступали в защиту Конституции, за ее неприкосновенность, против каких-либо изменений. Более сложным было отношение к институту монархии. Общество, в большей своей части, оказалось не совсем готовым принять этот институт. Крестьяне вообще не понимали, зачем он нужен, почему князю следует подчиняться. Драматические события болгарской истории, связанные, помимо прочего, и с личностями, занимавшими монархический трон, – их отречения, дискредитация, изгнание, а также приглашение нового князя-католика путем его тайного вывоза из чужой страны, – все сильнее формировали в народе отношение к монархии как чужеродному телу, создавая благоприятную почву для антимонархической пропаганды БЗНС.

Особенностью вестернизованного политического устройства страны являлось введение всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 21-летнего возраста. Поскольку именно крестьяне составляли основную массу электората не только БЗНС, но и других партий, буржуазных и мелкобуржуазных (а также социалистических – с их появлением на политической арене), провозглашенному гражданскому и электоральному равенству предстояло сыграть важную социокультурную роль. Сама возможность участвовать в парламентских, например, выборах содействовала воспитанию населения в духе гражданских свобод и прав¹³⁷, повышала самосознание крестьянина как гражданина и как личности. Риску выразить мнение, что даже возможность продать свой голос избирателя (такая практика нелегально существовала), то есть возможность свободно распорядиться собственным политическим капиталом, также способствовала формированию личности болгарского селянина. Хотя первоначально представительство сельских жителей в парламенте имело почти кари-

катурный характер, с течением времени картина «облагораживалась».

В 1908 г. 11-й съезд БЗНС принимает решение – Союз должен участвовать в выборах всех уровней. И впервые в большую избирательную кампанию по выборам в Народное собрание самостоятельно, с собственными бюллетенями, вступает партия «земледельцев». Кампания была сравнительно массовой – к участию в агитации привлекались председатели местных «дружб». И первый опыт оказался удачным: в парламент были избраны 23 депутата от Земледельческого союза, они составили организованную оппозиционную фракцию. Отсиживаться на парламентских скамьях, молчать в зале заседаний эти депутаты не собирались.

Об обсуждавшихся в парламенте вопросах и ходе прений оповещала газета «Земледельско знаме», публиковались в ней и стенографические отчеты заседаний. Крестьяне следили за тем, что происходит в «земледельческой» фракции, выражали огорчение по поводу возникавших между ее лидерами распрей, о чем также писала газета. «Дружбы», созывая крестьян на общесельские собрания, распространяя брошюры, обращения и другие материалы, исходившие от руководства Союза, превращались в своеобразного организатора села. Становилось привычкой обсуждение политических событий в читалищах, в корчме, на постоянных дворах и т.п.

Союз быстро набирал силу, постепенно превращаясь в самую массовую партию в Болгарии. 1905–1907 годы отмечены большим притоком новых членов, произошел почти двадцатикратный рост рядов партии – до 20800 членов¹³⁸.

• • •

Новое время властно выдвигало на первый план многовекторную конкуренцию между государствами и, чтобы выдержать ее, настоящей необходимостью становилась модернизация всех сторон жизни и деятельности общества. Но южно-балканские элиты, далеко еще не порвавшие с традиционалистской почвой и недостаточно компетентные, плохо улавливали новые веяния, складывание новой цивилизационной тенденции и продолжали ставить во главу угла борьбу за десятилетиями культивировавшийся великодержавный «национальный идеал». 1908 год стал важной вехой в истории Бол-

гории, как и всех стран Балканского полуострова: тогда, пусть еще нечетко, но уже обозначился силуэт будущей опасной развилки на их пути – война или модернизация.

Уже упоминавшаяся аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в сентябре 1908 г. (Аннексионный кризис) внесла в международную жизнь большую сумятицу. Возникшим замешательством воспользовались правящие круги Болгарии: опираясь на предварительные переговоры с министром иностранных дел Австро-Венгрии и не совсем определенные, однако прозвучавшие, обещания Вены действовать сообща, они провозгласили Болгарию независимым Царством. Так Княжество изменило свой прежний статус и отбросило вассальную зависимость от турецкого султана, сохранявшуюся со времени Освобождения в 1878 г.

В жизни Болгарии это был крутой поворот. Впервые страна могла почувствовать себя самостоятельной, отвечающей за себя и свои действия, насколько это вообще возможно для малого государства. Событие было торжественно отмечено и как важный акт в деле объединения болгарского народа. Именно объединительная идея закладывалась в новое название главы государства – Князь Фердинанд стал именоваться Царем болгар, подразумевалось – всех болгар. Царская коронация в древней болгарской столице Тырново была великолепно обставлена и хорошо разрекламирована. Действительно, независимый статус Болгарии, международного признания которого, благодаря помощи России, удалось добиться в следующем году, открывал перед страной новые перспективы. Но также и опасности. Ибо от обоих «балканских новшеств» – австро-венгерского и болгарского – тянуло порохом, предчувствием войны за новые территории, сторонников которой на Балканах всегда было немало.

Эту опасность особенно остро ощутили «земледельцы». БЗНС через А. Стамболийского и свою фракцию в парламенте выступил с заявлением, что события 22 сентября 1908 г., когда была провозглашена независимость Болгарии, являются нарушением Конституции, ее статей 167, 168 и 169, и что это преступление «кладет начало будущим войнам»¹³⁹. Указывая, что важнейший государственный акт был осуществлен в стоворе с Австро-Венгрией и без ведома народа, Стамболийский считал себя вправе назвать его переворотом. «Самозванные устроите-

ли переворота, – писал он в «Земледельско знаме», – нарушили Конституцию и попытались воплести народовластие в сети некоего царевластия...»¹⁴⁰. Это «царевластие» вызывало полное неприятие Стамболийского, заявлявшего: «Торжество демократии несовместимо с торжеством монархии, а триумф демократии предполагает и требует исчезновения и последних остатков монархизма». Среди его аргументов преобладали те, что наиболее соответствовали общинной крестьянской ментальности.

Смелая критика «земледельцев» не сдержала буйную радость людей, которым по вкусу пришелся запах пороха. Для проповеди «великих» национальных идей в Болгарии открылось новое пространство. Задачей было внедрить их во все слои общества. В работу включались государственная бюрократия, частично «народная интеллигенция» (учительство), и особенно офицерский корпус. Нельзя не отметить при этом, что все креативеры (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными в городском секторе и относились к категории тех, чьи доходы зависели, главным образом, от государства¹⁴¹. Их практически не было в крестьянской среде. «Модерный болгарский национализм», – считает болгарский ученый Андрей Пантев, – был городским по принадлежности, несмотря на сильное преобладание сельского населения в стране¹⁴². И здесь мы подходим к очень важному моменту: «Село встречало националистические программы враждебно», – констатируют западные социологи¹⁴³. Болгарский историк Иван Илчев, в свою очередь, отмечает: «Огромное большинство электората оставалось пассивным в вопросах внешней политики. В целом оно позволяло политической элите свободно принимать свои решения». Это свое наблюдение Илчев относит ко всем балканским странам¹⁴⁴.

Среди слоев населения, серьезно настраивавшихся на войну как способ полного объединения болгарского народа, выделяются члены Внутренней македоно-одринской организации (ВМОРО). В их самоидентификации присутствовала не только / не столько болгарская принадлежность, сколько македонская. Они активно участвовали в формировании так называемого «македонского фактора», роль которого в истории и судьбе Болгарии огромна. Отчасти ее можно назвать и роковой. В небольшом экскурсе постараемся прояснить суть этого явления.

4. МАКЕДОНСКИЙ ФАКТОР В СУДЬБЕ БОЛГАРИИ

4.1. Княжество и Македония после 1878 г.: рождение ВМРО (ВМОРО)

В 1878 г., при Освобождении Болгарии, ощущение раскола, разделенности того населения, которое в Княжестве обрело государственность, и теми, кто остался в турецком султанате, ощущалось еще на каком-то трудно уловимом ментальном уровне. Но со временем стало реально усиливаться. Македонские земли в рамках Османской империи застыли в формах прежней архаичной структуры. Немного изменили в этом отношении турецкие реформы эпохи Танзимата с его ведущей идеей равенства всех подданных султана. Правда, неким положительным знаком явилось разрешение избирать немусульман в местные административные и судебные советы, так что туда смогли попасть и болгары. И, несмотря на ограниченные права и подчиненное положение болгар в меджлисах, пишет Милена Тафрова, многие из них сумели включиться в работу властных органов на местах¹⁴⁵. Однако это не решало главной проблемы – избавления болгар от иноземной власти.

Негодование против навязанного внешними силами раскола «болгарского племени» вылилось во вспышку Кресненско-Разложского восстания в октябре 1878 г.* В ходе его проявилась несогласованность между частями «племени» – обращение руководства повстанцев к Комитету «Единство» в Софии с просьбой помочь добровольцами, оружием и боеприпасами (такие комитеты возникали во многих городах Болгарии в знак сопротивления международному диктату) – не было удовлетворено. Разногласия возникли и по вопросам тактики. В Софии тогда признавали, главным образом, дипломатические формы борьбы против решений Берлинского конгресса.

* Кресненско-Разложское восстание – вооруженное выступление населения Македонии и Фракии, недовольного решениями Берлинского конгресса 1878 г., в соответствии с которыми эти территории остались в составе Османской империи. Главный лозунг повстанцев: «Сан-Стефанская Болгария». Подавлено в 1879 г. (*Примеч. отв. ред.*).

Так реально обозначились не только различие в положении «частей племени», но и непростые отношения между ними.

После подавления Кресненско-Разложского восстания из Македонии в Княжество переселились свыше 25 тыс. человек. Известный болгарский этнограф и демограф Васил Кынчев, обследовавший в конце XIX в. македонские земли «полевым способом», писал: «После Берлинского конгресса охридская община пришла в упадок. Местная интеллигенция массово бежала в свободную Болгарию, и это ослабляло фронт сопротивления иностранной пропаганде. Таким же было положение в Струге», равно как и в других местах¹⁴⁶. Этнически многоликое население этих земель оставалось в основном пассивным. Впрочем, эта пассивность имеет свою генетику – известно, что возрожденческий процесс в Одринской Фракии, Беломорье*, Южной Македонии, а частично и в Вардарской области развивался с запозданием и «при сильном внешнем противодействии». Каким именно? Одним из инструментов такого противодействия современный болгарский ученый Ангел Димитров считает включение населения македонских земель в сферу греческих национальных интересов: их «сожительство» оказалось настолько тесным, что и встреча с модерной эпохой проходила «под влиянием тех же греков-просветителей и греческой духовной власти»¹⁴⁷. Димитров подчеркивает: поскольку основные усилия македонских болгар были направлены, в первую очередь, на церковную борьбу, их включение в сеть революционных комитетов 1860–1870-х гг. было «слабым»¹⁴⁸.

Сказывался, очевидно, выработанный веками жизни под иностранным гнетом психологический настрой местного люда на неспешность, постепенность, эволюционизм. Население, несмотря на все большее ощущение неравенства своего положения в сравнении с Княжеством, и понимание того, что успех северо-восточных болгар проистекал, в числе прочего, из национально-освободительной борьбы, продолжало жить в рамках традиционализма. Носителей идеи общественных перемен было мало.

Что касается обстановки в самом Княжестве, то в болгарской историографии существует устойчивый миф, будто после

* Белое море (болг.: Бяло море) – Эгейское море. Беломорье – районы побережья Эгейского моря (*Примеч. отв. ред.*).

того, как на Берлинском конгрессе Сан-Стефанские просторы Болгарии были урезаны, все кипело здесь в страсти по объединению с Македонией. Особняком стоит мнение профессора Ивана Илчева, считающего, что отнюдь не македонский вопрос находился тогда в центре общественной жизни. «Исторические исследования, – забрасывает ученый наживку для дискуссии, – дурачат нас, уверяя, что основным помыслом болгар в эти годы была политика в целом и особенно македонский вопрос»¹⁴⁹. К сожалению, профессиональными историками вызов Илчева не был принят, «научная интрига», несмотря на предварительный «подогрев», оборвалась на полуслове. В атмосфере болгарского государственного патриотизма предложенной новации, суть которой, как представляется, наиболее приближена к реальности, не суждено было получить развитие.

Если посмотреть на фактическую сторону вопроса, то в действительности, вслед за Кресненско-Разложским восстанием и другими проявлениями недовольства Берлинскими постановлениями, острота политического неприятия сложившейся ситуации сглаживается. Македония отходит на задний план в сравнении с реальной возможностью добиться объединения Княжества с Восточной Румелией. На это обстоятельство обратили внимание итальянские ученые Франческо Гуида и Рита Толомео, отмечающие, что движение за Соединение являлось гораздо более сильным, чем движение за объединение с Македонией¹⁵⁰. К этому выводу ученые, как пишет Р. Толомео, пришли в результате изучения реальных интересов Италии, у которой перспектива объединения Болгарии и Македонии вызывала сильные опасения¹⁵¹.

Тактика же болгарских правительств 1880-х – середины 1890-х гг., да и позже, состояла в том, чтобы не провоцировать соседей и великие державы этническими выступлениями в Македонии. Любопытны рапорты бельгийского представительства в Софии. Исследовавшая их Виолетта Костова отмечает, что в 1879–1885 гг. тема Македонии в дипломатических документах вообще отсутствовала и что болгарские власти твердо придерживались негативной позиции в отношении организации чет и отправки их в Македонию. И даже предпринимали конкретные меры против самоорганизующихся чет¹⁵².

Линия на сдерживание четнической деятельности продолжалась и в последующие годы. Она не была строгой и последовательной и во многом зависела от личного отношения того или иного болгарского премьера к «македонскому делу», из чего проистекала и его политика – либо способствовать ему и поддерживать, либо, наоборот, «прижимать».

Дискуссии по национальному вопросу оживились в Княжестве лишь с обострением Восточного вопроса в конце XIX в. О желательности объединения болгарского народа в границах единого государства в то время говорилось и писалось много, но единой государственной доктрины выработано не было. Задачи ее разработки не брала на себя ни верховная власть в Болгарии, ни «патриотические» политические партии, ни отдельные их представители. Один из лидеров Народной партии Иван Гешов, считал, что партия вообще не должна связывать себя «конкретными программными задачами по национальному вопросу»¹⁵³.

Инициатива пришла извне. «Братья из Македонии», поднявшиеся в начале 1890-х гг. на борьбу против османского гнета, основали в 1893 г. Внутреннюю македонскую революционную организацию (ВМРО, позже стала македоно-одринской – ВМОРО) с целью добиться политической автономии. Но даже революционно настроенные руководители ВМОРО словно застыли во времени. Оставаясь в круге традиционных понятий, они не удосужились изучить международные и внутрибалканские коллизии 1890-х годов, с учетом которых им предстояло действовать революционными методами. И в строительстве своей организации они опирались на «опыт Бенковского, Левского, Ботева, и других», т.е. использовали лекала 20-летней давности¹⁵⁴. Из того же времени пришло определение цели борьбы – в неравной битве с превосходящими силами противника добиваться не столько победы, сколько политического эффекта, ведущего к интернационализации конфликта и вмешательству великих держав. Надеялись на то, что, добившись автономии, Македония сможет присоединиться к Княжеству, как это произошло с Восточной Румелией. Но следует подчеркнуть, что политический и культурный уровень руководства организации и не мог резко выделяться на фоне того состояния социально-экономического развития македонской

провинции султанской Турции, которого она достигла к концу XIX в.

Не случайно уже цитировавшийся Ангел Димитров в более ранней своей работе утверждал, что Ильинденско-Преображенское восстание 1903 г. было «исторически запоздалым» и лишено реальных перспектив успеха¹⁵⁵. Полностью соглашаясь с автором, отмечу, что эта его оценка – для других специалистов спорная, – к сожалению, не стала, как и в случае с вышеприведенным тезисом И. Илчева, предметом дискуссии среди болгарских историков.

Впрочем, с точки зрения умения стратегически мыслить недалеко ушла и политическая «элита» Княжества Болгария. Общим местом в современной историографии стало признание, что к моменту Освобождения концепции собственных национальных интересов у болгар не было, и что «преднациональный», так называемый возрожденческий, идеал, не имел конкретного оформления¹⁵⁶. Его «общая форма» скорее может быть отнесена к благонамеренным мечтаниям о свободных (освобожденных? – *Р.Г.*) «родных и окрестных землях». Вот почему находкой для них оказался образ Сан-Стефанской Болгарии, недостаточно обдуманно, на мой взгляд, преподнесенный мировому сообществу российской дипломатией¹⁵⁷.

• • •

В 1870–1880-е гг. македонские земли, остававшиеся под властью султана, культурно «осваивались» в основном силами болгарской Экзархии. Она занималась, помимо духовного окормления македонских болгар, строительством церквей и школ, и делала это довольно успешно. Ее политика в Македонии и Фракии, базировавшаяся на эволюционистской идее Возрождения, носила исключительно мирный характер. Но с 1890-х гг. революционные македонские практики стали добиваться своего перевеса на этом поле. И вскоре оттеснили мирноносцев Экзарха на второй план. Уже в 1900 г. Экзарх в докладе Св. Синоду в Софии выражал недовольство политикой «революционных апостолов» в спорных провинциях, где одновременно с болгарам вели агитацию, превратившуюся уже в вооруженную, сербы, греки, албанцы. Для общей картины не хватает еще такого мазка, как содержание образования в бол-

гарских школах в македонских землях, когда оно оказывалось в руках революционно настроенных учителей – сторонников и членов ВМОРО. В отличие от «непатриотического» благодушия при обучении «болгарят» в школах Княжества, о чем говорилось выше, македонские революционные учителя были ориентированы на привитие учащимся «духа гражданственности и патриотизма», на их уроках, которые, кстати, турецкая цензура часто запрещала, особое внимание обращалось на болгарскую историю и географию¹⁵⁸. Не только в знаменитой Салоникской мужской гимназии, но повсеместно в школах организовывались тайные кружки, руководство которыми часто брали на себя учителя и директора учебных заведений. Учащиеся, находившиеся в самом лабильном возрасте, легко и с радостью откликались на революционные замыслы, приключения, борьбу, романтику¹⁵⁹. Многие из них оказывались потом в Княжестве. Любопытное обстоятельство приводит И. Илчев, ссылаясь на политического деятеля Петра Джидрова (уроженца Штипа), который вспоминал, что «македонские болгарята, приезжавшие в Софию продолжить образование, обычно должны были повторить первый год обучения, чтобы лучше усвоить нормативный литературный болгарский язык»¹⁶⁰.

Эмигрантские македонские (земляческие) организации в стремлении воздействовать на общественное мнение и политические круги Болгарии времени не теряли, их целью было посеять и распространить в Болгарии революционные настроения, пробудить желание к поддержке вооруженной борьбы в турецких провинциях. Тактику воздействия на Болгарию не только извне, но и изнутри македонские революционеры стали использовать особенно энергично с тех пор, как одна за другой «посыпались» неудачи в их повстанческой борьбе против османских властей. Правда, как правило, борьбе, плохо организованной. Массовая эмиграция македонских и одринских беженцев, селившихся в Княжестве (к началу Балканских войн их численность доходила до 120 тыс., по другим данным, – до 200 тыс. человек), становилась существенным фактором давления на благодушное болгарское общество – возбуждающе действовало уже само их присутствие, а, кроме того, немало македонских активистов оказались в органах управления разного уровня.

1903 год можно назвать особым в истории Болгарии – тогда македонский вопрос был поставлен перед болгарским правительством ребром: штаб повстанческой армии Ильинденско-Преображенского восстания обратился к софийскому правительству с требованием объявить войну Турции. Демарш сопровождался массовыми митингами, организованными македонскими эмигрантскими землячествами по всей Болгарии, к ним присоединялись болгарские военные, политики, простые граждане. Лозунгом было требование – «Война любой ценой!» Правительству с трудом удалось удержать ситуацию¹⁶¹, понимая, что болгары не были готовы к войне ни материально, ни морально. Почти полностью повторилась ситуации времени Кресненско-Разложского восстания! Случайно ли?

Как оценить требование ВМОРО к властям Княжества немедленно начать войну против Турции, то есть фактически подставить его, не готового сражаться с явно превосходящими силами противника, под смертельный удар? В поисках ответа на вопрос обратимся к интересной попытке Ангела Димитрова сконструировать отношения между ВМОРО и Княжеством. Он полагает, что македонские организации свое отношение к болгарскому государству приравнивали к отношениям между матерью и детьми. А это значит, что от матери-Болгарии обиженные судьбой македонские революционеры ожидали жертвенной защиты, выполнения своего долга до последнего дыхания¹⁶².

Диссонанс в действиях руководства повстанцев и болгарского правительства проявился в 1903 г. (обращение к «матери») на более выраженном «родственном» уровне, чем в 1878 г. (обращение к единоплеменникам, «братьям»), что до некоторой степени разъясняет Илия Тодев. Исследователь обратил внимание на так называемый «первоначальный македонизм», давший о себе знать еще в 1860-е гг. Тодев считает его претензией – «отчасти обоснованной, отчасти нет» – отдельных македонских литераторов (книжников) на то, что они, дескать, являются «более настоящими» и более полноценными болгарам, чем все остальные. Основания для таких претензий Тодев видит в лучше сохранившейся в Македонии культурной

традиции*, а также в чрезвычайно сильном, «доходившем до пароксизма», национальном чувстве. После 1878 г. к ощущению частью македонцев собственного превосходства добавилось ущемленное болезненное самолюбие из-за все более отчетливо проявлявшегося отставания в сравнении с Восточной Болгарией¹⁶³. И как результат – диалектический «перевертыш»: проявления своеобразного македонского антиболгаризма со стороны левых руководителей «архиболгарской» ВМОРО (уж не родственного ли детскому эгоизму?). Отсюда пренебрежение интересами собственно Болгарии, осознанное подведение ее под удар без заботы о последствиях.

По-своему говорит об «особом болгарском чувстве македонцев» Цочо Билярский, усердно разрабатывающий «македонское направление» применительно к болгарской истории. Практически он просто солидаризируется с освещением этого вопроса в мемоаре, составленном деятелями ВМОРО в далеком 1923 г. Македонские болгары, говорилось в документе, дольше всех находились под иностранным владычеством; «они выработали и противоядие против этой напасти – они стали самыми твердыми, самыми крепкими болгарами. Шесть с половиной веков под чужим игом – византийским, сербским, турецким, вновь сербским и греческим, но при этом они крепко держатся своей народности и мужественно борются за сохранение своей национальной культуры, за политическую свободу и независимое управление. И после первого, и после второго погрома пораженчество не овладело македонцами...»¹⁶⁴.

То, что не удалось в 1903 г., в конечном счете, произошло в 1912 г., для чего обновленному в 1911 г. ЦК ВМОРО и сторонникам организации в Болгарии пришлось приложить немало сил и действовать более обдуманно.

4.2. Македонская «партия войны» и общественный раскол в Болгарии

Итак, в 1903 г. слово «война» было произнесено. Восстание, организованное ВМОРО, и уход правительства от ответствен-

* И поныне часть современных македонских историков связывает происхождение своей нации со славной эпохой Александра Македонского.

ности за судьбу повстанцев в Македонии положили начало расколу болгарского общества. В Княжестве недовольство антивоенной позицией кабинета проявляли не только отдельные лица. С заявлением, что для достижения национального идеала следует ориентироваться на военный путь, выступило в 1903 г. руководство Демократической партии, признавшее: исчезают иллюзии, что освобождения Македонии можно добиться путем внутренних восстаний, мало надежд и на реальные реформы в ней со стороны Турции.

Однако тут же происходит движение в другую сторону – именно в 1903 г. группа молодых, выйдя из Демократической партии и образовав собственную Радикально-демократическую партию, занимает прямо противоположную позицию: в документах РДП 1902, 1906, 1911 гг., фиксирует Д. Саздов, отражен «страх перед возможностью вовлечения Болгарии в военный конфликт». Молодые радикалы заявляют, что они против милитаризации страны и что мир является первым условием прогресса и благоденствия народа. Их идеал – достижение конфедерации балканских народов, но только мирными средствами. В 1904 г. покидают Либеральную партию младолибералы, которым тоже не свойственен боевой настрой: достаточно, считают они, гуманитарной помощи македонскому и фракийскому населению¹⁶⁵. Элегантно сформулировал в 1903 г. свою позицию лидер «народняков» Гешов: «Болгария не должна допускать безнадежные действия или пускаться в безвыходные авантюры», но должна быть постоянно готова помочь «зарильским* соотечественникам» добиться проведения реформ, регламентированных Берлинским договором. Средством для этого являются легальные формы борьбы и мирные требования тамошнего населения, а не «постоянные вооруженные и несвоевременные попытки осуществления великих, однако не созревших еще идей»¹⁶⁶.

Лишь после Аннексионного кризиса 1908 г., когда активизировались протагонисты великодержавных программ в балканских странах, оживились и сторонники идеи «Великой Болгарии». Но все же и тогда сплочения общества вокруг национальной идеи не произошло. Болгарская элита, в отличие

* То есть проживающим за рекой Рилой македонским болгарам (Примеч. отв. ред.).

от сербской и греческой, так и не составила *мобилизующего* письменного документа-программы объединения болгарского народа, хотя на войну были настроены Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, македонские и другие землячества, ряд политиков и их группировки.

Признаки раскола общества со временем становились все более явными. Тырновский акт 1908 г.* понимался в Болгарии неоднозначно: обретение статуса независимой страны признавалось несомненным успехом, но каким способом он достигнут? В Радикальной партии тырновские события называют «особым государственным переворотом», продиктованным интересами монарха, а не страны. «Радикалы» отказываются величать Фердинанда царем¹⁶⁷. По-своему фрондируют социал-демократы. Партия «широких социалистов», выражая сочувствие борьбе македонских болгар, обращается за ее поддержкой к международной социал-демократии. В 1907 г. проблема обсуждается на Штутгартском конгрессе II-го Интернационала, который принимает специальную резолюцию. Партия выдвигает лозунг автономии Македонии в рамках Османской империи в надежде, что это поможет избежать войны¹⁶⁸. Однако в ней есть и сторонники решения национального вопроса военным путем, хотя общая партийная позиция – против войны¹⁶⁹. Что же касается «тесняков», то, как интернационалисты, они национальным вопросом в принципе не интересуются, но уверены, что будущая социалистическая революция разрешит все вопросы, в том числе и национальный.

Особенно активны в антивоенной пропаганде «земледельцы». Систематически работал в этом направлении Стамболийский. Он развенчивает авторитет не только царя Фердинанда, но и сам институт монархии, высказывается в пользу республики. И личная его позиция выражена вполне определенно: «Абсурдно говорить о единомыслии между коронованными особами и народами, только совершенно невежественные массы могут питать какую-то любовь к коронованным особам». Позже, находясь в тюрьме за антивоенную пропа-

* 22 сентября / 5 октября 1908 г. в Велико Тырново, столице Второго Болгарского царства, была провозглашена независимость Болгарии, а Фердинанд объявлен «царем болгар» (*Примеч. отв. ред.*).

ганду, Стамболийский напишет, что высшая цель БЗНС – возвращение людей к отнятому у них демократизму, дающему равномерное распределение благ и обеспечивающему самоуправление через народовластие¹⁷⁰. С несколько иной аргументацией выступил в 1910 г. Цанко Бакалов-Церковский: «Болгария только что вступила на путь экономического развития, и сегодня ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление того экономического подъема, который является единственным источником благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Нынешнее македонствование наших патентованных патриотов приведет к тому, что вновь направит внимание общества в другую сторону, и собьет производительные силы страны с правильного пути развития»¹⁷¹.

Гражданские выступления, пусть спорадические и разнонаправленные, показательны тем, что отражали отношение части населения к Конституции и демократическим процедурам, как к ценностям европейской цивилизации, которые надо защищать.

С другой стороны, усиливали пропаганду радикальные националисты. В 1910 г. известный политик Александр Малинов, тогда глава кабинета, выступил с требованием создания «Великой Болгарии». И не только в рамках, обусловленных Сан-Стефанским мирным договором, но и сверх того. Любопытную запись об этом оставил в мемуарах секретарь российской дипломатической миссии в Софии В.Н. Штрандтман. В конце 1909 г., покидая страну, он нанес прощальный визит Малинову, в ходе которого тот заговорил о Сан-Стефанской Болгарии, как о недостаточном «минимуме», охарактеризовав «максимум» следующим образом: «Болгария должна лечь крестом на Балканском полуострове с выходом в четыре моря, а именно – в Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое»¹⁷².

Однако массового принятия позиции премьер-министра не происходило. «Специалисты» и интеллектуалы-любители разного уровня выступали со своими трактатами, в которых обосновывали необходимость войны для объединения всех болгар в одном государстве, однако были вынуждены констатировать, что общество расколото по этому вопросу. Анонимный автор одного из таких документов, помеченного как «совершенно секретный» и датированного 25 марта 1910 г., на 30-ти с лиш-

ним страницах машинописного текста рассматривает положение Турции и остальных балканских стран. В разделе «Наши отношения с Турцией» он пишет: среди части народа распространен скептицизм в отношении конечного исхода борьбы, в которую вовлечен наш народ; известные политики с самого начала «были против всякой революционной мысли о Македонии», «а теперь – особенно после младотурецкого переворота* – являются безусловными противниками любой инициативы, которая приблизила бы болгарский народ, в результате его последнего подвига, к своему объединению и полному его завершению». Есть и другие, которые думают о «прогессе царства» и «успехах нашей культуры и мирной политики»¹⁷³.

Но свой выбор автор обозначает четко: для Болгарии последствия «нашей консервативной политики» – самые печальные, «только огонь и железо могут их преодолеть и укрепить наше существование». И в этих условиях, констатирует он с возмущением, «часть болгарского общества считает, что Царство должно закрыться в своей скорлупе и предаться мирному культурному и экономическому развитию»¹⁷⁴.

Отсутствие единства в вопросе о войне зримо проявилось в 1911 г., когда в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й Конституции. Его принятие позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу (т.е. в нарушение процедуры) руководить внешней политикой Болгарии. Против такой возможности ополчились партии, представлявшие нижние слои общества. «Земледельцы» развернули антивоенную кампанию по всей стране, выступая против наделения царя бесконтрольными прерогативами и курса на милитаризацию страны. Мелкобуржуазная Радикальная партия обнародовала важные документы – специальную «Конституционную платформу» и «Платформу по

* Младотурецкий переворот (иначе – младотурецкая революция) – выступление участников политического движения в Османской империи, так называемых младотурков, против единоличного режима султана Абдул Гамида II в 1908 г. Используя обострение социальных и национальных отношений в Македонии, они потребовали восстановления I-ой турецкой Конституции 1876 г. После свержения султана младотурки в 1909–1918 гг. находились у власти, пытались провести либеральные реформы по западному образцу (*Примеч. отв. ред.*).

выборам депутатов в XV Обыкновенное Народное собрание» (август 1911 г.), в которых отстаивала неприкосновенность Конституции.

Частью населения конституционная новация была расценена как безусловная подготовка к войне. «Редкой по накалу страстей» называет американский исследователь Дж. Белл кампанию против изменения статьи, развернувшуюся в стране. И даже спустя несколько десятков лет – в 1970-е годы – ветераны «земледельческого» движения Болгарии вспоминали о своем участии в ней, как об одном из наиболее ярких жизненных впечатлений. Например, о том, какими бурными были совместные митинги «земледельцев» и «тесняков» в селах Варненского округа; как на собрании «дружбы» в Варне, куда съехались люди со всей околии, выступал Стамболийский; а в селе Снежина Провадийской околии крестьяне приняли резолюцию с лозунгами: «Долой личный режим!», «Да здравствует республика!»¹⁷⁵. Сам факт возмущения селян усилением власти царя и превращением его в бесконтрольного вершителя внешнеполитической судьбы Болгарии свидетельствует об их недовольстве набиравшим силу милитаризмом.

Эти примеры гражданского сопротивления позволяют говорить о том, что 30-летний опыт функционирования болгарских буржуазно-демократических структур – заимствованных, неполноценных, деформированных – оказался все же достаточно точным в обществе, где люди являются хозяевами своей собственности, чтобы граждане сумели организованно проявить несогласие с политикой власть имущих, сопротивляться ей. Или хотя бы отбросить страх и попытаться предъявить свои требования. Ведь даже в простом противостоянии стороны яснее понимают, чего хотят, лучше осознают самих себя, точнее формулируют. Как бы то ни было, очевидно, что именно в борьбе против случаев нарушения Конституции и против курса на милитаризацию складывались в Болгарии элементы гражданского общества (как пишет М. Палангурски, за годы с 1879 по 1911 болгарские граждане ходили на выборы 19 раз¹⁷⁶. Должны же они были чему-нибудь научиться, – добавим мы).

Да, попытки сознательного сопротивления были слабы, ожидаемого результата не принесли. Но и не позволили обществу сплотиться вокруг идеи войны. И даже осенью 1911 г.,

когда болгарские и сербские дипломаты уже разрабатывали документы Балканского союза, в том числе секретные военные, «политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, в Болгарии отсутствовало»¹⁷⁷. В обществе, где еще только обсуждался вопрос – воевать или следовать путем мира и модернизации, особую роль приобретало лоббирование заинтересованными сторонами своих целей. На этой ниве жестко проявили себя деятели Народно-либеральной партии (стамболовисты), шедшие в первых рядах активистов антитурецкой кампании. Они с безответственной смелостью заявляли, что Болгария может воевать и одна, без всяких союзников в лице Сербии и Греции, их больше устраивали связи с австро-германским блоком. Но всего этого было недостаточно, чтобы всколыхнуть общество и властные структуры.

4.3. Провокация ВМОРО: поворот к войне и «первая катастрофа»

И тогда на «боевые позиции» вышла ВМОРО, что, в конце концов, и перевесило чашу весов. Ее замершую было после младотурецкой революции деятельность бывшие активисты возжелали восстановить. В 1911 г. «по-товарищески, хотя и незаконно», по словам современника¹⁷⁸, были избраны ЦК и Заграничное представительство организации. ЦК составили Петр Чаулев, Христо Чернопеев и Тодор Александров, запасным (резервным) членом стал Александр Протогеров, 44-летний офицер действительной службы. Ход начавшейся летом 1911 г. Итало-турецкой войны, обнаруживший военную слабость Османской империи, как бы подсказывал ВМОРО план действий – поскольку собственных сил мало, мобилизовать все имеющиеся в Болгарии промакедонские факторы, чтобы склонить правительство и царя Фердинанда не упустить момент и военным путем решить македонский вопрос. Однако часть политической элиты и царь по-прежнему колебались, не решаясь на судьбоносный шаг. Все это подтачивало в руководстве ВМОРО надежды на то, что болгарская дипломатия способна обеспечить Болгарии права на македонские земли. И радикально настроенные члены ЦК решили, что организа-

ция должна действовать самостоятельно. Их тактика сводилась к проведению на территории Турции диверсий, терактов, провокаций с массовыми жертвами. Для чего? Ответ дает заявление ЦК ВМОРО от 19 октября о приведении организации в боевую готовность: «Итало-турецкая война разубедила всех, кто говорил, что продолжать работу нет смысла, и показала, что, наоборот, – работать надо. Надо использовать момент, чтобы потребовать от Европы разрешения македонского вопроса»¹⁷⁹. 22 октября Т. Александров просит своего друга, поэта-лирика и ярого «македониста» Пейо Яворова, авторитетного в интеллектуальных кругах Болгарии, убедить премьер-министра Ивана Гешова и министра иностранных дел Теодора Теодорова «быстрее обнажить нож»¹⁸⁰.

Трудно сказать, сыграло ли это обращение свою роль, но в конце 1911 г. отнюдь не милитаристское правительство Гешова вдруг стало подгонять страну к войне. Премьер-министр возглавил болгарское представительство на переговорах с сербскими уполномоченными о заключении Договора о дружбе и союзе между двумя странами, союзе якобы оборонительном, а на самом деле наступательном. И сумел даже добиться некоего преимущества для Болгарии – фиксации договоренности о первоочередности войны союзников против Турции. Таким образом, их возможное совместное выступление против Австро-Венгрии, что было бы в интересах Сербии, оставалось в неясной перспективе¹⁸¹. К заключенному в феврале 1912 г. болгаро-сербскому Балканскому союзу позже присоединились Греция и Черногория. Антитурецкая направленность союза позволяла его членам надеяться в случае победы над давним врагом поделить между собой европейские владения Османской империи, македонские и фракийские земли, прежде всего.

Если следовать болгарской историографии, утверждающей, что известие о заключении Балканского союза и о предстоящей войне было встречено в Болгарии с пониманием и люди были едины в таком подходе, то закономерно задаться вопросом, почему содержание договора и его секретной части держалось в тайне от болгарского общества, от парламента, политических партий, от народа? Власти не верили, что получат поддержку страны? Опасались сообщить, что не удалось от-

стоять принцип автономии Македонии, считавшийся нерушимым? И ведь даже руководство ВМОРО не было осведомлено о том, как договаривающиеся стороны собирались распорядиться возможной военной добычей в случае победы над Турцией. Какое уж тут общественное единство в вопросе о войне!

Так Болгария приблизилась к судьбоносной развилке. На повестке дня оказалась дилемма: либо война с целью объединения «всего болгарского племени», либо мирное продолжение политической и экономической модернизации страны. Выбор предстоял радикальный: каждая из стратегий – и военная, и мирная – имела своих сторонников. Первая – среди армии организованных македонских эмигрантов, мечтавших освободить родину и вернуться к своим очагам, а также среди военных, части политиков, хотя полной готовности к единению не проявлял и политический класс Болгарии. Раздвоенность испытывал и царь Фердинанд, он подумывал о войне, но не решался брать на себя ответственность за такой вариант. Вторая – среди низших слоев болгарского общества, состоявшего в основном из крестьянства, которое критически относилось к милитаризации страны. Заключение нападательного, по существу, Балканского союза стало импульсом для открытого противостояния этих стратегий друг другу.

Как констатирует современный болгарский ученый Панко Анчев, «македонская проблема стала разделительной линией, поводом для острых столкновений в обществе»¹⁸².

При этом милитаристские силы оказались в нетривиальной ситуации: их «телега» встала впереди «лошади». «Лошадь» же еще предстояло взнуздать – добиться реального сплочения общества, создания в массах воинственного настроения. То есть разрушить и подавить стратегию, за которую высказывались массы.

Как это происходило, следует из донесений французского военного атташе майора К.Л. де Матарела, прибывшего в Болгарию в мае 1912 г. Задаваясь вопросом – «хочет ли местное общественное мнение войны?», в докладе от 16/29 июня он отвечал на него так: «По-видимому, нет» и ссылаясь при этом на бытующее мнение, что болгарин пробуждается, только если затронут его интересы. И заключал: «А в настоящий момент ничто им (болгарам. – *Отв. ред.*) не угрожает, и масса остается безразличной»¹⁸³.

Офицер, блюдуший интересы Франции, которая тогда заявляла о своей нерасположенности к войне в Европе, не удовлетворился единственной констатацией. Наоборот, он постоянно следит за изменениями в настроении болгарского общества. В его докладе важными представляются такие строки: «Ни большинство населения, ни официальные круги, похоже, не хотят войны при нынешнем положении дел». От внимания Матарела не укрылись «тематические» митинги и собрания, проводившиеся в стране. В середине июля он пишет: «Действительно, продолжается обработка общественного мнения, но, похоже, что это напрасно <...>. Короче, в целом общественное мнение остается спокойным, и можно верить, что так и будет продолжаться, пока не случится какое-либо из осложнений, рассмотренных в моих последних письмах»¹⁸⁴.

Перелом произошел в середине лета. В докладе Матарела от 14/27 июля уже звучит тревога: «В армии офицеры македонского происхождения проявляют в последнее время сверживаемость. Некоторые из них хотели бы даже начать военные действия без объявления войны, чтобы увлечь за собой правительство»¹⁸⁵. В такой обстановке не хватало только зажженной спички. И ее запалили, причем, не кто иной, как руководители ВМОРО.

Такой спичкой не стало восстание в македонских землях, первоначально задуманное Т. Александровым: организация уже не имела там ни особых сил, ни влияния. Время сильно изменило местный политический ландшафт – преобладающей там теперь была в основном неграмотная крестьянская масса¹⁸⁶. Видимо, наиболее активную часть населения уже «смыли» предыдущие, жестоко подавленные восстания и волны эмиграции. Так, за один только повстанческий 1903 год в Болгарию переместились около 32 тыс. человек; из Македонии переселенцы направлялись также в Румынию, Сербию, Словению и больше всего, вслед за Болгарией, – в США¹⁸⁷.

И тогда леваки из ЦК ВМОРО прибегли к провокации – в городе Кочани, что на территории Турции, был осуществлен теракт, за которым последовала кровавая расправа османских властей с местным болгарским населением. Погибли десятки человек. Так ВМОРО натуралистически представило болгарскому обществу «окровавленное тело Македонии». «Сторонний

наблюдатель» Матарел смотрел в корень событий – в донесении от 28 июля / 10 августа 1912 г. он резюмировал: «Резня в Кочанах должна была произойти не для того, чтобы привлечь внимание к Македонии, а *чтобы заставить болгар заниматься ею* (курсив мой. – Р.Г.). В последнее время они оставались совсем безразличными и были глухи к призывам бунтовщиков»¹⁸⁸.

Провокация была использована для развертывания по всей Болгарии истеричной антитурецкой митингово-журналистской кампании, размах которой должен был показать – Болгария хочет воевать, народ требует мести. Газеты выходили под лозунгами «Война? Народ хочет войны», «К оружию!», «Долой миролюбцев!». В Софии был организован Конгресс македонских эмигрантских общин, где была принята резолюция с требованиями к болгарскому правительству – немедленно объявить мобилизацию. Выдвинутый членом руководства ВМОРО Александром Протогеровым левацкий лозунг «Сейчас или никогда!» быстро получил распространение¹⁸⁹.

«Земледельцы» пытались активно противостоять безумному поветрию. Однако принципиальная позиция БЗНС в отношении войны еще не была вполне отработана, что проявилось в отсутствии единства по вопросу даже в руководстве Союза: в дни августовской схватки Ц. Церковский и Д. Драгиев держались пассивно, и, считая, что предотвратить войну невозможно, не стали выступать с протестом в Народном собрании. Другие, признавая тяжелое положение македонского населения, сочувствуя ему, энергично выступили против самой возможности решения проблемы военным путем. Стамболийский писал в газете «Земледельско знаме», что кровавые провокации, устроенные террористами, не должны быть использованы как повод к войне, что теракты, за которыми последовала резня турками болгар, – дело рук «революционеров ВМОРО». Политику военной подготовки для освобождения Македонии он не принимал, полагая, что она способствует превращению Болгарии в вассала иностранных банков и правительств, которые отпускают займы на милитаризацию страны¹⁹⁰. Решительно был настроен и Стоян Омарчевский: из-за событий в Кочани, заявлял он, Болгария не должна быть вовлечена в военную авантюру, о которой мечтают милитаристы. Развивая мысль,

что бытие определяет сознание, он конкретизировал: крестьянин, ремесленник, рабочий по самой своей сути не могут мечтать о завоевании чужих земель. Земледельческая организация изменила бы себе и своей сущности, если бы двинулась в завоевательный поход. Земледельческий союз не может быть конем, взятым напрокат [в своих целях] болгарским монархизмом¹⁹¹.

Омарчевский четко сформулировал свое отношение к македонскому вопросу: «Объединенное болгарское крестьянство очень хорошо знает, что македонский вопрос – не только болгарский и что, если даже свобода Македонии будет выкуплена кровью болгарина, то те, чьи интересы там переплетены, не допустят какого бы то ни было присоединения Македонии к Болгарии. Так что кровь прольется напрасно»¹⁹². Пожалуй, никто из «земледельческих» лидеров не высказывался так определенно по столь сложному вопросу.

В унисон с ним Стамболийский называл войну с Турцией «настоящей авантюрой». В отличие от иных противников военных действий, руководствовавшихся геостратегическими или тактическими соображениями, на первый план он ставил судьбу крестьянства – главную тягловую силу войны. «Войны с Турцией мы хотеть не можем, – утверждал он, – потому что знаем, какие ужасные последствия несет она крестьянскому народу, именно он заполняет казармы, и именно он будет жертвовать самыми жизнеспособными своими сыновьями на поле брани». А позже по поводу Второй Балканской войны «земледельческий» лидер скажет, что народ был обманут и отдан на закланье «за интересы, чуждые ему, но близкие безумной воле царя»¹⁹³. Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы борьбы за объединение болгарского народа силой оружия чужды простым людям? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное, селячество меньше и позже других слоев общества пропитывается национальными чувствами?

На последнее обстоятельство обращала особое внимание болгарская исследовательница Диана Мишкова. Говоря о времени строительства Княжества Болгария, она писала: идея нации и необходимость воевать ради нее была весьма далека от

болгарского крестьянского люда, отсюда и «невозможность вызвать его энтузиазм»¹⁹⁴.

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на такой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям дорогого стоит.

Характерно, что в одном из последних перед началом Балканской войны донесений от 25 августа / 7 сентября Матарел фиксировал: «Сознание народа действительно в пользу войны», и при этом особо отмечал – «среди части населения и, в частности, среди македонских бунтовщиков существует большое возбуждение, они заявляют, что предпочитают видеть Болгарию *исчезнувшей*, чем мириться с нынешним положением (курсив мой. – Р.Г.)»¹⁹⁵. Что это, как не то же проявление «детского отношения к матери», о чем говорилось выше, отголоски македонского антиболгаризма?

Дополнительный нюанс состоял в том, что, хотя Балканский союз был заключен от имени болгарского правительства и, безусловно, с ведома главы государства, царь Фердинанд все еще колебался. Поэтому адресатом масштабной македонской кампании летом 1912 г. были не только народные массы, но и сам Фердинанд. Ее пик был приурочен как раз к возвращению царя из-за границы и должен был убедить его – смотрите, Ваше Величество, в Болгарии есть, кому воевать. По слухам, царь получал от македонских революционеров угрозы расправы с ним в случае отказа от объявления войны Турции. Даже в российской печати сообщения об августовской кампании в Болгарии подавались в дерзком стиле: националисты из союза «Гибель оттоманам» угрожали Фердинанду расправой, «если Македония не будет освобождена» («Утро России»). А позже передавались и слова, якобы, самого болгарского царя: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы [с пробитой] головой на тротуаре» («Вестник Европы») ¹⁹⁶. Спрашивается, кто был особо заинтересован в распространении подобной, «специальной», информации за пределами Болгарии?

Использование милитаристами прессы в напористой кампании под лозунгом «Война с целью отмщения» стала успешным применением, говоря современным языком, одной из рациональных социальных технологий. Тогда теоретическое обоснование таких технологий еще только нащупывалось. Позже упоминавшийся выше болгарский социолог Иван Хаджийский напишет: «Пропаганда – это борьба за овладение общественным мнением через овладение сознанием отдельного гражданина. Ее задача – внедрить в это сознание сведения, настроения и оценки, из которых делаются желаемые теоретические и, главным образом, практические заключения»¹⁹⁷.

Поддался общему настроению и премьер Гешов. С ноткой самооправдания он писал в воспоминаниях: «Не только участились пограничные инциденты, которые так сильно возбуждали болгарское общественное мнение, но и резня, как в Штипе и Кочанах, убийства и грабежи, истязания и преследования, систематическое унижение болгарских солдат в турецкой армии – все это так увеличило число молодых болгар, бегущих из Македонии и Одринской области, что и наиболее миролюбивые болгарские государственные деятели должны были ужаснуться и спросить, не связано ли это с планомерным намерением младотурок обезболгарить и обесхристианить Македонию и Одринский край, чтобы таким образом радикально решить македоно-одринский вопрос»¹⁹⁸.

Результатом стал поворот болгарского общества к войне. И 5/18 октября 1912 г. Фердинанд объявил ее Турции. В «Манифесте к болгарскому народу» в качестве цели войны царь провозглашал «возвращение человеческих прав христианскому населению Турции», а поводом к ней называл резню, устроенную турками в Штипе и Кочанах¹⁹⁹. Тем самым провокационные акты ВМОРО царь брал под свою защиту, обозначив курс на слияние государственной политики Болгарии с установками ЦК ВМОРО.

Августовская провокация с целью пробудить у болгар настроения мщения оказалась успешной. Народ, посчитавший нужным ответить на насилие («наших бьют!»), не без энтузиазма откликнулся на объявление Первой балканской войны (октябрь 1912 г.). В осуществлении этого шага большую роль сыграл эмоциональный фактор²⁰⁰.

• • •

За Первой балканской войной последовала Вторая, Межсоюзническая, окончившаяся для Болгарии страшным поражением. И случилось это, главным образом, из-за непрофессионализма власти, низкого уровня политического руководства страной, отсутствия согласованных действий гражданских чиновников с военным начальством, из-за плохой дипломатической подготовки и непродуманных решений. Избранное в 1912 г. направление выхода из исторической развилки – в пользу войны оказалось проигрышным, тупиковым для Болгарии. Печальное завершение эпопеи Балканских войн уже тогда означало крах надежд на достижение национального идеала, его неосуществимость.

Такой финал четко обрисовал Омарчевский. В трактате, изданном в 1913 г., он писал удивительные для своего времени вещи. Утверждал, что поражение Болгарии столь глубоко, что, «как бы ни были милы, дороги и святы импульсы к национальному объединению болгарского народа, золотая мечта никогда уже не сможет осуществиться и на вечные времена останется лишь мечтой». При наличии союза сербов, греков, черногорцев и румын, продолжал он, Болгария навсегда лишена возможности воевать за национальное объединение. Омарчевский считал, что Болгария должна стать нейтральной, «закрыться в собственной скорлупе», «должна громко заявить всей Европе и всему миру, ясно заявить всем, что она никогда и ни за что не захочет воевать. И не на словах, а на деле»²⁰¹. Это был один из наиболее трезвых и адекватных сложившейся обстановке голосов. Но кто хотел слушать и слышать столь «непатриотические» рассуждения!

Фердинанд быстро произвел рокировку игроков на политической арене. 4 июля 1913 г. правительство возглавил лидер партии либералов Васил Радославов. Царским указом Народное собрание было распущено, и на 13 ноября назначены новые выборы. Смена правительства производилась с расчетом переориентировать внешнюю политику Болгарии на Австро-Венгрию.

Страна бурлила, обсуждая катастрофические результаты начавшейся столь успешно Балканской войны. Как такое могло случиться? Кто виноват? Разнобой мнений в политических,

дипломатических и военных кругах достиг высокой степени. Вместо серьезного анализа, писала, например, газета «Военна България», – свара между генералами, выяснение, кто виноват, кто участвовал в коррупционных сделках при поставках вооружения и т.п.²⁰². Народ же требовал возмездия, наказания виновников поражения, но проявлялись подобные настроения в основном стихийно – партийная жизнь во время войны замерла.

Сильно напуган был и сам царь. 13 ноября ему предстояла аудиенция у австро-венгерского императора, где, как он полагал, должна была «решиться его судьба и местопребывание». Накануне высочайшей встречи Фердинанд, находясь в Вене, потребовал, чтобы секретарь сообщил ему из Софии, что происходит в Болгарии, при этом сказал бы ему всю правду, ничего не тая. Опасения, что страна находится на пороге революции, рождает у царя мысли об отречении от престола. Он просит передать престолонаследнику, чтобы тот готовился принять «новый сан»²⁰³.

Франц-Иосиф, однако, ограничился строгим внушением, видимо, понимая, каковы могли бы быть последствия отречения в стране, испытавшей тяжелое поражение. К тому же при нефункционирующем парламенте и неуверенном, назначенном (а не составленном по результатам выборов) правительстве. О чем еще говорили австро-венгерский император и болгарский царь? Можно предположить, что речь шла о главном для Болгарии, еще более усложнившемся македонском вопросе и поиске его решения в условиях, когда в Европе обозначилась двухблоковая расстановка сил великих держав. Впрочем, о направлении мыслей Фердинанда можно судить по его словам: «Теперь нет иного спасения для Болгарии, кроме возвращения в Рим!»²⁰⁴. Так царь отреагировал на проигрыш Болгарией войны. А страна снова оказалась на распутье: к кому примкнуть в назревавшей большой европейской войне, чтобы добиться реванша.

Нельзя не признать, что в результате Балканских войн македонская проблема, затронувшая умы множества людей, приобрела некое новое качество, новый общественный вес: в Болгарии попытка ее решения обернулась большими затратами – финансовыми, людскими, моральными, что-то поменя-

лось и в сознании воевавших крестьян, представление о Македонии расширилось, растревожилось.

Но важно и то, что подметил еще Омарчевский, писавший в своем реферате: войны 1912 и 1913 годы «изменили прежнее положение македонского вопроса как дела революционной организации, сделав его на будущее чисто государственным»²⁰⁵. Это серьезный вывод, хотя и не совсем точный, ибо дальнейшее развитие македонской «темы» стало определяться не только государством, но и левым руководством ВМОРО. Действия обоих факторов, частью параллельные, частью совместные, вели к фактическому сращиванию официальной власти и террористической организации, взаимному использованию друг друга. Собственно говоря, сближение позиций государства и ВМОРО обозначил сам Фердинанд в октябре 1912 г. при объявлении войны Турции, придав, как мы подчеркивали, законную форму террористическим актам ВМОРО в Штипе и Кочанах.

Это вызывало не только у руководства организации, но и у простых четников чувство гордости, что ВМОРО сыграла самостоятельную роль в разжигании, как Первой, так и роковой для болгар Межсоюзнической войны. Но исходя из приоритета интересов Македонии и Одринских земель перед интересами матери-Болгарии, вряд ли кто из них думал о возможных негативных последствиях.

Отечественный историк Д.О. Лабаури, исследовавший деятельность ВМОРО в 1910–1912 г., пишет, что после перерыва, вызванного младотурецкой революцией, она мало напоминала существовавшую некогда массовую народную организацию²⁰⁶. Сложные процессы размежевания происходили и в ее руководстве. «Старые» и опытные лидеры, обзоревав пройденный путь, выступали в 1911 г. с призывами «хватит крови», «хватит жертв». Настроенная же радикально группа вокруг Т. Александрова не признавала никаких колебаний, ставила на карту «все или ничего»: «пусть пропадет Болгария», зато освободится «македонский раб». Однако и «революционерам» пришлось убедиться в том, что прежняя внутренняя структура ВМОРО совершенно разрушена, степень поддержки ее населением невелика и что для продолжения революционной (читай – террористической) деятельности нужна сильная подпорка. Ее стали ис-

кать в лице официальной Софии. Поводы для этого были. Еще 1 августа 1913 г. в личном письме Т. Александров разъяснял адресату: «Все, что делаем сейчас, – шаги в пользу автономии (Македонии. – *Р.Г.*), зондаж идеи, возможно ли путем унии под австро-венгерским протекторатом сохранить национальность македонских болгар в захваченных сербами и греками районах, и, в крайнем случае, переход некоторых районов <...> в Албанию и пр. – все это происходит с ведома и согласия болгарского правительства»²⁰⁷. (В угловые скобки мы заключили перечень тех районов, которые Александров считал возможным отдать албанцам-мусульманам, лишь бы не оставлять их бывшим православным союзникам. Это территории вокруг Дебара, Тетово, Охрида, Битоли, Лерина, Костура и др.²⁰⁸)

В полуреволюционной обстановке второй половины 1913 и первой половины 1914 гг. общественное брожение постепенно формировало две крайности. На одном полюсе – ВМОРО, составлявшая существенную часть воинствующего лагеря. Силу и уверенность ей придавали связи с дворцом. Поначалу именно ему ЦК ВМОРО отдал приоритет в определении дальнейших путей разрешения болгарского национального вопроса²⁰⁹. Однако не забыл и о себе: в начале 1914 г. Александр Протогеров предложил поставить ВМОРО как «государственную организацию» на баланс Военного министерства и, вообще, превратить ее в постоянно действующий фактор в болгарской политике в Македонии, не зависимый от смены правительств. Перед процессом сращивания революционной организации с государственным аппаратом Болгарии открывалась перспектива приобрести официальный характер²¹⁰.

4.4. БЗНС: реваншизм и Македонский вопрос

На другом полюсе общественных настроений с трудом формировалась оппозиция реваншистскому милитаристскому клану. Некоторую организованность в партийную жизнь в стране привнесла кампания по выборам в парламент, назначенным на ноябрь 1913 г. Буржуазные партии медленно вырабатывали позицию в отношении правительства Радославова и становившейся все более очевидной направленности политического курса.

В предвыборной борьбе активизировался БЗНС, ряды которого к 1913 г. заметно поубавились. Союз выступил с программой подчеркнуто антимилитаристского характера: «земледельцы» считали необходимым «заявить ясно и громко перед всем миром, что у нас нет намерения воевать ни с кем, что мы закрываемся в свою скорлупу и начинаем свое культурное, экономическое и духовное возрождение»; было выражено и требование «вырвать из рук царя руководство внешней политикой и создать условия для торжества народовластия»²¹¹. В результате выборов «земледельцы» оказались на втором месте по числу голосов – за них проголосовали свыше 100 тыс. избирателей – и завоевали почти четверть депутатских кресел (48 мандатов)²¹². Никогда еще «земледельческая» парламентская фракция не была так велика. А вместе с обеими социалистическими партиями и мелкобуржуазной Радикальной представительство низших слоев общества в парламенте составило 45,5 % от общего числа депутатов. Все они выступали с антивоенными требованиями.

Итоги выборов обескуражили Фердинанда: партия Радославова, возглавлявшего правительство, хотя и была на первом месте по числу голосов, не получила большинства, необходимого для формирования нового кабинета. И Радославов вынужден был обратиться за поддержкой к БЗНС и «общедельцам»*, приглашая их войти в правительство. В конце ноября – начале декабря 1913 г. он несколько раз встречается и со Стамболийским, предлагая ему на выбор пост министра или место в руководстве Народного собрания. Стамболийский отвечал, что БЗНС в настоящее время не готов участвовать в управлении страной²¹³. Предложение Радославова было неожиданным и заманчивым, и на ближайшем 14-м съезде БЗНС (6–10 декабря 1913 г.), где речь шла о тактике парламентской группы Союза во вновь избранном парламенте, обсуждался и вопрос об участии «земледельцев» во власти. Но работа в одной упряжке с буржуазными партиями противоречила принципам БЗНС, и Стамболийский, заявив, что Земледельческий союз будет управлять Болгарией лишь, когда станет располагать большинством в Народном собра-

* Название сторонников БРСДП (ш.с.), выступавшее за классовое сотрудничество, т.е. «общее дело» (*Примеч. отв. ред.*).

нии, настоял на резолюции, запрещающей «земледельческим» депутатам вступать в какие-либо коалиции²¹⁴. Другим важным вопросом на съезде был дисциплинарный. За отступление от антивоенной позиции Союза до и во время Балканской войны Димитр Страшимиров был навсегда исключен из партии, еще трем «земледельцам» запрещалось действовать от имени БЗНС при исполнении какой-либо общественной должности. Пассивное поведение Д. Драгиева и Ц. Церковского во время журналистской милитаристской кампании летом 1912 г. вызвало бурное обсуждение делегатов съезда и требования наказать их, но съезд проявил снисходительность²¹⁵.

Политический кризис меж тем продолжался, и только что избранный парламент в декабре был распущен. Однако механизм общественной критики уже был запущен, а Земледельческий союз все более отчетливо оформлялся как общественный антивоенный центр.

Уже 1 января 1914 г. Стамболийский обращается с манифестом к болгарскому народу, в котором не только выражает протест против роспуска избранного Народного собрания, но и, пожалуй, впервые высказывается о взятии БЗНС власти в стране, если на новых выборах Союз получит больше мандатов, чем другие партии. Манифест подписан Стамболийским и всеми остальными членами Постоянного присутствия²¹⁶. Спустя несколько дней руководство БЗНС направляет царю требование о создании широкого коалиционного правительства, которое и проведет новые выборы. Затем появляется Манифест к болгарскому народу от имени 48 земледельческих депутатов в ОНС* 16-го созыва. В нем примечательна фраза: «БЗНС идет к власти с огромным проектом реформ во всех областях государственного управления»²¹⁷. «Заявляем, – говорилось в Манифесте, – от нашего и всех организованных “земледельцев” имени, что мы готовы взять на себя руководство судьбами Болгарии, готовы взять власть и управлять, как только болгарский народ окажет нам доверие в предстоящих парламентских выборах».

«Земледельческие» депутаты требовали суда над виновниками войны и немедленной отставки «подсудимых – минис-

* Обыкновенное народное собрание – регулярный парламент (Примеч. отв. ред.).

тров», а также отставки всего правительства как не имеющего поддержки народа. Судя по документу, «земледельцы» хотели большего, а именно: чтобы Народное собрание немедленно, «без отсрочки», провело голосование вотума недоверия правительству²¹⁸. Однако остальная часть оппозиции из буржуазных и мелкобуржуазных партий не готова была примкнуть к ним.

Здесь хотелось бы обратить внимание на важное обстоятельство – даже в тяжелых условиях кризиса власти и трагедии недавно понесенного обидного военного поражения, когда судьба страны висела на волоске, никто в Болгарии не посягнул на институты демократии – те самые западные, заимствованные, однако, очевидно, уже достаточно укрепившиеся и в национальном сознании, и в политической практике. Отсюда и ревнивое отношение общества к случаям нарушения демократических норм. Это проявилось, например, в конце января 1914 г., когда Радославов, раздраженный попытками «земледельцев» активно вмешиваться в организацию политической жизни, распорядился за сутки сообщать администрации о готовящихся собраниях, к тому же запретил критиковать царя и т.п.²¹⁹. Такое нарушение демократических норм вызвало протест всех оппозиционных партий – на этот раз объединенный. Манифест подписали представители Земледельческого союза, Радикальной, Прогрессивно-либеральной, БРСДП (ш.с.), Демократической, Народной партий.

Для БЗНС опыт выступления вместе с другими оппозиционными партиями был очень важен – без привлечения на свою сторону хотя бы части «соседнего» электората «земледельцы» не могли рассчитывать на получение большинства голосов на выборах. А это, как мы помним, было главным условием их прихода к власти. Однако итоги февральской избирательной кампании 1914 г. не принесли руководству БЗНС полного удовлетворения: несмотря на почти 50 тыс. новых голосов, партия осталась на втором месте после правительственной коалиции. Для реализации задуманного этого было явно недостаточно.

Ведя активную агитационно-пропагандистскую кампанию, «земледельцы» старательно защищают антивоенные позиции. Особенно напорист Стамболийский. Ощукая поддержку народа и большинства руководства Земледельческого союза, он

настойчиво действует в Народном собрании: требует наказать виновников национальной катастрофы 1913 г. и амнистировать всех осужденных за активную антивоенную деятельность. 500 экземпляров этого требования с подписями большинства депутатов парламентской оппозиции были распространены по городам и селам²²⁰. Политическая активность БЗНС привлекла внимание российского посланника Савинского: в докладе от февраля 1914 г. он назвал Союз «исключительно сильно организованной партией», она повсеместно готовит политические демонстрации, «могущие вызвать серьезные потрясения в стране»²²¹.

Но содержательная часть деятельности БЗНС требует серьезного дополнения – следует определиться по македонскому вопросу. Это не простая задача, она практически впервые встает перед руководящими деятелями Союза. И мнения сталкиваются разные. Среди наиболее популярных вариантов – автономия Македонии для сохранения этой области единой и неделимой и как условия создания балканской федерации»²²². В речи в Народном собрании 31 июля 1914 г. в условиях начавшейся войны между Австро-Венгрией и Сербией Стамболийский заявил, что народным массам Сербии и Болгарии чужд шовинизм верхних слоев общества, но близка идея сближения, «объединения южного, балканского славянства в единое государство». Однако произойти это может лишь по свержении самими народами своих династий – черногорской, сербской и болгарской²²³.

Свое отношение к македонскому вопросу «земледельцы» выстраивали, пытаясь проанализировать причины и последствия Балканских войн и, особенно, «преступного безумия» 16/29 июня 1913 г. В его годовщину Стамболийский выступил в парламенте, а затем на его ступенях перед студентами и молодежью. Его речь была исключительно острой, возбуждающей: «Кто виновник нашего разгрома? <...> Я отвечаю на этот вопрос без обиняков: если есть ответственность, правда и справедливость, царь Фердинанд должен быть тут повешен. Но не надо забывать, что ответственность несет и правительство»²²⁴.

С началом Мировой войны антимилиитаристский накал борьбы «земледельцев» усилился. Теперь они требовали стро-

гого соблюдения нейтралитета Болгарии. Их активность, как и других антивоенных партий и группировок («тесняки», радикалы), еще более возросла, когда от обоих воюющих блоков болгарскому правительству стали поступать предложения войти с ними в союз. Искушение решить македонскую проблему «за спиной» воюющих великих держав было велико, надо было только не ошибиться, на кого сделать ставку.

Новое после Балканских войн состояние македонского вопроса и новые обстоятельства на мировой арене сделали актуальным обнародование руководством БЗНС своей позиции. Стамболийский полагал, что национальное объединение болгар не может произойти сразу, и потому свои национально-территориальные требования болгарская дипломатия должна выдвигать в соответствии с развивающимися событиями. Он высказывался за переговоры по поводу всех предложений, но только на базе сохранения Болгарией нейтралитета.

В выработке внешнеполитической концепции БЗНС участвовал Райко Даскалов – один из наиболее ярких приверженцев политики «скрещенных рук». 29 августа 1914 г. он писал в «Земледельско знаме»: война закончится нескоро, и результаты ее будут зависеть не от таких малых стран, как Болгария, а от соотношения интересов и сил великих держав. Политика нейтралитета, по его мнению, гарантирует Болгарии на будущей мирной конференции ревизию Бухарестского договора. «Даже если мы не получим ничего, то, по крайней мере, сохраним то, что имеем, – военную и экономическую мощь страны».

Особенно тревожным было выступление Стамболийского в ноябре 1914 г. при открытии сессии Народного собрания, отвечая от имени своей партии на тронную речь царя. Рассмотрев признаки внешнеполитической опасности для страны, исходящей, по его мнению, как от Германии, так и от Антанты, лидер БЗНС подробно обрисовал наибольшую, внутреннюю, опасность «для объявленного нейтралитета и судьбы Болгарии». Она может исходить от правительства, если оно решится на военную авантюру. Но еще более страшной назвал он опасность «так называемых побочных течений». Она проявляется в том, что некий «национальный союз» начинает проводить митинги и советовать правитель-

ству брать оружие и идти в Македонию; она проявляется в активности «македонствующих», демонстрирующих желание играть собственную роль в судьбе Болгарии. Их действия страшнее оттого, что непредсказуемы – могут возникнуть в любой момент и неожиданно, нет уверенности в том, что побочное течение, называющее себя «автором 16 июня», не готовит провокации в виде нового 16 июня. Они уже являются факторами в управлении страной, хотя их и называют «безответственными». Стамболийский выделяет элементы, не свойственные демократической конституции, травмирующие порядок, установленный в новой Болгарии. К ним он относит приверженцев четнической деятельности, которые еще не поняли, что время их давно ушло в прошлое, им не место в политике в отношении Македонии: она «может быть *только политикой болгарского народа*, связанной с его внешней политикой (курсив мой. – Р.Г.)»²²⁵.

Обличая элементы политической архаики в современной жизни, «земледельцы» заявляли о себе как об искренних сторонниках нейтралитета. Но последний по некоторым параметрам не отвечал потребностям новейшего времени с его националистическими программами. И эти обстоятельства затрудняли выработку принципиальной линии Союза в предвоенное время.

Успехи Антанты расшатывали позиции сторонников нейтралитета в Болгарии. Уже в конце 1914 г., пишет отечественный исследователь Г.Д. Шкундин, лидеры мелкобуржуазных партий стали отходить от традиционной позиции. 27 ноября оппозиция выступила с манифестом, в котором призывала немедленно начать переговоры с Тройственным согласием, и одной из целей объявляла достижение национального объединения²²⁶.

В начале 1915 г. буржуазные партии русофильского направления и радикалы выступили с идеей создания оппозиционного блока на основе сближения радикалов и демократов. И это раскололо единство БЗНС: большинство парламентской фракции Союза, в том числе Бакалов, Димитров, Драгиев, Омарчевский, поддержало начинание. Они ссылались при этом на сохранение у крестьян чувства признательности к России. Стамболийский же и другие по-прежнему отстаивали пози-

цию неучастия Болгарии в какой-либо из воюющих группировок. Стамболийский увещевал: «Будем сидеть спокойно, скорее получим компенсацию вплоть до Вардара»²²⁷.

Позиция БЗНС обсуждалась 23–24 мая 1915 г. в редакции «Земледельско знаме» на расширенном совещании руководства Союза. Было принято воззвание к народу. В нем говорилось, что положение в стране требует создания общепартийного кабинета и немедленного созыва чрезвычайной сессии Народного собрания. По поводу внешней политики большинство участников настояло на формуле: если участие Болгарии в войне предотвратить невозможно, то Союз должен выступить на стороне Антанты. Особо подчеркивалось, что БЗНС высказывается за соблюдение строгого нейтралитета и разрешение национального вопроса средствами дипломатии. Этот манифест делегация в составе Стамболийского, Драгиева, Бакалова, Турлакова, Ст. Момчева вручила Радославову.

Однако уже спустя пару месяцев обстановка в руководящих кругах БЗНС значительно осложнилась, «стравили пар» своих выступлений многие бывшие протагонисты болгарского нейтралитета. Р. Даскалов, например, начал писать, что «по-видимому, настала очередь вступить в войну и Болгарии»²²⁸. Из наблюдений отечественного историка А.В. Крапивина следует, что Стамболийский чувствовал тщетность собственных усилий сохранить мир. Не помогли и его личные встречи с Радославовым (около десяти с начала мировой войны). Как следует из более поздней записи в дневнике Стамболийского, с начала войны и до вступления в нее Болгарии он пережил самые бурные в своей жизни дни, заполненные парламентской, публицистической и политической борьбой. Столь интенсивная деятельность «подорвала его здоровье, и он надолго заболел»²²⁹.

Правительство Радославова тем временем все сильнее склонялось к выступлению Болгарии на стороне Центральных держав. Возможности остановить войну таяли на глазах. Но 12–13 августа 1915 г. «земледельческая» группа в парламенте, проведя чрезвычайное заседание, заявила о своем полном отграничении от националистов, о поддержке нейтралитета Болгарии и против всякого авантюризма²³⁰.

В критические дни августа-сентября 1915 г. «побочные течения» энергично прокладывали путь страны к войне. По поводу крупных перестрелок, происходивших 28-29 сентября 1915 г. на сербско-болгарской границе, вину за которые обе стороны перекладывали друг на друга, Стамболийский писал: «Такие провокации, шовинистическая ярость направлены на возбуждение болгарского общества, всех его частей, чтобы завоевать на свою сторону и оппозицию правительству, за которой стоит огромное большинство болгарского народа. И скоро мы получим сюрприз в виде формального объявления войны и полного, таким образом, выполнения нашего договора с немцами*». В приграничных провокациях легко угадывался почерк ВМОРО.

28 августа 1915 г. три представителя депутатской группы БЗНС – Д. Драгиев, А. Стамболийский и А. Димитров явились к Радославову и попытались отговорить его от рокового шага. Но они убедились, что «наверху» уже все решено. Однако условились не отступать и добиться аудиенции у царя, для чего составили новую, более внушительную делегацию – из представителей всех оппозиционных партий. В нее вошли А. Малинов (Демократическая партия), А. Стамболийский и Д. Драгиев от БЗНС, И. Гешов (Народная партия), Ст. Данев (Прогрессивно-либеральная) и Н. Цанов (малочисленная Радикально-демократическая партия, отколовшаяся от Демократической)²³¹. Цанов передал общее настроение: сейчас, чтобы предотвратить опасность, необходимо использовать коллективный разум народа через его представителей.

Почти в то же время парламентские фракции БЗНС и БРСДП (о)** обратились к болгарскому народу со своим Манифестом. Документ был адресован крестьянам, рабочим, ремесленникам, составлявшим основную аудиторию этих партий. В нем говорилось о «сильном отвращении к войне в народных массах», о том, что войны являются худшим средством для дости-

* В рукописи не приведен источник, из которого взята данная цитата (*Примеч. отв. ред.*).

** БРСДП (объединенная) – возникла в 1909 г. в результате объединения Болгарского социал-демократического союза «Пролетарий» и БРСДП (ш.с.). Проявила себя как правосоциалистическая партия (*Примеч. отв. ред.*).

жения национального идеала, который можно реализовать путем мирных соглашений с соседями, создав Балканский союз. Манифест заканчивался призывом «Да здравствует мир! Долой авантюристов!» и был подписан А. Стамболийским и лидером партии «широких» социалистов Я. Сакизовым²³². Против вовлечения Болгарии в европейскую войну выступали и «тесняки» во главе с Д. Благоевым.

Фердинанд назначил аудиенцию на 4 сентября. Стамболийский вел себя на встрече несдержанно, он и Фердинанд обменялись угрозами в адрес друг друга. Стамболийский заявил, что болгарский народ уже не является толпой, БЗНС больше не будет сдерживать его негодование против власти, а, наоборот, будет его выразителем, и вынесет тяжелый, но справедливый приговор – царь может лишиться не только короны, но и головы. Обсуждая затем встречу с монархом, один из ее участников якобы заявил: «Убежден, что после смелой речи г-на Стамболийского и после дружного выступления групп против войны, царь не посмеет ее начать, он трус»²³³. Но произошло обратное – наутро Фердинанд подписал указ о мобилизации. Последовал арест Стамболийского. В тот же день 5/18 сентября германский посол в Софии сообщил шифрованной телеграммой в Берлин: в ходе встречи с Его Величеством представители оппозиционных партий выразили мнение, что Болгария никогда не предпримет ничего против России, а лидер «земледельцев» даже угрожал царю. И далее: «В связи с трудным внутренним положением царь попросил генерала фон Фалькенхайна* провести в ближайшее время военную демонстрацию против Сербии, чтобы оказать воздействие на болгарское общественное мнение в пользу предстоящей мобилизации...»²³⁴.

Приговоренный к пожизненному заключению по обвинению в измене государству, подстрекательстве, оскорблении закона и главы государства, Стамболийский был далеко не единственным членом БЗНС, осужденным за антимилитаристскую пропаганду. Развернулись гонения на «земледельцев» за участие в финансовых манипуляциях – в тюрьме, в частности, оказались Р. Даскалов и М. Турлаков.

* Фалькенхайн Эрик, фон (1861–1922) – генерал пехоты. В 1914–1916 гг. – начальник Генерального штаба германской армии (*Примеч. отв. ред.*).

С концом мирной жизни деятельность Союза практически прекратилась. Крестьяне призывались на фронт, местные «земледельческие» ячейки естественным образом распадались, перестало выходить «Земледельско знаме». Дж. Белл считает, что несдержанное выступление Стамболийского на аудиенции во дворце сыграло провокационную роль – в парламентской фракции БЗНС начались разногласия по поводу курса партии в новых условиях. Так или иначе, при обсуждении в Народном собрании вопроса о военных кредитах А. Димитров, выступавший от имени Союза, обещал положительное голосование²³⁵. Не очень-то веселое окончание антимилиитаристской кампании!

В отсутствие Стамболийского раскололась и сама парламентская фракция БЗНС. Конфликт между Драгиевым и Димитровым, давно не ладившими друг с другом, привел в 1915 г., как позже отмечал Стамболийский, «к полному разложению парламентской группы»²³⁶. Вскоре речь зашла даже об уходе Димитрова из руководящих органов Союза. В оценке внешней политики правительства Драгиев оставался верен довоенным позициям своей партии. Димитрову же приходилось маневрировать – ему приходилось «выторговывать» у Радославова содействие в освобождении Стамболийского. Какую-то не вполне ясную роль играли и его связи с ВМОРО²³⁷.

«Земледельцы»-заключенные, сидевшие в разных тюрьмах, поддерживали связь между собой и с остававшимися на свободе товарищами – тогдашние порядки в какой-то мере позволяли это. Во время войны вся тяжесть оппозиционной работы против правительства Радославова легла на Омарчевского. Постоянно работал в застенках Стамболийский – следил за развитием событий, намечал задачи на будущее, обдумывал и передавал указания на волю...²³⁸.

• • •

На другом полюсе общественной жизни Болгарии в это время происходил процесс концентрации правых сил, усиливалось напряжение среди военных и «македонствующих». Современные болгарские авторы фиксируют: невзирая на недавний проигрыш в Балканской войне, определенная часть социума испытывала эмоциональный подъем, ибо армия показала себя

в целом достойно, и не было ощущения, что ситуация безвыходна. Воинственно настроенных людей поражение только сплотило.

Во время войны Тодор Александров служил офицером для поручений в штабе партизанского отряда Македонской дивизии, отправлял четы в тыл противника для проведения акций саботажа, организовывал доставку оружия из Германии. Постоянная связь Протогерово и Александрова с царем Фердинандом и князьями Борисом и Кириллом повышала их самооценку. 1915–1918 годы стали временем значительного роста и их общественного авторитета. С ними общаются видные болгарские политики, они располагают большими связями в Генштабе, поддерживают контакты с высшими военными чинами союзнических армий, прежде всего, немецкой. За годы войны Александров, например, дважды в торжественной обстановке общался с кайзером – в Нише и в Софии, что позволяло ему причислять себя к болгарской элите. Кроме того, руководителям ВМОРО удастся «сунуть нос» во все дела государства, в ведение военных действий, снабжение армии и населения продовольствием, разрешение национального вопроса²³⁹. Александров, например, считал возможным давать царю «советы» по поводу «крайне напряженных отношений» между Главной квартирой и правительством. Он разрабатывал свои предложения по частичной реконструкции кабинета, изменению личного состава Главной квартиры²⁴⁰. Дуумвират Александров – Протогеров добивается реорганизации созданной в 1915 г. из гражданских лиц Дирекции общественного планирования (производство и торговля для нужд военного времени) и превращения его в государственно-монополистическую структуру (ДСГОП), которую в 1917 г. возглавил генерал Протогеров. Через нее курсировали значительные финансовые потоки.

Таким образом, за короткое время ВМОРО полностью легализуется, превратившись в крупный государственный субъект, но сохраняя при этом присущий ее руководству террористический окрас. Добившись удаления из Софии «старых» почтенных и уважаемых руководителей ВМОРО / ВМОРО, «леваки» Александров и Протогеров освобождаются от «чужой шапки на собственной голове» и могут чувствовать себя

хозяевами положения в македонских кругах. И в македонских делах, на что они как бы уполномочены болгарским государством, они заботятся об улучшении положения местного населения в «новых землях», т. е. на освобожденных / завоеванных македонских территориях, его снабжении. Их не удовлетворяет работа администрации, мало делающей для того, чтобы сильнее расположить это население к болгарским властям. Александров, например, считал, что министр внутренних дел пассивен в этом отношении, что на этом посту нужен другой человек, и в одном из обращений к правительству заявлял: «Если это полезно, Организация может принять участие в управлении»²⁴¹. Что это, как не выражение готовности руководства ВМОРО самому осуществлять власть в новых землях?

О том, чего можно было ожидать от управления ВМОРО, свидетельствует «подвиг» генерала Протогерово – в марте 1917 г. он с необычайной жестокостью подавил сербское восстание в Моравской области*. Репрессии приобрели такой размах, что при обсуждении предварительных условий мира болгарскому правительству пришлось их учитывать как отрицательный для себя фактор. Так, готовясь к дискуссии, Радославов запросил Александрова о возможных результатах в случае проведения плебисцита в новых землях. И получил ответ: «В отношении Македонии мы предприняли определенные меры, и я верю, что после всего сделанного в Добрудже можем быть совершенно уверены в том, что там с большой вероятностью выиграем; в Дrame, Кавале, Сере, несмотря на то, что там из-за проведенного разоружения населения и грубого его третирования мы полностью лишились симпатий мирного турецкого населения, однако путем возвращения всех болгарских беженцев в этот край и благодаря умелой работе опять-таки очень вероятно, выиграем; но в отношении Моравского района *после всего, что там произошло* (курсив в документе. – Р.Г.), на референдуме мы наверняка проиграем»²⁴².

* Имеется в виду Топличкое восстание 1917 г. в Южной Сербии, оккупированной болгарскими войсками. В ходе его подавления было зверски уничтожено (вырезано, сожжено заживо и т.д.) от 20 до 25 тыс. местных жителей и стерты с лица земли 55 населенных пунктов (*Примеч. отв. ред.*).

5. АЛЕКСАНДР СТАМБОЛИЙСКИЙ: «МАРШ» К ВЛАСТИ

5.1. После «второй катастрофы»

Основные тяготы войны, как и предупреждали руководители Земледельческого союза, выпали на долю простого народа. Народа, который по мере сил и пробуждения сознания боролся против участия Болгарии в войне, но, как и во многих других случаях, не сумевший победить. И до сих пор не умеющий, в большинстве случаев, победно отстаивать свои интересы.

Действия болгарских политиков после «первой национальной катастрофы» в Балканской войне, базировавшиеся, главным образом, на такой иррациональной основе, как чувство обманутой справедливости, немало способствовали тому, что в 1918 г. последовал новый катастрофический военный провал Болгарии – на этот раз в Мировой войне.

Свою роль сыграла не только изменчивая обстановка на внешних фронтах, но и трудности внутреннего порядка. Выступления на фронте и в тылу с лозунгами прекращения войны, начавшиеся едва ли не с момента вступления Болгарии в мировой конфликт, превратились в 1918 г. в существенный внутриполитический фактор. Перспектива поражения Четверного союза и тесно связанных с ним германофильских кругов Болгарии представляла для них большую угрозу. Отступая, Фердинанд пошел на важный политический шаг: в июне 1918 г. Радославова во главе правительства заменил Малинов, к власти были допущены представители антантофильских партий – Народной и Демократической, склонявшихся, хотя и с колебаниями, к скорейшему заключению мира. При формировании кабинета лидеру «демократов» Малинову пришлось искать поддержки трех мелкобуржуазных партий. Представители БЗНС (Димитров и Атанасов, позже и Драгиев) ответили отказом на предложение войти в правительство (сначала освободите Стамболийского!). Так же повели себя «широкие социалисты», а вот «радикалы» заняли министерские посты. Так было положено начало «правительствам широкой коалиции».

С отстранением Радославова ожидания близкого прекращения войны приобрели в тылу и на фронте конкретные проявления. В окопах распространялись слухи, что все закончится к 15 сентября. Но правительство заняло твердую позицию: войну надо выиграть, а протесты подавить²⁴³. Малинов еще 15 июня потребовал от главнокомандующего генерала Николы Жекова «удержаться на болгарских позициях»²⁴⁴. Позже «радикалам» пришлось признать свое вступление в состав кабинета ошибкой: они думали, что сразу приступят к решению вопросов о войне и мире, о пропитании армии и населения, о возвращении страны к нормальной жизни, ликвидации коррупции. На деле же они стали проводниками политики премьера, вместе с членами его Демократической партии ездили на фронт – просили солдат воевать до конца, старались разбудить в них патриотические чувства, беспокойство о престиже власти²⁴⁵; поддержали правительство «радикалы» и при подавлении Солдатского (Владайского) восстания.

Восстание началось 24 сентября 1918 г., когда после прорыва армией Антанты болгарской обороны на македонском фронте* отступающие болгарские части стихийно направились к Софии с намерением наказать Радославова и других деятелей, виновных в вовлечении Болгарии в войну. Обстановка потребовала от властей спешно предпринять решительные действия: во-первых, отправить делегатов в распоряжение командования Восточной армии Антанты с просьбой о перемирии и, во-вторых, освободить из тюремного заключения Стамболийского и Даскалова, чтобы они уговорили взбунтовавшихся солдат разоружиться и разойтись по домам.

Нетривиальные действия официальной власти показали, как буржуазный мир Болгарии на практике оценивал роль и значение БЗНС в жизни страны. Справедливо писал М.А. Бирман в своем исследовательском труде: правительство решило прибегнуть к услугам Стамболийского, имея в виду его автори-

* Речь идет о боевых действиях на Салоникском фронте (созданном Антантой в 1915 г., но активизировавшемся позже: в 1916 г. – тактически, а в 1918 г. – стратегически), точнее о прорыве 15 сентября 1918 г. болгарских позиций у Доброго Поля. Главную роль в решающем поражении болгар сыграли сербские войска (*Примеч. отв. ред.*).

тет в народе и то, что он «был окружен в глазах крестьян, одетых в солдатские шинели, ореолом борца против царя Фердинанда»²⁴⁶. Показательно, что власти не использовали для этой цели Д. Драгиева – остававшегося на свободе формального лидера Союза. Однако события приняли другой оборот: с прибытием к восставшим Стамболийского и еще более революционно настроенного Даскалова солдатский бунт получил новый импульс. 27 сентября его участники объявили о свержении царя, правительства и установлении в Болгарии республики. Армия повстанцев росла за счет солдат, продолжавших прибывать с фронта, и составила в итоге около 30 тыс. человек. Звучали голоса и о предании Фердинанда и его министров революционному суду.

Не в силах справиться с восставшими, власти обратились за помощью к всё еще союзным немецким войскам, одновременно ведя переговоры о перемирии с представителями Антанты. 30 сентября колонны повстанцев были встречены на подступах к Софии ураганным огнем тяжелой немецкой артиллерии – в узком Владейском ущелье погибли более 2,5 тыс. человек. В эти же дни было заключено Салоникское перемирие на весьма тяжелых для Болгарии условиях. Одно из них – оккупация Болгарии войсками Антанты. В начале октября они уже вступили на территорию страны. 3 октября царь Фердинанд отрекся от престола. Но монархия устояла, трон перешел к старшему сыну царя – наследнику Борису. Фердинанд же, как и Радославов, спешно покинул Софию. Оба надеялись, что эмиграция уберет их жизни от разъяренного народа.

Наблюдательный современник, анализируя обстановку в стране, записывает в дневнике: «9 октября 1918 г. Узнал, что Радославов три дня назад тайно покинул Болгарию <...>. Это позорный поступок. До сих пор считал Радослава глупым человеком, а он оказался и подлым, и трусливым, и отвратительным»; «Народ хотел мира. Мир свалился на наши головы весьма страшным и мучительным образом. Правительство, однако, недостаточно сильно, чтобы принять все меры для внутренней стабилизации». 23 октября: «Новостей и известий извне нет. Болгария оккупирована внутри и осаждена снаружи. Правительство почти негодно. Думают, что можно делать политику с Антантой и довольствоваться этим. Внутри нам угрожает

отсутствие стабилизации. Земледельческая партия думает, что пришло ее время управлять»²⁴⁷.

Власть имущим приходилось идти на новые уступки: 17 октября 1918 г. в кабинет министров были включены представители от БРСДП (о) и БЗНС. Однако уже 28 ноября последовала реорганизация правительства: на смену Малинову пришел лидер буржуазной Народной партии Теодор Теодоров. В возглавленном им совете министров уже 6 кресел из 10 были представлены партиям, «близким к народу»: «радикалам» (1 место), «широким» социалистам (2 места), «земледельцам» (3 места). От БЗНС в состав правительства вошли старейшие его деятели Ц. Бакалов, Д. Драгиев и А. Стамболийский. Для последнего министерское кресло было зарезервировано – как участник Солдатского восстания он не мог принять предложенный портфель и перешел на нелегальное положение: в отношении повстанцев начались репрессии, заработали военно-полевые суды. В кабинете «левые» попытались создать отдельный блок партий, не относившихся к «номенклатурным».

Декларация правительства, с которой выступил Теодоров, отразила учет новым премьером дальнейшего дрейфа общественных настроений влево. Чувствуя свою слабость, Теодоров при встрече 10 декабря 1918 г. с Чарльзом С. Вильсоном, американским генконсулом, заявил, что боится взять на себя ответственность за развитие событий в Болгарии, вполне возможное по подобию российских. Теодоров говорил даже, что считает США единственной страной, которая может спасти Болгарию от уничтожения. А тогдашний военный министр Андрей Ляпчев признался, что иногда ему трудно понять, кто управляет страной – болгарское правительство или оккупационные власти Антанты²⁴⁸. Словом, Теодоров вступал в свое премьерство в состоянии, близком к паническому. С учетом настроений масс в официальную декларацию ему пришлось внести такие пункты, как меры по обложению налогами чрезмерных доходов военного времени, суд над виновниками национальной катастрофы, политическая амнистия²⁴⁹. Но можно ли успокоить обещаниями стихийное по преимуществу движение народа, состояние его духа?

С ростом уличных протестных выступлений росла численность «народных» партий. «Тесняки», в 1915 г. насчитывавшие

чуть более 3 тыс. членов, в 1919 г., когда партия стала именовать себя коммунистической (БКП), имели в своих рядах уже свыше 25 тыс., а концу того же года – более 35 тыс. Меньшие успехи были у «широких» социалистов: если в 1915 г. в партии числилось также около 3 тыс. членов, то в 1919 г. – 11,6 тыс.²⁵⁰, по другим сведениям, 14,4 тыс.²⁵¹. Радикально-демократическая партия, по оценке болгарского историка Христо Стефанова, насчитывала в 1919 г. 16 тыс. членов и опиралась на 700 местных организаций, имевшихся во всех городах и в большей части сел²⁵².

Каждая из этих партий, помимо центрального управления, имела местные ячейки – и в городах, и в селах. Их общим стремлением было овладеть руководством общин, местными органами административной власти. В 1920 г. появились, например, первые коммуны – общинные советы во главе с членами БКП. Участие во власти открывало перед ними сравнительно широкие возможности для распространения своих идей.

Особенно бурный рост происходил в рядах БЗНС, на состоянии и деятельности которого война отразилась очень тяжело: основная часть его членов сражалась на фронтах, деятельность «дружб» была спорадической, членские взносы не собирались²⁵³. С конца 1918 г. положение изменилось: после заключения перемирия и демобилизации армии, пишет Д. Петрова, стали оживать старые «дружбы», возникали новые, главным образом, в селах. К 1 июня 1919 г. в БЗНС числилось уже 77,3 тыс. членов – Земледельческий союз стал самой многочисленной партией в стране. По мнению Дж. Белла, в 1921 г. в стране насчитывалось 3014 «дружб», в 1922 г. – 3439²⁵⁴.

В протестное движение 1918–1919 гг. вовлекались массы людей. Брожение охватило и широкие слои беспартийных. Ситуацию удачнее всех использовала радикальная группировка БЗНС во главе со Стамболийским, сумевшая в 1919–1920 гг. прийти к власти и на несколько лет установить «земледельческий» режим.

Обратимся вновь к обобщающим размышлениям Питири-ма Сорокина. В частности, к его тезису о политическом подъеме в начале 1920-х гг. «крестьянства и класса фермеров, наступившем во многих сельскохозяйственных странах». По его

наблюдению, в 1917–1921 гг. «страны континентальной Европы были отмечены значительным усилением политической активности рабочего класса»; на смену «прежним высшим политическим классам», низвергнутым в 1914–1917 гг., пришли крестьянские лидеры и партии, начавшие играть заметную роль – иногда даже главную. «После 1921 и 1922 гг., – пишет он, – во главе правительств в Эстонии, Литве, Латвии, Польше, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Югославии, а отчасти и Германии и Франции встали руководители аграрных партий». В дальнейшем рассуждении ученого любопытен поставленный им акцент: «Руководители-аграрии вытеснили с правительственных постов представителей рабочего класса, которым не удалось продемонстрировать ни ясно выраженную *творческую способность, ни умение успешно справляться с государственными делами* (курсив мой. – Р.Г.)»²⁵⁵. Эта констатация представляется весьма важной с методологической точки зрения, фиксируя оценку исследователем политической дееспособности властных структур.

В контексте настоящей работы следует особо отметить, что именитый социолог разглядел и отметил некие новаторские качества крестьянства, и, в частности, способность к политическому творчеству. А ведь традиционно в историографии при характеристике крестьянства как общественного слоя акцент делался и делается на его консерватизме, имmobильности, неспособности к государственной активности. Болгарский опыт в этом отношении Сорокин назвал «диктатурой Стамболийского».

Об этом режиме и проведенных в 1920–1923 гг. реформах написано несколько крупных исторических исследований квалифицированными болгарскими, российскими и другими иностранными авторами. Поэтому следующие страницы, не касаясь всего массива многоаспектной темы «диктатуры Стамболийского», мы посвятим анализу того, как и в чем проявилась творческая способность руководителей БЗНС, какие государственные решения, принятые ими, имели, не побоюсь этого слова, историческое значение для Болгарии и мира.*

* В рукописи выделено самой Р.П. Гришиной (Примеч. отв. ред.).

5.2. «Санкция» снизу

Прежде всего, от «земледельческих» верхов спустимся этажом ниже – к простому крестьянству и попытаемся из общего потока протестного движения выделить особую, крестьянскую, струю, услышать в нем голос именно сельского труженика. Сделать это, хотя бы до некоторой степени, позволяют материалы о налаживавшейся после войны работе «дружб», проведенных ими на селе многочисленных собраний и сходах, резолюции которых принимались голосованием, отражены в протоколах и направлялись в Народное собрание, в правительство (позже нередко специально – министрам-«земледельцам»), в УС БЗНС, газету «Земледельско знаме» и др.

Страницы протоколов и резолюций, машинописных и от руки, с подписями селян (иногда на десятках листов), написанных разным почерком, и грамотно, и неграмотно, коряво, часто с пропусками букв и прочими дефектами, производят на исследователя неизгладимое впечатление: в них видятся живые люди, с их «нервом», желанием быть участниками общественного действия. Часть этого документального «эха» крестьянских настроений представлена в болгарских архивохранилищах.

На первом плане среди крестьянских требований 1918–1919 гг. были, конечно же, экономические. Именно сельское население несло на себе основные тяготы войны и на фронте, и в тылу. Уход мобилизованных мужчин на фронт означал лишение крестьянского хозяйства рабочих рук, которое, кроме того, подвергалось еще продовольственным и другим натуральным (волы, лошади, телеги и т.п.) реквизициям. За невыполнение нарядов, как и за укрытие продукции, предназначавшейся к сдаче, назначались штрафы, предъявлялись судебные иски.

Еще во время войны крестьяне часто обращались в специальную комиссию парламента (так называемую прошетарную) с просьбами списать с них реквизиционные штрафы, иногда составлявшие неподъемную сумму – до тысячи левов на хозяйство. На эти обращения парламентская комиссия, как правило, отвечала отказом. В ее отчетах зафиксировано также

множество жалоб селян на нехватку продовольствия и фуража из-за большого объема произведенных реквизиций²⁵⁶.

С окончанием войны крестьяне все настойчивее стали требовать списания долгов по штрафам и ликвидации самой Дирекции СГОП. В обращении к Стамболийскому жителей общины села Палазар Осман-Пазарской околии от 15 декабря 1918 г. говорилось: «Просим Вас внести в парламент предложение и законом аннулировать все составленные акты и исполнительные листы. Мы принесли столько жертв за время трехлетней войны в окопах, а теперь еще и штрафы. Имеется случай, когда в одной семье на войне погибли двое братьев, а теперь приходит сборщик налогов и требует 400–500 левов штрафа»²⁵⁷. Крестьяне требовали ввести нормирование цен на сельскохозяйственные и промышленные товары и прогрессивно-подходящий налог. «Цены на изъятое у нас продовольствие, – жаловались они, – очень низкие, а на обувь, пальто – очень высокие, а ведь еще два месяца назад министр Драгиев обещал снижение цен»²⁵⁸.

Почему вопрос о реквизициях был для селян столь актуален? Только ли потому, что государственные изъятия наносили «физический» ущерб их хозяйству, подрывали его, оборачивались подлинной человеческой драмой? Нет, не только! В сохранившихся архивных документах отчетливо ощущается недовольство крестьянина ущемлением его права собственника, желание получить компенсацию за понесенные потери. Ярость, ненависть к милитаризму переполняла село, изначально противившееся войне, потерявшее на ней многих своих кормильцев и получившее в результате оскудевшее и разоренное хозяйство взамен сравнительно преуспевавшего в мирное время. И крестьяне активно стали заявлять политические требования.

В ходе общегражданской кампании за политическую амнистию селяне требовали распространить ее на всех участников Владейского восстания, среди которых были Стамболийский и Даскалов. Еще более политически острыми были заявления о необходимости «провести расследование причин гибели во время войны тысяч болгарских солдат»²⁵⁹, а также амнистировать арестованных и осужденных солдат и рядовых

граждан, обвиненных за какие-либо проступки во время войны и за участие в сентябрьском акте²⁶⁰.

Обсуждение законопроекта об амнистии шло в Народном собрании со значительными трудностями: «демократы» Малинова требовали не амнистировать, а наоборот, сурово наказать участников сентябрьского бунта, сторонники Д. Драгиева предлагали ввести выборочный принцип, исключавший, в частности, его распространение на Стамболийского и Даскалова. За полную амнистию выступали только депутаты от БКП (т.с.) и от группы «земледельцев» – сторонников Стамболийского.

Под нажимом снизу Народное собрание приняло 31 декабря 1918 г. более или менее удовлетворительный закон о политической амнистии. Теперь Стамболийский, за которым с ноября 1918 г. сохранялся пост в Совете министров, смог приступить к работе. А 19 февраля 1919 г. пять депутатов Народного собрания обратились с заявлениями о желании уступить Стамболийскому свое место в парламенте. Каждый из них в своем прошении написал: «Г-н Председатель, у нашего товарища депутата Александра Стамболийского был незаконно отобран мандат и его заменил запасной избранник. Сегодня правда восторжествовала, и Стамболийскому возвращены его права, но теперь в парламенте для него нет свободного места. Поэтому учтиво прошу Вас принять мою отставку, чтобы дать ему возможность занять пост народного представителя в палате депутатов. [Подпись]»²⁶¹. Чтобы дать этим заявлениям ход, ими должна была заняться Комиссия по проверке итогов выборов, но по разным причинам она так и не смогла собраться²⁶².

Анализ протоколов и резолюций сельских собраний, сохранившихся частных писем позволяет выделить в них как сугобо крестьянские следующие мотивы. *Во-первых*, интерес к делам в самом Земледельческом союзе, в его парламентской фракции и, особенно, к роли его представителей в коалиционном правительстве Теодорова. Сам факт вхождения Драгиева, Бакалова и Стамболийского в «буржуазное правительство» отмечался многими селянами как нарушение устава БЗНС, в который, как говорилось выше, на 14-м съезде Союза в декабре 1913 г. специально был внесен пункт, запрещавший сотру-

ничество «земледельцев» с буржуазными партиями. «Скидка» на конкретный послевоенный случай оправдывалась тем, что в 1918 г. в кабинет Теодорова лидеры БЗНС вошли в составе «близкого к народу» Блока партий, принявшего «народную программу».

Среди крестьянских откликов одобрение участия Земледельческого союза во власти «на основе принятой платформы»²⁶³, соседствовало с сомнениями в правильности сделанного шага. Отсюда проистекали требования контроля за деятельностью Блока на местах, например, по «заполнению вакантных чиновничьих мест»²⁶⁴. Нередко выражались протесты против отступлений от программы Блока²⁶⁵. Лейтмотивом было требование – *либо действуйте, либо уходите*. Совершенно четко это выразил некто С. Чинков, «уполномоченный [на такое заявление] дружбой своего села». 18 февраля 1919 г. он писал Стамболийскому: «Вы и еще два министра вошли в правительство Блока, чего не разрешает устав БЗНС, и ничего не сделали в соответствии с платформой. Вы позволили увеличить цены на железнодорожные перевозки в тройном размере, повысить косвенные налоги. Мы послали Вас защищать наши интересы, не компрометируйте же нас и нашу идею, ей мы служим с первого дня моей политической жизни. Поэтому просим Вас посоветовать другим министрам от БЗНС осуществить наши требования, хотя бы частично, или уйти с министерских постов, ибо, уйдя, они будут более полезны, чем находясь в правительстве»²⁶⁶. В свою очередь, 120 членов «дружбы» села Салманово Преславской околии, подписавшихся под соответствующей резолюцией, потребовали: «Долой правительство, не сдержавшее слова, данного народу; требуем кабинета, который будет исполнителем воли народа»²⁶⁷. На другом общем сходе крестьяне выступили с осуждением тех «земледельческих» депутатов, которые «не покинули демонстративно парламент» при голосовании бюджета на 1919/1920 гг.²⁶⁸

Вышеприведенные высказывания, будучи в своем роде единичными, свидетельствуют, тем не менее, о том, что факт существования БЗНС, его деятельность на основе определенного регламента представляли для крестьян ту несомненную общественно-политическую ценность, которую следовало беречь и защищать.

Во-вторых, отношение к одной из болевых для крестьянского населения точек – к традиции сельского самоуправления, как к ценности, которую необходимо сохранить в наступившее смутное время. Традиция складывалась веками, и в десятилетия после Освобождения регулировалась специальными законами, приспосабливалась к оформлявшимся контурам демократического государственного устройства. В демократическом обществе местное самоуправление это уже не столько архаичный довесок, сколько институт, играющий немаловажную роль в формировании общественного мнения, а значит и гражданского общества.

Не потому ли во время войны власти предпочитали распускать выборные органы местного самоуправления, заменяя их так называемыми трёхчленками. Особый протест со стороны крестьян вызывала практика правительства А. Малинова, в свое время «насадившего» в «трёхчленки» представителей возглавляемой им «городской», т.е. враждебной «земледельцам», Демократической партии. «Горожане» оставались в органах сельской власти и при правительстве Теодорова. Не удивительно, что недовольство «продолжающимся произволом со стороны Демократической партии при назначении трёхчленных комиссий» многократно выражалось в ходе крестьянских собраний весной 1919 г. В составе кабинета – три министра от БЗНС, что же они бездействуют, возмущались селяне²⁶⁹ и советовали для установления режима народной власти назначать на должности околийских начальников и полицейских приставов людей «именно из числа членов БЗНС»²⁷⁰.

В-третьих, жгучая ненависть к войне и к тем, кто ее развязал. В высказываниях крестьян прослеживается понимание причин военного бедствия, обрушившегося на страну. Они, например, требовали «отдать под суд бывших министров кабинета Радославова-Петкова за сознательное вовлечение Болгарии в авантюру и разорение страны в войне»²⁷¹. Или даже «возвращения Фердинанда и Радославова и отдачи их под суд, конфискации их имущества»²⁷².

В-четвертых, непосредственный интерес к Стамболийскому, к импульсам, исходившим от него. Стамболийский не только являлся автором сословной теории, разработанной довольно досконально, но и активным, действующим поли-

тиком, не боявшимся рискованных ситуаций и в то же время соблюдавшим осторожность. В руководстве БЗНС он возглавил сравнительно левую, радикальную его часть, стремившуюся отмежеваться от сотрудничества с «городскими» партиями. И, в конечном итоге, привести Земледельческий союз к политическому лидерству в государстве. Именно такое положение БЗНС и являлось венцом его теории.

Вступив еще в 1908 г. в «единоборство» с Фердинандом, которого он в Народном собрании публично поставил на место, и, подтвердив в 1915 г. позицию противостояния с ним опять-таки публичным осуждением государственной политики в отношении войны, Стамболийский использовал приемы, говорившие о нем, как о человеке честолюбивом, стремящемся стать лидером в реальной жизни и личностью харизматической в глазах большинства. Приговор к смертной казни, вскоре замененный пожизненным заключением, и почти три года проведенные в тюремной камере, а затем внезапное освобождение и вознесение на вершину признания одной частью общества при одновременном жестком хулении и поношении как хулигана, разбойника и даже «большевика» со стороны другой части – такие изломы жизни для героической личности – особый знак, «перст судьбы», указывающий на мистическое предназначение.

В Центральном государственном архиве в Софии хранится любопытное дело под названием «Тюремные записки Стамболийского». Оно представлено в машинописи и является, по видимому, архивной перепечаткой некоей рукописи в ходе приведения ее в порядок. При чтении материала понимаешь, что только начало записок относится ко времени тюремного заключения автора, а большая их часть – к гораздо более позднему периоду. Хотя в настоящий момент нет возможности удостовериться в аутентичности документа, любопытно, что Стамболийский, возможно, писал о себе.

Первый текст, похоже, действительно, создан в застенках: «Я готов быть жертвой реакции. Доволен [своим] положением. Новая эпоха нуждается в герое. Трусливые и раболепные пол[итические] вожди. Отсутствие светлого образа в царствование Фердинанда. А Болгария испытывает потребность в таких образах. Мое прошлое. Меня обвиняют в дерзости, во

лжи, и, вместо того, чтобы увидеть это в самих себе, – в мало-душии, в чрезмерной и преступной осторожности. Хотел бы и я ходить по равнине!»²⁷³. Другая запись свидетельствует об осмыслении Стамболийским своего политического «Я» на фоне горького понимания запаздывающего развития Болгарии: «Секрет успеха каждого дела – своевременно явиться для выполнения своего долга. Мы поздно пришли к выборам, поздно явилась на сцену Болгария, поздно произошли аресты*, поздно лично я явился против мощных фигур наших соседей»²⁷⁴.

Не меньший интерес представляет и зафиксированное в бумагах отношение Стамболийского к народу. Читаем: «Болгарский [народ] страдает не от недостатка ума, а от недостатка воли и здравого социального чувства. Придайте этому народу сплоченность и сильную волю, и он станет незаменимым и удивительным борцом. Замахнитесь на стаю куропаток, они разбегутся вместо того, чтобы сплотиться. Это напоминает нынешнее состояние болгарского народа. Выхватите из стада свиней одну, даже самую тощую, и вы почувствуете силу этого сообщества: все свиньи, ошестинившись и разъярившись, бросаются на общего врага. О, когда я увижу боевой дух болгарского земледельческого народа, выросшего до такого состояния самозащиты?»²⁷⁵.

Нельзя не сказать, что, по большому счету, само понимание, поистине, бездны социокультурных болгарских проблем, их сложности, делает честь крестьянскому мыслителю. При этом он – человек действия, оптимист, отодвигавший ощущение безнадежности и настроенный наверстывать исторически упущенное.

Войдя в 1918 г. в коалиционный кабинет Теодорова, Стамболийский не собирался останавливаться на достигнутом. Подъем народного движения в 1918–1919 гг. создавал определенные условия для постепенного продвижения Земледельческого союза и его лидера к вершине власти.

Насколько серьезно воспринимали крестьянские массы возможность подобного развития событий? Понимали ли их суть? В полной мере судить об этом на основании доступного

* Массовые аресты «виновников национальной катастрофы» прошли 4 декабря 1919 г. (*Примеч. отв. ред.*).

материала весьма трудно, но некоторые моменты политической конъюнктуры 1918–1919 гг. представляются в этом отношении достаточно важными.

Прежде всего, надо отметить внутреннюю связь между сельчанами и Стамболийским. Может быть, она не была всеобъемлющей, но весьма существенной ее нельзя не признать. Упования многих «земледельцев» связывались именно с ним. Об этом писали ему лично и пожилые, и молодые. Приведу несколько примеров. 60-летний Г. Атанасов из села Караднеялово Борисовградской околии сообщал 8 февраля 1919 г.: узнав о Вашем выходе из тюрьмы и занятии поста министра, «радуясь и торжествую в связи с вашим оживлением и воскресением, [вы] как наш спаситель Иисус» и потому «моя скромная старость хочет вас поприветствовать»²⁷⁶. С гораздо более конкретными предложениями обращалась к Стамболийскому молодежь. 14 февраля 1919 г. некто Н. Дедов писал ему: «Я еще молод, три года был на войне, потом служил офицером. Сам я из крестьянской семьи <...>. Не хочу идти ни к коммунистам, ни в другие партии. Я сторонник Ваших идей и принципов, но мне нужны советы, инструкции и учителя, чтобы я мог успешно действовать», хочу активно участвовать в «земледельческом» движении²⁷⁷. Как и в большинстве других случаев, Дедову был отправлен ответ, о чем на письме имеется специальная помета с датой. Столь уважительное отношение к адресатам было для Стамболийского нормой.

Обращения крестьян к Стамболийскому чаще всего содержали приглашение ему на расширенные собрания «дружб», «для разъяснения положения и оценки местных событий»²⁷⁸, а также просьбы выступить «в нашем селе, так как сюда приезжает много агитаторов от городских партий, ругающих Вас и Даскалова»²⁷⁹. Были также письма-предупреждения, например, о том, что недоброжелатели поносят Стамболийского как «большевика и разбойника, виновного в гибели солдат» во время Владейского восстания, как более всех виновного в разгроме отечества и понесенных жертвах, за что его якобы следует повесить в Софии²⁸⁰ и т.п. (из помет на письме видно, что адресат работал и с такими текстами)²⁸¹. Весьма любопытно рукописное послание Стамболийскому от 18 марта 1919 г. от В. Сыбева – председателя «дружбы» села Трыстеник, в котором

автор просит дать пояснения, как следует отвечать на обвинения в адрес Стамболийского по поводу его участия в Деклозьеровой афере* и получении 5 млн левов от соответствующего банка. «Между тем, – заканчивал Сыбев письмо, – Вы тот, кто спас Болгарию»²⁸². Ответ по поводу сложного сюжета был получен автором спустя две недели, т.е. с недельной задержкой по сравнению с установившейся практикой.

Часто приглашения присылались с целью добиться личной встречи. Но наибольший интерес представляют письма Стамболийскому с поддержкой его политической линии и заверениями, что она победит. «Я еще молод, чтобы высказывать собственное мнение, но все-таки осмелюсь, – пишет обладатель грамотного стиля Й. Витовградски из села Михалци Павликенской околии. – Г-н Стамболийский, решительный час настал – народ изнемогает и ждет разрешения назревших вопросов. Форменный голод здесь, невыносимая дороговизна. Диктатура? (слово подчеркнуто синим карандашом, очевидно, адресатом. – *РГ*) <...>. Если нужно устанавливать, устанавливайте. Мы готовы всячески Вас поддержать, но действуйте уже. Время не слушать слова, а делать дела»²⁸³. Письмо датировано 23 февраля 1919 г.

Председатель «дружбы» села Новачене Орханийской околии в письме утверждал: «Все „земледельцы“ Союза желают Вам еще смелее руководить борьбой. Фанатически верим в победу народовластия». И выражал недовольство меньшинством в парламентской фракции «земледельцев»: «Опять эти дразги. Речи Драгиева в провинции мне не нравятся. Какие изменения? Власть!»²⁸⁴.

Стихийная активность «земледельцев» с возвращением левых руководителей на политическое поле заметно изменила

* В 1915 г. помощник представителя французских банков в Болгарии, руководитель торговой организации по закупке болгарского зерна Фердинанд Деклозьер, добиваясь вывоза богатого урожая зерновых во Францию, щедро раздавал взятки в политических «верхах». В коррупционный скандал оказались замешанными лидеры Народно-либеральной и Народной партий Н. Генадиев и Т. Теодоров, «земледельцы» из окружения Стамболийского. Последовали аресты. Используя ситуацию, прогермански настроенное правительство Радославова сумело добиться поворота общественных настроений в стране в сторону Германии. Причастность самого Стамболийского к «афере Деклозьера» исследователями не подтверждается (*Примеч. отв. ред.*).

свой характер. В марте 1919 г. крестьянское движение стало более массовым, охватывая все новые районы. Из доступных документов следует, что в начале многих собраний выступали либо сами руководители (Стамболийский, Даскалов), либо «земледельцы», приехавшие с «партийным поручением». В принимавшихся резолюциях заметно смещение акцента с критики Блока партий к вопросу о собственной власти «земледельцев». Впрочем, что понимали крестьяне под этим требованием, — никак не конкретизировалось, если не считать пожеланий, чтобы Министерство внутренних дел и «трёхчленки» перешли в руки «земледельцев», т.е. установления традиционного крестьянского самоуправления на местах. Кое-где встречалось слово «реформы», но что именно имелось в виду, также остается неясным. Думается, что рассуждения о власти и о реформах стали распространяться среди селян под воздействием радикальной группы в руководстве БЗНС, начавшей целенаправленно вмешиваться в организацию протестных собраний в стране.

Весной 1919 г. в Болгарии сложился определенный баланс сил: кабинет Теодорова не спешил выполнять провозглашенные в правительственной декларации от 29 ноября 1918 г. обещания, игнорировал требования трудящихся и тянул время, ожидая, что возвращение населения к мирным занятиям, постепенно само по себе разрешит проблемы. Оппозиция в лице части парламентской фракции БЗНС, действовавшей совместно со Стамболийским, упиралась в непреодолимость разногласий с правительством, и, главное, по вопросу о скорейшем роспуске Народного собрания и назначении новых выборов (этому препятствовала и группа Драгиева), без чего «левые» не мыслили дальнейшего легального продвижения к цели.

Это противостояние отчетливо проступает в письме Стамболийского от 20 марта 1919 г. к одному из своих сторонников из Шуменской околии: «Ваша резолюция, в которой вы хотите как можно скорее устранить все препятствия, мешающие правильному развитию политико-экономической жизни нашей страны и проведению необходимейших реформ, которых требует новое время, получил. С истинным наслаждением читаю места о ваших требованиях, и меня охватывает негодование, когда вижу, как управители, опьяненные властью, не обращают

внимания на глас народа и играют с огнем. Верные до недавнего времени орудия Фердинанда, они не хотят проститься со старым порядком: мило им самовластие, господство над народом, и они употребляют все силы, чтобы укрепить свое положение <...>. Мобилизация с нашей и с их стороны – полная. Предстоит решительное сражение. Земледельческий союз на своем посту, на посту верного стража интересов народа и выразителя его воли. В его успехе я совершенно не сомневаюсь, потому что на стороне Союза – абсолютное большинство крестьянского народа, и он справится с любым мракобесием»²⁸⁵. Далее Стамболийский указывал на то, что добиться роспуска парламента и проводить реформы мешает группа меньшинства в его составе (13 депутатов во главе с Драгиевым), и предупреждал о недопустимости попыток перенести раскол в сам БЗНС.

«Мобилизация обеих сторон полная» – эта фраза говорила о силе и напряжении конфликта между селячеством и буржуазными партиями, еще сохранявшими власть. Это был конфликт нового, уже послевоенного времени. К штурму власти готовилась не родственная буржуазная партия, находящаяся в положении легальной оппозиции, а огромная массовая партия негодующего крестьянства.

В марте 1919 г. Стамболийский и его сторонники для усиления нажима снизу обновляют формы сельского движения. Организуются *кустовые собрания* селян – гораздо более мощные средство выражения настроений людей и способ их мобилизации по сравнению с разбросанными одиночными митингами. В постановлении кустового собрания Ески-Джумайской околийской «дружбы» от 26 марта 1919 г. говорится, что на нем были представлены делегаты (т.е. выборные представители) от 38 «дружб», объединяющих 2,5 тыс. членов. Принятые решения весьма выразительны и, по-видимому, связаны с предварительно разосланными вопросами. Вот некоторые из них: «1) Считать наше участие в Блоке с буржуазными партиями вредным для земледельческого движения, как препятствующее проведению быстрых и решительных реформ. <...> 4) Околийская дружба считает крайне необходимым вызвать кризис кабинета и осуществить взятие власти “земледельцами”, “широкими социалистами” и “радикалами”, или, в крайнем случае, одними

“земледельцами”. <...> 7) Для урегулирования положения сельских общин считаем необходимым, чтобы МВД обязательно возглавлял министр от БЗНС. 8) Околийская дружба обещает поддержку Управительному совету БЗНС в осуществлении этих требований»²⁸⁶.

На наш взгляд, новая форма сельского движения предстает как попытка радикальной группы «земледельцев» сочетать крестьянскую активность с партийной иерархией и дисциплиной.

5.3. Решающий бросок (1919–1920 гг.)

Но для достижения цели потребовались и решительные политические действия. Задачей было вытеснить, наконец, из Совета министров представителей Демократической партии, как наиболее близких к дезавуированным «радославистам». Начало многоходовой операции положило выступление большей части парламентской фракции БЗНС, потребовавшей от правительства, фактически ультимативно, отменить цензуру и военное положение, ликвидировать произвол Министерства внутренних дел, урегулировать вопросы пропитания населения и, главное, распустить Народное собрание и назначить новые выборы в парламент и местные органы власти.

Получив отказ, группа заявила, что на некоторое время воздержится от участия в заседаниях парламента, и пригрозила обратиться за поддержкой к народу²⁸⁷. Используя сложившуюся неопределенную ситуацию, правительство Теодорова, действуя в режиме торможения радикальных сил в БЗНС, запретило назначенный загодя на 27 апреля 1919 г. съезд БЗНС, делегаты которого уже находились в пути. Полиция снимала их с поездов, арестовывала. Все-таки около 400 человек добрались до Софии, где 26–29 апреля провели «малый съезд». Принятая резолюция содержала требования формирования нового состава кабинета (без представителей «правых»), роспуска Народного собрания и проведения выборов в парламент²⁸⁸.

Возникшей ситуацией немедленно воспользовались два министра от БЗНС – Стамболийский и Бакалов, заявившие о своей отставке. Их поддержали министры от БРСДП (о) и РДП, также подавшие в отставку²⁸⁹. Разразился правительственный кризис.

7 мая 1919 г. в результате реорганизации кабинета ушли в отставку Никола Мушанов и Андрей Ляпчев – представители Демократической партии, пытавшиеся таким образом сгладить остроту обстановки в стране. Оставшийся на посту премьера Теодоров был вынужден назначить на август 1919 г. новые парламентские выборы. Так «земледельцами» был достигнут, пусть частичный, но успех, брешь в стане противника оказалась пробита.

Развивая этот успех, БЗНС провел 1–5 июня очередной, 15-й съезд партии. В его работе участвовали около 5 тыс. делегатов. При открытии съезда Стамболийский выразил уверенность в том, что БЗНС представляет уже «всю земледельческую Болгарию», и что надежды последней связаны с теорией сословной организации общества. Примерно о том же писал Стамболийский в брошюре «Принципы БЗНС», опубликованной еще в апреле 1919 г.

Несколько иной выглядела общественная картина по Д. Драгиеву, выступавшему за постепенное, эволюционное, а не революционное развитие Союза. Драгиев считал, что до войны Земледельческий союз «шел правильным путем в отношении цели, идей, состава, средств» и что этот путь еще не окончен. «Дорос ли Союз до того, – вопрошал Драгиев, – чтобы участвовать в управлении государством?» И отвечал: «Нет, совсем нет». К этому не готовы ни старые партии, ни новые организации²⁹⁰. Иной, чем у Стамболийского, была и его оценка состояния «земледельческого лагеря». Признавая, что после войны число «дружб» выросло значительно, Драгиев сомневался, действительно ли «земледельцы» уже составляют «армию», знают ли они, зачем идут в Союз, воспитаны ли политически? И утверждал: «Они просто ищут спасения, попадают то в БЗНС, то в рабочие организации, то еще куда-нибудь. Все они – новобранцы, ненадежная армия»²⁹¹.

Политический поединок двух лидеров завершился не в пользу Драгиева и его группы меньшинства. Он был исключен из партии и Постоянного присутствия Союза, лишен возможности работать в «Земледельско знаме».

15-й съезд считается в историографии переломным моментом в развитии Союза. Во-первых, был преодолен раскол в его руководстве, и положение группы Стамболийского укрепи-

лось до такой степени, что ведомое им течение смогло возглавить всю организацию. А во-вторых, БЗНС взял курс на борьбу за самостоятельную власть в государстве с последующей задачей провести «требуемые сельской массой реформы».

Съезд принял платформу, в которой БЗНС впервые предстал перед общественностью страны со сравнительно полным изложением своих целей и намерений, имея в виду перспективу – «земледельческое» управление. Большая программа преобразований предполагала в экономической области – введение принципа трудовой земельной собственности, ограничение крупных земельных собственников, государственную защиту социально слабых слоев, ликвидацию ростовщичества, введение прогрессивно-подоходного налога, ликвидацию монополий и пр.²⁹². Реформа политической сферы по сути своей была еще более значимой – она была нацелена на полное отстранение буржуазных партий от управления страной²⁹³. Политические партии, провозгласив гражданские и конституционные права и свободы, сыграли свою роль и теперь должны были уступить место сословным политико-общественным организациям. Суть реформы заключалась в том, чтобы взять (присвоить?!) те демократические государственные институты и права (парламент, избирательное право, форму центрального и местного управления, права и свободы граждан и т.п.), которые плохо ли, хорошо ли, но сумели утвердить буржуазные предшественники, и использовать все это богатство в интересах почти исключительно мелкобуржуазных слоев села и города. Самих же буржуазных предшественников сбросить с политической сцены за ненадобностью.

Об отношении сельской массы к идеям съезда говорить трудно – в нашем распоряжении нет достаточных данных. Однако очевидно, что весной-летом 1919 г. крестьянство подверглось почти непрерывной агитационно-пропагандистской обработке в соответствии с главными установками БЗНС. Это происходило как в ходе выборов делегатов 15-го съезда, так и во время подготовки к выборам в Народное собрание 18-го созыва. Большую идеологическую и информационную работу проводила редакция газеты «Земледельско знаме».

Выборы состоялись 17 августа 1919 г. Стамболийский возлагал на них большие надежды (вероятно, даже надеялся на

такую победу БЗНС, которая даст ему возможность сформировать однопартийный «земледельческий» кабинет). Об этом красноречиво свидетельствует его письмо к Райко Даскалову от 4 августа. Находясь в то время в Париже, где в составе болгарской делегации участвовал в обсуждении условий мирного договора, Стамболийский писал соратнику, что ждет результатов выборов и надеется, что они укрепят авторитет Земледельческого союза в мире. «В свободное время, – сообщал он, – обдумываю планы будущих действий и самых необходимых реформ. Конечно, они потребуют коррекции, прежде всего, в зависимости от условий мира»²⁹⁴.

Крестьянский электорат показал неплохую явку к избирательным урнам: из 903,9 тыс. избирателей в сельских общинах в выборах приняло участие 520,2 тыс., т.е. около 57,5%, в то время как из почти 300 тыс. избирателей городских общин проголосовало 136 тыс., что составило 45,3%. В итоге БЗНС завоевал первое место по большинству полученных голосов и из 236 депутатских мандатов получил 77 (группа Драгиева – 8), на втором месте оказались коммунисты (47 мест), за ними следовала БРСДП (о) – 38; среди буржуазных партий больше всех отвоевала Демократическая – 28 мест, три остальные, вместе взятые – всего 30 мандатов²⁹⁵.

Победу БЗНС одержал внушительную, но все же недостаточную для формирования самостоятельного правительства.

25 августа 1919 г. на бланке «Болгарская делегация на мирной конференции» Стамболийский писал Даскалову: «Дорогой Райко, как ты себя чувствуешь после таких результатов выборов? Верю, что ты огорчен. Таков народ. Нужна еще долгая и упорная работа. Городские партии опять с большинством. Это будет нас тормозить. Но наши идеализм и смелость – велики, и мы все преодолеем»²⁹⁶. Смысл послания ясен – народ еще не готов к крутым переменам; может быть, и не осознал еще масштаба предложенных на недавнем съезде реформ или, наоборот, убоился их.

Перед самим же лидером БЗНС результаты выборов открывали большие возможности. 24 августа Стамболийский отправил в Софию большое письмо-инструкцию группе соратников. «Не надо ни отчаиваться, ни удивляться, – писал он. – Наш народ не дал нам заслуженного и ожидаемого, однако это пре-

много обязано противодействующим силам, в первую очередь, Драгиеву, и недостаточному еще обучению наших новых членов <...>. „Приданое“ растратил Драгиев»²⁹⁷. Наибольшую опасность Стамболийский видел со стороны правых партий. «Мы должны их подавить нашими смелыми и крупными реформами. Я уже серьезно думаю о них. Думайте и вы». «Результат позволяет нам, – заканчивал Стамболийский свое послание, – иметь левое правительство. Но необходимы будут три вещи: дисциплина в группе, усиленная организационная работа внизу, в народе, и интенсивная работа в палате депутатов».

19 сентября 1919 г. Стамболийский как лидер победившей на выборах партии получил мандат на формирование правительства. Так как по избирательным итогам кабинет мог быть только коалиционным, приходилось искать поддержки у коммунистов, «широких» социалистов, «радикалов», с которыми у «земледельцев» были во многом пересекающиеся платформы. Коммунисты ответили отказом сразу, развернувшийся же торг с лидерами партии «широких» и РДП за места в правительстве, нежелание тех и других оставаться на вторых ролях заставили Стамболийского вновь преступить требование устава партии и начать переговоры с буржуазными городскими партиями – Народной и Прогрессивно-либеральной. С ними договорились о трех министерских портфелях, далеко не второстепенных (финансов, иностранных дел и торговли). Восемь министерских постов заняли «земледельцы». Таким образом, кабинет Теодорова ушел в прошлое. Новое правительство было сформировано 6 октября 1919 г. В ноябре начал работу новый состав парламента.

Что же произошло в Болгарии? «Старые» партии, не умевшие проявить волю и почувствовать ответственность за страну и в более благополучные времена, теперь сдавали властные позиции одну за другой. Патерналистские по своей природе, они без привычного «крыла» в лице царя Фердинанда не решались ни на какие энергичные действия. Новый царь Борис был слишком молод и неопытен, чтобы крепко держать в своих руках бразды правления. Наоборот, узнав о тяжелых условиях мира для Болгарии, он пытался угрожать антантовским миротворцам своим отречением²⁹⁸. В мае 1919 г. Т. Александров, внимательно следивший за развитием событий, сетовал

в близком кругу: царь Борис, сокращая влияние традиционных партий в правительстве, рубит сук, на котором сидит; ведь Земледельческий союз – это стихийная сила со слабым национальным самочувствием, и он не может быть надежной опорой в переходное после национальной катастрофы время²⁹⁹.

Коалиционное правительство Стамболийского сразу приступило к конкретной деятельности. Одним из первых политических шагов, весьма резких, стало решение об аресте и привлечении к суду членов кабинета Радославова и других лиц, обвиняемых в насилиях и грабежах военного времени. При внесении в парламент соответствующего законопроекта Стамболийский произнес взволнованную речь, доказывая, что такая мера необходима для спасения страны: нужно успокоить возмущенный народ и попытаться минимизировать угрозы наказания со стороны победителей³⁰⁰. За законопроект проголосовали, помимо фракции БЗНС, парламентские группы БКП, «широких» социалистов и радикалов.

Уже первые принятые Народным собранием законы говорили о готовности кабинета Стамболийского к реформаторской работе, отразили новое направление законотворчества. Преодолевая трудности и саботаж со стороны противников и недовольных буржуазных партнеров, правительство действовало весьма интенсивно: 20 ноября был принят закон об амнистии по некоторым преступлениям в связи с деятельностью Дирекции СГОП; 29 ноября – о гарантии свободы собраний; 30 ноября – о государственной торговле зерновыми и др. Закон о суде над виновниками вовлечения Болгарии в войну и их наказании был принят 22 ноября. Он должен был продемонстрировать полный разрыв обновленной Болгарии с ее милитаристским и агрессивным прошлым. Осуждению и наказанию подлежали ответственные за внешнюю политику страны деятели, военные и гражданские лица, творившие насилие и грабежи в оккупированных во время войны сербских, румынских и греческих землях.

Закон был принят за неделю до подписания Болгарией мирного договора и уже никак не мог повлиять на содержание его статей. Не случайно «земледельцы» упрекали правительства Малинова и Теодорова за то, что те не предприняли подобные шаги в свое время. Новые же власти решили твердо следовать

провозглашенной цели: 4 декабря 1919 г. стало днем массовых арестов подозреваемых в военных преступлениях. Одними из первых были арестованы Т. Александров и А. Протогеров, но сподвижники сумели вырвать их из рук стражи.

Военное поражение Болгарии, очевидное, хотя бы потому, что страна была оккупирована войсками Антанты, при неготовности людей расстаться с идеалом Сан-Стефано, рождало страшный сумбур в головах. Упоение мифической национальной идеей, в последнее время, казалось бы, такой близкой к осуществлению, сделало ее некоей константой сознания значительной части болгарского населения. И это позволяло и в 1919 г. надеяться, что карта Болгарии бита не до конца и версальские миротворцы-демократы не могут не понять справедливости болгарских вожделений. Любой другой подход, считали болгары, означал бы несправедливость и обман.

Но под пером делегатов стран-победительниц рождался абсолютно иной вариант документа, демонстрировавший стремление наказать агрессора. Они не скрывали негативно-го отношения к поверженному противнику и охотно выслушивали притязания на территориальные приращения на Балканах со стороны глав делегаций Королевства СХС и Греции, тогда как болгарская делегация вообще не имела доступа «к микрофону» и пребывала в Нейи под строгим контролем, почти под стражей.

Думается, в такой атмосфере и рождалось у болгарских политиков, ожидавших решения Парижской мирной конференции, чувство неуверенности и подобострастия, в чем их упрекали и современники, и позднее ученые-историки. Это относилось, например, к поведению тогдашнего болгарского премьера и главы делегации Т. Теодорова, который, получив 19 сентября от Ж. Клемансо проект договора с Болгарией, а фактически ультиматум, не нашел ничего лучшего, как произнести покаянную речь. Развернутую оценку возникшей коллизии дал болгарский ученый академик Христо Христов: «Внешняя политика Болгарии накануне и во время Парижской мирной конференции носила следы *полной беспомощности, нерешительности и недальновидности* (курсив мой. – Р.Г.). Действительно, Болгария проиграла войну, а вместе с этим – и возможность смело и до конца отстаивать свои интересы перед победителя-

ми. Но, несмотря на это, едва ли можно считать правильными принятый правительствами А. Малинова и Т. Теодорова курс на завоевание благоволения и милости победителей путем беспрекословного выполнения всех их требований и диктата»³⁰¹. Так же смиренно вели себя и военные, хотя некоторые из них осуждали самоуничижительную тактику дипломатов. Обсуждали вопрос: стоит ли вообще подписывать грабительский и несправедливый мир?

Это был непростой вопрос, поскольку Королевство СХС, Греция и Румыния, хотя всем им немало перепало от Болгарии по версальскому распределению территорий, репараций и др., все более впадали в победительную надменность, угрожали вторжением в Болгарию в случае ее полного несогласия с мирным договором. Ссылаясь на британские внешнеполитические документы, Хр. Христов приводит слова Э. Венизелоса, заявившего 5 августа 1919 г.: Болгария может подписывать или не подписывать договор, но соседи заставят ее сделать это. Греция собиралась действовать восемью дивизиями, сербы – двумя, румыны – пятью-шестью; если последние откажутся, греки и сербы сами могут взять Софию и продиктовать болгарам условия мира³⁰².

Неоправданно медленное, по мнению Стамболийского, свертывание правительствами Малинова и Теодорова провалившегося прогерманского курса, ограниченность мер, демонстрирующих принципиальное стремление страны к миролюбию и обновлению, – все это лишало Болгарию возможности как-то облегчить условия мирного договора. Позже, размышляя об этом, Стамболийский писал: «Мирный договор для Болгарии мог бы быть лучше, если бы 27 сентября 1918 г. революция БЗНС сумела найти и наказать всех военных преступников, если бы прежняя палата парламента была распущена, и весной 1919 г. были бы проведены парламентские выборы, как того требовали члены Союза через газету и принимая соответствующие резолюции. Болгария имела бы правительство из людей незапятнанных и явилась бы в Париж с достоинством. А за то, чтобы разогнать парламент, одно время были все правые и левые группы. Арест преступников режима Радославова надо было провести сразу после Салоникского перемирия. Но сделать это было некому, потому что все были заме-

шаны в преступлениях, а земледельцы поздно взяли власть»³⁰³. О мягкотелости правительства Теодорова говорил, в частности, генерал Кретьен, глава оккупационной администрации в Болгарии: он желал видеть во главе кабинета лицо более энергичное³⁰⁴.

Подписывать мирный договор с Болгарией пришлось, в конце концов, именно А. Стамболийскому, а не какому-нибудь «тяжеловесу» из буржуазных политиков. Не думавшие в течение десятилетий об ответственности за свои деяния, как всегда слабохарактерные политические деятели Болгарии остались верны себе и теперь: никто из них не рискнул поставить свою подпись под договором 1919 года.

Среди событий конца 1919 г. нельзя не отметить проведение выборов в сельские и городские общины, состоявшиеся 7 декабря. К ним готовились заранее – каждая община предварительно разрабатывала программу местных реформ и преобразований. Победа БЗНС на этих выборах, избрание 8808 «земледельческих» общинных советников против 2154 коммунистических – ближайших «преследователей», оценивалась руководством Союза как факт, что в селе – социальной основе всей государственной пирамиды – утвердилась власть «земледельцев».

Последние выборы свидетельствовали также о том, что крестьянство, получив благодаря «земледельческому» руководству возможность уберечь одну из главных своих ценностей – общинное самоуправление, голосовало 7 декабря за сотрудничество с кабинетом Стамболийского. Тем более, что имело от него обещания расширить права советов в жилищных вопросах, в борьбе со спекуляцией и др. Результаты выборов в местные органы власти подвигли руководство БЗНС сделать новый шаг на пути к своему однопартийному управлению. Это было тем более необходимо, что оппозиция – буржуазная справа и коммунистическая слева – каждая по-своему, создавала большие трудности для осуществления программы реформ БЗНС.

Последний этап марша «земледельцев» к полновластию был отмечен принудительными мерами – преждевременным прекращением деятельности парламента и проведением новых выборов. Подготовленный Стамболийским указ о роспус-

ке парламента подписал царь Борис. С целью создания компактного крестьянского электората было объявлено, что под руководством Р. Даскалова ведется работа над несколькими законопроектами о перераспределении земли и о трудовой земельной собственности на основе принципа – земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает³⁰⁵. Реформы готовились заранее. Так, 6 февраля 1920 г., т.е. еще до образования гомогенного правительства, министр Р. Даскалов направляет в парламент 300 экз. проекта закона о поощрении сельскохозяйственного производства. Правда, он уже вносился в парламент предыдущего созыва, но из-за его роспуска не был рассмотрен³⁰⁶. Подобным же образом был предварительно «озвучен» и законопроект о сельскохозяйственном образовании, передвижных сельскохозяйственных кафедр и т.д.³⁰⁷.

На парламентских выборах 28 марта 1920 г. БЗНС, собрав 39% голосов от общего их числа (110 депутатских мест из 229), тем не менее, не стал единственным и безусловным победителем. За ним шла БКП, о которой Стамболийский отзывался как об очень хорошо организованной партии (55 мандатов). Остальные 64 мандата распределялись между 5 буржуазными партиями разного калибра, а также Социал-демократической и Радикальной.

Итоги выборов вызвали большое смущение в руководстве БЗНС: приходилось искать нестандартный выход из положения. Разнообразие политических комбинаций в лагере оппозиции не упрощало решение вопроса. В конце концов, была проведена проверка техники голосования, что позволило кассировать 9 мандатов БКП и 4 – Демократической партии. Предварительно было произведено сокращение численности Народного собрания с 229 до 216 депутатов. В конце концов, Стамболийский получил желаемое: 21 мая 1920 г. он сформировал самостоятельное «земледельческое» правительство. Ему исполнилось 40 лет, и он стал самым молодым премьер-министром в Европе*.

* На этом месте заканчивается целостный текст Ритты Петровны Гришиной. После него в рукописи следуют ее наброски и тезисы для дальнейших размышлений и выводов. Наиболее значительные по объему и оформленные мы приводим в дополнениях к тексту (*Примеч. отв. ред.*).

Дополнения

1. Для изучения режима БЗНС 1920–1923 гг. К *творческой способности** следует отнести = способ прихода к власти, = попытку реализовать утопическую теорию в жизнь, а не только транслировать ее = колоссальная энергия реформ за короткий срок = постоянная работа с населением. *Государственные дела* = важнейшее – крутое изменение внешней политики = борьба против сращивания государственных органов с нелегальными, пусть это была только попытка, не доведенная до конца, = установление авторитетной власти сильной партии = ВМРО – главное препятствие в решении государственной внешней политики. Все это попытки устранить недостатки прошлой политической системы Болгарии.

2. БЗНС мирно пришел к власти: а) был опыт партийной организации, типа демократического централизма, хотя бы в идее; б) был авторитетный лидер, сумевший бескровно устранить конкурента, в) сумели заполучить массовую поддержку. *Ненависть к войне – главный лозунг.*

3. Послевоенное крестьянство и продвижение БЗНС к власти. 1918–1919 гг.

Антимилитаристские настроения среди крестьянства имели достаточные экономические основания. Конечно, земли не хватает всегда, особенно при быстром росте населения, как то было в Болгарии, или из-за действия некоторых экономических и юридических факторов, способствовавших, например, нежелательному раздроблению участков. Возможность приобрести с помощью войны новые земли, расширить «жизненное пространство нации» – такие лозунги, как мы знаем, не раз поднимали значительные слои населения той или иной страны в поддержку военных походов. Но болгарская ситуация была иной: здесь указанный мотив в пропаганде идеи присоединения македонских земель отсутствовал, ибо, согласно распространенному мнению, в Македонии живут братья-болгары, а вовсе не враги, за счет которых можно было бы поживиться землицей. Для болгарских крестьян важно было сохранить то, что они имели и что давало неплохой до-

* Фрагменты, отмеченные здесь и далее курсивом были выделены в рукописи самой Р.П. Гришиной (*Примеч. отв. ред.*).

ход. Любая же война могла привести крестьянское хозяйство в расстройство.

4. Подводя некоторые итоги, отметим, что решающие шаги «марша» радикальной группы БЗНС к власти были сделаны весной 1919 г. Стамболийскому и его сторонникам в большой мере удалось мобилизовать крестьянскую массу, ее стихийное оппозиционное движение. Его основой было, прежде всего, бедствие, принесенное войной. Селячество, изначально негативно относившееся к военному способу достижения национального идеала, чувствовало себя *униженным* (с его мнением не посчитались) и *использованным* государством, которое никак не собиралось оплачивать свой долг перед ним.

Стихийное недовольство села, благодаря целеустремленной работе радикальной части руководства БЗНС, быстро приобрело сравнительно организованные рамки; этому содействовали «дружбы», которые выступали инициаторами крестьянских собраний, устанавливали связи с вышестоящими органами, формулировали местные требования. В итоге большая часть крестьянства поддержала путь, предлагавшийся радикальным крылом БЗНС. Собственно говоря, особого выбора и не было. Д. Драгиев звал к реставрации у властного руля прежних буржуазных партий, разочарование в политической практике которых было повсеместным. И не только как виновных в приверженности к милитаризму, в новой национальной катастрофе.

5. Стамболийский отличился в 1919 г. несомненным талантом организатора и тактика. *Ораторское искусство*.

Г. Жантизон, корреспондент французской газеты «Тан» об ораторском искусстве Стамболийского: внешне – большой и массивный, в течение трех часов сильно и страстно говорил о новых временах; ориентальски многолюдное собрание слушало его слова как евангелие о новых реформах, мало или никаких аплодисментов, но продолжительное внимание всех этих земледельцев; их почти религиозное молчание хорошо показывало, как всей силой ложилось в их душу это новое учение³⁰⁸.

Ему была свойственна нестандартность мышления, выходявшего за рамки повседневности. Но с точки зрения политической стратегии, он проявил себя, главным образом, как благожелательный утопист, хотевший построить одностороннее

сословное общество с «гегемоном» в виде мелкой буржуазии. Обретя в 1920 г. максимум власти, он принялся его строить.

Получал ли Стамболийский серьезные предупреждения об ошибочности такого пути, о его утопичности? Да, получал. Но какой фанатически преданный своей идее человек слушает какие-либо предостережения? Крестьянская «элита» в целом следовала за ним. Р. Даскалов – самый образованный в когорте единомышленников, был настроен еще более революционно, настаивал на введении в Болгарии республики. Не крестьянская среда, масса селян, с которой Стамболийский был неплохо связан, корректировала его взгляды и действия: наоборот, именно он «тащил» крестьян за собой, призывая конкретно думать о реформах, о политических и социальных новшествах, формировал в их сознании представление о новых ценностях, в том числе о самостоятельной «земледельческой» власти. Не забудем, что события 1919 г. развивались в очень быстром для крестьянского сознания темпе. Возможно, что настоящее их понимание вообще произошло значительно позже.

6. Историческое значение «аграристского фактора» проанализировал знаток сельской психологии болгарина профессор Н. Генчев: «Только сознание такого крестьянина, как болгарский, могло придумать такую политическую партию, как БЗНС, поставившую на своих знаменах в качестве вечного и священного идеала мелкую трудовую собственность; невозможно представить, чтобы в классической буржуазной стране родилась такая патриархальная, такая крестьянская и в то же время такая страдальческая политическая формация, как наш Земледельческий союз»^{309*}.

Но иной в Болгарии крестьянская партия и не могла быть. В стране, которая жила без продуманной программы национальных интересов, будь то внутренних (планов модернизации) или внешних (под мифическим лозунгом Сан-Стефано и без учета своего рискованного существования среди других балканских государств), и которую пришлось выволакивать на войну более активной македонской эмиграцией.

* Данный фрагмент из сочинения Н. Генчева использован Р.П. Гришиной в основном тексте (с. 37), однако мы намеренно оставили его и здесь, дабы сохранить логику рассуждений автора в приведенном обширном наброске (*Примеч. отв. ред.*).

Политические партии создают, как правило, свою идеологию. Она появилась и в БЗНС и стала путеводной звездой для большей части крестьянского населения. В ней странным образом сочетались и патриархальная сословная основа, и революционные порывы. Для осуществления идеи преимущественного положения крестьянского сословия в обществе лидеры БЗНС стремились к политической власти. И на этом пути проявили немало творческих способностей.

Придя к власти, сложившееся содружество единомышленников с истинно революционным рвением начало реорганизовывать общество на основе сословной теории. Можно только удивляться, как за короткий трехлетний период удалось провести такое количество реформ. Какие-то из них принесли очевидную пользу крестьянству. Но основной тренд их деятельности, направленный на отстранение буржуазных партий на далекое расстояние от власти, при недалёковидности политики раздробления крупной собственности, в том числе земельной, нанес немалый вред пусть вялотекущему, но все же происходившему процессу модернизации. Нарушенный проигранными войнами, именно он более всего был нужен послевоенной Болгарии.

Внешняя политика правительства БЗНС также несла особый знак. Стамболийский «принял» страну в тяжелейший для нее момент. Никто из великих государств – победителей не оказал ей ни малейшей поддержки во время подготовки мирного договора на Парижской конференции. Торжествовавшие же балканские соседи, претензии которых были заслушаны в ходе заседаний и частично приняты во внимание, требовали своего участия в составлении условий договора с Болгарией, правда, безуспешно. Но озлобленно бесновались у ее границ, угрожая вторжением. Спасти Болгарию, думал Стамболийский, можно только взяв курс на строгое соблюдение мирного договора. Соседи не верили в такую возможность, внутренняя буржуазная оппозиция, не помешавшая в свое время участию Болгарии в войне, теперь обвиняла правительство БЗНС в предательстве. Страна была оккупирована войсками Антанты, что в какой-то мере не давало соседям возможности разойтись, хотя [Антанта] явно им покровительствовала при послеверсальском уточнении начала 1920-х гг. соотношения сил на Балканах.

7. *Вопрос о том, как новшества «земледельцев» соотносились с модернизационным трендом, заданным выходом Болгарии из-под турецкого гнета в 1878 г., затрагивается в них [иных работах], как правило, лишь по касательной. И, по большому счету, он еще ждет своего исследователя.*

8. Творчество «земледельческих» лидеров продолжилось в намерениях изменить Конституцию в сторону «расширения народовластия» путем введения постоянно действующего парламента, облеченного дополнительными правами. Женщинам предполагалось дать избирательные права. В целом, предложенный Стамболийским и его единомышленниками путь мыслился как способ бескровного отстранения буржуазии от государственного руля и переход его в руки совершенно иного социокультурного субъекта.

9. Оставим открытым вопрос о том, выражал ли Стамболийский в статьях 1909–1911 гг. в «Земледельско знаме» только собственное отношение к монархизму и «присущему ему милитаризму», или также и крестьянской массы, следовавшей за БЗНС, – для ответа на него нет достаточных данных. Но, несомненно, что в какой-то мере формировал его.

Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы военной борьбы за объединение болгарского народа чужды простому люду? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное селячество меньше и позже других слоев общества пропитывается национальными чувствами, что оно в течение еще долгого времени не вполне ощущает свою этническую выделенность из общей массы большого конгломерата балканцев, которым ничто не мешало хорошо понимать друг друга, объясняться на всех вроде бы разных и не обязательно родственных языках, включая греческий и турецкий.

10. Балканские войны, сколько бы ни говорилось национально-существенного и оправдательного в их пользу, вылились, следует признать, в основном в борьбу за земли и население македонских и одринских провинций Османской империи. Преследуя, казалось бы, только узкоспециальные собственные цели (отдайте нам наше!), болгарские стратеги не сумели понять опасности вступления малой «державицы» в многостороннюю

европейскую войну, капацитета для которой они не накопили. Патриотизм и энтузиазм в рядах армии и среди части населения Болгарии, возвращенные в какой-то мере и искусственно, могли быть лишь «оркестровым сопровождением», но не боевым оружием на поле брани начала XX века, уже ставшего на путь агрессивного империализма и явившего миру совершенно новую войну и по масштабу действий, и по технологическому оснащению воюющих. Не Болгарии с ее далеко еще не изжитой архаикой в политико-экономической и особенно в социокультурной областях было тягаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Макарова И.Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 285.

² *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 209.

³ *Проданов В.* Теория за българския преход. София, 2012. С. 103.

⁴ *Мичев Д.* Развитието на капитализма в България (1885–1894) и икономическата политика на стамболовия режим // Изследвания по българска история. Т. V. Вътрешната политика на България при капитализма. 1878–1944. София, 1980.

⁵ *Свинтила В.* Етюди по народопсихология на българите. София, 2007. С. 50.

⁶ *Иванова Е.* Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не)състояването на балканската модерност. София, 2005. С. 165.

⁷ *Преиленова Р.* Училище за промяна // И настъпи време за промяна. Образование и възпитание в България. XIX–XX в. София, 2008. С. 21.

⁸ *Пелева И.* Идеологът на нацията. Думи за Вазов. Пловдив, 1994. С. 8.

⁹ *Дунов З.* Българинът между разума и вярата // Философският образ на кръстопътният човек в съвременната българска култура – рационалност, духовност, религиозност. Сборник научни трудове. София. 1996. С. 180.

¹⁰ *Макарова И.Ф., Жила Л.И.* Конфесии и формирование българской нации // Роль религии в формировании наций. М., 1999. С. 203–204.

¹¹ *Грънчаров С.Т.* Балканският свят. Идеи за държавност, национализъм и развитие от началото на XIX в. до края на Първата световна война. Съпоставителен разказ. София, 2001. С. 536.

¹² *Петков П.* Съдбата на българския възрожденски идеал (Бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическо

управление и реализация им през XIX и XX век) // Двадесетият век. Опит за равностойност. София. 2003. С. 130.

¹³ *Панов А.И.* Офицерският корпус и политическите процеси в обществото: световен опит и руската действителност. М., 2000. С. 46. См. също: *Ануфриев Е.А.* Политическият менталитет като фактор на обществената живот // Политология. М., 1999.

¹⁴ *Генчев Н.* Очерци на социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 150.

¹⁵ Българските политически водачи. 1879–1994. Албум-справочник / Съст. М. Куманов, З. Андонова. София, б/г. С. 124.

¹⁶ Там же. С. 120.

¹⁷ Цит. по: *Аврамов Р.* Стопанският XX век на България. София, 2001. С. 34.

¹⁸ *Преиленова Р.* Указ. соч. С. 21.

¹⁹ *Генов Р.* Българските политически партии и техните английски аналози (1879–1886): опит за сравнителен исторически анализ // Модерна България. София, 1992. С. 27.

²⁰ См., например: *Николова В.* Между консерватизма и либерализма. Народната партия. 1894–1920. София, 2004. С. 492–493.

²¹ См.: *Грънчаров С.Т.* Указ. соч. С. 289.

²² *Троцкий Л., Кабакиев Хр.* Очерки политической Болгарии. М.–Пг., 1923. С. 15.

²³ *Мишкова Д.* Българският опит в политическата модернизация // Bulgarian Quarterly. Winter 1991. Vol. I. N. 3. P. 25.

²⁴ *Грънчаров С.Т.* Указ. соч. С. 597.

²⁵ Там же. С. 593.

²⁶ *Троцкий Л., Кабакиев Хр.* Указ. соч. С. 14.

²⁷ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 75–76.

²⁸ *Добрев П.* За държавата и властта. В миналото и днес. София, б.г. С. 27.

²⁹ *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 244.

³⁰ *Агеев А.И., Апостолов А.Г., Куроедов Б.В.* Стратегическая матрица Болгарии от древнейших времен до середины XXI в. М., 2007. С. 145.

³¹ *Макарова И.Ф.* Указ. соч. С. 101.

³² Програми, програмни документи и устава на буржоазните партии в България. 1879–1918 / Съст. В. Николова, Д. Саздов. София, 1992. С. 185.

³³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х тт. Т. III. М., 1967. С. 498–499.

³⁴ Програми, програмни документи и устава на буржоазните партии в България... С. 169.

³⁵ Там же. С. 23.

³⁶ Там же. С. 183.

³⁷ *Кайчев Н.* Македонийо, възжелана. Армията, училището и градежът на нация в Сърбия и България. 1878–1912. София, 2006. С. 59.

³⁸ Речи, произнесени от министра на народното просвещение г-н Стоян Омарчевски в третата сесия на Учебния съвет на 10 и 20 януари 1923 г. при откриването и закриването на съвета. София, 1923. С. 22.

³⁹ *Преиленова Р.* Указ. соч.

⁴⁰ *Илчев И.* Българче да те наричам първа радост е за мене // Ирония на историка. Професор М. Лалков / Съст. И. Баева. София, 2004. С. 100.

⁴¹ *Костов А.* Техническото и търговското образование в България до Първата световна война – дискусии, идеи, реализация // И настъпи време за промяна... С. 51.

⁴² *Тодев Ил.* Бележки към проблема за генезиса и ролята на националната идея в българското Възраждане // Епохи. Историческо списание. Велико Търново, 1994. С. 39.

⁴³ *Кайчев Н.* Указ. соч. С. 64.

⁴⁴ Там же. С. 92.

⁴⁵ *Янчулев М.Й.* Спомени. Септември 1918 – септември 1944 г. // Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). София, 1976. С. IV. А.е. 194. Ч. 2. Л. 644.

⁴⁶ Цит. по: Път към Голгота. Благоевград, 1998. С. 101–102.

⁴⁷ Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 177-к. Оп. 8. А.е. 96. Л. 96.

⁴⁸ *Макарова И.Ф.* Указ. соч. С. 103.

⁴⁹ *Косев Д.* Борба за самостоятелна национална църква // История на България. Т. 6. София, 1987. С. 174.

⁵⁰ Там же. С. 60.

⁵¹ *Любенова Л.* Икономически основи на църковния въпрос. 1878–1920 // Религия и църква в България. Социални и културни измерения в православието и неговата специфика в българските земи. Научна конференция 27–29 ноември 1997. София, 1999. С. 178.

⁵² *Калканджиева Д.* Българската православна църква и новият закон за вероизповеданията // Религия и политика на Балканите. Силистра, 2004. С. 150.

⁵³ *Темелски Х.* Българската екзархия – защитник на българщина в Македония и Одринска Фракия // Религия и църква в България... С. 225.

⁵⁴ *Маждракова-Чавдарова О.* Българското епархийско настоятелство в Пловдив и националната легална борба (1861–1870) // Религия и църква в България... С. 161.

⁵⁵ *Бойкикева К.-А.* Болгарская православная церковь. Исторический очерк. София, 2005. С. 157.

⁵⁶ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 98.

⁵⁷ *Бойкикева К.-А.* Указ. соч. С. 172.

⁵⁸ *Ваташки Р.* Старозагорската епархия в защита на православието (20- и 30-те години на XX век). Шумен, 2003. С. 38.

⁵⁹ *Попов Ж.* Бурният живот на Димитър Петков. София, 1998. С. 62.

⁶⁰ *Петков П.* Православная церковь и государственная власть в Княжестве Болгария. 1878-1896 // *Bulgarian Historical Review*. Sofia, 2000. № 3–4. С. 75.

⁶¹ *Любенова Л.* Указ. соч. С. 189.

⁶² *Мельников Г.П.* Небесные заступники // *Родина*. М., 2006. № 4. С. 51–52.

⁶³ *Св. Николай Сербский.* Сербский народ как раб Божий. М., 2004. С. 29.

⁶⁴ *Еленков И.* Католическата църква в България и общностите и идентичности на принадлежащите към нея верни на XIX и първата половина на XX в. // *Български идентичности в българската култура от модерна епоха. XIX–XX в. Ч. 2.* София, 2002. С. 106.

⁶⁵ *Български екзарх Йосиф I.* Дневник. София, 1992. С. 324.

⁶⁶ *Ваташки Р.* Указ. соч. С. 66.

⁶⁷ АБВ. София. № 22. 31 май 1988.

⁶⁸ *Еленков И.* Указ. соч. С. 112.

⁶⁹ Цит. по: *Мачикин Е.Г.* Донесения русских военных агентов в Болгарии как источник изучения российско-болгарских отношений начала XX века // *О чём поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи* / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2011. С. 75.

⁷⁰ *Лазов Д.* Екзарх Стефан I. Живот, апостолство и творчество. София, 1967. С. 67.

⁷¹ Цит. по: *Петков П.* Указ. соч. С. 71.

⁷² *Дунов З.* Българинът между разума и вярата... С. 180.

⁷³ *Влахов-Мицов С.Т.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София, 1992. С. 16.

⁷⁴ *Даскалов Р.* Българското общество. 1878–1939. София, 2005. Т. 1. С. 124–125.

⁷⁵ *Стоилов П., Йонов М., Петров Л.* Българската армия като институция. 1878–1944 // *България 1300. Институции и държавна традиция.* Доклади на 3-я конгрес на Българското историческо дружество. София, 1981. С. 374, 377.

⁷⁶ ЦДА. Ф. 177-к. Оп. 2. А.е. 340. Л. 58.

⁷⁷ *Даскалов Р.* Указ. соч. С. 126.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Мачикин Е.Г.* Указ. соч. С. 76.

⁸⁰ *Каширин В.Б.* Высший и старший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX в. // *Человек на Балканах глазами русских* / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 214, 217.

⁸¹ Там же.

⁸² *Никитина Т.В., Петрунина О.Е.* Идея нации и национальное сознание в Греции // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М., 2005. С. 494.

⁸³ *Семенов К.Н.* Элефтериос Венизелос – в погоне за «Великой Грецией» // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2009. С. 173.

⁸⁴ *Никитина Т.В.* Поворот к либеральному курсу в Греции. 1909–1912 гг. Приход к власти и внутренняя политика кабинета Э. Венизелоса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1978. С. 19–20; *Она же.* Греция накануне Первой мировой войны: особенности внутриполитического развития. М., 1984. С. 102 и др.

⁸⁵ ЦДА. Ф. 313-к. Оп. 1. А.е. 2236. Л. 9–10.

⁸⁶ *Марков Г.* Поуки от Балканските войни 1912–1913 гг. // Военно-исторически сборник. София, 2003. № 1. С. 27.

⁸⁷ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България... С. 297, 206, 154.

⁸⁸ Там же. С. 101.

⁸⁹ Там же. С. 182.

⁹⁰ *Манолова М.* Кметската юрисдикция в българската буржоазна държава // Правна мисъл. София, 1977. № 1. С. 82–86.

⁹¹ *Грънчаров С.Т.* Указ. соч. С. 541.

⁹² Цит. по: *Растовић А.* Велика Британија и Македонско питање. 1903–1908. године. Београд, 2011. С. 44.

⁹³ *Любенова Л.* Исторически и социално-икономически причини за демографското обвързване на Кюстендилския и Търговищкия край. 1878–1960 // Известия на исторически музей. Кюстендил, 2004. Т. XI. С. 64–65.

⁹⁴ Цит. по: *Косик В.И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886–1894. М., 1993. С. 69.

⁹⁵ *Тодорова Цв.* Индустриализация и структурни промени в България преди Първата световна война // Исторически преглед. 1991. № 5. С. 31.

⁹⁶ *Моллов Я.* Принос към икономическо проучване на селското стопанство в Софийската селска околия. София, 1911. С. 69, 76–77.

⁹⁷ *Владов.* Аграрната реформа в България. София, 1922. С. 21–22.

⁹⁸ ЦДА. Ф. 366. Оп. 1. А.е. 1407. Л. 7-8. Мемоар в защита на поземлена собственост.

⁹⁹ *Мичев Д.* Указ. соч. С. 48–49.

¹⁰⁰ Там же. С. 38.

¹⁰¹ *Тодорова Цв.* Указ. соч. С. 26.

- ¹⁰² Мичев Д. Указ соч. С. 38, 43.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Сорокин П. Социальная мобильность. М., 2005. С. 139–140.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 159.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 442.
- ¹⁰⁷ Даскалов Р. Българското общество. 1878–1939. Т. 2. София, 2005. С. 13–14.
- ¹⁰⁸ The Balkans in Transition. Essays on the Development of Balkan Life and Politics since the Eighteenth Century. Berkeley and Los Angeles. 1963. P. 347.
- ¹⁰⁹ Палангурски М. Избори по-стамболовистки. 1887–1894. Велико Търново, 2008. С. 11.
- ¹¹⁰ Геновски М. И в смъртта са живи. Второ издание. София, 1947. С. 23.
- ¹¹¹ Там же. С. 31–34.
- ¹¹² Топенчаров Вл. Българската журналистика. 1903–1917. Очерк. София, 1981. С. 338.
- ¹¹³ Там же. С. 291.
- ¹¹⁴ Илчев И. Междено време. Дневник на един селянин, който не правеше «чудеса» в «най-чудесно» българско време. София, 2005. С. 37.
- ¹¹⁵ Свинтила Вл. Указ соч. С. 50–51.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Таджер Ж. Нова България. София, 1922. С. 115.
- ¹¹⁸ Драгиев Д. Една политическа изповед. София, 1919. С. 66.
- ¹¹⁹ Топенчаров Вл. Указ. соч. С. 327.
- ¹²⁰ Там же. С. 340.
- ¹²¹ Там же. С. 338.
- ¹²² Сорокин П. Указ. соч. С. 161.
- ¹²³ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 2. А.е. 9.
- ¹²⁴ Там же. Оп. 1. А.е. 92. Л. 3.
- ¹²⁵ Цит. по: Кративин А.В. Александр Стамболийский: жизнь, взгляды, деятельность. М., 1998. С. 30.
- ¹²⁶ Там же. С. 14.
- ¹²⁷ Земледелският съюз в Народното събрание. Дейността на Земледелската парламентарна група през I-та извънредна и I-та редовна сесии на XVII ОНС. София, 1915. С. 3.
- ¹²⁸ Стамболийски Ал. Политически партии или съсловни организации. София, 1947. С. 9.
- ¹²⁹ Там же. С. 181–182.
- ¹³⁰ Там же. С. 19.
- ¹³¹ Кративин А.В. Указ. соч. С. 41.
- ¹³² Там же. С. 152.

¹³³ *Маковецкая Т.Ф.* Политический кризис и эволюция механизма власти после Первой мировой войны (вторая половина 1918 г. – начало 1920 г.) // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1988. С. 21.

¹³⁴ *Баева И.* Аграризмът като идеология на селските движения в България и Полша до втората световна война // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София, 1992. Т. 84–85. С. 183.

¹³⁵ *Матвеев Г.Ф.* «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 224–226.

¹³⁶ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 64.

¹³⁷ *Палангурски М.* Избирателната система в България. 1879–1911. Велико Търново, 2007. С. 267.

¹³⁸ *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 15.

¹³⁹ *Гешков Т.И.* Земледелският съюз против войните. Как сдруженията земеделци се бориха против престъпните безумия на партиите. София, 1921. С. 4.

¹⁴⁰ Цит. по: *Христов Хр.* Александър Стамболийски в новата и най-новата история на България // Александър Стамболийски. Живот, дело, завети. София, 1980. С. 29.

¹⁴¹ *Рудометов В., Николов С.Т.* Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблеми. София, 1999. № 3–4. С. 148.

¹⁴² *Пантев А.* Едиповият комплекс на модернизацията // Понеделник. София. 2007. № 7–8. С. 69.

¹⁴³ *Рудометов В., Николов С.Т.* Указ. соч. С. 149.

¹⁴⁴ *Илчев Ив.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни. 1821–1923 гг. София, 1995. С. 472.

¹⁴⁵ *Тафрова М.* Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрацията на Дунавския вилает. 1864–1876. София, 2010. С. 205.

¹⁴⁶ *Кънчов В.* Избрани произведения. Т. 1. София, 1970. С. 20.

¹⁴⁷ *Димитров А.* Раждането на една нова държава. Република Македония между югославизма и национализма. София, 2011. С. 187.

¹⁴⁸ Там же. С. 219.

¹⁴⁹ *Илчев И.* Междено време. Дневник на един селянин... С. 274.

¹⁵⁰ *Толомео Р.* Италианската политика спрямо Княжество България от Освобождението до признаването на Фердинанд за български княз. 1878–1919. София, 2012. С. 64.

¹⁵¹ Там же. С. 72–73.

¹⁵² *Костова В.* Македония и македонският въпрос в белгийски дипломатически документи. 1885–1908 // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005. С. 343.

¹⁵³ Цит. по: *Саздов Д.* «Войната» като път за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на XX век // 90 години на организирани военноисторически изследвания в България. София, 2004. С. 348.

¹⁵⁴ *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 156–157.

¹⁵⁵ *Димитров А.* Илинденско-Преображенското въстание като знак на българска историческа приемственост // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби... С. 52.

¹⁵⁶ *Влахов-Мицов С.Т.* Указ. соч. С. 11–12. См. также: *Илчев И.* Митът на Сан-Стефанска България като «свещена крава» на българския патриотизъм // История. София, 1995. № 6; *Петков П.* Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавното устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX век)... и др.

¹⁵⁷ *Гришина Р.П.* Россия – Сан-Стефано – България // България и Русия между признателността и прагматизма. Доклади. София, 2008; *Она же.* Друга страна Сан-Стефано // Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии / Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2014. С. 101–124.

¹⁵⁸ *Божинев В.* Българската просвета в Македония и Одринска Фракия. 1878–1913. София, 1982. С. 128.

¹⁵⁹ *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: Идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 128–129.

¹⁶⁰ *Илчев И.* Българче да те наричам първа радост е за мене... С. 105.

¹⁶¹ По-подробно см.: *Елджеров Св.* «Голямото разочарование»: България и въстанието // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби... С. 175.

¹⁶² *Димитров А.* Раждането на една нова държава... С. 217, 255.

¹⁶³ *Тодев Ил.* Указ. соч. С. 39.

¹⁶⁴ Правителството на Стамболийски и македонското освободително движение. Според данни на Вътрешната македонска революционна организация. Б/м., май 1923 // БЗНС, Александър Стамболийски и ВМРО. Непозната война / Съст., предговор и бележки Ц. Билярски. София, 2009. С. 27.

¹⁶⁵ *Саздов Д.* Указ. соч. С. 336, 339.

¹⁶⁶ Цит. по: *Саздов Д.* Указ. соч. С. 342.

¹⁶⁷ *Стоянов Хр.* Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 74.

¹⁶⁸ ЦДА. Ф. 366-б. Оп. 1. А.е. 1657. Л. 2; Народ. 7 август 1917.

¹⁶⁹ Янчев В. Апология на Българската социалдемокрация. 1891–1944 // Изследвания по история на социализма в България. 1891–1944. София, 2008. С. 73.

¹⁷⁰ Тодорова Цв. Политическите партии, властта и държавата в идеологията на Александър Стамболийски // Александър Стамболийски. Живот, дело, завети... С. 118.

¹⁷¹ Цит. по: Бел Дж. Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923. София, 1993. С. 100–101.

¹⁷² Штрандтман В. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 44.

¹⁷³ ЦДА. Ф. 1889–к. Оп. 1. А.е. 33. Л. 32. Рапорт-анализ положения на Балканах. 1910 г.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Гочев М. Варненска окръжна земеделска дружба. София, 1978. С. 51–52.

¹⁷⁶ Палангурски М. Избирателната система в България... С. 267.

¹⁷⁷ Гришина Р.П. Болгария на пути к войне и Болгарский земельский народный союз // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. / Отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб, 2011. С. 22.

¹⁷⁸ Матов М. За премълчаното в историята на ВМРО. Спомени. София, 2007. С. 178.

¹⁷⁹ Известия на държавните архиви. 1990. № 60. С. 220–221.

¹⁸⁰ Гергинов Кр., Билярски Ц. Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов с Тодор Александров. 1911–1914 // Военноисторически сборник. 1985. № 3. С. 200.

¹⁸¹ Гришина Р.П. К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова. 1930–2005. М., 2010. С. 154.

¹⁸² Анчев П. Разумът в българската история. Опит за теория на България. София, 2005. С. 236.

¹⁸³ Балканската война през погледа на един французин. Сборник от документи / Съст. С. Славова и Ц. Дойнова. София, 1977. С. 26.

¹⁸⁴ Там же. С. 42.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Гуринова О. Создание болгарской администрации в Македонской военно-инспекционной области. 1915–1918 // Актуалні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Зб. наукових праць. Вип. 14. Харків, 2011. С. 169.

¹⁸⁷ Бошнакова М. ВМОРО и емиграцията на българите от Македония след Илинденско-Преображенското въстание // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби... С. 249–250.

¹⁸⁸ Балканската война през погледа на един французин... С. 47.

¹⁸⁹ Елджеров Св. Балканската война... С. 10.

¹⁹⁰ Бел Дж. Указ. соч. С. 101.

¹⁹¹ Земледелско знаме. 8 август 1912.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ *Христов Хр.* Указ. соч. С. 31–32.

¹⁹⁴ *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 20.

¹⁹⁵ Балканската война през погледа на един французин... С. 67.

¹⁹⁶ *Гусев Н.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011. С. 464.

¹⁹⁷ *Хаджийски Ив.* Съчинения в два тома. София, 1974. Т. 1. С. 261.

¹⁹⁸ *Гешов Ив.* Балканският съюз. Спомени и документи. Второ издание. София, 1915. С. 13.

¹⁹⁹ Държавен вестник. София, 1912. № 225.

²⁰⁰ Ср.: *Илчев И.* България и Антанта през Първата световна война. София, 1990. С. 6–7.

²⁰¹ *Омарчевский Ст.* Балканската война. Нейните причини и последиствия. София, 1913. С. 44.

²⁰² Цит. по: *Топенчаров Вл.* Българската журналистика. 1883–1903. 2-е изд. София, 1983. С. 559.

²⁰³ Из тайния архив на българския цар Фердинанд I. София, 2001. С. 113–114.

²⁰⁴ Цит. по: *Елдѣров Св.* Католиците в България. 1878–1989. София, 2002. С. 764.

²⁰⁵ *Омарчевски Ст.* Указ. соч. С. 119.

²⁰⁶ *Лабаури Д.О.* Внутренняя македоно-одринская революционная организация на распутье: поиски путей решения македонского вопроса накануне Первой мировой войны // Европейские политические проекты на Балканах. XIX–XXI в. / Отв. редактор Р.П. Гришина. М., 2014. С. 102.

²⁰⁷ *Гергинов Кр., Билярски Ц.* Из кореспонденцията... С. 199.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ *Лабаури Д.О.* Указ. соч. С. 111.

²¹⁰ Там же. С. 105, 111.

²¹¹ *Кишилова П.* България 1913. Кризата във властта. София, 1998. С. 89–90.

²¹² Статистически годишник на Царство България. София, 1937. С. 776.

²¹³ *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 51.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ *Радулов С.* Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София, 1981.. С. 44.

- ²¹⁶ *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 52.
- ²¹⁷ Манифест към българския народ от 48-членна група земледелци-депутати на XVI ОНС. София, 1914. С. 41.
- ²¹⁸ Там же. С. 11–12.
- ²¹⁹ *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 53.
- ²²⁰ Там же. С. 56.
- ²²¹ Цит. по: *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 54.
- ²²² *Велев А.* БЗНС и идея Балканской федерации. 1908-1919 // *Etudes historiques.* София, 1973. Т. VI. С. 310.
- ²²³ *Шкундин Г.Д.* Болгария в годы Первой мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 55.
- ²²⁴ Цит. по: *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 56.
- ²²⁵ *Таджер Ж.* Указ. соч. С. 34–35.
- ²²⁶ *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1913 – март 1916). София, 2007. С. 16.
- ²²⁷ *Он же.* Македонский вопрос во внешнеполитических концепциях болгарских партий периода Первой мировой войны. (К постановке проблемы) // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее / Отв. ред. В.И. Беляева. М., 1995. С. 92.
- ²²⁸ *Кративин А.В.* Указ. соч. С. 59.
- ²²⁹ Там же. С. 57.
- ²³⁰ *Гешков Т.И.* Земледелският съюз против войната. София, 1921. С. 18–19.
- ²³¹ *Стамболийский Ал.* Двете ми срещи с цар Фердинанд. София, 1989 (Фототипное издание с оригинала 1919 г.). С. 7–8.
- ²³² ЦДА. Ф. 205- к. Оп. 2. А.е. 46. Л. 1–4.
- ²³³ *Гешков Т.И.* Указ. соч. С. 19.
- ²³⁴ България в Първата световна война. Германски дипломатически документи. Сборник документи в два тома. 1913–1918. София, 2002. Док. № 355. С. 452.
- ²³⁵ *Бел Дж.* Указ. соч. С. 127.
- ²³⁶ Александър Стамболийски. Личност и идеи. По документи, събрани и подредени от Н. Петков. Варна, 1991. С. 21–22.
- ²³⁷ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 92. Л. 187.
- ²³⁸ *Таджер Ж.* Указ. соч. С. 119, 124.
- ²³⁹ *Биялски Ц., Петров Т.* Дневник и кореспонденция от Първата световна война. 1915–1918 г. / Под ред. на проф. П. Петров. Стара Загора, б/г. С. 8.
- ²⁴⁰ Там же. С. 22–25.
- ²⁴¹ Там же. С. 18.
- ²⁴² Там же. С. 37.

- ²⁴³ *Христов Хр.* България, Балканите и мирът 1919. София, 1984. С. 17.
- ²⁴⁴ *Куманов М.* Александър Малинов – познатият и непознатият. София, 1993. С. 77.
- ²⁴⁵ *Стефанов Хр.* Българската Радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 153–154.
- ²⁴⁶ *Бирман М.А.* Революционна ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг. М., 1957. С. 108.
- ²⁴⁷ *Кьорчев Д.* Време на надежди и катастрофи. 1905–1919. Дневници и политически студии / Съст. И. Пасков. София, 1994. С. 55, 57. (4-й дневник).
- ²⁴⁸ *Христов Хр.* Указ. соч. С. 86.
- ²⁴⁹ *Бирман М.А.* Указ. соч. С. 175.
- ²⁵⁰ *Григоров Б.* От съглашателство към залез. Социалдемократията в България. 9 юни 1923 – 19 май 1934. София, 1980. С. 25.
- ²⁵¹ *Радулов С.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁵² *Стефанов Хр.* Указ. соч. С. 169.
- ²⁵³ *Петрова Д.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁵⁴ *Бел Дж.* Указ. соч. С. 218.
- ²⁵⁵ *Сорокин П.* Указ. соч. С. 444.
- ²⁵⁶ ЦДА. Ф. 173-к. Оп. 3. А.е. 1562. Л. 73.
- ²⁵⁷ Там же. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 88. Л. 12–13.
- ²⁵⁸ Там же. Л. 2; А.е. 93. Л. 9.
- ²⁵⁹ Там же. Ф. 73-к. Оп. 3. А.е. 1648. Л. 35. Село Опан, 3 декември 1918.
- ²⁶⁰ Там же. Л. 36. Село Смочево Дупнишской околии, 3 декември 1918.
- ²⁶¹ Там же. А.е. 1692. Л. 6.
- ²⁶² Там же. Л. 10, 15, 16.
- ²⁶³ Там же. А.е. 1648. Л. 62. Резолюция собрания «дружбы» БЗНС С. Кирилово от 12 декември 1918 г.
- ²⁶⁴ Там же. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 93. Л. 1. Резолюция околийского собрания членов БЗНС г. Орханлие от 9 февруари 1919 г.
- ²⁶⁵ Там же. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 89. Л. 1–9.
- ²⁶⁶ Там же. А.е. 88. Л. 14.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 27. 16 март 1919.
- ²⁶⁸ Там же. А.е. 93. Л. 31. Село Осенец, 24 март 1919.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 9.
- ²⁷⁰ Там же. А.е. 45. Л. 1–2.
- ²⁷¹ Там же. А.е. 93. Л. 9.
- ²⁷² Там же. Л. 3.
- ²⁷³ Там же. А.е. 92. Л. 7.
- ²⁷⁴ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 92. Л. 26.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 12.
- ²⁷⁶ Там же. А.е. 11. Л. 1.

- ²⁷⁷ Там же. А.е. 26. Л. 1–2.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 8.
- ²⁷⁹ Там же. А.е. 18. Л. 1–2.
- ²⁸⁰ Там же. А.е. 53. Л. 1.
- ²⁸¹ Там же. Л. 20–21.
- ²⁸² Там же. А.е. 88. Л. 5.
- ²⁸³ Там же. А.е. 14. Л. 1 об.
- ²⁸⁴ Там же. А.е. 88. Л. 17.
- ²⁸⁵ *Стамболийски А.* Избрани произведения. София, 1979. С. 457.
- ²⁸⁶ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 93. Л. 32.
- ²⁸⁷ *Радулов С.* Указ. соч. С. 58–59.
- ²⁸⁸ *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС. 1920–1923. София, 1988. С. 20.
- ²⁸⁹ Там же.
- ²⁹⁰ *Драгиев Д.* Указ. соч. С. 69.
- ²⁹¹ Там же. С. 71.
- ²⁹² *Петрова Д.* Указ. соч. С. 25–26.
- ²⁹³ *Стамболийски А.* Избрани произведения. С. 332.
- ²⁹⁴ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 3. Л. 4–5.
- ²⁹⁵ Статистически годишник на Царство България. Година XXIII. София, 1931. С. 451–452.
- ²⁹⁶ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 3. Л. 1–2.
- ²⁹⁷ *Стамболийски А.* Избрани произведения. С. 458–459.
- ²⁹⁸ *Шкундин Г. Д.* Салоникское перемирие как пролог мирного договора с Болгарией // Версаль и новая Восточная Европа / Отв. ред. Р. П. Гришина, В. Л. Мальков. М., 1996. С. 76.
- ²⁹⁹ НА БАН. Спомени на Стойчо Мошанов. Сб. IV. А.е. 128. Л. 102.
- ³⁰⁰ *Стамболийски Ал.* Избрани произведения. С. 353.
- ³⁰¹ *Христов Хр.* Указ. соч. С. 53.
- ³⁰² Там же. С. 83.
- ³⁰³ ЦДА. Ф. 255-к. Оп. 1. А.е. 92. Л. 39.
- ³⁰⁴ Чехословашки извори за българската история. Т. 1. София, 1985. Док. 6. Из донесения в Прагу Уполномоченного Чехословацкой республики в Софии, 20 мая. 1919 г.
- ³⁰⁵ *Петрова Д.* Указ. соч. С. 74–75.
- ³⁰⁶ ЦДА. Ф. 173-к. Оп. 3. А.е. 1899. Л. 1.
- ³⁰⁷ Там же. А.е. 1896.
- ³⁰⁸ *Таджер Ж.* Указ. соч. С. 25.
- ³⁰⁹ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 75–76.

ГЛАВА II

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В НЕЗАВИСИМОЙ СЕРБИИ (1878–1918): МЕЖДУ «НАЦИОНАЛЬНЫМ ИДЕАЛОМ» И «ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ»

В истории этой страны нет почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобия, сопровождаемые кровавыми сценами. История Сербии есть история ее мученичества...

*ПА.Ровинский. Воспоминания
из путешествия по Сербии в 1868 г.¹*

Вообще при выборе знакомств с весьма общительными сербами я остерегаюсь, их политиканство мне страшно уже надоело. Все здесь в разброде и даже беспорядке – страшно-отчаянная борьба партий.

*И.С.Пальмов – В.В.Макушеву.
Белград, 30 августа 1882 г.²*

Внутренний быт подвержен разъедающему влиянию политических партий. Для сплочения сербов нужна популярная, имеющая целью осуществление заветных пожеланий народа, война.

*Секретная «Записка» Главного штаба.
Петербург, 10 (23) ноября 1902 г.³*

1. Введение: «Человек политический»

В подготовленном более десяти лет назад обобщающем труде «Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия в последней трети XIX – начале XX в. глазами русских»⁴ мы пришли к заключению, что «реальная жизнь Сербии» в указанный период «далеко не соответствовала тем “современным” формам, в какие ее облачают многие сербские историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся “европейским государством”»⁵. Острый глаз русских наблюдателей помог нам, заглянув за фасад европейских новаций – в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы, обнаружить там устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка,

но и значительной части сербской элиты, что наглядно показывает деформированный и неорганичный характер модернизации «по-сербски».

Вместе с тем, обращаясь тогда к культурно-политическим институциям (монархия и партии, действовавшие в разных конституционных полях; специфика режимов, теми же конституциями созданных; армия, школа и итоги их функционирования⁶), мы имели в виду сугубо *объективные* факторы, каковые составляют основу политической системы государства и базу его культурной инфраструктуры. В настоящей главе, мы предполагаем размыслить о *субъективной* субстанции, которая, словно вязкий раствор камня, и стягивает эти объективные «блоки» в единое целое. Речь идет о *политической культуре* в Сербии в эпоху ее независимости.

Обращение к исследованию данной категории представляется нам настоятельно необходимым, поскольку оно – в принципе – позволяет «преодолеть ограниченность институционального анализа, ... не способного объяснить, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному»⁷. Кроме того, опираясь на изучение типа разделяемых людьми ценностей, локальных представлений, содержания символов и стереотипов, прочих аналогичных явлений из сферы человеческой ментальности («духа»), оно дает возможность проникнуть в мотивацию политического поведения граждан, партий и институтов; выявить истоки множества конфликтов, которые невозможно объяснить традиционными для политики причинами: борьбой за власть, распределением ресурсов и т.д.⁸

Таким образом, изучение политической культуры в сербском контексте поможет окончательно разобраться в подлинной степени и качестве «европейскости» страны, совсем недавно (по меркам исторического времени) начавшей выходить из сферы оттоманской цивилизации, – тем более, что ее уровень и соответствие привнесенным извне идеям, практикам, институтам и определяли специфику политической жизни в Королевстве⁹.

И здесь важно особо подчеркнуть – немалое число сербских исследователей отдает предпочтение именно формально-институциональному анализу, почему Сербия и предстает в их трудах «современным европейским государством»¹⁰, а ее

политическое развитие рисуется в виде эдакой линейной схемы: по обретении в 1878 г. независимости, «сербское общество политически созрело и включилось в партийную борьбу»¹¹; оказавшись (спустя всего-то десять лет!) «вполне готовым к введению парламентаризма»¹²; и, следовательно, принятие конституции 1888 г. – это «начало движения Сербии к чистой парламентской системе»¹³; в результате чего, после Майского переворота 1903 г., в ней «почти воплотилась британская двухпартийная модель демократии»¹⁴. Сама же политическая ситуация в стране в предвоенное десятилетие провозглашается эпохой «аутентичной парламентской демократии», которая будто бы являлась «функциональной и полностью отвечала требованиям демократического правления»¹⁵.

Как видим, бывшие представления о 1903–1914 гг., как «золотом веке» сербской демократии и парламентаризма, в национальной историографии все еще в ходу, подтверждением чего служит совсем «свежее» высказывание директора Института балканистики Сербской Академии наук и искусств Душана Батаковича: «Правление Петра Карагеоргиевича (1903–1914) помнят как Золотой век или Периклову эру Сербии благодаря ускоренному политическому, национальному и культурному подъему, который сопровождался ростом экономической самостоятельности. Между тем ключом успеха Сербии была привлекательность ее демократического потенциала...»^{16*}.

Однако и в самом Белграде, и в мире выходят работы, чьи авторы считают столь завышенную «самооценку» явной нагрузкой (или «самым устойчивым историческим мифом»¹⁷),

* Замечено, что с увеличением исторической дистанции между эпохой 1903–1914 гг. и временем, в каком живут и работают исследующие ее авторы, степень идеализации предмета изучения – в сравнении с оценками очевидцев – неуклонно возрастает, что, в общем-то является универсальным явлением. Пиком такой идеализации в данном случае, на наш взгляд, стала новейшая, с претензией на фундаментальность, коллективная монография «Срби 1903–1914. Историја идеја / Приред. М. Ковић» (Београд, 2015). В качестве примера приведем одно из ее положений: «Сербия в начале XX в. являлась демократической страной, *республикой (политией) свободных крестьян* (выделено в оригинале. – А.Ш.). Для тех условий она имела передовую демократию, одну из самых развитых в Европе» (Антонић С. Демократија // Срби 1903–1914. Историја идеја. С. 27).

причем число их в последнее время возрастает¹⁸. И это не удивительно, поскольку кроме констатации наличия в стране «европейских» институтов, что уже само по себе кому-то кажется вполне достаточным и все объясняющим, они берут во внимание и ключевой тезис самих европейских экспертов: «Демократия базируется не только на праве, законах и процедурах (т.е. *формальных* практиках. – А.Ш.), но и на политической культуре»¹⁹. Причем на ней, думается, совсем не в последней мере!

• • •

Выбор темы обусловлен не только ее синтетическим характером («политическая культура», как связующая, т. е. *объясняющая* действия иных факторов, субстанция), что важно, имея в виду главный предмет научного поиска автора – «Менталитет сербского традиционного общества, его универсальные характеристики и эволюция в процессе модернизации Сербии»²⁰. Выбор этот опирается и на новую совокупность источников – опубликованный в 2014 г. II-й том антологии «Русские о Сербии и сербах», в котором, в отличие от предыдущего, куда вошли уже бывшие в печати материалы, присутствуют *архивные* «досье» российских наблюдателей²¹ – воистину эксклюзивный материал: как бы для личного (в дневниках и путевых заметках), либо служебного (в донесениях) пользования; или же между нами (в письмах). Соответственно, приводимые в них данные и высказанные суждения – более объективны и открытвенны, чем печатные, лишённые внутреннего отбора и самоцензуры. Именно такие источники лучше всего способствуют адекватному познанию феноменов из области «духа».

Особенно это касается частных записок (писем) людей, наблюдавших Сербию и сербов не проездом, а в течение длительного времени, т.е. непосредственно на месте. Значение их наследия для нашей темы трудно переоценить. Различие в достоверности оценок двух категорий наблюдателей прекрасно показал французский историк Альбер Мале – на протяжении полутора лет (1892–1894) он исполнял обязанности наставника короля Александра Обреновича.

Итак: «Внешний лак цивилизации – это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, треснувший в тысяче мест, – это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассматривать все

не спеша и в деталях, и делает из него врага изначального ложного образа»^{22*}. За полтора года пребывания в Белграде А. Мале мог себе позволить «рассматривать все не спеша». Вот почему при анализе мы не раз обратимся «за помощью» и к нему.

К счастью, среди русских также имеются такие «долгожители», поэтому наши размышления во многом будут опираться на рукописное наследие П.А. Кулаковского – видного русского слависта, в течение четырех лет занимавшего кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, причем в одну из самых переломных эпох в истории Сербии – сразу же по получении страной независимости (1878–1882)²³. Опять же, к немалой радости исследователей, личный фонд ученого не утрачен, и, кроме того, в многочисленных архивах (Москвы, Санкт-Петербурга, Киева) сохранилась масса его корреспонденции из Белграда: Кулаковский любил писать, имея множество адресатов и не чуждаясь журналистского ремесла, что видно хотя бы из числа его статей о Сербии, напечатанных в российских СМИ... Именно знакомство практически со всем сербским «корпусом» Платона Андреевича, выявленное обилие его тонких наблюдений и точных выводов, касающихся внутренней жизни страны, которую обретенная свобода, словно всадник, политически прищипорила, подняв на дыбы, и подвигло нас обратиться к политической культуре независимых сербов.

Естественно, что Кулаковский придерживался вполне определенного взгляда на славянство, характерного для определенной части русского общества, «выразившегося прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений»²⁴. И это следует учитывать. Однако, более важно другое – он не был *идеалистом* в отношении сербов и не разделял, вслед за К.Н. Леонтьевым, «либерального славянолюбия»²⁵: «С первого же знакомства с сербами я почувствовал тот грех, который сотворили наши славянолюбы, заботившиеся всегда тщатель-

* И 20 лет спустя это «различие в достоверности» оставалось актуальным. Российский журналист Н.И. Гасфельд отмечал: «Бытописатели югославянских земель, наблюдавшие сербов из вагон-салона и изучавшие их по рассказам и со слов сербских политических деятелей, лишены возможности видеть и слышать сербов в серенькие будни, когда они не надевают париков и не накладывают грима» (*Шевалье Н. (Н. Г.-д.)*. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб, 1913. С. 97–98).

но окрасить некрасивое в славянах перед русскими»²⁶. С другой стороны, профессиональный славист и славянофил по своим убеждениям, Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая политические ошибки, допущенные элитой: «Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов»²⁷, ибо «грустную картину являет собой Сербия. Нет сомнения, что здравый смысл и инстинкт умного сербского народа спасет страну, но дело едва ли обойдется без революции и крови* – уже слишком много зла посеяно в этой земле европействующей интеллигенцией. Мне искренно и глубоко жаль Сербии и этого народа»²⁸. Такое неравнодушие дополнялось у него справедливой критикой политики собственной страны: «Плана у нас нет, цели у нас не осознаны, не определены: в этом беда. Австрия берет нахальством и дерзостью, России помогает лишь народная вера в нее – вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны»²⁹. В общем, резюмировал ученый, «пробыл я здесь 4 года, много видел и много испытал на себе, и перечувствовал»³⁰, отчетливо и писал одну «лишь горькую и болезненную правду о Сербии»³¹, на «которую досадуешь и которую в то же время жалеешь»³². И никак не разорваться!

Как видим, взгляд Кулаковского на Сербию и сербов принципиально отличался от соответствующего «взора» европейцев, в основе которого (за редким исключением) лежала имманентно присущая Западу *«презумпция цивилизационного превосходства»*³³, удачно раскрытая в дефиниции Марии Тодоровой: «Былое аристократическое неприятие эгалитарных крестьянских сообществ сменилось предрассудками городской (буржуазной и рациональной) культуры в отношении того, что считалось суеверной – иррациональной и отсталой – руральной традицией Балкан, единственной ценностью которой признавалось, что в глазах Европы она являла собой этнографический музей под открытым небом»³⁴.

Отсюда (наряду с безупречным знанием предмета) и *столь* глубокое погружение в сербский характер, что вместе они приводили к «низким», но пророческим, истинам. «Несчаст-

* Как в воду глядел – данное письмо Кулаковского (В.В. Макушеву) датировано 6 июля 1882 г., а в октябре 1883 г. в Сербии вспыхнуло Тимокское восстание, жестоко подавленное королевскими войсками.

ная страна эта Сербия! В ней было много бедствий, и будет еще много новых» – запись в дневнике, которую хоть с ходу в эпиграф³⁵. И исторический «диагноз», который, увы, так трагично по своим результатам подтвердился в «век минувший», – налицо: «Патриотизм сербский, конечно, сам по себе, похвален, – писал Платон Андреевич Ап.А. Майкову, – но исключительность сербская, самодовольство и узость воззрений приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя. Признаюсь Вам искренно – и да будет это между нами – я теперь все больше убеждаюсь, что они никогда не создадут цельного государства, и что не им собрать клочки многострадального сербского племени под свое знамя»³⁶.

Поражает, что «прогноз» этот датирован октябрем 1880-го! Ну, а призывающее к тайне: «и да будет это между нами», как уже говорилось, лишь придает «интимным» мыслям Кулаковского и иных россиян дополнительные смысл и значение...

Понятно, что, размышляя о «политической культуре», мы использовали и другие русские материалы – как опубликованные, так и вновь обнаруженные и ранее неизвестные. И, кроме того, в главе фигурируют мемуары сербских очевидцев, ибо «политическая культура Сербии XIX века, вероятнее всего, самым лучшим образом отразилась в воспоминаниях и дневниках ее видных деятелей»³⁷. Однако, из моря таких мемуаров следовало выделить те, которые вышли из-под пера *экспертов*, т. е. авторов, не столько фиксировавших факты, сколько объяснявших их суть и природу. Уже в нынешнем столетии свет увидели воспоминания трех блестящих аналитиков – Милана Пирочанца³⁸, Николы Крстича³⁹ и Косты Стояновича⁴⁰, а равно переиздание драгоценных записок Лазы Димитриевича «Как живет наш народ»⁴¹. Эти новейшие публикации стали важной частью документальной базы настоящей главы.

Ну, а теперь, после затянувшегося вступления обратимся непосредственно к политической культуре сербов.

• • •

Начнем с дефиниций.

«Политическая культура – это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт пред-

шествующих поколений установок, ориентаций и моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъекта политического процесса»⁴². Соответственно, и структура политической культуры есть структура ориентаций. Во-первых, относительно институтов управления (режима). Во-вторых, относительно *другого* в политическом поле (соседа). В-третьих, относительно своих собственных политических акций (себя самого)⁴³. По этим трем направлениям мы и предполагаем вести анализ политической культуры в независимой Сербии.

Но перед тем, как обратиться к нему, сделаем несколько вводных замечаний, необходимых для сравнения обнаруженного в Сербии с неким «каноном». Для чего – из всего множества типологий «политической культуры», что предлагаются в научной литературе, выберем две, методологически плодотворные для нашей темы.

Итак, что касается *существа* политической деятельности, то здесь наличествуют «фрагментированная» политическая культура, когда «у населения отсутствует прочное согласие относительно путей развития общества», и культура «интегрированная», когда таковое согласие в социуме присутствует⁴⁴. Им соответствует *тактическая* дихотомия (средства и формы политической деятельности): «поляризованная» и «консенсусная» политические культуры. В рамках первой превалируют радикальные силы (как правые, так и левые). В поле действия второй – центристские и умеренные.

Нет сомнения, что *интегрированная* и *консенсусная* политическая культура соответствует европейскому, а точнее – западному (в общем смысле: western), образцу. В качестве его особенностей можно назвать такие, как общность базовых политических ценностей и плюралистическая организация власти; склонность к легитимным формам политического участия и стремление к минимизации конфликтов через поиск согласия между политическими силами; законопослушность и чуткость к правовым регуляторам политического поведения и соблюдению процедур; высокий уровень ответственности правящих элит за свои действия и уважение к ним со стороны граждан⁴⁵.

Соответственно, *фрагментированная* и *поляризованная* – прижилась в странах, пребывающих в состоянии «транзиции», с частым отсутствием внутреннего согласия по важнейшим вопросам их развития. Политологи выделяют четыре характерные черты такой культуры: преобладание локальной политической лояльности над национальной; отсутствие легитимных и действенных процедур для решения конфликтов; предельно острое недоверие социальных групп друг к другу; и, как следствие того, нестабильные и недолговременные правительства⁴⁶.

Автор этой четырехчленной «конструкции», американский ученый У. Розенбаум вряд ли использовал при ее осмыслении опыт независимой Сербии, но все выделенные им черты данному опыту вполне соответствуют... Ниже мы и постараемся подтвердить ее оправданность на сербском материале.

2. «Кто не с нами, тот против нас!»

В октябре 1912 г., по пути из Вены на Балканскую войну, Л.Д. Троцкий заметил, что, «хотя от Будапешта до Белграда железнодорожная лента тянется преимущественно в южном направлении, но культурно вы передвигаетесь на восток»⁴⁷. А в конце 1890-х болгарский общественный деятель Стефан Бобчев, возвращаясь из Европы на родину – в Пловдив, записал: «Первое, что бросается в глаза болгарину, приехавшему в Белград с запада, т. е. из Европы, это то, что здесь пахнет Востоком. Белград ему вовсе не чужд, ибо чувствуется, что это – уже не чужбина»⁴⁸. И даже в 1920 г., после окончания Великой войны, смешавшей все на континенте, русская эмигрантка, обозревая новый для нее город, констатировала: «А чего только не было по его длинным окраинам, не тронутым еще надвинувшейся вплотную Европой»⁴⁹. На заре же сербского суверенитета (в 1882 г. – за 30 лет до Троцкого!) ее соотечественник, славист К.Я. Грот, вынес о нем более определенное впечатление – «Совершенный характер уездного городишки; и хотя мне о том уже рассказывали, но действительность превзошла ожидания. Отсутствие тротуаров и порядочных мостовых, грязь и бедность построек, патриархальность во всем – все это

приближает Белград к городам Востока, отчасти нашего славяно-русского, отчасти турецко-азиатского»^{50*}.

Таков был традиционный, – словно «застывший» во времени, – общекультурный фон, на котором шло развитие независимой Сербии, и делались первые шаги по ее модернизации (европеизации).

В политической сфере шаги эти ассоциировались с образованием в 1881 г. политических партий** – причем в Сербии они вступили в борьбу спустя всего четыре года после их появления в Европе⁵¹. И уже сам факт подобных новаций дает некоторым сербским историкам право полагать, будто на рубеже веков страна «вплотную приблизилась к европейским образцам...»⁵². Значит, если введена многопартийность, а межпартийная борьба бьет ключом, то это – «почти» Европа. Именно такие выводы диктует институциональный подход.

Но почему-то П.А. Кулаковский – очевидец событий – так совсем не считал. И в письме к И.С. Аксакову заметил скептически: «Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так, как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают и, напротив, в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами»⁵³. Действительно, по словам британской путешественницы, Сербия «всячески стремится предстать в глазах Европы в лучшем виде»⁵⁴ – страной с тем же «набором» институтов, ценностей, идей.

Однако институционально имитировать Европу автоматически не значит – быть ею, о чем уже не раз упоминалось. И именно в сфере политической культуры нагляднее всего про-

* Сами сербы, естественно, так не думали. П.А. Кулаковский, прибыв в Белград в конце 1878 г., не без иронии отметил в дневнике: «Как у каждого маленького народца, только что добывшего себе право на самостоятельную жизнь, у сербов полный восторг своим. Даже мостовые в Белграде – отвратительные и грязные, – по мнению сербов, лучше петербургских. Но такое любовное отношение ко всему своему – вполне естественно» (Дневник П.А. Кулаковского (запись от 22 декабря 1878 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 72).

** В январе 1881 г. на политическую сцену Сербии вышли Радикальная и Напредняцкая (от сербск. *напредак* – прогресс) партии. Чуть позднее, под названием «Общество содействия сербской литературе», конституировались либералы.

является это принципиальное *несоответствие* формы и сути, которое на заре сербской независимости обнаружил проницательный Платон Андреевич. С ним соглашались и редкие сербы, сохранившие холодность разума в период разгула партийных страстей, в частности судейский чиновник Никола Крстич: «Партии у нас не имеют того значения, какое они имеют в других странах»⁵⁵. И далее: «Ни одна партия не придерживалась своей программы, но всякая стремится сохранить формы и законы современного государства»⁵⁶. Знаменитый ученый и политик Стоян Новакович также позднее признавал, что политические партии в Сербии представляют собой не органические образования, а «искусственные сообщества, заимствовавшие свои наименования из европейской политической терминологии»⁵⁷. А цитированный выше болгарин С. Бобчев, вообще возвел наблюдение Кулаковского в *универсальный* балканский принцип – «Партии возникают вскоре после освобождения балканских народов, хотя не было еще никаких предпосылок для их существования»⁵⁸. В европейском, естественно, смысле... И, наконец, – через 30 лет после Кулаковского! – уже на типологическом уровне данное явление обобщил проницательный Л.Д. Троцкий: «На странах Ближнего Востока можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы, идеи, иногда имена (дословная переключка со С. Новаковичем! – *А.Ш.*), заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи. Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов»⁵⁹.

Итак, вполне очевидно, что за вербально-европейским *институциональным* фасадом в мышлении сербских (и балканских) политиков могли скрываться привычно- традиционные навыки и подходы. Такое «смещение понятий» в 1915 г., имея перед глазами весь опыт политического и политико-культурного развития независимой Сербии, емко выразил видный сербский политик и интеллектуал Коста Стоянович: «Демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс, культура и ряд других понятий, что составляют основу политического словаря нынешних балканцев, – суть слова и выражения, никак не укорененные в их мироощущении, однако, будучи „общепринятыми“, они призваны прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые на самом деле только и мотивируют все их действия и поступки»⁶⁰. Иными словами, «в результате вестернизированного государственно-политического

строительства», предпринятого на Балканах после 1878 г., «получилось не новое здание, а его “фанерная” имитация»⁶¹.

Добавим, что с непосредственными очевидцами событий солидарны и отдельные сербские историки – из тех, кто не стремится «втиснуть» сложный процесс эволюции новой сербской государственности в прокрустово ложе линейных европейских схем. Так, Димитрие Джорджевич констатирует: «Балканские страны в XIX в. попытались включиться в Европу, заведя у себя европейские институты. Но то балканское “обезьянничанье” было пронизано сильнейшим традиционализмом...»⁶². Что, собственно, и требовалось доказать.

• • •

Что касается политической культуры крайне немногочисленной сербской элиты, то она, разделившись в 1881 г. на «партии», воспринимала свою роль как *миссию*, и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим «грешили» радикалы во главе с Николой Пашичем, всерьез отождествлявшие себя со всем сербским народом) воспринимала себя как спасительницу Сербии*,

* Один из вождей радикалов, Пера Тодорович вспоминал впоследствии, как в начале бурных 1880-х гг. в партийной среде складывалось «убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и ее счастье. Мы – это те, кого историческое провидение выбрало, чтобы принести ей возрождение» (См.: *Тодоровић П.* Ближи односи с краљем Миланом // *Он же*. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 275). С другой стороны, либералы думали с точностью наоборот. Член их руководства, профессор Панта Сречкович утверждал в разговоре с русским путешественником: «Единственно серьезный государственный человек у нас – это, бесспорно, Ристич... Пашич, конечно, умный человек, но только для себя, в обыкновенных житейских делах... У него таланты не государственного деятеля, а заговорщика, ловкого агитатора. Если Сербия теперь разорена, то обязана она этим никому другому, как радикалам и отчасти напреднякам» (*Марков Е.Л.* Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // *Русские о Сербии и сербах. Т. I* (письма, статьи, мемуары) / Сост. А.Л. Шемякин. СПб, 2006. С. 337–338). Иначе говоря, – виноват кто угодно, только не мы... Такой подход: «Всегда виновен кто-то другой» являлся следствием «незрелости сербского общества, которое было не в состоянии занять реалистическую и самокритичную позицию, беря на себя ответственность за свои же собственные действия» (*Јовановић Н.* Увреда, бес и крв. Српска штампа и Мајски преврат. Београд, 2014. С. 10. См. также: *Константиновић Р.* Философија паланке. Београд, 2004. С. 5–63).

относясь к *другим* не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам. Соответственно, и политику эта партия понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную войну с теми, кто не разделяет ее позицию⁶³. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей партийная борьба и приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало. Тот же П.А. Кулаковский с полным основанием недоуменно свидетельствовал – «Меня больно поражало всегда в Сербии... то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»⁶⁴. Не он один констатировал сей факт. Н. Крстич также зафиксировал в своем дневнике: «Да, у нас есть политические партии, но они готовы перегрызть друг другу горло»⁶⁵. И «первый сербский ученый полицейский» Таса Миленкович писал: «Сербия – странное государство. В ней партийная борьба косит людей так же, как и осенние ветры ломают тонкие стебельки»⁶⁶. А Милан Миличевич (известный писатель и этнограф) с горечью заметил: «Потомки с трудом поверят, сколь сильно были накалены партийные страсти в наше время»⁶⁷. Как и Владимир Йованович, один из видных либералов – «Бывало, что наша так называемая партийная борьба превращалась в самую дикую войну, во время которой не выбирались средства, лишь бы дорваться до власти и удержаться подле нее. Люди не пренебрегали тяжкими преступлениями, дабы только заполучить власть»⁶⁸.

По точной оценке Бобчева, считавшего эту борьбу явлением *типическим* в период становления новых балканских государств, Сербия (отягощенная к тому же соперничеством двух своих «народных» династий) «представляла собой его самый рельефный пример»⁶⁹.

Так оно и было!.. К примеру, политический «террор большинства», царивший в краткий период правления радикалов в начале 1890-х гг., когда страна превратилось в однопартийное «радикальное царство», как назвал тот режим современник⁷⁰, сменился после их отставки еще более жестким курсом меньшинства. Не имея опоры в народе, либеральный кабинет Йована Авакумовича предпринял самые зверские меры, вплоть

до расстрела неугодных, дабы вытеснить своих политических противников из местных органов власти накануне «парламентских» выборов 1892 г., каковые проводились под жесточайшим давлением полиции⁷¹. А Йован Ристич – легенда Либеральной партии, – находясь на смертном одре и страдая от приступа астмы, нацарапал дрожащей рукой на листке с вопросом короля о возможной участи Николы Пашича, арестованного после «Иванданского атентата» в 1899 г.: «Достоин смерти»⁷². И это – старый законник, запамätовавший на склоне лет о понятии «презумпция невиновности»*. И Йован Белимаркович – заслуженный боевой генерал и ветеран либерального движения, в открытую требовал от короля антирадикальных мер: «Я хочу видеть, как собаки будут растаскивать радикальное мясо по брусчатке на Теразиях»⁷³.

На что сторонники Пашича отвечали «адекватно» – влиятельный радикальный «первоборец», член ЦК партии и знаменитый оратор, священник Милан Джурич грозил публично соратникам Белимарковича и Ристича, что, «если те нарушат закон, то мы, когда победим, будем катать их головы» – по тем же Теразиям⁷⁴.

Такие взаимоотношения «верхов» органично дополнялось действиями «снизу» – смена партийных режимов часто сопровождалась уже не политическим, а физическим террором. Так, в 1887 г., после прихода к власти либерально-радикального блока, имел место буквальный линч напредняков – так называемый «народный вздох», – когда по всей Сербии прокатились

* Русская дипломатия сразу же раскусила причины такого, совсем «не-европейского», отношения Ристича к Пашичу. Временный поверенный в делах России в Белграде А.В. Неклюдов писал в Петербург за год до описываемых событий: «Для г-на Йована Ристича г-н Пашич представляет собой лицо особенно ненавистное, не из-за династических предубеждений или политических несогласий (т.е. не из принципа! – *АШ*), а потому, что к нему перешли те атрибуты, которые в былое время принадлежали безраздельно г-ну Ристичу, а именно: положение национального вождя и трибуна и расположение и доверие русского общественного мнения...» (цит. по: *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1893–1903. Београд, 1973. С. 739–740). Перед нами – оборотная сторона очередного (и привычного) проявления *политического мессианизма* в Сербии. С ней напрямую и связан этот позорный пример «политической культуры».

погромы: их жертвами стали 150 человек⁷⁵. И в мае 1889 г., уже в Белграде, продолжилось «линчевание» тех же напредняков прорадикально настроенной толпой. Причем инцидент этот был благосклонно воспринят Костой Таушановичем, новым министром внутренних дел из радикалов⁷⁶. А всего, за десятилетие 1887–1896 гг., было истреблено 384 члена напредняцкой партии⁷⁷.

На контрасте с представленными выше фактами напомним иную – умирительно благостную (линейно-европейскую) «реконструкцию» политического развития Сербии после обретения ею независимости, почерпнутую нами у одного современного автора. Он, помнится, считает, что после 1878 г. «сербское общество политически созрело и вступило в партийную борьбу». Соответственно, и крестьянство сербское тоже «созрело», научившись «публично артикулировать свои мнения и интересы»⁷⁸. С помощью кольев, надо полагать, коими радикальные массы «гоняли» бедных напредняков. Перед нами – еще один пример того, к каким выводам может привести институциональный подход к исследованию, используемый крайне формально... Но это к слову. Вернемся к теме.

• • •

Спрашивается, как же объяснить наличие в Сербии столь жесткого внутреннего антагонизма, доходившего до неприкрытых и, порой, массовых зверств?

Ответ, думается, в первую очередь, связан с тем, что на рубеже веков сербское общество во многом сохраняло традиционно-патриархальный характер. Предпринятая в начале 1880-х гг. напредняцкой властью попытка прищипорить развитие страны (или, по словам Кулаковского, «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»⁷⁹) по сути захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отставкой в 1889 г. Милана Обреновича. «Инстинкты массы, – указывал современник, – все больше восставали против модернизации государства»⁸⁰. Сумев «уловить» их, артикулировать и трансформировать в форму мощного народного движения, традиционалисты-радикалы смели горстку реформато-

ров. Их предводитель Стоян Новакович позже констатировал: «Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем то соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого»⁸¹.

А раз так, то печальная судьба сербских «западников» не кажется неожиданной. Напротив – она объективна. Согласно «диагнозу» гостя из России, «для претворения формул либерализма в жизнь в Сербии не хватало малого: среднего сословия*, городов и городской культуры»⁸². Всего-то! Сословие же среднее – этот людской ресурс любого прогресса, имело мало шансов народиться и массово развиваться у сербов, ибо, по словам Милана Обреновича, они «уважали только три занятия – быть пандурами, чиновниками и крестьянами»⁸³. Последними, понятно, в подавляющей части. Отсюда – их негативное отношение к «урбанизации»: «Пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»⁸⁴. Соответственно, и *городскую культуру* они принимали в штыки. «Крестьяне буянят на сходках: не хотим людей в пальто», – писал очевидец в 1905 г.⁸⁵. А радикальный официоз, «Самоуправа» («Самоуправление»), открыто призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль,

* Один из авторов коллективной монографии «Срби 1903–1914. Историја идеја» Слободан Антонић считает сербским «средним классом» неграмотное крестьянское большинство (составлявшее в начале XX в. до 87 % населения страны). Главным критерием для такой оценки он полагает «равенство крестьянских владений и отсутствие земельных магнатов». Такое «общество доминирующего среднего класса», по его мнению, «с точки зрения классических понятий, идеально подходит для введения демократии» (*Антонић С. Демократија* // Там же. С. 75). Какой же? Ответ очевиден – либеральной, ибо глава в тексте другого члена авторского коллектива, Милоша Ковича, так и называется: «Время короля Петра: победа *либеральной* демократии (здесь и далее выделено нами. – *А.Ш.*)» (*Ковић М. Либерализам* // Там же. С. 185). При этом Антонић особо подчеркивает «*некапиталистический* менталитет сербского крестьянства» и его «*патриархально-демократическую* политическую культуру» (*Антонић С. Демократија* // Там же. С. 69, 73)... Но спрашивается, – насколько корректно и возможно ли вообще такое совмещение / смешение категорий традиционного и современного (modern) обществ?

и им необходимо уничтожить влияние города, этого гнезда иноземщины»^{86*}.

Вместе с тем, город – в представлении «заведенного» радикалами крестьянства – был не только синонимом модернизации (той самой «иноземщины»), но и средоточием государственной системы – экономически немотивированной, насильственной машины, десятилетиями державшей село под тяжким фискально-налоговым прессом. Во время Тимокского восстания 1883 г. эти антисистемные настроения низов проявились в требованиях перебить всех, носящих униформу и получающих жалование⁸⁷. Как видим, скрытая до поры до времени ненависть к полицейской униформе⁸⁸ трансформировалась позднее в неприятие и городского «господского» костюма – в 1889 г. толпа в Белграде закидывала камнями всех, кто по своей одежде и манерам напоминал интеллигентов-напредняков. На селе же, два года ранее, крестьяне-радикалы в первую очередь линчевали представителей местных напредняцких *властей* – функционеров общин и полицейских чиновников⁸⁹.

Без понимания этого исторически-негативного отношения крестьянства к любой *навязанной* власти** (а радикалы в своем

* Примечательно, но столь же «антигородской» настрой сохранили и внуки тех крестьян, что «буянили на сходках». Добрица Чосич, описывая земляков из своего села Великая Дренова уже в титовские и посттитовские годы, запечатлел одного, что «любил старые дома и сельскую старину, не переносил на дух ничто городское, кроме стиральной машины, которую считал самым выдающимся изобретением XX в., ибо она освободила женщину от унизительного труда» (*Босић Д. Пријатељи мога века. Београд, 2011. С. 334*). Другой, «не то, чтобы ненавидел город, но никогда не согласился бы в нем жить» (Там же. С. 337). И даже интеллигент (известный философ и литературовед Сретен Марич), родом из села Субела в Ужицких горах, «любил все старое, сербское, навсегда исчезнувшее, и презирал выскочек и порочную балканскую черту – буквально очаровываться чужим, „современным“ европейством» (Там же. С. 388). А Латинка Перович вспоминает, какие призывы слышались в сербской глубинке во время местных выборов в конце 1960-х: «Голосуйте за него, он – наш, он носит гунь (крестьянскую куртку из грубого сукна. – А.Ш.). А за учителя не голосуйте, ибо, кто знает, куда он нас заведет...» (*Lakićević M. Ispred vremena. Београд, 2011. С. 87*). Сословная мужицкая ментальность, как видим, несмотря на все попытки коммунистов вытравить ее, так и не поддалась.

** По мысли Радована Самарджича, несмотря на то, что «Сербское княжество, чей аппарат заменил турецкий, и означало для крестьянина достижение независимости, за которую он дрался веками», он «не

отрицании всех правительственных новаций лишь усиливали степень его ненависти к чиновникам – представителям и проводникам ее воли), невозможно объяснить столь высокий градус его же антимодернизационного настроения: «закрытое общество» противилось любой попытке приоткрыть себя, особенно если та предпринималась «сверху». Таким образом, строя свою *охранительную* доктрину на фундаменте прочно укорененной в народном сознании патриархальности, соратники Пашича и выразили негативное отношение крестьянства к структурным изменениям общества и государства, какие могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе аграрного статичного мира. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, – утверждал радикальный гуру, – но следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁹⁰.

Итак, первопричиной внутреннего столкновения в Сербии был идеологический конфликт, особенно обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в дихотомии – «либеральная идея и традиция», порождаясь амбивалентным характером сербского общества, «разрывавшегося» между патриархальностью (т.е. «закрытым» его типом, как формой самоорганизации и выживания сербов под турками) и началами модернизации⁹¹, и органично перекликаясь со знаменитым русским спором западников и славянофилов⁹².

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии оставалась на уровне предмодерности, также была связана с патриархальностью – этим основным качеством сербского социума на рубеже веков. В условиях, когда, «местечковая» лояльность превалировала над общегражданской / национальной (Кулаковский по обыкновению точен и емко: «Сербы Княжества даже не выросли далее шумадийства и не дорасли до сербства»⁹³, относясь «со злостью к сербам австрийским»⁹⁴), а «патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели замениться безличными отношениями, какие порождает индустриализация» (по справедливой оценке британского наблюдателя из 1918 г.)⁹⁵, политическая партия вос-

желал мириться с тем, что кто-то вмешивается во внутренний уклад его жизни, причем вмешательство это шло в основном по линии возращения, в виду потребностей государственного строительства, его же налоговых обязательств» (*Самарцић Р. Идеје за српску историју*. Београд, 1989. С. 21).

принималась как одна семья, *parteigenossen* – как братья, а партийный лидер – как отец⁹⁶.

По словам Светомира Николаевича, одного из вождей радикалов, позднее от них отошедшего, «беря пример с русских революционеров, они мнили себя одной большой семьей. Партийное кумовство и побратимство едва не вошло в программу партии»⁹⁷. И потому важнейшим символом для них всегда и везде оставался *дом* – в идеологии, организации, внутрипартийном этосе⁹⁸. Не случайно они последовательно реализовывали на практике концепцию партии, пронизанную глубоко традиционными и антилиберальными идеями солидарности и равенства. Как вспоминал о том много лет спустя Раша Милошевич, видный партийный функционер и одновременно *кум* Николы Пашича, «членский билет обеспечивал его владельцу доступ в радикальные инстанции по всей стране; он был символом солидарности радикалов, где бы они ни находились, и признаком равенства всех членов партии»⁹⁹.

Либеральная же верхушка (массовой базы либералы не имели) была переплетена реально родственными узами. Йован Ристич, Радивое Милойкович, Филипп Христич: через своих супругов – родных сестер и дочерей знаменитого «миллионщика» Хаджи-Томы. Й. Белимаркович приходился дядюшкой Й. Авакумовичу, причем оба принадлежали к не менее «мощному» клану Баба-Дудичей. На сестре последнего был женат Алимпие Васильевич. А восходящая звезда партии Джордже Генчич называл Ристича «дорогим отчимом» – его отец и вождь либералов были побратимы со времен своей юности. Эти примеры либеральной «семейственности» можно множить и далее.

Любопытно в данной связи напомнить еще о двух деталях – местах сбора (или клубами) отдельных партий были особые «партийные» кафаны, порог которых не смел переступить никто иной. Бывало, что чужих изгоняли пинками. Радикалы обыкновенно заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки – в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отколовшихся от Николы Пашича младорадикалов – «Касина»¹⁰⁰. И в быту, в сфере, казалась, совсем универсаль-

* Показательно определение государства, которое в 1881 г. дал Никола Пашич: «Конституционное государство – это народный дом, который строится и развивается на основе братского договора» (*Писма, чланци и говори* (1872–1891) / Приред. Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 95).

ной, существовали отличия. Известно, что у сербов есть один единственный танец – сербское коло. Однако на своих собраниях радикалы всегда отплясывали собственное «Радикалско (Пашичево) коло». Оно же – «Радикалка».

Столь «родственные» отношения внутри партий и непроницаемые перегородки, воздвигавшиеся между ними, накладывали отпечаток на *приватность* политиков – и по жизни однопартийцы «варились» в собственном соку. Кулаковский отмечал, что «люди здесь живут все какими-то мелкими партиями и считаются друг с другом лишь только на основании принадлежности к той или другой партии»¹⁰¹. Представить же себе что-то похожее на житейскую приязнь к политическому противнику в Сербии было непросто – слишком еще далеко отстояла она от европейской практики, когда, по словам Уинстона Черчилля (применительно к Англии), «самые острые политические разногласия подчас не мешают поддержанию личных дружеских отношений»^{102*}. Нет, «у нас обо всем судят

* Какое там! Приведем пример вполне возможных в Сербии взаимоотношений министров (членов одного и того же кабинета!), а также политических оппонентов. И все – в одном лице. Посланник России в Софии Ю.А. Бахметев доносил 7 апреля 1902 г. в Петербург о смене сербского коллеги Йована Джайи: «Заместителем его назначен г. Павел Маринкович, всего более известный двумя крупными скандалами, случившимися с ним в недавнее время. Первый раз, будучи министром народного просвещения, у него вышла какая-то не совсем ясная частная история с военным министром Васичем, вследствие которой они оба были вынуждены подать в отставку, а потом у него было какое-то уличное столкновение с сыном Владана Георгиевича, в котором были пущены в ход и палки, и револьверы» (Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 497 (1902 г.). Л. 269–269 об.)... Касательно «не совсем ясной частной истории» с полковником Милошем Васичем, справку дает русский военный агент в Белграде Е.А. Леонтович: «Застав неожиданно у себя Маринковича в положении, не оставляющем сомнений в близких отношениях с m-me Васич, военный министр тут же, при пособии своего адъютанта, избил министра народного просвещения и выбросил его в окно» (Е.А. Леонтович – В.П. Целебровскому. Белград, 5 мая 1901 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 334). Что же до перестрелки П. Маринковича с сыном В. Джорджевича, то, по словам Милана Йовановича-Стоимировича – этого «сербского Гиляровского», участники ее «ранили ученика сапожника на улице Космайской и подстрелили собаку Ристы Одавича (профессора, известного писателя и переводчика. – А.Ш.) (Йовановић-Стојимировић М. Силуете старог Београда (3 изд.). Београд, 2008. С. 345–346).

с партийной точки зрения, и партийные противоречия переходят в личную вражду»¹⁰³. И как следствие этого, замечает Милош Кович, – «уличные драки между общественными деятелями не являлись для Белграда чем-то необычным»¹⁰⁴. Да что «общественные деятели»! Различная партийная принадлежность подчас приводила к тому, что брат кидался с топором на брата – сей факт зафиксировал окружной доктор, к которому обратился пострадавший¹⁰⁵.

И самые консервативные учреждения, уже по определению должны находиться в отдалении от всякой политики, не избегли паралича и эрозии. «Политические партии разделяют даже членов высшего ученого учреждения – “Сербского ученого дружества” (т. е. Сербского ученого общества. – *А.Ш.*), которое в последнее время мало проявляло свою деятельность», – констатировал в 1882 г. К.Я. Грот¹⁰⁶* И продолжал, указывая на причины оното: «В настоящее время в Белграде мало ученых, которые бы держали себя в стороне от политической жизни и были преданы одной науке. Все, от министра – ученого и профессора до последнего чиновника, занято политикой, внутренней борьбой партий, интригами и мелкими партийными интересами! Как тут процветать науке?»¹⁰⁷.

То же самое регулярно фиксировал и Кулаковский. В марте 1880 г. он сообщал А.Н. Пыпину: «В научном отношении у нас полное затишье и полная бездеятельность. Все силы одних устремлены на то, чтобы доказать, что София и Македония населены сербами, что Солунь должен быть сербский; другие поглощены вопросами внутренней политики, и для дела научного труда времени не остается»¹⁰⁸. В октябре на ту же тему – Ап.А. Майкову: «Здесь почти нет серьезных работников: все

* Когда же в 1887 г. Ученое общество было трансформировано в Королевскую академию, первый «набор» ее членов также проходил не по научным, а по политическим критериям, исходя из партийных пристрастий. Т.Д. Флоринский записал в дневнике о встрече с экс-премьером Сербии (и в то же время крупным историком) Йованом Ристичем, который сказал ему, «что и он был внесен в список академиков, но король его вычеркнул. Он выразил мысль, что король в этом солидарен с напредняками» (Путевые заметки Т.Д. Флоринского // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 265). И это при том, что, по мнению ученого, в Академию приняли «целый ряд бездарностей, ничего не сделавших для науки» (Там же).

“политику терају” (политиканствуют. – *А.Ш.*), многие пишут патриотические брошюры, ... разыскивая сербов повсюду»¹⁰⁹ и утверждая даже, что «русские “выдумали болгар”, которых “никогда и не бывало”»¹¹⁰. Год спустя – снова Пыпину: «В ученом сербском мире – полное запустение и полное затишье. Все молчит, и работать некому; в газетах занимаются перебранкой разные партии, в направлениях и принципах полный хаос»¹¹¹. И, наконец, накануне отъезда – Н.А. Попову: «В сербской литературе нет ничего нового. Здесь теперь господствует политика. Все ей покорено»¹¹². И это совсем не метафора, ибо и «в гимназиях нет дисциплины, учащаяся молодежь не ходит на уроки, а бегает на скупщину и, сидя в кафанах, читает газеты»¹¹³.

Аналогичная ситуация сложилась и в Церкви. По свидетельству Кулаковского, митрополит Михаил (ярый сторонник либералов Ристича) «бросился в омут партийной борьбы»¹¹⁴; сам же он – «иезуит страшный», и «обыкновенно ведет двойную и тройную игру»¹¹⁵. С ним соглашались и грамотные сербы, также находившие, что «церковь» для владыки – «дело десятое»¹¹⁶. С другой стороны, низшее духовенство, в большинстве своем, примкнуло к радикалам Пашича, и Кулаковский не мог скрыть своего удивления этим в письме И.С. Аксакову: «Под программой Вы увидите подписи 7 священников. А, как хотите, – священники не могут быть радикалами»¹¹⁷. Но через две недели – уже спокойнее (в Сербии все может быть!): «Интересный факт, что в числе подписавшихся под программой радикальцев 10 священников, избранных народом на скупщину»¹¹⁸. Другой русский наблюдатель доносил в 1891 г. из Белграда, что «священники с амвона проповедуют политические речи», а «в Консистории – интриги и партийная борьба между членами»¹¹⁹. Ему вторил и консул в Нише Н.И. Домерико: «попы и архиереи занимаются больше политиканством, чем своими религиозными обязанностями»¹²⁰. Данное состояние, сложившееся в СПЦ и подмеченное зорким русским глазом, фиксировали и сами сербы. «Разделенность, нетерпимость и взаимная неприязнь, которые были порождены борьбой политических партий, перекинулись и на священство. Напредняки и либералы не желали впускать в свой дом священника-радикала, и наоборот – либералы не пускали напредняцких и радикальных

попов. Потому и в народе, и в церкви наступил полный хаос», – вспоминал позднее о тех временах протоиерей Алекса Илич¹²¹.

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных склок, наполняло ее излишними эмоциями и страстями. Тем самым опрощалось, становясь предельно «фамильярным», и отношение к государству – само его понятие переходило из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате, находившиеся у власти партии, теряя дистанцию по отношению к нему, смешивали нередко общий и частный интерес. Государство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где личных амбиций: «Индивидуальная польза отдельных людей нередко ставится выше государственных и общих интересов»¹²². В подобных условиях компромисс был невозможен. Поэтому и сама политика, повторимся, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта»*, но как война всех против всех. И, как следствие такого подхода, постоянные столкновения мнений (разница между ними была зачастую не принципиальной!), а также хаос и нестабильность, являлись характерными чертами политического процесса в Сербии. В рамках его *авторитарная* политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности эволюционировать и дорасти до высот толерантности; соответственно, – идея о бесконфликтном решении проблем была обречена на невостребованность¹²³.

Права Дубравка Стоянович, заключая: «Восприятие партии как большой семьи и сведение внутренних коммуникаций к личным симпатиям и антипатиям приводило к тому, что они захлестывали политическое поле, подменяя принципы эмоциональными отношениями любви и ненависти, а это, в свою очередь, тормозило функционирование государственных институтов, поскольку частный интерес стоял выше общего»¹²⁴.

В начале XX в. Милан Живанович охарактеризовал эти «особенности» политического процесса в виде чеканной формулы: «Партизанский дух** есть отличие нашей расы. Я сомневаюсь,

* «Образ врага», пишет В.Г. Федотова, «есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес»; в отличие от него, «рационализация конфликта» – это «согласование интересов» (Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 161).

** От *партизан* (сербск. разговорн.) – страстный приверженец какой-либо партии.

что когда-нибудь политические страсти обретут у нас более мягкие формы. Партизанство – это наша культура, оно питает наш дух. А сектантство и интриганство – составные части нашей политической морали*. Ни одна партия в своей борьбе не руководствуется принципами, заложенными в ее программе, личные интересы доминируют в политической жизни»¹²⁵. При этом, как водится, все сопровождается призывами к народу – «вот только простой селяк из Черной Травы очень бы удивился, узнав, что острая борьба ведется ради него. Он так и помрет, не оценив столь глубоко осознанных народных интересов»¹²⁶.

И русские очевидцы констатировали этот партикуляризм мотиваций, лежавший в основе сербской политической жизни. В.И. Ламанский, находясь в 1863 г. в Белграде, наблюдал, как чиновники в противостояние с начальством «обыкновенно вносят свои личные и семейные, чиновничьи же, а не чисто-земские интересы»¹²⁷. В начале 1880-х Кулаковский также подчеркивал, что «конституционная борьба партий переходит то и дело в личные инсинуации»¹²⁸, проистекая «не из разницы воззрений и идей, а из чисто личных эгоистических счетов отдельных деятелей»¹²⁹, ибо «Сербия для них менее дорога, чем интересы их партий»¹³⁰. Как и в 1899 г. К.Ф. Радченко с сожалением указывал на «отсутствие всякого единодушия в вопросах, касающихся самых важных сторон народной и государственной жизни»¹³¹.

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь политический процесс, базируются на личностных, а не формальных принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу (родственников, земляков, однопартийцев), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах представлял не как представитель своего сообщества, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж! Как заметил в 1912 г. Йо-

* Видный сербский политик и интеллектуал Милан Грол также писал о «нашем узко-сектантском партийном духе – недоверчивом, негибком, диком, бессознательно нелояльном и необъективном, более фанатичном, чем любой религиозный предрассудок», а потому «не способном понять и принять точку зрения, отличную от нашей» (Грол М. Дневни записи // Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1996. Св. 4. С. 559–560).

ван Жуйович – академик и министр, – «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»¹³². А четверть века ранее (в 1887 г.) Никола Крстич констатировал сей факт еще более определенно: «В Сербии нет интеллигенции, независимой и созревшей для парламентской жизни, – той, которая существует в Европе...»¹³³.

• • •

Наглядным подтверждением такого «диагноза» являлась (и по сей день является!) практика «приватизации» государственного и местных аппаратов победившей партией, невзирая на неготовность ее кандидатов. Чиновничьи должности с гарантированным жалованием понимались ею как трофеи, захваченные в политическом сражении и подлежащие разделу среди своих, служа своего рода сатисфакцией за принесенные в оппозиции «жертвы». Кулаковский констатировал: «Всюду по местам государственным рассажены приверженцы кабинета без справок об их пригодности... Теперь правительство ловкими мерами мало по малу захватывает и все общинные выборные должности для своих сторонников»¹³⁴. А как же иначе – ведь, по словам Л. Димитриеви́ча, «народу хорошо известно, что лишь только новый кабинет приходит к власти, он сразу начинает изгонять всех чиновников, не состоящих в победившей партии»¹³⁵. Прав и другой сербский автор, заметивший в послании Н.А. Попову: «Борьба политических партий у нас ужасная. Цель каждой партии – подлый, низкий и личный материальный интерес; а национальный сербский интерес брошен на последний план»^{136*}. «Когда новая группа приходит

* Член Центрального комитета Радикальной партии, один из ее основателей Пайя Михайлович воспроизвел в своих записках нравы некоторых партийных функционеров при формировании кабинетов: «Лаза Пачу не желает возвращаться на свое место с прежним окладом, но хочет большего... И кое-кто из наших лидеров его в этом поддерживает, отчего он просто бесится. Требует жалованье госссоветника и ранг, высший, чем у директора железной дороги. Да еще ставит какие-то другие условия Мише (Вуичу – премьер-министру. – А.Ш.). Миша жалуется на него. А, между тем, он имеет всего-то 10 лет служебного стажа! *Это же грабеж! Они говорят, что, мол, если напредняки могли себе доплачивать и награждать, почему бы и мы не могли* (выделено нами. – А.Ш.)» (Михайловић П. Дневници / Приред. Ј. Милановић. Београд, 2010. С. 99).

к власти, – подытоживает современный историк, – она уничтожает все следы пребывания у власти группы предыдущей»¹³⁷.

Показательный образчик такого мышления «на высшем уровне» привел в своем дневнике Никола Крстич. Весной 1889 г. первый регент Йован Ристич (и он же – лидер либералов) жаловался ему: «Я страшно мучаюсь со своими партийцами. Они упрекают меня в том, что я не пригласил их составить правительство (и это при подавляющем-то большинстве радикалов в скупшине. – *А.Ш.*), но они не берут во внимание ситуацию в стране, в то время, как я должен о ней думать»¹³⁸. Достойные слова, однако человек, их произнесший, три года спустя сам нарушил конституцию, отправив в отставку кабинет Николы Пашича и заменив его своими «партийцами», устроившими тот самый «террор меньшинства», о котором уже говорилось. Что ж, заключал Н. Крстич, «у нас понятия о конституции еще не сформированы; законы не исполняются так, как они прописаны, а потому у нас и возможно то, чего в других странах произойти просто не может...»¹³⁹. Следствием этого было крайне низкое «качество» чиновничества^{140*}, а зачастую и министров.

* По данному поводу Никола Крстич с горечью писал: «Удивительно, насколько же дерзки наши люди! Никто нимало не стесняется принять какую-угодно должность; ему и в голову не приходит, что он не обладает ни знаниями, ни способностями, необходимыми для ее исполнения. Причина этому явлению лежит в том, что и ранее все места занимали люди, абсолютно к тому не готовые. Но каждый рассуждал: „Если кто-то может, то почему бы и я не смог?“ (*Крстич Н.* Дневник. Явни живот. Књ. IV / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007. С. 105 (запись от 27 февраля 1890 г.))... И даже если вдруг люди «способные», то все равно при данной системе всегда что-нибудь не в порядке. В эпоху Первого «радикального царства», министр внутренних дел Коста Таушанович жаловался на заседании парламентской фракции «на новых полицейских чиновников за то, что они не хотят работать, хотя вроде бы люди способные и радикалы». И продолжал: «Мы должны лечить всех чиновников не от неспособности, но от лени». Затем он снова жаловался, теперь «на чиновничью неспособность и бездеятельность». На что получил логичный вопрос Ранко Тайсича – «Если министр жалуется на леность чиновников, то скольких из них он за нее наказал?» Ответ: «Министр признает, что не наказывал чиновников; ему препятствовали окружные начальники, приводившие доводы, что, в случае принятия этих мер, будет еще хуже» (Архив Српске Академије наука и уметности. Бр. 9991/1 (Записник седнице Радикалног клуба у Скупштини бр. XII од 30. октобра 1889.)).

Панта Сречкович – крупный деятель Либеральной партии – в письме Н.Г. Гартвигу прямо указывал, что чиновники набирались почти что «с улицы»* (были бы *свои*): «На упреки новому министру внутренних дел г-ну Рибарцу, зачем он увольняет подобных чиновников, он отвечал: “Я никого не гоню, а только каждого возвращаю к его ремеслу. Кто был мясником, пускай снова им будет. Кто был сапожником, пускай снова тем же занимается”»¹⁴¹. Конечно, Стоян Рибарац – член либерального кабинета в 1892–1893 гг. – пышет здесь злобой на предшественников-радикалов, отчего его слова и столь «метафоричны», но базовый принцип кадровой политики всех сербских партий при формировании правительств передан в них предельно точно. Главное – не степень профессиональной готовности и наличие опыта, главное – чтобы «свой»... Все в русле той же, хорошо нам знакомой, традиции «личной (или местечковой) лояльности».

Из нее же – и различие в восприятии *права и справедливости*, присущее сербам, которые, «часто считают несправедным даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»¹⁴². Формальная процедура в их разумении убивала человечность. Впрочем, этот подход характерен для традиционного сознания вообще. В частности, В.А. Гиляровский с точностью формулы вывел его в своих русских типах: «Жалости подобно! Оно хоть и по закону, да не по совести!»¹⁴³. Схожий пример противопоставления русским человеком закона и морали нашел отражение в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина: на вопрос Екатерины II о мотивах ее прибытия в Петербург, Маша Миронова отвечает – «Я приехала просить милости, а не правосудия»¹⁴⁴.

Такое же восприятие закона было и в Сербии. Обращаясь весной 1875 г. к Милану Обреновичу, священник Никола Крупежевич писал: «Народ видит, что многочисленные параграфы и формальности уже задушили справедливость, а без нее невозможны существование и прогресс общества. “На справед-

* «С улицы» – совсем не метафора автора. Тот же Н. Крстич описал, как именно «с улицы», по его выражению, набирались не только чиновники, но даже министры (см.: *Крстич Н. Дневник. Жавни живот*. Књ. III. / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007. С. 299 (запись от 22 февраля 1887 г.)).

ливости держится мир”, – считает народ. Мы и хотим, чтобы наши суды были реформированы в духе общинного самоуправления, дабы народ мог легче, дешевле и без адвокатов добиться правды»¹⁴⁵.

Но это с одной стороны. С другой, в самом таком подходе сквозило отрицание права, как такового. Король Александр в разговоре со своим учителем-французом дал ему «справедливый» совет (а тот желал вести себя в Сербии в духе местных обычаев и традиций): «Если Вы хотите уважать здешние привычки и обычаи, то в первую очередь надобно нарушать закон!»¹⁴⁶. В легенду вошла реплика либерального министра Якова Туцаковича в скупшине в ответ на хвалу оппозицией Англии, английских законов и В. Гладстона: «Какие вы сами англичане, такой я вам и Гладстон, и такие же должны быть у нас законы»¹⁴⁷. А П.А. Кулаковский писал о напредняхках – «Правительство нарушает законы явно и смело, употребляет незаконные средства, лишь бы достигнуть цели»¹⁴⁸. И радикалы были совсем не безгрешны. В 1907 г. Стоян Протич открыто возгласил в скупшине: «Правительство не только может, но иногда просто обязано поступать мимо закона...»¹⁴⁹.

Как видим, правовое сознание, лежащее в основе европейской политической культуры, в Сербии еще не сложилось: ни у крестьянской массы (что естественно в традиционном обществе*), ни у элиты (также весьма подверженной стереотипам традиционного мышления, хотя и «очень самодовольной

* Отсутствие правовой культуры – явление типическое для *всякого* традиционного общества. И в России существеннейшей чертой крестьянского менталитета было «превознесение обычая над законом»: «В народной традиции сквозь века прошло пренебрежение к закону...» (Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. Т. V. (XIX век). М., 1996. С. 73–74). В народном представлении закон «был явлением, подобным грозной природной стихии, он также непонятен и в то же время постоянно угрожает какими-то бедствиями. И при всем этом закон есть то, чем вполне овладело начальство, что оно поставило себе на службу и использует для притеснения бедного крестьянина. Именно поэтому русское народное правосознание связывало с законом не правопорядок и правосудие, а, скорее злоупотребление властью и неправый суд. И соответственно не уважало закон» (Тамсинов В.А. Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. М., 2000. С. 153–154).

перед своим народом», какой она «считает неразвитым и необразованным»¹⁵⁰), ни у суверена (о чем будет сказано ниже), хотя в стране уже функционировало *номинально* европейское политическое пространство: с партиями, конституцией, парламентом. Что и говорить, если даже Народная скупщина – этот «фактор законодательной власти совсем не стесняется противопоставить праву, т. е. решениям суда, физическую силу»¹⁵¹.

Никола Крстич «синтезировал» в дневнике современный ему уровень правового сознания сербов, увязав его с понятием свободы, которой те всегда страшно гордились. Итак: «Где законы так сильно искажаются и не уважаются, там нет и смысла заводить новые институты, ибо они также не будут уважаться. Самая главная наша потребность – это добиться того, чтобы и правительство, и граждане уважали законы; и чтобы оные исполнялись так, как прописаны, – без искажения их значения. Но много еще времени пройдет, пока у нас станут понимать, что первейшее условие обеспечения свободы есть самое строгое исполнение законов. Где законы не пользуются уважением, там свобода не имеет никаких гарантий»¹⁵².

Поэтому-то конфликты, столь частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках строгих юридических процедур, но в лобовых столкновениях; отчего и были столь «популярны» политические убийства – вспомним гибель Еврема Марковича, Илки Маркович, Елены Кничанин, Милана Новаковича, Драгутина Димитриевича-Аписа. Судьба последнего особо «показательна»: переступив через присягу и зверски уничтожив в мае 1903 г. монаршую чету Обреновичей, он сам затем пал от рук несправедливой власти. Что ж, «посеявши ветер...»! Мало того, печальная традиция политических убийств в Сербии со временем не угасла и дожила до наших дней – спустя сто лет после убийства короля Александра и королевы Драги, в марте 2003 г. был застрелен сербский премьер Зоран Джинджич.

Таким образом, *насилие* в различных его проявлениях (причем и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития независимой Сербии, что остро ощутил, пребывая в Белграде, тот же П.А. Кулаковский, точно предсказав, помнится, «революцию и кровь» – Тимокское восстание

1883 г. С этим нашим заключением органично (и практически дословно) перекликается вывод сербского исследователя Владимира Йовановича: «Насилие в различных формах являлось особенностью сербской политической культуры на протяжении всего XIX века»¹⁵³. А в монографии Латинки Перович целый раздел так и назван: «Насилие как константа»¹⁵⁴. И в новейшей книге Новака Йовановича подчеркивается: «Сербия XIX века являлось обществом, которое всегда начинало с начала. *Единственной традицией в нем была традиция силы* (выделено нами. – А.Ш.)»¹⁵⁵.

• • •

И еще одно соображение о насилии в сербском обществе, на сей раз о той его разновидности, что наглядно проявилась на страницах газет. В связи с ними (а, точнее – с их количеством), академик Милорад Экмечич не без гордости отмечал: «Накануне Мировой войны сербский народ имел весьма развитую периодическую печать», и это, по его мнению, являлось еще одним подтверждением успешного строительства в Сербии «современного государства»¹⁵⁶. И впрямь, по словам Л.Д. Троцкого, «война (Первая балканская. – А.Ш.) застала в Белграде четырнадцать ежедневных газет – это на город с населением немногим более 80 тысяч душ» И еще: «Благодаря развитой политической жизни, пресса играет здесь огромную роль»¹⁵⁷. Казалось бы, какой плюрализм и расцвет демократии, обеспечиваемые «пестротой» печатных СМИ! Но, увы, так только казалось.

Приглядевшись как следует, Лев Давидович дал хлесткую характеристику их природы: «С 1903 г. здесь политическим полем почти полностью владеет Радикальная партия». Однако она «не имеет в своих руках прессы». Поэтому «с 1903 г. в сербской политике все резче вырабатывается противоречие между официально-радикальным курсом и прессой». Далее – «Прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах... Создался слой городской полуинтеллигенции, которая мало чему училась, не имеет за собой идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что бу-

дущее Сербии принадлежит ей*. Эти деклассированные элементы, стоящие на границе люмпенства и, во всяком случае, проникнутые духовным люмпенством насквозь, безраздельно владеют сербской прессой», чья «оппозиционность – есть лишь другая сторона ее жадного цинизма». И, наконец: «Бездарная, малограмотная, низменная сербская пресса вносит гниение в идейную жизнь страны и является самым зловредным фактором сербской общественности»¹⁵⁸.

Показательно, но и сербский монарх высказал о данном предмете весьма схожую мысль. 5 апреля 1905 г. российский посланник в Белграде К.А. Губастов сообщал в МИД об аудиенции у короля Петра: «Его Величество откровенно заметил, что ему пришлось во многом разочароваться относительно сербских деятелей. Судя их издали, он не думал, что они были так деморализованы, поверхностны и легкомысленны. Причины этого он видит отчасти в самом характере сербов, но, главным

* Эти рассуждения Л.Д. Троцкого о сербской «полуинтеллигенции» полностью легитимны, что лишь подчеркивает глубину его проникновения в сербские реалии, наглядно опровергая мнение Д.А. Волкогонова о крайней «поверхностности» его корреспонденций с Балкан (см.: *Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет.* Т. I. М., 1992. С. 102–106). Классик сербской историографии Слободан Йованович называл данный людской тип «полуинтеллектуалами», которые «хотя и завершили школу, не обрели никакого культурного образования и морального воспитания». По причине врожденной неспособности или недостатков школьной системы, полуинтеллектуал «не получил никакого импульса для духовного саморазвития. Он не понимает значения духовных ценностей, уважая лишь то, что способствует успеху в жизни, а сам успех воспринимает исключительно меркантильно – в смысле сугубо материальном... Диплом об образовании, как пропуск в круг интеллигенции, дал ему преувеличенно высокое мнение о самом себе. В общественном соревновании такой „примитивец“ с дипломом бьется без всяких правил, с полным уверением, что тем самым он обеспечивает свое право. Соперников он убирает с пути немилосердно: так, словно те – не люди, а обычные физические препятствия». Его «политическая амбиция, – на самом деле, совсем не политическая. Она состоит только в том, чтобы, войдя в политику, обогатиться и покомандовать с высоких постов. Он совсем не представляет, что могут быть какие-то иные, высшие и общие цели...» (*Йовановић С. Један прилог за проучавање српског националног карактера // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XII. Из историје и књижевности. II. Београд, 1991. С. 571–572*).

образом, в печати, коя имеет на общество и на народ развращающее влияние. “У нас нет, – сказал с горечью король, – ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изошряются лишь в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами”»¹⁵⁹.

Крайне точное суждение: острое внутреннее противостояние (эта «константа» сербской политики) традиционно выплескивалось на страницы печати, причем в самой жесткой форме. Это, впрочем, уже давно никого не удивляло. Так, в 1881 г., в момент образования политических партий, прибывшему из Вены в Белград для редактирования партийного органа напредняков («прогрессистов») Тодору Стефановичу-Вилловскому Пера Тодорович посоветовал «писать не “в перчатках”, но так, как публика в Сербии привыкла»¹⁶⁰. А год спустя, в ответ на вопрос П.А. Кулаковского о том, что пишут сербские писатели, король Милан Обренович ответил: «Сербские писатели пишут по газетам ругательного свойства статьи»¹⁶¹. В последнем русский профессор и сам сумел убедиться совсем скоро. «Следует заметить, – сообщал он Н.А. Попову, – что общий вывод из всей сербской журналистики теперь тот, что здесь нет теперь ни авторитета, ни почтения к лицу какому бы то ни было, нет никакой идеи, никакого морального правила, какое бы руководило жизнью общества. Грустная картина разрушения!»¹⁶²

Не изменилась такая практика и далее. В феврале 1892 г. газета «Отпор» («Сопротивление») назвала Николу Пашича (в это время уже премьера!) «лжецом, клеветником и изменником родины», закончив столь привычным для сербской политической практики призывом: «На виселицу Пашича!»¹⁶³. А накануне выборов 1905 г. Коста Кумануди писал Милану Ракичу как орган независимых радикалов «Одъек» («Эхо») и старорадикальная «Самоуправа»*, «с кровавой пеной у рта бросают друг другу одни и те же оскорбления и самые жуткие обвинения, из коих наиболее мягкое – “предательство” и “служба интересам Австрии”»¹⁶⁴. Схожих примеров можно привести множество.

Жесткость характеристик (особенно, что важно, в «национальном» контексте) можно понять – многовековое проти-

* В 1901 г. из Радикальной партии вышла группа «младорадикалов», образовавших Независимую радикальную партию. Ее членов именовали «самостальцами» (т. е. «независимцами»). Сторонников же Николы Пашича традиционно называли «старорадикалами».

востояние с Османской империей привело к формированию у сербов *конфронтационного* сознания, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса всесербского «освобождения и объединения» (что оставалось для большинства «сербиянской» элиты задачей первейшей; в том числе после появления в 1878 г. на границе Княжества Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и водворившегося в Боснии и Герцеговине), оно органично экстраполировалось и на отношение к Другому внутри страны. Соответственно, *мир* для ее граждан (не важно – внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона: свои – чужие, друзья – враги. Оттого в «диалоге» политических сил столь часто и присутствуют упреки в «измене родине».

Это внешнее «воздействие» – подчеркнем сие особо! – есть второй важнейший фактор (наряду с «местечковой» лояльностью), объясняющий высокую степень политического антагонизма в Сербии.

Владан Джорджевич (сербский премьер в 1897–1900 гг.) заметил в мемуарах: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она-то и есть хранительница сербского патриотизма»¹⁶⁵. После Майского переворота 1903 г. число «хранителей» возросло – с претензией на патриотическую монополию выступили офицеры-заговорщики, основавшие в 1911 г. тайную организацию «Объединение или смерть» (другое ее название «Черная рука»), с собственным печатным органом – газетой «Пьемонт»¹⁶⁶. Да и радикалы, как мы видели, окончательно раскололись, поделив свой былой «монополизм» пополам. Все это привело к еще большему «накалу» в сербских СМИ.

Разочаровавшись в принципах «парламентского» государства, не дававших, как они полагали, возможности *скорого* решения сербского национального вопроса, и видя в них лишь источник перманентных межпартийных склок, лидеры «Черной руки» выступали с позиций централизма, милитаризма и национализма, становясь (чем дальше – тем больше) угрозой гражданскому правлению. «Пьемонт» в первом же по счету номере от 3 сентября 1911 г. «привычно» обвинил все партии

«в аморализме, бескультуре и непатриотизме». Единственным лекарством объявлялся «централизм», с опорой на армию¹⁶⁷. Особо жесткие филиппики доставались от газеты правящим старорадикалам и их лидеру Николе Пашичу. Что опять же понятно, – слишком уж по-разному (при *единстве* стратегического курса на освобождение и объединение сербов) смотрели военные и гражданские на тактические и функциональные задачи власти.

«Психологию» такого антагонизма описал видный сербский социо- и этнопсихолог Владимир Дворникович: «Борьба лишь обостряется, когда речь идет о разнице в понятиях близкого (родственного) порядка. Психология фанатичного борца требует определенную и эксклюзивную цель. Она должна быть предельно просто сформулирована, иметь характер догмы и не допускать никаких комплексов, никаких полутонов и переходных нюансов; никакой конкуренции родственных идей, которые, быть может, направлены к той же цели, но подразумевают иной темп, иные методы и иные формулы. Именно в отношении самых близких нюансов, границы и противоположности намеренно углубляются... Гражданские войны между партиями, принадлежащими к одной нации и государству, – более страшны, чем войны между разными государствами и народами»¹⁶⁸. Боян Йованович назвал данное явление «нарциссизмом малых различий»¹⁶⁹: «Нарциссоидное настояние на различиях есть показатель недовольства „качеством“ совместной идентичности в той же мере, насколько она не достигнута и *на более низком уровне общности* (выделено нами. – А.Ш.)»¹⁷⁰. Круг замкнулся!..

Итак, сербская пресса на протяжении всей эпохи независимости, по образному выражению Сюзанны Раич, оставалась настоящим «полем боя» разных политических сил¹⁷¹, причем непосвященному читателю могло бы даже показаться, что на нем «ведется война против иностранных завоевателей»¹⁷². Сопровождая и ретранслируя партийную борьбу, которая, по выражению поверенного в делах России в Белграде Б.Н. Евреинова, становилась «все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия»¹⁷³, пресса следовала в том же традиционном русле, переводя *государственное* и *общее* на уровень *личного*, – именно это зафиксировал Л.Д. Троцкий.

«Когда вы читаете передовицы газет, и особенно партийных, – заключает Д. Стоянович, – то складывается впечатление, что их главная цель – оскорбить противника, высмеять его и подвергнуть поруганию. Так, словно нет никаких ограничений того, что можно говорить»*. И далее: «Возникает вопрос, был ли данный тип прессы индикатором демократизации общества, или же таким способом создавалась анархоидное политическое пространство, в котором возможно все, и где не действуют никакие правила и принципы? При такой трактовке свободы печати создается стиль, когда личные оскорбления напрочь вытесняют дискуссии о политических вопросах, а политика сводится к сшибкам главных участников». И соответственно, «общий и государственный интерес заменяется выяснением личных отношений». И в результате, «все важное отходит в сторону, а общество лишается возможности четко артикулировать перспективы своего развития»¹⁷⁴.

Перед нами – еще один «зазор» между духом и буквой Европы, т.е. ее идей, практик и институтов в сербском традиционном «преломлении»**.

* Милош Кович также констатирует, что в эпоху Петра Карагеоргиевича «свобода печати зашкаливала до крайности» (*Ковић М. Јован Скерлић // Срби 1903–1914. Историја идеја. С. 536*). Вот только не ясно – одобряет автор эту столь *внутренне* бесконтрольную «свободу», или сожалеет о ее «крайностях»?

** Такой зазор имел *системный* (т.е. отнюдь не только в политике) характер, распространяясь на *все* «новые» (современные) надстроечные элементы и порождаясь «старым» (традиционным) типом базиса. Покажем это на примере сербского здравоохранения. В 1876 г. русский врач-доброволец писал: «В каждом из 17-ти округов Княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что те больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением» (*Коломнин С.П. Общий медицинский очерк Сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 251*). Прошло два десятилетия, но они мало что изменили: «Бывали случаи, что во время эпидемий правительство посылало врачей в селения, но к ним никто не обращался...» (*Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб, 1898. С. 162*). Или же особо наглядно: «Ориент начинается к югу от Будапешта. Здесь в первый раз, если следовать от Гамбурга, хозяева поколотили тех, кого власть послала дезинфицировать их жилье после смерти холерного больного» (*Димитријевић Л. Како живи наш народ. Београд, 2010. С. 62*). А боль-

3. «Все могут короли...»

Констатируя низкий уровень политической культуры в обществе, отметим, что и последние Обреновичи не ушли от него слишком далеко. Слободан Йованович с полным правом заметил: «С точки зрения политических нравов, монархии из дома Обреновичей были не лучше своего народа»¹⁷⁵, что, понятно, не могло не повлиять на развитие политического процесса и специфику межпартийной борьбы в стране.

ницы-то были, но «сделала ли хоть что-нибудь для народа государственная медицинская служба, кроме содержания окружающих больниц, ставших в провинции настоящей божьей благодатью для бездомных (а не реально больных. – А.Ш.)?» (Там же. С. 47). Негативный ответ очевиден. И так, даже на рубеже веков крестьяне больниц не посещали, ибо, по словам русского очевидца (1897 г.) «они в болезнях и не лечатся», считая, что «их посылают какие-то неведомые враждебные силы», – поэтому «селяк и прибегает к ворожеям и знахаркам, полагая, что они в состоянии тем же самым способом, каким напущены на него болезни, и прогнать их – при помощи волшебства, колдовства, чар и т.д.» (Александров А.И. Материалы по истории Сербии и сербской литературы // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 310)... Что же касается сферы народного образования, то мы (как и другие авторы до и после нас – сербы и иностранцы) давно констатировали несоответствие между самим фактом наличия школ и результатами обучения в них. Огромное число крестьянских детей, возвратившись после школы к привычной трудовой практике, в несколько лет забывали практически все, ибо обретенное ими знание (умение читать, писать и т.д.) в патриархальном сельском локусе оказывалось абстрактным, не будучи востребованным, что, впрочем, есть давно известный и опять-таки *универсальный* – т.е. характерный для всякого традиционного общества, феномен «вторичной (или функциональной) неграмотности» (см.: *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 46; Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 330–331; *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 78; *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб, 2007. С. 90–102; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация *vs* война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 130–137; *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19 до 21 в. Београд, 2009. С. 190; *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 371).

Начнем с того, что отношение обоих королей к партиям было очень негативным – они воспринимали их не как явление (пусть нежелательное, но необходимое), а как потенциальную опасность для монархии, от которой нужно избавляться¹⁷⁶. Потому-то и были у них всегда в фаворе внепартийные (или нейтральные) кабинеты, возглавляемые *лично* преданными премьерами¹⁷⁷, – Николой Христичем, Владаном Джорджевичем, Алексой Йовановичем, Димитрие Цинцар-Марковичем и т.д. Подход венценосцев к партиям наглядно иллюстрирует реплика Александра Обреновича при посещении им в 1896 г. Космая. «К какой породе скота принадлежит начальник Космайского округа», – спросил он Йована Жуйовича. «К напреднякам», – последовал ответ¹⁷⁸. А тремя годами ранее в беседе с ним же суверен так «приложил» Й. Ристича: «Презираю его и всю его банду!»¹⁷⁹.

Вместе с тем, когда политика той или иной партии отвечала личным интересам монарха – как это было, например, с напредняками в 1880–1887 гг., Милан Обренович столь бурно их поддерживал, будто являлся, как с горечью заметил Пера Тодорович, не королем Сербии, а «членом какого-то парткома»¹⁸⁰. Причем его опять же интересовали не партия или идеология, но лишь конкретные люди и степень их преданности. «Какие напредняки, – говорил он о втором напредняцком кабинете, – в правительстве нет ни одного напредняка; есть я, кто приказывает, и есть Гарашанин, который слушается»¹⁸¹. Приведем другой пример монаршего цинизма, в котором, как в капле воды, отразились как уровень личной политической культуры короля, так и деформированность сербской модернизации вообще. В 1886 г., после поражения в Сербско-болгарской войне, Милан Обренович вел переговоры с Й. Ристичем – он был готов дать власть любой партии, которая согласилась бы провести в скупщине новый военный бюджет в 14 миллионов динаров. Либералы отвечали, что вряд ли смогут исполнить бюджет, если дадут армии 14 миллионов. «Когда же они сообщили, что средства нужны еще для школ и судов, король заявил: “Тогда закройте школы и суды. Мне на них наплевать, но для армии деньги должны быть”»¹⁸². К слову сказать, данный принцип и был положен в основу военной реформы 1897–1900 гг., которую многие сербские историки считают «весьма успешной» с профессио-

нальной точки зрения¹⁸³. Однако тот факт, что вылупившиеся из яиц той реформы птенцы «заклевали» до смерти Александра Обреновича, ими, как правило, не учитывается. А надо бы¹⁸⁴...

• • •

В чем же причины столь выраженного примитивизма в политической культуре последних Обреновичей? В том, что они «были не лучше своего народа»? Да, и это первое. П. Тодорович (в юности самый вдохновенный радикальный «апостол», а затем апологет монархов) даже оправдывал все их грехи именно этим тезисом – посмотрите, мол, из какой среды они вышли, в каких условиях воспитывались и правили¹⁸⁵... Далее, в личных склонностях. По наблюдению бывшего премьера Любомира Кальевича, «его природному дару мешало отсутствие душевного равновесия и неутолимая склонность к самоволию». А потому «король Милан никогда и не смог бы стать конституционным монархом. Он сам это чувствовал, а в моменты искренности и признавал»¹⁸⁶. И, правда, признавал. «Конституционный монарх на Востоке – это бессмыслица»¹⁸⁷, – говорил он, не раз повторяя, что «правит не по воле народа, но *по праву своей династии* (выделено нами. – А.Ш.)»¹⁸⁸. Именно данная философия правления есть третья и наиважнейшая.

Как монарх понимал это самое «право своей династии», мы покажем чуть ниже; к народу же он относился, по свидетельс-

* В сербской историографии объяснения этому феномену даются исключительно метафизические. Милич Миличевич – автор монографии о военной реформе короля Милана – так завершает свою работу: «То, что его творение (армия. – А.Ш.) и окончило существование династии, к какой он принадлежал, означало лишь одно – он смог сотворить такое, что было грандиознее и его самого. Впрочем, сделать то, что больше тебя – свойство только великих монархов» (*Миличевич М. Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд. 2002. С. 166*).

** П.А. Ровинский еще в конце 1860-х гг. обратил внимание на сей факт, носивший, как он показал, типический характер – «В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив – интеллигенция в сущности слишком мало отделяется от массы» (*Ровинский П.А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 70*). Как видим, прошло два-три десятилетия, но в соотношении *элита – масса* по большому счету ничего не изменилось.

тву другого экс-премьера, Милана Пирочанца, с презрением, «ненавидя его до глубины души»¹⁸⁹. Причем не скрывая этого. По словам П.А. Кулаковского, король «часто собирает у себя дипломатов, с которыми играет в карты, а своих сербов называет пред дипломатами “*ces cochons*”»¹⁹⁰. И без дипломатов, в минуту гнева, он нередко бросал при всех, имея в виду соотечественников: «Уличный сброд!» («Сокачки олош»!).

И если старый Милош Обренович – неграмотный и деспотичный правитель, но, все-таки, *свой*, – умевший с народом обходиться, ладить и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии («обращение его с ним было патриархальное, доступное»¹⁹¹, – как отмечали русские), имел право патетически воскликнуть: «О, народ, ты моя сила!», то его наследники, принадлежавшие к категории «просвещенных» монархов, на него уже не походили: в своей политике они мало прислушивались к бьющемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь всего лишь на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. И когда король Милан выражал недовольство своим «безумным народом»¹⁹² за непонимание и саботаж его «государственной идеи», последний через своих посланников в скупщине отвечал ему тем же, кляня за то, что он «вел страну путем чуждым и глубоко противным сербским традициям»¹⁹³. Очевидно, что при столь взаимоисключающих посылах надеяться на компромисс не приходилось.

Это особо наглядно проявилось во время одного из августейших «хождений в народ» – весной 1882 г., в преддверии перевыборов скупщины, монарх отправился в агитационную поездку по стране. По тому поводу Кулаковский писал Аксакову, что «выборы окончились избранием почти всех радикалов прежних. Не помогла и поездка короля и его безумные речи народу. Я знаю наверное, что он ругался просто “по-матерному”, когда ездил по Сербии, принимая депутации, где были члены оппозиции. Селякам он прямо называл имена лиц, которые должны быть избраны. Так, он говорил: не смейте выбирать моего врага Ранку Тайсича (крестьянина-радикала!), Рашу Милошевича, попа Новака (Милошевича. – А.Ш.), но эти же селяки-избиратели громадным большинством выбрали этих же

Рашу, Ранку, Новака и т.д.»¹⁹⁴. Как видим, Милан действительно «с руками и ногами попал в грязь партийной борьбы»¹⁹⁵.

Такое (с тенденцией к обострению) противостояние не могло длиться вечно. В конечном итоге, оно вылилось в Тимокское восстание осени 1883 г. и последовавшие за тем события, которые прозвучали для Обреновичей похоронным звоном.

И последний из них – молодой и амбициозный король Александр – не скрывал своего отношения к подданным. «Я огорчен и разочарован, – говорил он, – с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать»¹⁹⁶. Видимо, поэтому он и предполагал в качестве опоры трона создать некое подобие сербского дворянства¹⁹⁷. И это в среде, где, по высказыванию посланника в Париже Миленко Веснича, «всякий серб считает себя господином, а это значит, что никого, ни в социальном, ни в юридическом плане, он не признает выше себя»¹⁹⁸. В конце концов неудивительно, что народ возненавидел сына столь же единодушно, как и родителя. По свидетельству англичанки Мэри Дэрэм, побывавшей на Балканах в 1902 г., «во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, нежели порочен – это лучшее, что о нем говорится. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения...»¹⁹⁹. Его конец был по-балкански жесток.

Права королева Наталья (жена Милана и мать Александра; кстати, – россиянка по рождению) проницательно заметив: «Вместо того, чтобы понять, что Обреновичи стали тем, кем стали, только благодаря Сербии, они уверены, что именно они эту Сербию и создали»²⁰⁰. Воистину роковое заблуждение! Из него-то и проистекало пресловутое «право своей династии»*, по которому, помнится, правил король-отец.

Понятно, что оно в принципе не допускало никаких ущемлений верховной власти – в 1886 г. Милан Обренович говорил,

* Сюзанна Раич почти буквально перефразирует эту логическую конструкцию: «Приняв королевский титул от народа, он (Милан Обренович. – А.Ш.) отрицал, что тот же народ наделил его властью». И далее: «Девиз королевского дома *«Tempus et meum jus»* означал власть на основании исторического права, вытекающего из международно признанного статуса его династии» (*Ражућ С.* Милан Обреновић // Српски биографски речник. Т. 6. Нови Сад, 2014. С. 442).

что «не может позволить, чтобы ему навязывался конституционный вопрос», и что, «когда политики (напредняки. – *А.И.*) хотели сделать это, причем с ограничением его прав, он буквально уперся и действовал против них»²⁰¹. А год спустя в разговоре с британским посланником монарх прямо заявил: «Я не желаю быть конституционным правителем!..»²⁰² Как же иначе, если «конституционализм», по его разумению, – это режим, который «вреден для престола и порядка в стране»²⁰³, и, следовательно, право династии на власть в Королевстве – почти то же самое, что и право господина на владение и распоряжение имением, находящемся в частной собственности*. Какие уж тут ограничения! Именно так, позволим себе предположить, смотрел на Сербию король, при том «хвастаясь, что, кроме него, никто не умеет вести в ней политику»²⁰⁴ – еще один образчик рокового для страны политического «мессианства»... По справедливой оценке современного автора, «он не хотел или же не мог придерживаться норм поведения, каковые были характерны для европейских монархий и предполагали, что венценосец несет ответственность как за государственные, так и за личные поступки»²⁰⁵.

Отметим это крайне рациональное упоминание о «европейских монархиях» и ответственности «венценосца»: в отличие от своих балканских современников – румынского Гогенцоллерна и греческого Глюксбурга, Милан Обренович вряд ли мог быть причислен к «семье» *европейских* государей (с их укорененностью в историю, веками складывавшимися этосом и манерой правления), на что сербские коллеги совсем не обращают внимания. Мало того, кое-кто из них даже гордится тем, что он был столь «специфичной и непохожей на современных европейских монархов особой», считая его «значительной и крайне занимательной личностью, которая наложила свой отпечаток на историю Княжества а затем и Королевства Сербии»²⁰⁶. Вопрос: какой?

Русский мемуарист, описывая одного русского императора, заметил: «Власть он воспринимал не как священную обязанность с вытекающей из нее ответственностью, а как данную ему лично привилегию, которая позволяла, не размышляя,

* Совсем в духе родоначальника династии Милоша Обреновича, распоряжавшегося страной «как феодал своим поместьем» (*Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 243).

следовать своим капризам»²⁰⁷. Под эту формулу отлично подпадает Милан Обренович, слишком сильно (в духе «короля-Солнца») отождествлявший Сербию с самим собой и своими личными интересами. Что ж, «как рожденный деспот, он был неспособен замыслить государство, отделенное от него»²⁰⁸. Причем такое отношение к власти в конечном итоге окажется действительно роковым: не только для него, но и для династии вообще – его наследник Александр ушел, увы, недалеко от родителя. Из этого единого корня и произрастала их «семейная» политическая культура. Ее *motto* наглядно выразил Обренович IV: «Пусть меня осудит история, мне это все равно; лишь бы я сам себя не осуждал, своего-то суда я и боюсь больше всего»²⁰⁹. В ответ на что его подданные справедливо констатировали: «Нет у него чувства ответственности; он не знает, что такое долг»²¹⁰, ибо «не оказался на высоте положения, какая требуется от конституционного правителя»²¹¹. Да и вообще – «Мы в Сербии живем как на вулкане. Не было б никого счастливее и спокойнее нас, если бы, по какому-то волшебству, мы не имели такого грубого и взбалмошного короля Милана. И когда он правил, страну постоянно трясло, и после отречения он не перестал ее будоражить»²¹². И даже бывшие преданные сторонники (Милутин Гарашанин и Стоян Новакович) «переменились» в отношении к нему: «В нем нет патриотизма, он не любит свою страну»²¹³. Действительно, перефразируя Станиславского, он куда больше любил *себя* в «своей стране»²¹⁴.

С. Йованович почти дословно поддержал вердикт современников: «Он слишком много думал о собственной личности, как и о том, какое впечатление она произведет. У него не было ни моральной дисциплины, ни чувства долга...»²¹⁵.

• • •

Столь откровенно заявленное стремление Милана и Александра Обреновичей к *личной* власти («При моем темпераменте я не могу согласиться с положением, которое занимают монархи Румынии и Греции» – повторял король-отец²¹⁶) имело последствием то, что Корона постоянно сраивала политических оппонентов и разжигала тлеющие антагонизмы между партиями – для усиления своих позиций. С этой целью отменялись конституции; чередовались, как перчат-

ки, кабинеты (за пятнадцать лет, в 1888–1903 гг., их на политической арене промелькнуло двадцать два^{217*}); совершались

* Подобная правительственная чехарда также никак не способствовала «качественному» решению государственных дел. Пера Тодорович изобразил примерную «модель» деятельности министров в таких условиях: «Господин министр пришел к власти, ... и, как человек сознательный, он хочет глубже войти в курс дела. Наряду с другими обязанностями, для этого ему необходим минимум месяц. Но, как только он вошел в курс дела, его давит необходимость чистки чиновников в своем министерстве, для чего опять же нужен месяц. На протяжении третьего месяца он должен готовиться к скупщинским выборам, четвертого – готовить проекты законов с „изменениями и дополнениями“; пятый месяц он работает со скупщиной, шестой проводит в отпуске после столь тяжелой работы. А в седьмом месяце он возвращается на службу, и его отправляют в отставку! И еще, дай Бог, чтобы у всех сербских министров их мандат длился по семь месяцев...» (*Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији // *Он же.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 73.). Как видим, никакой преемственности и постоянства в деятельности сербских правительств во время последних Обреновичей не было. Не было и стратегии – ими решались частные задачи, связанные в основном с сиюминутными пожеланиями монархов... О правительственных назначениях Никола Крстич записал: «Не привела его (министра. – *А.Ш.*) на это место государственная надобность, но воля короля», которая «всегда показывает себя как единственный важный политический фактор», ибо «король желает быть министром над министрами. Он во все вмешивается и всеми делами хочет руководить». И далее: «Королю надоела борьба со всеми партиями. Но именно он, во многом, эту борьбу и вызвал и так обострил, меняя министров без видимых причин. Вряд ли был хоть один кабинет, который ушел бы в отставку не по несогласию с королевскими желаниями – даже в малых деталях. Едва ли найдется хоть один министр, который так или эдак не был унижен. Многие правительства менялись в течение ночи, и многие министры уходили от короля министрами, а придя домой, читали в газетах новый указ, которым принимается их отставка, в которую они и не подавали». И наконец, как вывод – «Король Милан (как и сын его Александр. – *А.Ш.*) поддерживал только те кабинеты, которые были послушны его воле и соглашались на все, чего он желал. В этом и надобно искать причину настолько частых и, порой, необъяснимых перемен министров и правительств» (*Крстич Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 22–23, 40, 61, 116 (записи от 18 апреля, 27 сентября 1888 г.; 26 февраля 1889 г.; 28 апреля 1890 г.)... Та же ситуация была и в провинции, о чем свидетельствует окружной доктор: «В Австрии, насколько я знаю, уездные начальники пребывают на своих должностях по 5-6 лет. А у нас – тот, кто продержится год, может считать, что ему повезло» (*Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 119).

госперевороты (за десять лет правления Александра – четырежды). А что в итоге? Какая национальная сверхзадача была реализована сербскими монархами, полагавшими, что укрепление их абсолютного господства и есть гарантия прогресса Сербии и ее «пути в Европу»?

Этим важнейшим вопросом задавались и некоторые современники, в частности, первый напредняцкий премьер Милан Пирочанац. В своем дневнике он так размышлял о сложившейся в стране ситуации: «Грамотно руководить и ввести в стране полезные институты, уравновесить бюджет и изменить основу налоговой системы – всего этого вряд ли возможно добиться, проводя политику, целью которой является перманентный конфликт всех партий». И еще вопрос: «Король делает то, что делают и другие монархи – сохраняет статус-кво, в границах которого он является самой сильной фигурой, но спрашивается – для чего же он нужен, этот статус-кво», когда «династия Обреновичей правит страной почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, *каковые должны были быть решены еще прошлыми поколениями?* (выделено нами. – А.Ш.)» И, как печальное резюме, – «Все у нас повторяется, причем одним и тем же образом»²¹⁸.

И в этой связи весьма уместно суждение болгарского историка Наума Кайчева: «Несмотря на изначальный исторический гандикап, сербская государственная машина в начале 1880-х гг. была вынуждена решать ряд тех же задач, что стояли перед болгарским государством-младенцем, – т.е. создание регулярной армии, национального банка, современной судебной системы. Не на последнем месте в списке реформ стояли как введение всеобщего начального образования, так и организация целостной системы просвещения»²¹⁹. При этом (присовокупим для наглядности) процент грамотных после проведения школьной реформы, число учеников и объем госвложений в образование на душу населения, были в Болгарии значительно выше, чем в Сербии²²⁰.

Все точно. Вступив первой на Балканах на путь национального освобождения, Сербия забуксовала, теряя истори-

ческое время*. Внутренняя борьба (в том числе междинастическая), обескровливала страну, которую просто рвали на части – причем как приверженцы монархического абсолютизма, так и сторонники парламентаризма²²¹. Прав современный сербский историк Чедомир Антич – «В истории Сербии Нового времени сербские политические элиты часто испытывали потребность в абсолютной власти»²²². К чему и стремились в постоянной грызне между собой. Понимание того, что власть и политика могут иметь какой-то иной характер, у них, как мы говорили выше, еще не сложилось. Не та оказалась политическая культура!

Поэтому-то, каждый лагерь и верил только в свою правоту, отказывая в таковой оппоненту, превращавшемуся в смертельного врага, борьба с которым воспринималась как *миссия*, направленная на благо Сербии. «Высокая моральная безупречность тех или иных деятелей враждующих партий, – выводит типологически схожую ситуацию Ю.М. Лотман, – оказывалась совсем безупречной с точки зрения интересов целостной структуры. Целостная структура ориентирована на усредненность и выживание, а ее механизм – юстиция. Партийность направлена на истину (всегда – свою истину) любой ценой. Крайнее воплощение первой – компромисс, второй – война до победного конца и полное уничтожение противника»²²³.

В такие моменты возрастают роль и ответственность Короны, как единственной надпартийной силы, символа и гаранта этой «целостной структуры». Сыграл ли Милан Обренович такую роль? Нет, и даже не пытался, лишь подлив масла в огонь

* Снова предоставим слово Николе Крстичу: «После колоссального напряжения, освободившись, наконец, от пятивекового ига, сербы получили сначала полунезависимую, а затем и независимую державу, но каких только “чудес” в ней не случилось за относительно короткий период протяженностью в 87 лет. Первый вождь убил своего отца и родного брата, а потом покинул Сербию, второй вождь убил первого, и других воевод, дабы организовать государственную жизнь, сам затем превратившись в тирана. Почему его и изгнали, как изгнали и его сына. Изгнали и сына первого вождя, князя Александра. Князя Михаила, когда он вторично вступил на престол, убили... Король Милан в лучшие годы жизни покидает престол, измучен неудачами во внутренней политике и несчастным браком» (*Крстич Н.* Дневник. Явни живот. Књ. IV. С. 146 (запись от 8 мая 1891 г.)).

взаимного антагонизма*. Вместо того, чтобы стать инициатором «рационализации конфликта» и взять в свои руки процесс «гармонизации» опасно разошедшихся интересов, правитель Сербии, по справедливому замечанию академика С.Д. Сказкина, «шел напролом против своего народа»²²⁴. Что это? Преувеличение историка, порожденное антипатией к герою? Ничуть. «Он остался иностранцем в своей стране»**, – не без сожаления констатировал в середине 1880-х годов австро-венгерский кронпринц Рудольф Габсбург, размышляя о белградском приятеле. И далее, в сопоставлении продолжал: «Все свое будущее король связал с Австрией, но, по правде говоря, он еще более помог бы нам, если б понял, как важно иметь крепкие связи со страной и располагать любовью своего народа... В этом мне видится большая разница с Румынией. Король Карл (Гогенцоллерн!!! – А.Ш.) – и телом, и душой румын, а потому у него там более стабильная позиция***»²²⁵. Чedomиль Миятович в унисон

* «Оппозиция меня не запугает, – говорил король. – Она думает, что я упаду перед ней на колени. Только тогда, когда она сама встанет передо мной на колени, я смогу с ней разговаривать...» (*Пироћанац* М. Белешке / Приред. С. Рајић. Београд, 2004. С. 302 (запись от 24 июня 1886 г.)).

** П.А. Кулаковский занес в свой дневник слышанную от Йована Ристича характеристику Милана Обреновича: «Когда он приехал из Франции, он был настоящий француз; когда побывал в Ливадии, он вернулся настоящим русским; а теперь, побывав в Австрии, он вернулся австрийцем» (Дневник П.А. Кулаковского (запись от 12 октября 1880 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 80.).

*** Мы уже говорили об отношении Милана Обреновича к положению румынского и греческого монархов в их странах. Приведем еще один его выпад против короля Карла и уважения им конституции Румынии: «В подобном случае я не желал бы быть Карлом румынским. Я не позволю себе приказывать» (*Тодоровић* П. Краљ Милан и Радикална странка // *Он же*. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 189). В результате же, в отличие от Милана Обреновича, Карл румынский успешно проправил своей страной 48 лет (1866–1914) – прав оказался Рудольф Габсбург... По словам преданного друга Обреновича Ч. Миятовича, «король Карл, зная слабость Милана (жесткое неприятие ограничения королевской власти. – А.Ш.), много раз мне описывал мудрость и красоту конституционного правления. Добавляя, что он отнюдь не желает учить меня конституционной теории, но говорит лишь на основе собственного опыта. Заканчивая разговор, он всегда просил передать Милану совет – без страха перейти к подлинно конституционному правлению» (*Миятовић* Ч. Успомене балканског дипломате / Прев. и приред. С. Марковић. Београд, 2008. С. 67).

принцу вспоминал, как однажды «осмелился спросить Карла, в чем тайна его исключительного успеха, как короля? Ведь по национальности он – немец, а его народ, принадлежащий к латинской расе, – был весьма буен и привык менять своих правителей... “Ах! – ответил король. – Тайна моего успеха очень проста. Это терпение, упорный труд, вера в разум, патриотизм и будущее моего румынского народа”»²²⁶. Как следствие всего этого, побывав в 1896 г. Бухаресте, Александр Обренович несканзано поразился тому, «насколько Румыния в своем развитии опережает Сербию»²²⁷.

Заметим, что и самые дальновидные сербы, оценивая с высоты прошедших лет размах «межпартийной» борьбы в стране, весьма сожалели о столь явной политической ангажированности монарха. По их мнению, это было ошибкой, которая, как писал Пера Тодорович, «оказалась роковой для него, для нас и для всей страны»²²⁸. Увы, признает другой апологет Обреновича IV-го, он «забыл, что самая большая мудрость политика – никогда не терять связи с народной душой»²²⁹, каковую он, впрочем, и не знал²³⁰. То есть, синтезирует оба взгляда третий современник, – монарх «должен не связывать себя с отдельной партией, а любить весь свой народ»²³¹. Примерно так, как румынский король!.. И, по-возможности, добавим от себя, более органично вписываться в те представления, что исторически сложились в народном сознании о своих «вождях»²³². Ведь, как отмечают российские исследователи феномена монархизма, дабы «сохранить себя как институт верховной власти, монархия должна была соответствовать ритмам развития общества»²³³.

Но венценосные отец и сын, как мы старались показать, обошли вниманием эти простые в общем-то истины. И в результате, как писал Милан Обренович германскому кайзеру Вильгельму в момент отречения (февраль 1889 г.), – «страна меня не понимает, и я ее не понимаю!»²³⁴. Пять лет спустя он повторил ту же мысль: «Мы так и не смогли понять друг друга, народ и я»²³⁵.

Последствия одного известны: по словам Милана Пирочанца, «народ сербский не любил короля Милана»²³⁶, и это особо наглядно проявилось, когда 29 января 1901 г. тот почил в Бозе. Оказавшись два месяца спустя в Белграде, А.В. Амфитеатров

описал, что он там увидел – «Все официальные бумаги в Сербии, визитные карточки служащих во всех правительственных учреждениях, офицерские и чиновничьи униформы облечены в траур по Милану – самый формальный и неискренний политический траур в истории нашего времени! Потому что не было серба, который явно или тайно не радовался бы его смерти. В беседах с великими и малыми я одинаково слышал откровенные фразы: “Бог сжалился над Сербией и взял к себе Милана”»²³⁷. Конечно, это не по-христиански, но что иное могли сказать люди, которых сам усопший, помнится, величал «уличным сбродом»?.. Но вернемся к «отцам и детям».

• • •

Показательно – в отношении Обреновича-старшего к своему отпрыску, словно в капле воды, отразился весь уровень политической культуры этого слишком страстного, субъективного и капризного (чтобы стать *истинным* государем) экс-монарха. Покажем на примере.

После своего отречения и повременных наездов в Сербию, он, находясь в 1894 г. в Европе, подчеркнул в одном из писем весьма важную мысль: «Я могу служить лишь тогда и в такой мере, в какой этого захочет король. Ибо этого требует монархический принцип»²³⁸. Все абсолютно корректно. Но, увы (как то не раз случалось и прежде²³⁹), – только на бумаге.

В реальной жизни уже через год все было совсем по-другому, – и наш старый знакомый Никола Крстич занес в дневник: «Король Милан принимает многих. К нему идут, как и к молодому королю, может быть, даже больше. Чувствуют, что он ворочает делами, вот люди и выются около него, чтобы с его помощью добиться того, чего хотят. Можно сказать, что фактически у нас два короля – старший и младший. Этот правит, а тот влияет на этого. Станет ли это дублирование полезным для страны, покажет время. Но, боюсь, что оно не приведет к исправлению политической ситуации и не обернется добрыми последствиями»²⁴⁰.

Дальше – больше. Еще через два года Милан окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армии. При этом его амбиции не ограничивались чином армейского генерала, придуманным специально для него. Ведь еще до

встречи с сыном в Париже осенью 1897 г., где и было решено о возвращении экс-короля, тот принялся выяснять лукавый вопрос: носил ли основатель династии, старый князь Милош, титул «верховного вождя», как в свое время Карагеоргий²⁴¹? Эти поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе находились в открытом противоречии с высокими фразами о «монархическом принципе».

При этом, многим было очевидно, что король-сын тяготится растущим влиянием и весьма жесткой волей родителя, который, «чем увереннее и сильнее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию над всем и вся»²⁴².

Естественно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, своими руками заложенная Миланом Обреновичем под здание династии, рванула в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин; король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну. Важную (для понимания логики этих событий) зарисовку состояния монарха оставил П. Тодорович. В мае, т.е. за полтора месяца до разрыва, он записал нервные слова Александра: «... Но и это “король-отец” – это глупо, очень глупо! То есть, поймите меня правильно, глупо само понятие “король-отец”. Что это значит? “Король-отец”, “король-сын”? То, что в Сербии есть два короля – отец и сын. А это ложь, господин Пера! В Сербии один-единственный король. И это я, сербский король Александр I. А все остальное – это интрига и фальсификация. Люди выдумали “короля-отца”, чтобы меньше выглядел “король-сын”. Поскольку отец всегда умнее и старше сына». «Говоря это, – заключал Тодорович, – король встал передо мной и поднял указательный палец вверх. “Этого хотят, этого многие хотят, господин Пера! Но, цыц! Я все вижу и этого не допущу! Не допущу, господин Пера!..”»²⁴³.

Что ж, короля Александра можно понять. Унаследовав немало «семейных» черт (как в отношении к народу, так и в понимании политики и своей роли в ней), он все же не был виновен в том, что попытка *приватизировать* «право династии Обреновичей», предпринятая его отцом, закончилась так плачевно для них обоих. А потому, чисто по-человечески (по крайней мере, на наш взгляд), он заслуживает большего снисхождения у Истории, чем предшественник²⁴⁴.

Чем все закончилось, хорошо известно – переворотом 1903 г. и очередным политическим убийством.

• • •

Кстати, с переворотом 29 мая связан еще один наглядный пример политической культуры, характерной для Сербии того времени. Речь идет о ликвидации (параллельно с убиением королевской четы) и военного министра, генерала Милована Павловича – кавалера русского ордена Св. Георгия IV степени, проживавшего во втором этаже дома, принадлежавшего «Обществу реконструкции Врачара», что и ныне стоит на Негошевой улице... Мы здесь – о пушкинской «милости к падшим», свойственной, впрочем, лишь натурам высоким. Так вот, после штурма квартиры генерала, храбро отбивавшегося от убийц и погибшего «как герой» (по выражению русского военного агента, полковника И.Н. Сысоева²⁴⁵), его жилище было полностью разрушено, о чем зять покойного, Божидар Янкович писал бывшему премьеру В. Джорджевичу: «Относительно вида квартиры, в которой эти разбойники хозяйничали целых 10 минут, Вы получите ясное впечатление, когда я скажу, что после нападения она выглядела так, как будто ее грабили и жгли черкесы. Довольно Вам заметить только, что “Общество реконструкции Врачара”, коему принадлежит здание, заплатило 2700 динаров за ремонт и... *обвинило мою тещу в разрушении стен и порче деревянных частей, требуя от нее компенсации* (выделено в оригинале. – А.Ш.)»²⁴⁶.

4. «Золотой век»: блеск и нищета сербской демократии

После Майского переворота 1903 г., устранившего Обреновичей и вернувшего на престол Карагеоргиевичей в лице престарелого и неагрессивного Петра I, политическая ситуация в Сербии, казалось бы, нормализовалась. Действительно, Народная скупщина одобрила новую демократическую конституцию, в рамках которой функционировала парламентская система; монарх же, в отличие от Обреновичей, не вмешивался открыто во внутренние дела, строго следуя заповедям Основного Закона.

Однако под всем этим «внешним лаком цивилизации», в сфере политической культуры, мало что изменилось. Отношения большинства и меньшинства в парламенте оставались прежними – большинство как угодно стремилось навязать свою волю, полагая ее единственно верной; меньшинство же агрессивно демонстрировало, что по каждому вопросу имеет свой, отличный от правящих, взгляд, причем вовсю процветал принцип: «Чем хуже, тем лучше!». Так, глава старорадикалов Никола Пашич, будучи сам далеко небезгрешен, точно охарактеризовал поведение оппозиции в одной из своих речей: «Это, братья, – политика упрямства (в оригинале: “ината”. – *А.Ш.*). Ослепленные ненавистью к своим политическим противникам они забыли об интересах страны»²⁴⁷. А Пайя Михайлович зафиксировал в дневнике наглядное высказывание одного из вождей младорадикальной партии Яши Продановича: «Пусть лучше рухнет страна, чем старорадикалы останутся у власти»²⁴⁸.

Обструкции оппозиции с блокированием кворума, нецензурщина, «оскорбления действием» – заурядные явления в эпоху «золотого века сербского парламентаризма». А как же иначе, ведь по словам Милана Протича – одного из авторов претенциозной «Новой истории сербского народа», «динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии»²⁴⁹. Дефиниция, заметим, сколь броская, столь и мало что в политической жизни Сербии после 1903 г. объясняющая.

На самом же деле, «несмотря на то, что идеологических причин для столь острого соперничества часто уже не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности в использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И вскоре стало ясно, что многие из сербских политиков просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри них самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особенной разницы – шла ли речь о жизненных государственных интересах или же о второстепенных вопросах»²⁵⁰. Следствием такой «борьбы» были частые роспуски парламента – ни

один его состав не доработал отведенный ему по конституции срок! Да и правительства (как и ранее) были недолговечны, что позволило полковнику И.Н. Сисоеву, докладывая в центр, с полным правом заключить: «Сербия – классическая страна министерских кризисов»²⁵¹.

По оценке российского дипломата В.В. Муравьева-Апостола-Коробьина, данной спустя два месяца после переворота, «исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции Карагеоргиевич, но сербы остались все теми же. Одна ночь, хотя и столь значительная, не смогла их переродить». И далее: «Уснули на время страсти, вострепнулись некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Но для осуществления последних требуется время, тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности, оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок»²⁵². А Б.Н. Евреинов позже дополнил коллегу: «Партийная борьба делается все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия (данную фразу мы уже цитировали. – *А.Ш.*). Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные*, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения неизбежно будут все более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным, кризис», или «встряска, которая заставила бы здешних политических деятелей надолго отказаться от преследования своих личных и партийных, корыстолюбивых и властолюбивых целей и обратиться к единодушной деятельности на пользу своего отечества»²⁵³.

Заметим, что это упоминание о «спасительном кризисе», («встряске» или «популярной войне» – см. эпиграф), как единственном возможном средстве упорядочения пребывавшего в перманентном хаосе сербского политического «космоса», крайне рационально, в чем мы убедимся ниже.

* Русский консул в Нише Н.И. Домерико также отметил эту особенность сербской «политической жизни»: «Здешний пастух, хлебопашец еще трудолюбив, честен, прост, но и он портится ежедневно политиканством и партийностью... Теперь уже крестьяне пристрастились к газетным сплетням и болтовне в кофейнях вместо того, чтобы по-старому ходить за плугом или пасти овец» (цит. по *Марков Е.Л.* Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки... С. 296).

Вполне отдавал себе отчет в «специфике» сербского парламентаризма и король Петр, десятки лет проживший в Швейцарии и прекрасно знакомый с «классической» его моделью. По словам британского корреспондента, интервьюировавшего монарха в сентябре 1903 г., тот не скрывал своего разочарования: «Немалая проблема состоит в том, что люди, его окружающие, не обладают подлинно парламентскими понятиями и ощущениями, а каждая партия и фракция считает, что конституционные свободы даны исключительно ей...»²⁵⁴.

Однако, несмотря на это (а, быть может, именно благодаря тому), политическим гегемоном в стране на протяжении всего предвоенного периода оставалась Радикальная партия во главе с бессменным лидером Николой Пашичем. При этом и вождь, и партия мало изменились как в своем «мессианстве» («Я уверен, что одна только Радикальная партия способна сохранить и усилить Сербию, а также реализовать все наши идеалы»²⁵⁵, – писал Пашич в 1907 г.), так и в восприятии демократии, парламентаризма, плюрализма, политической культуры. Они по-прежнему рассматривали демократию как неограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм – как институционализацию такого права, с порога отвергая плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителями интересов всего народа²⁵⁶. И, соответственно, те, кто думал иначе, оставались для радикалов врагами, а не оппонентами, компромисс с которыми был исключен начисто. Старинный принцип «партийного государства», как следствие выраженной одномерности их сознания, по-прежнему являлся стержнем радикальной политической культуры.

В стране «победившего парламентаризма», как видим, сложилась, по сути дела, «полуторапартийная система»: с одной стороны, радикалы, с другой – все остальные²⁵⁷. «Вместо власти одного человека, – констатировал С. Новакович, – в Сербии под маской демократии установлена власть одной-единственной партии»²⁵⁸, в которой, – по Йовану Скерличу, – «наличествует личный режим, или олигархия нескольких вождей, каковые держат в своих руках не только партию, но и страну»²⁵⁹. Такое политическое состояние известный венгерский

мыслитель Иштван Бибо назвал «фальсификацией демократии», способствующей «поддержанию и защите осуществляемого в демократических *формах* антидемократического правления»²⁶⁰. Но эта власть одной партии была добровольно принята и поддержана сербским селяком. Вершителями судеб Королевства вплоть до Мировой войны являлись Никола Пашич, – этот, по точной дефиниции Л.Д. Троцкого, «абсолютный властитель Сербии»²⁶¹, и его радикальная генерация. «В Белграде, – продолжал будущий „соавтор“ российского Октября, – все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича... Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам. А Пашич всегда у всех и на уме, и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно»²⁶².

Кстати, страной Николай Петрович (как его звали в России) управлял так же, как и собственным домом, всегда оставаясь с ней, а не над ней. Российский посланник при сербском королевском дворе князь Г.Н. Трубецкой, имевший возможность часто видеть премьера в военные годы, вспоминал: «С раннего утра Пашич отправлялся в министерство и с небольшим перерывом сидел там целый день. Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Он достигал этого не только благодаря своему официальному положению, но и громадному личному авторитету». И далее: «Члены кабинета были много моложе Пашича. Он смотрел на них, как на молодых людей, говорил им “ты” и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии. В Нише (временной сербской столице в 1914–1915 гг. – *А.Ш.*) все министры занимались в одной большой зале. Пашич сидел в другом углу комнаты за общим

* Ср. с утверждением Милана Протича: «Сербский народ, в огромном своем большинстве неграмотный и необразованный, обладал такой политической зрелостью и знанием, что мог самостоятельно принимать правильные и мудрые решения в своих интересах (?! – *А.Ш.*)» (*Протух М. Највиша тачка учености међу Србима // Пола века од смрти Слободана Јовановића. Повратак у националну баштину и домовину / НИН. Специјални додатак. 16. октобар 2008. године. С. 7).*

столом. Получалось впечатление профессора и учеников». И, наконец: «Он правил Сербией наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество... Всего более (а это уж точно маленький шедевр! – *А.Ш.*) напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство»²⁶³.

Профессор международного права и одновременно корреспондент «Нового времени» А.А. Пиленко также оставил свидетельство о встрече с Пашичем в ходе войны: «В январе прошлого года я посетил Ниш и был принят главой сербского правительства... Нечего, конечно, говорить о той популярности и любви, которыми пользуется в стране этот выдающийся государственный деятель. К нему идут, как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются»²⁶⁴.

Такая власть *своего* «старосты» (или «отца») вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые минуты фаталистически замечал: «Байя* знает, что делает» («Зна Баја шта ради!»), а значит – все образуется. Воистину, как заметил В. Дворникович, «политический тип и мораль Николы Пашича были органично связаны с той социально-психологической средой, представителем которой он оказался»²⁶⁵. Не случайно поэтому, что (со слов того же Трубецкого) «он так олицетворял свою Сербию, как ни один человек в Европе не олицетворял своей страны»²⁶⁶. Независимо от русского дипломата к весьма схожему выводу пришел и его итальянский коллега, граф Карло Сфорца, много общавшийся с Пашичем и написавший о нем целую книгу: «Чем дольше я работал над ней, тем больше отдавал себе отчет в том, что о Николе Пашиче невозможно писать, не думая постоянно об истории и характере его народа»²⁶⁷.

* *Баја* (сербск.) – сербское прозвище Н. Пашича, означающее *тятя, тятенька*.

В свое время Макс Вебер выделил важнейший критерий «харизматического типа господства» – он опирается на «*личные* отношения между господином и подчиненным», противостоя «формально-рациональному типу господства, как *безлично-му*»²⁶⁸. Случай с Пашичем наглядно подтверждает истинность данной мысли*.

Таким образом, национальное согласие вызревало в Королевстве после 1903 г. на базе *традиционных* понятий о власти, ее носителях и их политической культуре²⁶⁹, в рамках которых, повторимся, предпочтение отдавалось скорее обычаю, чем закону. А потому и не кажется чем-то удивительным, что новые сербские власти также не всегда следовали «законной процедуре». По признанию современника – поэта, философа и дипломата Йована Дучича, «у нас тогда была счастливая эпоха – никто не выступал против конституции, но и не особо-то взыскивалось за нарушение закона. До самой смерти Пашича, когда наступил закат той великой эпохи, случаи беззакония в нашей стране были нередки, однако оно никогда не становилось системой...»²⁷⁰.

5. «Война и мир»

И еще одно объяснение столь «своеобразной» культуры участников политического процесса в Сербии. Оно дополняет отмеченное выше влияние конфронтационного сознания

* В 1913 г., по пути из Белграда в действующую армию (шла 2-я Балканская война), русский корреспондент Е.И. Мартынов записал в дневник: «На одной станции нас обогнал экстренный поезд с министром-президентом Пашичем». Выйдя на платформу, тот «был тотчас же окружен толпой поселян, с коими он дружески поздоровался за руку, и которые начали его расспрашивать о положении дел» (*Мартынов Е.И. Сербия в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 557*). Или еще пример – «Пашич прогуливался однажды с кем-то по улице, а какой-то хулиган, узнав его, рывкнул ему прямо в лицо: “Долой Пашича!” Он тогда обратился к своему спутнику: “Вы слышали, что он сказал? Ну так знайте: я счастлив, я горжусь тем, что я привел свой народ к такой свободе, когда простой детина не боится крикнуть премьер-министру в лицо: “Долой!”» (*Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 538*).

на ее общественную жизнь – когда в фокусе *внутреннего* противостояния различных сил находилась *внешне*-окрашенная претензия каждой из них на «эксклюзивный» патриотизм, отчего в сербской прессе и звучали постоянные обвинения друг друга в «измене родине». Однако, несмотря на этот «повседневно-тактический» антагонизм (в чем и проявлялся присущий сербам «нарциссизм малых различий»), во главу своих стратегий они всегда ставили достижение «национального идеала» (основанного на этноисторическом мифе и не достижимого *без войны*) – в ущерб универсальному и «безликому» гражданскому порядку. Или, пользуясь политической лексикой Николы Пашича, провозглашали верховенство «свободы извне» над «свободой изнутри»²⁷¹.

Синтетически данную иерархию приоритетов или национальную парадигму, в виде жесткого алгоритма (уже после смерти Тито!), выразил классик сербской литературы Добрица Чосич: «Сербы учились гражданским свободам и правам, они их принимали, осознавая их ценность, но, тем не менее, национальная свобода всегда оставалась для них ближе гражданской»²⁷².

Такая парадигма носила «сквозной» характер. В 1860-е годы, например, князь Михаил Обренович был убежден, что «внешней свободы» быстрее и легче можно добиться, имея в распоряжении «хорошо устроенную армию» и управляя своими подданными «железной рукой», ибо они «еще не дорасли до самоуправления»²⁷³. А в 1875 г. митрополит Михаил писал И.С. Аксакову: «Правда, что наш народ молод и, собственно говоря, не начал жить новой государственной жизнью, ибо до тех пор, пока он совершенно не освободится от чуждого ига и не соединится в одно, не может быть и серьезного слова о какой-нибудь более прогрессивной и плодотворной жизни его, или же об осуществлении каких-нибудь высших государственных или народных идей»²⁷⁴. Еще более откровенен четверть века спустя тот же Пашич: «Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня высшим идеалом, чем гражданская свобода сербов Королевства»²⁷⁵.

Таким образом, национальные, или внешние, акценты (за малым исключением) превалировали в сознании «сербиян-

ской» элиты над мыслью о необходимости внутреннего развития страны. Поиски путей решения задачи «освобождения и объединения сербства» отвлекали у нее слишком много средств и внимания, отодвигая проблему гармонизации отношений между государством и обществом, как и внутри самого общества, на второй план и придавая процессу модернизации независимой Сербии однобокий и неорганичный характер*.

Вспомним здесь хотя бы Милана Обреновича, с его требованием дать на армию 14 миллионов, а на школы и суды – «наплевать». Или приведем случай, когда эскадрон конницы, назначенный к расквартированию в городке Трстеник, при отсутствии в нем казарм и иных больших зданий, занял школу, а ученики были вынуждены заниматься в частных домах²⁷⁶. Что ж, как с правом заметил П.А. Ровинский в 1868 г., «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность...»²⁷⁷.

В 1892 г. с немалой дозой самоуверенности первый регент Сербии Йован Ристич внушал Альберу Мале мысль о диалектике внешнего и внутреннего факторов, считая что ее перманентные внутренние проблемы – это мелочь в сравнении с тем, что сербы испытали и через что прошли в своей истории: «Мы имели страшные кризисы, и нынче у нас предвыборный кризис, но мы выкрутимся, и пусть это вас не волнует. Что это по сравнению с прошлым?» – спросил он и гордо добавил: «Мы – это те, кто дали знак для борьбы на независимость на всех Бал-

* Показательно, но даже столь твердый «западник» в трактовке государственно-политической эволюции независимой Сербии (в особенности ее «золотого века»), как Милан Протић, также косвенно признает наличие такого перекаса: «Слободан Йованович был прав, утверждая, что сербы так и не создали свой культурный образец. Или точнее сказать – не успели его завершить». Причина тому заключалась в том, что «культурный образец, для формирования которого в 1903–1912 гг. сложились почти идеальные условия, должен был уступить место национальному образцу и стремлению сербов добиться всесербского освобождения и объединения югославян» (*Протић М. Изневерена револуција* / 5. октобар 2000. Београд, 2005. С. 334).

канах. Греция последовала нашему примеру через двадцать лет; болгар же вообще только русские освободили. Пятнадцать лет тому назад целая империя стояла против нас... Именно мы приняли на себя весь удар, сказав себе, что, если турки победят нас, то и с черногорцами будет быстро покончено. Эта империя черпала свои резервы с трех континентов – из Европы, Азии и Африки. Это были такие люди – гвардия, я их видел... Но мы все равно все пережили! Что сегодняшний кризис? Делайте спокойно свою работу»²⁷⁸.

Несмотря на хвастливый тон Ристича (насколько прав Кулаковский: «Пройдут года, и начнется сербская похвальба»²⁷⁹, – о русских добровольцах и их жертвах регент и не вспомнил; мало того, в элите бытовало мнение и покруче, будто «виной проигрыша сербами первой кампании – Черняев и наши добровольцы. Сербы же (вот это новость! – *А.Ш.*) справились бы одни с турками»²⁸⁰), его «лекция» гостю весьма показательна. С одной стороны, в ней четко выражена мысль, что только внешнее заслуживает внимания, ну, а внутреннее – само как-нибудь рассосется. А с другой, это самомнение и постоянное выпячивание своего первенства в истории («самохвальство и исключительность сербская»²⁸¹ – как назвал их Кулаковский) сформировало у сербов систему мышления, в центре которой, по типологии Ю.М. Лотмана, лежало стремление «осуществить на практике неосуществимый идеал» (что для Кулаковского есть сплав «ничтожных сил и громадных притязаний»²⁸²), в отличие от той, что «стремится приспособить идеал к реальности»²⁸³. Перед такими внешними «миражами» меркли рутинные задачи внутренней перестройки. Причем «миражи» поражают именно своей «неосуществимостью» и мегаломанией: интеллигенция Княжества, помнится, «разыскивала сербов повсюду», доказывая, что «София и Македония населены сербами, что Солунь должен быть сербский»; а в Белградской унтер-офицерской школе, по свидетельству русского военного туриста, питомцы, кроме всего прочего, изучали «историю и географию Великой Сербии *от моря до моря* (выделено нами. – *А.Ш.*)»²⁸⁴.

Зоркий русский глаз давно подметил эту «диалектику». В своих письмах и статьях конца 1860-х гг. П.А. Ровинский

назвал «самодовольство»* одной из черт сербского характера²⁸⁵ (что впоследствии, применительно к присущему сербам «динарскому психологическому типу», подтвердило «золотое перо» С. Йовановича²⁸⁶). А Кулаковский в послании Майкову подчеркивал: «Царство Душана не дает сербам спать» – недавно где-то я читал, и это правда**: не было бы вредно это, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую, ... заставляет больше мечтать и меньше делать***.

* Особый всплеск такого «самодовольства» (которое отнюдь не способствует трезвой самооценке) последовал после ярких сербских побед в Балканских войнах. В.Н. Штрэндтман оставил свидетельство о посещении белградских госпиталей – «Один из раненых, лежавший в палате, где работала моя жена, ... меня спросил: „Почему Россия не приняла во время войны с Японией сербских добровольцев. Если бы они были приняты, – сказал он, – результат войны был бы совершенно иной, и японцы были бы разбиты наголову!“». А «в госпитале Сербского Красного Креста... артиллерийский офицер, словоохотливый и бодрый, очень разумно говорил о положительных сторонах сербских побед, видя в них основание для будущего культурного развития государства. Однако, чтобы никто не посмел нарушить мирное течение жизни на Балканах и в Европе вообще, надо добиться союза между Сербией и Англией. На мой вопрос, почему он называет Англию, тяжело раненый артиллерист ответил: “У нас есть армия с непобедимой артиллерией, а у Англии флот!”» (*Штрэндтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 214).

** Обоснованность этого утверждения вполне подтверждают выводы историографии: «Обновление царства Душана являлось идеалом для многих сербских националистов XIX в.» (*Макуљевић Н.* Уметност и национална идеја у XIX веку. Београд, 2006. С. 85).

*** П.А. Кулаковский абсолютно прав (как по поводу «больше мечтать», так и насчет «меньше делать»). В первом случае сошлемся на авторитетное мнение С. Йовановича: сербы «любят говорить и, в основном, о самих себе. Во время своих речей они все больше и больше удаляются от действительности... Их речи – это не обычные слова: это пустые мечтания, которые убивают волю к реальной работе» (*Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера... С. 578)... Относительно же точности второй констатации, приведем ряд свидетельств. Сначала – о школах. Так, задавая сербам вопрос: «Отчего образованность так мало сказывается в науке, литературе и общественной жизни?», П.А. Ровинский получал от них ответ: «Чего вы хотите от нас? Мы недавние. Слава

Богу, что и то имеем!» Поэтому-то «дело и идет так, чтобы нельзя было сказать, что ничего не делается» (*Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника II... С. 56; *Он же.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 91). Следовательно, школа в Сербии – это институт, какой *пристало* иметь уважающему себя государству, но никак, что уже говорилось, не источник реальных знаний. Отсюда следует общее резюме: «Нельзя не признать, что Сербия сделала по времени значительные успехи во всем; но, зная, какими она располагала средствами, ... нельзя не потребовать больше того, что сделано». И далее: «Не требуя многого, можно, кажется, требовать, чтобы в том, что делается, были толк и польза, а мы вот этого-то последнего не находим». И, наконец: «Сербия должна была сделать несравненно большие успехи, и если не сделала, в том виновато правительство и так называемая интеллигенция, которым народ верил свою судьбу» (*Он же.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 56). Показательно, что и сербский автор (Милан Миличевич – видный писатель-этнограф, в начале 70-х гг. – инспектор Министерства народного просвещения) фиксировал в мае 1872 г. практически то же самое: «Объехал я все школы в трех округах Сербии... Прогресс, конечно, есть, но он вовсе не таков, каким мог бы быть» (*Миличевич М.* Дневник. 1869-1872. / Приред. П. Крстић. Београд, 2011. С. 467 (запись от 20 мая 1872 г.)). И Йован Скерлич (спустя четыре десятилетия после Миличевича!) говорил по сути о том же: «В Сербии есть 1.500 школ и 25.000 кабаков... Мы не имеем и половины от необходимого нам числа школ» (*Скерлич Ј.* Фельтони, скице и говори // Сабрана дела Јована Скерлића. Књ. 7. Београд, 1964. С. 313, 395)... Теперь – о чиновниках: «У всякого чиновника есть всего один интерес – оставаться на своей должности как можно дольше, пока его партия находится у власти; и потому он ведет себя так, дабы, когда в Белграде пожелают знать, что по тому или иному предмету сделано, он всегда мог бы доложить, что приказал капетану выполнить это; тот послал указание общинному суду, а общинный суд – кметам, и вот здесь-то все и заглохло» (*Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 84)... О правительстве: «Я заметил, что вообще все наши министерства, несмотря на то, сколь полезны поступающие к ним предложения, рассматривают их и принимают решения так, будто в креслах сидят не сербы, – лишь бы хоть что-то сделать, при этом, по-возможности, как можно меньше напрягаться» (Там же. С. 94.)... Наконец, о судах. «Сосед» из Болгарии, Стефан Бобчев, был крайне удивлен, обнаружив, что в Апелляционном суде в Белграде дела рассматриваются в отсутствии публики (истцов, адвокатов). На аргументы сербских судейских, что, «проводя процесс за закрытыми дверями, суд экономит время и может решить больше

Это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении, как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно»²⁸⁷. Но нет: «Ленивые по природе, избалованные благодатным климатом и плодородием почвы, они только занимаются политическими разговорами, перекраивая карту Ближнего Востока по настроению и вкусу»²⁸⁸. Иначе говоря, «кричат, кричат, но ничего не делают»^{289*}. Корни данного состояния, – объясняет Платон Андреевич в дневнике, – кроются в «близорукости теперешней сербской интеллигенции, которой примириться с ролью второстепенной никак не хочется», и которая «слишком ничтожна по своим внутренним силам, чтобы признать себя слабой»²⁹⁰. Четверть века спустя посланник в Белграде К.А. Губастов подтвердил правоту Кулаковского: «Вся драма Сербии состоит в том, что, вообразив себя наследницей славного сербского прошлого, она захотела играть большую политическую роль, на которую уже не хватало ни сил, ни людей, ни средств, ни умения. Вследствие этого возникла тяжелая неудовлетворенность, отравляющая сербскую народную душу...»²⁹¹.

дел», он заметил: «В том ли задача правосудия, чтобы рассматривать как можно больше дел – поверхностно, а то и ошибочно? Количество должно быть руководящим критерием, или качество? Никто меня не убедит в том, что можно вершить правосудие за закрытыми дверями» (*Бобчевъ С.* Изъ славянските земи. I. Белградъ. София, 1903. С. 57–58)... И как итог сказанному может служить жесткий «вердикт» академика Любомира Стояновича (1911 г.): «Сербия существует в более или менее свободном режиме уже почти сто лет... За это весьма протяженное время она не достигла той степени прогресса, на какую могла бы рассчитывать; политические обстоятельства сложились в ней далеко не так, как можно было бы ожидать; успешным культурным развитием других стран и народов, опыт которых стоило бы перенять, мы так и не воспользовались» (Цит. по: *Радоевић М.* Љубомир Љуба Стојановић // Срби 1903–1914. Историја идеја. С. 639).

* С. Йованович давно подметил эту черту сербских политиков, которые «думали лишь о себе и своих успехах, не видя необходимости заниматься малым повседневным делом – по образу и подобию чехов. Они больше говорили, нежели работали, в чем проявлялось их отвращение к любому труду» (*Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера... С. 577–578).

* * *

Первый секретарь российской миссии в Сербии (впоследствии – поверенный в делах) В.Н. Штрандтман вспоминал, как накануне Балканских войн сербы ему «говорили, что они живут изо дня в день под страхом набегов соседей. Когда я их спрашивал, почему их столица так невыгодно с внешней стороны отличается от столицы Болгарии*, они мне отвечали, что не имеет смысла отстраивать большие дома, потому что рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению»²⁹². А в начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист записал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий». Но «многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом»²⁹³.

Отмотаем пленку на полвека назад. И что же обнаруживаем? А то, что П.А. Ровинский и тогда наблюдал *идентичное*: Сербия «производит впечатление какого-то полувоенного лагеря» – все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожи-

* Такое сравнение Белграда с Софией (явно не в пользу сербской столицы) присутствует и в других описаниях русских путешественников. Так, известный журналист Д.Н. Вергун писал в июне 1910 г. в «Новом времени»: «Странная участь славянских столиц на Балканах. В Софии везде видны следы строительной горячки... На торчащих балках и стропилах кучи плотников и каменщиков. Совсем разрытый муравейник или пчелиный рой. Не то в Белграде. Какая-то лень, сонливость и беспечность на неумолимом солнцепеке. Говорят, город этот сделал теперь заем в 60 миллионов для приведения себя в культурный вид. Но работа что-то не спорится. Да и неудивительно: какое возможно переустройство, когда с другого берега Дуная, из Землинской гавани, неумолимыми соглядатаями торчат с шести австро-венгерских мониторов медные жерла крупновских орудий» (Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. М., 2012. С. 120). И Л.Д. Троцкий, сравнивая в 1912 г. две балканские столицы, заметил: «Контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией – разителен» (*Троцкий Л.Д. Перед событиями // Он же. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 104*). Теперь ясно, почему!

дании чего-то»; вся «она живет накануне, вся в каком-то воинственном настроении», стоя «вечно на карауле»²⁹⁴.

Этот исторически и географически зыбкий экзистенциальный фундамент сербского «дома» породил особый образ существования его обитателей: частую смену защитных (или наступательных) действий и передышек – с новым ожиданием, терпением, собиранием сил. Соответственно, сербы Княжества (Королевства) практически и *не жили*, постоянно воюя, либо готовясь к войне, находясь в никогда не спадавшем психологическом напряжении: в 1876–1918 гг. страна пережила шесть военных конфликтов. В таких условиях, как писал В. Дворникович, «в нашем народе создался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания»²⁹⁵. Понятное дело, вместо естественного поступательного развития – всплески отчаянного напряжения и относительно мирные паузы, заполненные не «органичной работой», а очередным ожиданием национальной сатисфакции и внутренними разборками элит*.

Именно в этом гипертрофированном взгляде «на сторону», повторимся, состоит важнейшая причина консервации традиционного состояния сербского общества, как и «один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни»²⁹⁶, что, в свою очередь, и обеспечивало устойчивость в ней архаичной политической культуры. К тому же, в условиях незавершенности процесса национального освобождения защита патриархальной модели «народ – сообщество равных» становилась средством и формой внутренней консолидации жителей Сербии, поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа – важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социаль-

* Объезжая летом 1901 г. Юго-Восточную Сербию и входя в контакт с населением, российский посланник Н.В. Чарыков вынес следующее впечатление о «теперешнем политическом идеале сербов Королевства»: «Извне – желание спастись от “швабов” и объединить всех сербов. Внутри – “едан децениум мира”, т. е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. 2. Л. 65 об. (Н.В. Чарыков – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 6 июня 1901 г.)).

ное равенство отождествлялось в глазах большинства элит с национальным единством*. Причем такое отождествление почти всегда «санкционировалось» *снизу*, следствием чего (и одновременно обуславливаясь) было то, что героическое начало закладывалось в сознание сербов с молодых ногтей – мотив грядущей войны за «отмщение Косова» и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях: в семье, школе, сельском локусе, Народной скупщине²⁹⁷.

Соответственно, воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизованности народа, постоянная готовность к реализации «национального идеала» (добиться чего без военных мер было невозможно) вступали в противоречие с задачей формирования «гражданского общества» в Сербии...

Иные, те самые «гражданские», мотивы звучали у сербских политиков крайне редко. Если мы хотим иметь школы, как в Норвегии, а институты, как в Дании, тогда нам надо избегать военных расходов, – говорил напередняк Воислав Маринкович. «Если же хотим вести какую-то национальную политику и создавать Великую Сербию, тогда мы должны превратить нашу страну в военный лагерь»²⁹⁸. Но эти, в буквальном смысле, единичные голоса не имели никакого влияния на политику Сербии в период «золотого века» – практически вся элита страны, подчеркнем еще раз, была настроена патриотически. «Национальная сатисфакция» оставалась для нее святой и, как мы видели, «наследственной» целью. Когда в 1895 г. специальная комиссия, куда вошли представители академического сообщества, давала имена белградским улицам, то огромное большинство новых топонимов оказалось связано с географией (городами, горами, реками) предполагаемой «Великой Сербии», кроме одного – Москва²⁹⁹.

* Вспоминая о настроениях в Сербии накануне Балканских войн, Милан Грол особо подчеркивал «инстинктивное единение *национально и социально однородной массы* (выделено нами. – А.Ш.), ее исключительную уверенность в себе, которая всегда возникает там, где чувствуется, что, стоя плечом к плечу, она составляет единый монолит» (*Грол М. Из предратне Србије. Утисци и сећања о времену и људи-ма. Београд, 1939. С. 13*).

• • •

И «военный лагерь» был создан! После аннексии Веной Боснии и Герцеговины в 1908–1909 гг., когда вновь предельно актуализировался национальный (т. е. «внешний») фактор.

В Сербии аннексия вызвала мощную волну протестов. Общество всколыхнулось – в стране создавались пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту сербского дела. По словам Николы Пашича, «война будет популярна и бестрепетна к жертвам»³⁰⁰. Одновременно правительство Королевства обратилось к России, вставшей на сторону сербов. Однако, в марте 1909 г., учитывая неготовность ее к войне, Германия ультимативно потребовала санкционировать акцию Австро-Венгрии, дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное вторжение Вены в Сербию, при содействии Берлина. Угроза подействовала, – и Петербург был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый status-quo³⁰¹.

Сербия отступила, но то отступление было временным. В отблеске последнего «триумфа» Габсбургов уже являлась тень древнего царя Пирра... Аннексия заставила сербов прийти в себя, и в стране началась активная внутренняя работа. Ее результатом стало то, что к началу Балканских войн (1912–1913 гг.) Королевство имело сильную и хорошо вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. «Люди были так воодушевлены, – вспоминал В.Н. Штрэндтман, – что бросали работу, чтобы сразу же явиться на сборный пункт. Мне известен случай, когда работавший в частном доме серб не закончил чистку сапог, узнав о призыве его возраста в войска; он бросился опрометью к своему хозяину, наспех попрощался, не взял причитавшихся ему денег и бегом отправился в местную комендатуру». И не он один – «В других случаях кучера оставляли экипажи и лошадей на дороге, дабы поспеть на место призыва. Кухарки тоже бросали все и спешили уехать в деревню, чтобы заменить мужчин на работе». В общем, «воодушевление было неописуемое...»³⁰². «Война, которую желали все!»³⁰³, – назвал вторжение в Турцию современный сербский историк. Другой, вторя в унисон, провозгласил его «самой популярной войной в сербской истории»³⁰⁴.

Плоды подготовки оказались впечатляющими: сербские войска выиграли ряд крупных сражений Первой балканской войны – при Куманово, Битоле, Прилепе.

Очевидец событий из России (инженер и строитель порта Прахово на сербском берегу Дуная) И.П. Табурно четко показал механизм этой неожиданной трансформации пребывавшей в состоянии вечной анархии страны в единый военный лагерь. Причины подобного «волшебного» превращения понятны – в свете сказанного выше. Итак, ему слово: «Как оказалось, Сербия была прекрасно подготовлена к войне. Могу утверждать, что лучше всех союзников. Оружие, обмундирование, снаряжение, обоз – все было в достаточном количестве и в лучшем виде. Денежные средства также оказались налицо – более ста миллионов. Она даже была в состоянии кое-что уделить и союзникам.

Подумать, что всего четыре года назад, во время провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины, Сербия ничего еще не имела, ибо, если бы она была хоть мало-мальски готова к войне, неминуемо затеяла бы драку с Австрией – таково было настроение. Она принуждена была проглотить предложенную графом Эренталем “пилюлю” только потому, что для войны у нее ничего не было готово. И вдруг, через четыре года, она оказалась во всеоружии своей силы, хотя сравнительно и скромной по размеру, но весьма внушительной по качеству*...

Казалось, что сербы за тридцатилетний период владычества Австрии смирились с мыслью и свыклись с владычеством ее этими двумя чисто сербскими провинциями. Казалось, что провозглашение аннексии будет принято просто, как фор-

* В 1908 г. премьер Милован Милованович обратился к военному министру Степе Степановичу с просьбой дать информацию о реальных возможностях страны. На запрос последовал обескураживающий ответ: «Сербия может вооружить лишь сорок тысяч человек, которые будут в состоянии сражаться всего пятнадцать дней» (Цит. по: *Мекензи Д.* Милован Миловановић. Београд, 2007. С. 100). Мобилизация 1912 г. застала Сербию в иной ситуации: «Она уже могла сформировать 11,5 дивизий, обеспеченных пушками и ружьями» (*Рябинин А.А.* Балканская война // *Малые войны первой половины XX века.* М. – СПб, 2003. С. 143).

мальность. На деле оказалось иначе. Поэтическая натура большое значение всегда придает форме. Облик играет большую роль: поэт округляет его, создает из него то, что его душа хочет – жаждет. Обнажите этот облик, представьте его в естественном, неприкрытом виде, и поэт приходит в ужас.

Так произошло и с сербским народом: когда сняли форму временной оккупации Боснии и Герцеговины, он, увидев реальность, возмутился присвоением Австрией того, что привык духовно считать своим. Иллюзия исчезла, осталась голая правда. Босния и Герцеговина – австрийская. Возмущению сербов не было предела. Однако, увы, наружу выступила собственная нагота, слабость и бессилие. Но сербский народ не упал духом. Подхвачен был всей страной клич: “За дело!”».

Соответственно, на войне: «Дисциплина образцовая. Селяне, начальники департаментов, судьи, адвокаты, инженеры, прислуга, рабочие одинаково и пунктуально исполняют приказания старших – беспрекословно и даже охотно, как бы тяжело не было. Безропотно переносят всякие лишения. Куда исчезла критика мирного времени? Как будто ее и не было»*.

И, как резюме, – «Сербы за свое возрождение (иначе это назвать нельзя) должны быть благодарны Австрии, графу Эренталю...»³⁰⁵.

Но победы победами, а стоило наступить миру, и бывшие политические язвы вновь обнажились. По-солдатски прямолинейный генерал Панта Драшкич без обиняков называл вещи своими именами: «Как только для нас, сербов, проходит опасность, мы тут же перегрызаемся между собой»³⁰⁶. Поводом к очередному конфликту стал знаменитый «Спор о приоритете» в новых (т. е. вошедших в состав Королевства в 1913 г.) областях. Указ «О старшинстве гражданских властей в Новой

* То же самое фиксирует и очевидец событий «с другой стороны» – военный атташе Австро-Венгрии в Белграде майор Отто Гелинек: «Политические противоречия полностью исчезли, партийная борьба прекратилась, ... вся страна, максимально напрягши свои силы, предоставила себя в полное распоряжение армии. Сербия напомунала тогда единый военный лагерь» (Цит. по: *Денда Д.* Завршни извештаји аустро-угарског војног аташеа у Београду о српској војсци у Балканским ратовима 1912–1913. // Балкански ратови 1912–1913. Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 131).

Сербии* над военными», изданный по инициативе министра внутренних дел Стояна Протича, предполагал введение «первенства» гражданских чинов во всех торжественных случаях; и, бывало, что, при явном нежелании элитного чиновничества ехать на службу в Богом забытую «новую» глушь, какой-нибудь уездный начальник лет 25–28 оказывался там на разных церемониях выше полкового командира в штаб-офицерском звании. И все это в условиях действия осадного положения. Такая ситуация (в конкретных проявлениях), действительно, была нетерпимой. Однако, бывшие майские заговорщики, создавшие в 1911 г. тайное общество «Черная рука», решили использовать ее для лобовой атаки на правительство.

Тем более, что во время и после Балканских войн офицерство стало вести себя в Старой Сербии и Македонии крайне независимо. По словам русского военного агента, полковника В.А. Артамонова, «военные, реабилитированные войной, высоко подняли голову»³⁰⁷. Настолько высоко, что, когда во время кризиса в отношениях с Болгарией по поводу раздела территорий, захваченных у турок в ходе Первой войны, раздался слух, будто Пашич готов отдать их часть Софии, они открыто пригрозили кабинету³⁰⁸, а член «Черной руки», Любомир Йованович-Чупа, от имени организации, высказал премьеру, что «они изрубят его в куски на Теразиях, если он хоть что-то уступит болгарам»³⁰⁹.

Воспользовавшись очередной ссорой (командира Вардарской дивизии Дамняна Поповича с окружным начальником за право на первое место в церкви, завершившейся демонстративной отставкой комдива), после чего, собственно, и был выпущен указ «О старшинстве...», заговорщики потребовали его отмены и предоставления сатисфакции «униженным» офицерам. Глава правительства Никола Пашич отказался идти на уступки. В ответ (после неудачной попытки двинуть войска из Скопья на Белград³¹⁰) те вступили в альянс с парламентской оппозицией (независимыми радикалами) с целью *любой це-*

* «Новая Сербия» – общее наименование всех территорий, присоединенных к Королевству в 1912–1913 гг. В отличие от так называемой «Старой Сербии» – *исторической области* (состоявшей из Рашки и Косова и Метохии), освобожденной в ходе Первой балканской войны и поделенной с Черногорией.

ной – вплоть до переворота – сместить премьера. В своих личных амбициях и эгоистичных резонах независимцы пошли на этот тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, – точно сформулировал “диагноз” Воислав Вучкович, – оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем»³¹¹. И его коллега Саво Скоко позднее констатировал: «Противостояние переместилось в печать и Народную скупщину, продолжаясь более двух месяцев и угрожая парламентскому порядку в Сербии...»³¹².

Глубинный смысл этого конфликта, с точки зрения «политической культуры» его участников, вскрыл уже упомянутый нами Милан Живанович: «Радикалы хотели власти, *долгой и неделимой* (здесь и далее выделено нами. – А.Ш.) власти. И потому готовили не только общественное мнение к своему долгому владычеству, но и рассматривали новые территории, Старую Сербию и Македонию, в качестве будущей радикальной колонии. Апис и заговорщики хотели власти в армии, такой же *долгой и неделимой*. Они пытались превратить армию в свою будущую колонию... Оба фактора присваивали себе все заслуги за военные успехи и вошли в жесткий клинч, так как мешали друг другу. Радикальные лидеры побаивались “преторианцев”, казавшихся им препятствием для создания *радикального царства*... В этом столкновении заговорщиков с радикалами оппозиция стояла на стороне армии, но совсем не потому, что она желала защищать правое дело, а дабы самой иметь защиту мощной силы в борьбе с радикалами. Было необходимо свалить Пашича любой ценой, и момент ей показался подходящим»³¹³.

Перед нами – привычный и давно известный набор представлений сербской элиты, фундамент которого составляли стремление каждой из ее фракций к монополии на патриотизм и мессианская претензия на политическое господство. Все же «другие» объявлялись врагами – в борьбе с ними использовались любые средства. И в этой связи весьма показательна «дефиниция» политики, сформулированная тем же С. Протичем: «Политика – это как паровой каток, укатывающий дорогу. Все, что находится у него на пути, надо выровнять: засыпать, утрамбовать, раздробить»³¹⁴.

Кульминацией «Спора о приоритете» явились роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король в мае 1914 г. возвратил ему мандат на власть – для их организации. А 11 июня обнародовал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением. Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г. Гартвиг. Именно он рекомендовал Петру I оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Итак, в борьбе с «Черной рукой» (этим мощным антиконституционным участником сербской политики) «парламентский» режим формально устоял, но при поддержке другой нелегитимной силы – российской императорской миссии³¹⁵...

Кстати, спрашивается, – а какую политику на присоединенных территориях проводил «устоявший парламентский режим», ведь сербский «Золотой век» формально еще не закончился? Вот что читаем об этом в книге академика Симы Чирковича «История сербов»* – лучшем синтетическом очерке сербской истории: «В ходе Балканских войн были серьезно поколеблены два основополагающих принципа прежней политики Сербии – этничности и парламентской демократии. Завоевания в Албании и Македонии показали, что она выходит за рамки отстаиваемой десятилетиями стратегии освобождения сербского народа»³¹⁶.

И, действительно, в завоеванных областях был установлен «автократический провизориум» (по выражению сербского академика Йована Жуйовича³¹⁷), в рамках которого, по словам современника событий, русского историка А.Л. Погодина, совершались «многочисленные насилия, отсутствовали конституция и гражданские права»³¹⁸. Сербский премьер Никола Пашич не любил насилия, о чем свидетельствует хотя бы В.Н. Штрэндтман: в начале Мировой войны тот «в порыве откровенности высказал мне свои сетования, что некоторые начальники сербских военных отрядов, действовавших

* Название оригинала: *Ђирковић С. Срби међу европским народима* (Београд, 2004). Высоко оценивая этот труд, мы инициировали его перевод на русский язык, – он вышел в Москве в 2009 г.

в предыдущем (1913-ом. – *А.Ш.*) году в Албании, недостаточно считались с чувствами и патриотическими настроениями албанского народа. Он с досадою говорил о превышении этими начальниками своих полномочий и крайней суровости наказаний за малейший проступок без достаточного основания»³¹⁹. Но, с другой стороны, Николай Петрович вовсе не собирался интегрировать новых подданных Сербии в сербское конституционное поле. Отвечая на вопрос русского корреспондента В.В. Водовозова, он заявил: «Что же касается действия сербской конституции, то мы не распространяли его на Македонию потому, что там, кроме славян, имеется большое число греков, турок, албанцев, армян». И далее: «Не можем же мы дать им право участвовать в нашей скупщине и законодательствовать не только для себя, но и для нас»³²⁰.

Однако, насчет славян Пашич откровенно лукавил. Наряду с албанцами, главными «оппонентами» сербов «на терену» были болгары – такие же православные славяне! И вот, на прямой вопрос Водовозова о болгарских школах в Македонии министр внутренних дел Сербии Любомир Йованович столь же прямо ему ответил: «По заключении мира мы действительно не открыли болгарских школ, и их больше нет*. Но мы открыли много новых (естественно, сербских, для ускоренной национально-культурной “ассимиляции”*** православных

* Соотношение количества болгарских и сербских начальных школ на территориях, вошедших в состав Сербии, весьма показательно. Накануне вхождения (наряду с 334 государственными турецкими) здесь находилось 290 болгарских и 250 сербских школ. Из числа же средних школ, каковых имелось 74, «больше всего было болгарских, тогда как сербских – всего шесть», – признает современный сербский историк Милош Ягодић (см.: *Јагодић М.* Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 527).

** Данный термин использован автором отнюдь не произвольно. Ведь именно так называл вещи своими именами Никола Пашич. Накануне Сараевского покушения, по свидетельствам ряда очевидцев, он заявил: «Никак не могу понять, почему в Вене не видят, что наши непосредственные интересы требуют, чтобы на протяжении жизни по крайней мере одного, а, может быть, и двух поколений, вопрос о существовании Австро-Венгрии не поднимался. У нас сейчас и так полно работы, дабы *ассимилировать* (выделено нами. – *А.Ш.*) сербскую Македонию» (Цит. по: *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 165).

болгар и македонцев. – А.Ш.)», следствием чего было то, что, «большая часть болгарских учителей оставила Македонию»³²¹. Ясное дело – люди, крещенные при рождении как Петровы и Поповы, совсем не желали становиться Петровичами или Поповичами³²².

Спрашивается, – сколь долго сей порядок предполагалось применять? Как полагал другой академик Любомир Стоянович, по крайней мере лет десять – «до тех пор, пока население не начнет ощущать себя сербскими гражданами; и еще больше, пока они не станут сербами»³²³, ибо *«настоящих сербов там нету и четверти»* (выделено нами. – А.Ш.)³²⁴. Да и сам Й. Жуйович после поездки по Македонии пришел к заключению, «что населяющий ее народ еще не следует впускать в нашу скупщину», хотя до нее рассуждал иначе³²⁵.

Такие вот представления о «гражданине» и его «правах» в собственной стране сложились в сербской элите (политической и научной) накануне июня 1914 г. – архаичные и замешанные на крутом этноцентризме. Что, на наш взгляд, как-то не совсем вяжется с концепцией «расцвета» демократии и парламентаризма.

• • •

Ну, а «завтра была война», и все завертелось с калейдоскопической быстротой. Сараевское убийство и ультиматум Австро-Венгрии; ее нападение на Сербию и героическая борьба сербов, дважды (в ходе Церского и Колубарского сражений) пославших в нокдаун сильнейшего на порядок противника; относительное затишье до осени 1915 г. и октябрьское австро-германо-болгарское вторжение; беспримерная по трагизму «Сербская Голгофа» и эвакуация остатков армии и правительства с албанского побережья на остров Корфу зимой 1916 г.

Казалось бы, в военное время особенно требуется единство нации и согласие ее элиты. И в момент объявления Веной войны Белграду все так и было. «Люди и партии протягивали друг другу руки. Все распри были забыты»³²⁶, – писал лично лицезревший сей факт В.Н. Штрандтман. Но опять ненадолго. И, прибывши на Корфу, П. Драшкич снова констатировал у своих земляков рецидив их хронической болезни – «Как

только непосредственная опасность спадает, и наступает краткое затишье, у нас, сербов, сразу же начинаются политические раздоры»³²⁷. А полковник Мирко Милосавлевич говорил Слободану Йовановичу: «Пока идут военные операции, мы действуем совместно, как братья; но стоит им прекратиться, словно какой-то дьявол вселяется в нас»³²⁸.

Кульминацией таких «раздоров» стал Салоникский процесс 1917 г. и расстрел предводителя «Черной руки» Д. Димитриеви́ча. К периоду Корфского затишья относится и начало острого соперничества в политических верхах Королевства. Возросшие амбиции принца-регента Александра и его «ревность» к Николе Пашичу привели к появлению первых глубоких трещин в их отношениях³²⁹.

Дальнейшее известно: Сербия вышла из войны «триумфатором» – лидером и ядром объединенного югославянского государства, Королевства СХС. И вновь, в сфере политической культуры ее элиты ничего не изменилось. Только к старым партийным сварам «шумадийцев» добавились новые распри между ними и «пречанами» – на фоне явно-скрытой конфронтации с хорватами и словенцами, которые (в отличие от сербов) именно в межвоенной Югославии завершили процесс своей национально-политической консолидации. Но это уже другая тема.

6. Заключение: «Человек политический»?

Подводя итог нашим размышлениям, позволим себе одну параллель. Говоря в упомянутом вначале труде о специфике сербского общества, мы констатировали, что *экономический человек* в независимой Сербии «все еще не проснулся, несмотря на “квазиевропейские” формы его существования»³³⁰. Что же касается политической культуры, то, в принципе, ее результатом и мерой – по определению ученых – является «политический человек и качество политической жизни общества в целом»³³¹. Так вот, как мы и старались показать, этот *политический человек* европейского типа также спал в Королевстве глубоким сном. Вместо него бодрствовал (находясь «на вечном карауле») *человек воинственный*, всегда готовый к схватке за «национальный идеал».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русские о Сербии и сербах. Т. I (письма, статьи, мемуары) / Сост. А.Л. Шемякин. СПб, 2006. С. 76.

² Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 242.

³ Цит. по: *Потанов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902–1915. М. – Подгорица, 2003. С. 37.

⁴ См.: *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации: синдром отягощенной наследственности. СПб, 2004. С. 10–53.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Изучению специфики функционирования данных институтов в сербских условиях посвящены и другие работы автора: *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81; *Он же.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб, 2005. С. 176–201; *Он же.* Политические партии в независимой Сербии // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. СПб, 2006. С. 199–214; *Он же.* Система народного образования в независимой Сербии // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб, 2007. С. 90–102; *Он же.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления // Историки–слависты МГУ. Кн. 7 (Х.Х. Хайретдинов). М., 2008. С. 184–208; *Он же.* Сербия в начале XX в. // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 13–54; *Он же.* «Партия нового типа». Особенности сербского радикализма (конец XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. М., 2013. С. 183–200. Были сделаны попытки и компаративного исследования (см.: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132; *Они же.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Etudes Balkaniques. Sofia, 2014. № 1. С. 41–80).

⁷ *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. М., 2004. С. 325.

⁸ Там же.

⁹ *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 413.

¹⁰ См.: *Батаковић Д.* Успомене Панте М. Драшкића у српској мемоарској прози // *Драшкић П.* Моји мемоари / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19; *Љушић Р.* Милан Обреновић // *Он же.* Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С. 142; *Нова историја Ср-*

пског народа / Ур. Д. Батаковић. Београд, 2000; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302–303, 306; *Радојевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара Марковића (1874–1946). Београд, 2007. С. 78; *Радоевич М., Димич Л.* Сербия в Великой войне 1914–1918 гг. Белград, 2014. С. 26–36; и др.

¹¹ *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // *Balkanica*. Vol. XXXVI. Belgrade, 2006. P. 129.

¹² См.: *Стојичић С.* Уставни развитак Србије 1869–1888. Лесковац, 1980.

¹³ *Свирчевић М.* Локална самоуправа у Србији и Бугарској (1878–1914). Београд, 2009. С. 282.

¹⁴ Нова историја Српског народа. С. 188.

¹⁵ *Батаковић Д.* О парламентарној демократији у Србији 1903–1914. Странке, изборе, политичке слободе // Глас САНУ. CDXX. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 2012. С. 391, 407.

¹⁶ *Батаковић Д.* Сербия накануне Первой мировой войны: внешние и внутренние вызовы // Накануне Великой войны: Россия и мир / Отв. ред. О.В. Петровская. М., 2014. С. 45. См. также: *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века (2 изд.). Београд, 1982. С. 282–283; *Историја Српског народа.* Београд, 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Београд, 1989. Књ. 2. С. 546; *Живојиновић Д.* Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; *Он же.* Успон и пад српске идеје. Београд, 1995. С. 27; *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect... P. 131; *Суботић Д.* Прилози за националну историју државе и права у 19. и 20. веку (до 1941. године). Књ. 1. Београд, 1996. С. 50–61; *Протић С.* Срби и демократија. Записе из наше политичке историје. Ниш, 1998. С. 58, 62; *Антонић С.* Српско «златно доба» између старог и новог мита // Нова српска политичка мисао. Београд, 1999. Бр. 1–2. С. 233–254; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 203–204; *Bataković D.* Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914) // *Balkanica*. Vol. LXIV. Belgrade, 2013. P. 307–308; *Батаковић Д.* Војска у политици Србије 1903–1906. године // Споменица др Данице Милић. Београд, 2013. С. 264–265, 292; *Срби 1903–1914.* Историја идеја / Приред. М. Ковић. Београд, 2015; и др. ... Данная оценка популярна и в мировой литературе. См., например: *Драгний А.* Развој парламентаризма у Србији у XIX веку. Горњи Милановац, 1989 (перевод с английско-го оригинала). С. 106; Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры

в Юго–Восточной Европе. М., 1990. С. 20–21; *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах ЛД. Троцкого. Пермь, 1994. С. 17; *The Serbs and their Leaders in the Twentieth Century.* Ashgate Publishing Limited. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2; *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. Београд, 2004 (перевод с английского оригинала). С. 98; *Кларк К.* Месечари. Како је Европа кренула у рат 1914. Београд, 2014 (перевод с английского оригинала). С. 12–13; и др.

¹⁷ *Stojanović D.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije // *Она же.* Ulje na vodi. Ogledi iz istorije sadašnjosti Srbije. Beograd, 2010. S. 61.

¹⁸ Из работ последнего десятилетия см.: *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 348–420; *Stojanović D.* U živom blatu. Institucije u Srbiji 1903–1914. // *Она же.* Iza zavese. Ogledi iz društvene istorije Srbije 1890–1914. Beograd, 2013. S. 103–124; *Chrobak T.* Srbsko za vladу Petra Karadjordjevića // *Dejiny Srbska.* Praha, 2005. S. 249–250; *Popović–Obradović O.* Mit o začecima parlamentarizma u Srbiji 1903–1914: «zlatno doba srpske demokratije» // *Она же.* Kakva ili kolika država / Prired. L. Perović. Beograd, 2008. S. 224–253; *Лазућ М.* Друштвени односи у Србији у време закаслелог капиталистичког развоја // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2009. Св. 3. С. 24; *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX века... С. 22–37; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 255–266; *Јовановић Н.* Увреда, бес и крв. Српска штампа и Мајски преврат. Београд, 2014. С. 170–171; и др.

¹⁹ *Touraine A.* Qu’ est-ce que c’est que la démocratie. Paris, 1994. P. 26. Приведено по: *Стојановић Д.* Срби и демократија... С. 413.

²⁰ *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 6.

²¹ Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства).

²² *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894 / Прев. и приред. Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 204 (запись от 6 декабря 1893 г.).

²³ Подробнее о П.А. Кулаковском, его жизни, взглядах и творчестве см.: *Грот К.Я.* Платон Андреевич Кулаковский. СПб., 1914; *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.) М., 1989. С. 74–92; *Она же.* Деятельность П.А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (к 100–летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2013. Кн. 1. С. 77–93; *Шемякин А.Л.* Письмо Николы Пашича П.А. Кулаковскому // Историјски часопис. Књ. XL–XLI. Београд, 1995. С. 219–232; *Он же.* Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // Родина. 2013. № 12. С. 47–52; *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 111–126; *Она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 725–745; *Питер П.* Платон Кулаковски и почеци

српске универзитетске русистике // *Он же*. Лингвистичка славистика. Студије и чланци. Београд, 2014. С. 27–35.

²⁴ *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А.Кулаковского... С. 111.

²⁵ *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 203.

²⁶ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 12 декабря 1878 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 70.

²⁷ П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 14 сентября 1880 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 180.

²⁸ П.А. Кулаковский – В.В. Макушеву. Станция Пушкино, 6 июля 1882 г. // Там же. С. 186.

²⁹ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 27 мая 1882 г. // Там же. С. 168.

³⁰ П.А. Кулаковский – И.П. Корнилову. Белград, 8 мая 1882 г. // Там же. С. 188.

³¹ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 20 июня 1881 г.) // Там же. С. 108.

³² П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г. // Там же. С. 182.

³³ *Гордон А.В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С. 45.

³⁴ См.: *Тодорова М.* Имагинарни Балкан. Београд, 1999 (перевод с английского оригинала). С. 196.

³⁵ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 15 января 1881 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 87.

³⁶ П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г. // Там же. С. 183.

³⁷ *Батаковић Д.* Успомене Панте М. Драшкића у српској мемоарској прози... С. 19.

³⁸ *Пироћанац М.* Белешке / Приред. С. Рајић. Београд, 2004.

³⁹ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III, IV / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007.

⁴⁰ *Стојановић К.* Слом и васкрс Србије / Приред. С. Турлаков. Београд, 2012.

⁴¹ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. Београд, 2010 (1 изд. – Он же. Како живи наш народ. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893).

⁴² *Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В.* Политология. М., 2002. С. 280.

⁴³ *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура. Методологический очерк. М., 1996. С. 9–12.

⁴⁴ Там же. С. 18.

⁴⁵ Там же. С. 16–17.

⁴⁶ Там же. С. 18.

⁴⁷ *Троцкий Л.Д.* В дороге // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 43.

⁴⁸ *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 2.

⁴⁹ *Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // *Славянский альманах.* М., 2011. С. 441.

⁵⁰ Дневники путешествия (командировки) К.Я. Грота в славянские земли в 1882–1883 гг. У лужичан, в Пеште, Сербии, Хорватии и у словенцев // *Русские о Сербии и сербах.* Т. II. С. 248.

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Политические партии в независимой Сербии... С. 199–200.

⁵² *Протић М.* Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // *Србија на крају Првог светског рата* (Зборник радова). Београд, 1990. С. 137.

⁵³ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 12 февраля 1879 г. // *Русские о Сербии и сербах.* Т. II. С. 117.

⁵⁴ *Дарам М.* Кроз српске земље / Прев. и приред. В. Милановић. Београд, 1997. С. 128.

⁵⁵ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III. С. 245 (запись от 14 января 1886 г.).

⁵⁶ Там же. С. 297 (запись от 25 ноября 1886 г.).

⁵⁷ *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 80–81.

⁵⁸ *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи... С. 26.

⁵⁹ *Троцкий Л.Д.* Стоян Новакович // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 63.

⁶⁰ *Стојановић К.* Слом и васкрсење Србије. С. 87.

⁶¹ *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия... С. 116.

⁶² *Ђорђевић Д.* Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 55.

⁶³ *Stojanović D.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 62–63.

⁶⁴ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г. // *Русские о Сербии и сербах.* Т. II. С. 158.

⁶⁵ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 267 (запись от 12 ноября 1895 г.).

⁶⁶ Дневник Тасе Миленковића – првог српског ученог полицајца. Београд, 2000. Књ. 1. С. 104.

⁶⁷ Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Бр. 9327/11. Дневник Милана Милићевића. Л. 1616.

⁶⁸ *Јовановић В.* Успомене / Приред. В. Крстић. Београд, 1988. С. 484.

⁶⁹ Бобчевъ С.С. Изъ славянските земи... С. 27.

⁷⁰ Тодоровић П. Огледало. Знаке из прошлости / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 206.

⁷¹ См.: Маријан В. Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији. Београд, 1996.

⁷² Казимиrowић В. Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Књ. 1. Београд, 1990. С. 574.

⁷³ Димитријевић Л. Како живи наш народ. С. 115–116.

⁷⁴ Мале А. Дневник са српског двора... С. 87 (записъ от 12 октябрия 1892 г.).

⁷⁵ Антић Ч. Кратка историја Србије. Београд, 2004. С. 83.

⁷⁶ Подробнее об этом см.: Трифуновић М. Историја Радикалне странке (Од постанка до 1903). Београд, 1995. С. 198–200.

⁷⁷ См.: Марковић С. Гроф Чedomиљ Мијатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.

⁷⁸ Protić M. The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect... P. 129–130.

⁷⁹ Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 275.

⁸⁰ Николајевић Д. Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.

⁸¹ Новаковић С. Бугарско–српски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Мемоарски листићи. Београд, 1907. С. 2.

⁸² Троцкиј Л.Д. Стојан Новакович... С. 62.

⁸³ См.: Вуксановић–Анић Д. Са капетаном д'Ормесоном 1877. 22 дана у двоколицама кроз Србију. Београд, 1980. С. 34.

⁸⁴ Вейнберг Е. Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 473.

⁸⁵ АСАНУ. Бр. 12877. См. также: Жујовић Ј. Дневник. Т. I / Приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. С. 246.

⁸⁶ Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 20. јануар 1941. Бр. 1144.

⁸⁷ Тимочка буна 1883. Грађа. Т. VI / Приред. Д. Тодоровић и Љ. Поповић. Београд, 1986. С. 154 (документ 899).

⁸⁸ Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 72.

⁸⁹ Јовановић В. Државна власт и појединац // Приватни живот код Срба у деветнаестом веку / Приред. А. Столић и Н. Макуљевић. Београд, 2006. С. 74.

⁹⁰ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615–1–27.

⁹¹ См.: Перовић Л. Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3; Шемякин А.Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880–е гг.) // Славянские народы: общность ис-

тории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. М., 2000. С. 228–255.

⁹² *Perović L.* Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006. S. 393.

⁹³ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 4 октября 1880 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 79.

⁹⁴ Там же (запись от 25 мая 1881 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 107.

⁹⁵ *Лафан Р.* Срби – чувари капије. Предавања по историји Србије / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1994. С. 271.

⁹⁶ *Stojanović D.* Ulje na vodi. Politika i društvo u modernoj istoriji Srbije // Она же. Ulje na vodi. Oglеди iz istorije sadašnjosti Srbije. S. 39.

⁹⁷ *Николајевић Б.* Радикална странка и Светомир Николајевић. Београд, 1938. С. 14.

⁹⁸ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 205–207 и далее; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 259–262.

⁹⁹ *Милошевић Р.* Тимочка буна. Успомене Раше Милошевића – члана Главног одбора Народне радикалне странке. Београд, 1923. С. 105.

¹⁰⁰ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. Београд, 2008. С. 275–277.

¹⁰¹ П.А. Кулаковский – К.Я. Гроту. Белград, 26 марта 1881 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 169–170.

¹⁰² *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. I. М., 1991. С. 79.

¹⁰³ *Крстич Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 118–119 (запись от 1 июня 1890 г.).

¹⁰⁴ *Ковић М.* Јован Скерлић // Срби 1903–1914. Историја идеја. С. 537.

¹⁰⁵ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 108–109.

¹⁰⁶ Краткий отчет о занятиях магистра Санкт-Петербургского университета К.Я. Грота в Праге и других местах летом 1882 г. (от начала июня до 1 октября) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 255.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ П.А. Кулаковский – А.Н. Пыпину. Белград, 17 марта 1880 г. // Там же. С. 200.

¹⁰⁹ П.А. Кулаковский – А.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г. // Там же. С. 183.

¹¹⁰ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 12 декабря 1878 г.) // Там же. С. 71.

¹¹¹ П.А. Кулаковский – А.Н. Пыпину. Белград, 7 июля 1881 г. // Там же. С. 202.

¹¹² П.А. Кулаковский – Н.А. Попову. Белград, 6 марта 1882 г. // Там же. С. 197.

¹¹³ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 31 января 1881 г. // Там же. С. 145.

¹¹⁴ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 14 февраля 1881 г. // Там же. С. 151.

¹¹⁵ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 24 января 1881 г.) // Там же. С. 91.

¹¹⁶ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 114.

¹¹⁷ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 14 января 1881 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 143.

¹¹⁸ Черновой автограф статьи П.А. Кулаковского о партийной жизни Сербии и выдвинутой радикалами программе. Белград, 30 января 1881 г. // Там же. С. 113.

¹¹⁹ Письмо из Белграда (выдержка из него – для К.П. Победоносцева) // Там же. С. 271.

¹²⁰ *Марков Е.Л.* Путешествие по Сербии и Черногории // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 296.

¹²¹ *Илић А.* Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 81, 133. См. также: *Радић Р.* Православна црква у Србији у време краља Милана Обреновића // Сборник Матице Српске за историју. Нови Сад, 2008. Бр. 77–78. С. 231–232.

¹²² *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III. С. 176 (запись от 27 мая 1885 г.).

¹²³ *Stojanović D.* Ulje na vodi. Politika i društvo u modernoj istoriji Srbije... S. 39–40.

¹²⁴ *Она же.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 65.

¹²⁵ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719 («Конфликт 1914. године»). С. 2–3.

¹²⁶ Там же. С. 12.

¹²⁷ *Ламанский В.И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 28.

¹²⁸ П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 14 сентября 1880 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 180.

¹²⁹ П.А. Кулаковский – А.Н. Пыпину. Белград, 17 марта 1880 г. // Там же. С. 200.

¹³⁰ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 12 февраля 1881 г.) // Там же. С. 93.

¹³¹ К.Ф. Радченко – Т.Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июля 1899 г. // Там же. С. 327.

¹³² *Жујовић Ј.* Дневник. Т. I. С. 226.

¹³³ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III. С. 316 (запись от 3 июня 1887 г.).

¹³⁴ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 158.

¹³⁵ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 109.

¹³⁶ Научно–исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 239. Папка 5. Д. 30. Л. 25 об. (Е. Бойович – Н.А. Попову. Белград, 24 декабря 1881 г.).

¹³⁷ *Јовановић Н.* Увреда, бес и крв. Српска штампа и Мајски преврат. Београд, 2014. С. 38.

¹³⁸ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 69 (запись от 6 марта 1889 г.).

¹³⁹ Там же. Књ. III. С. 237 (запись от 28 декабря 1885 г.).

¹⁴⁰ Показательные примеры качества чиновников (не гнушавшихся открытого бездействия, провокаций и обмана), что являлось следствием господствовавшего в Сербии принципа монопольного формирования *всякой* власти в центре и на местах победившей партией – вплоть до служителей и курьеров, приведены в: *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 47–50, 59–61, 69, 82–86, 91, 93–99, 101–106, 108–111, 113–114, 118–121.

¹⁴¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 340. Оп. 584. Д. 32. Л. 3 об.

¹⁴² *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XII. Из историје и књижевности. II. Београд, 1991. С. 534.

¹⁴³ *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 1979. С. 303.

¹⁴⁴ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Семиосфера. СПб, 2000. С. 142.

¹⁴⁵ Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву / Приред. Љ. Павловић. Смедерево, 1984. С. 147.

¹⁴⁶ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 197 (запись от 29 ноября 1893 г.).

¹⁴⁷ Цит. по: *Перишић М.* Либерали и либерализам у Србији 19. века. Београд, 2004. С. 266.

¹⁴⁸ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 21–27 мая 1882 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 166.

¹⁴⁹ Цит. по: *Stojanović D.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... С. 67.

¹⁵⁰ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 1 июля 1881 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 111.

¹⁵¹ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III. С. 94 (запись от 16 июля 1878 г.).

¹⁵² Там же. С. 273 (запись от 16 мая 1886 г.).

¹⁵³ *Јовановић В.* Тајна полиција Књежевине Србије (политичко насиље и управљачке стратегије у Србији 19. века). Београд, 2012. С. 159.

¹⁵⁴ См.: *Perović L.* Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). S. 384–420.

¹⁵⁵ *Јовановић Н.* Увреда, бес и крв. Српска штампа и Мајски преврат. С. 28.

¹⁵⁶ *Екмечић М.* Дуго кретање између клана и орања... С. 306.

¹⁵⁷ *Троцкий Л.Д.* Сербская пресса // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 73.

¹⁵⁸ Там же. С. 74–75.

¹⁵⁹ К.А. Губастов – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 5 апреля 1905 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 395–396.

¹⁶⁰ Мемоари Т. Стефановића Виловског (1881–1920) / Приред. В. Крстић. Нови Сад, 2010. С. 62.

¹⁶¹ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 157.

¹⁶² П.А. Кулаковский – Н.А. Попову. Белград, 4 апреля 1882 г. // Там же. С. 198.

¹⁶³ Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 6. 1890–1940. Београд, 2008. С. 168–170.

¹⁶⁴ Цит. по: *Радјевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божицара Марковића (1874–1946). С. 115–116.

¹⁶⁵ Рукописно одељење Матице Српске (даље – РОМС). Бр. М.14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». С. XI.

¹⁶⁶ *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука» // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С. 311.

¹⁶⁷ Там же. С. 316–317.

¹⁶⁸ *Дворниковић В.* Национализам и социјализам, или «биологија идеја» // *Он же.* Борба идеја. Београд, 1995. С. 130.

¹⁶⁹ *Јовановић Б.* Пркос и инат. Београд, 2008. С. 42.

¹⁷⁰ Там же. С. 44.

¹⁷¹ *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова. Сукобљени светови. Београд, 2011. С. 212.

¹⁷² *Она же.* Владан Ђорђевић. Биографија поузданог обреновићевца. Београд, 2007. С. 182.

¹⁷³ Б.Н. Евреинов – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 11 июля 1906 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 356–357.

¹⁷⁴ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда... С. 251–252.

¹⁷⁵ *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела С. Јовановића. Т. VII. Београд, 1990. С. 372.

¹⁷⁶ *Рајић С.* Милан Обреновић – краљ–политичар // Зборник Матице Српске за историју. Св. 79–80. Нови Сад, 2009. С. 50.

¹⁷⁷ Подробнее о причинах «популярности» нейтральных правительств в Сербии см.: *Рајић С.* Неутралне владе у Краљевини Србији (1893–1900) // Српске студије. Књ. 1. Београд, 2010. С. 127–155.

¹⁷⁸ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. 1. С. 56.

¹⁷⁹ Там же. С. 49.

¹⁸⁰ *Тодоровић П.* Краљ Милан и радикална странка // Он же. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 174.

¹⁸¹ *Пироћанац М.* Белешке. С. 309 (запись от 15 июля 1886 г.).

¹⁸² Там же. С. 275 (запись от 23 марта 1886 г.).

¹⁸³ См.: *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002.

¹⁸⁴ См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии... С. 188–190.

¹⁸⁵ См.: *Љушић Р.* Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића // Пера Тодоровић (Зборник радова). Београд, 1999. С. 49–50.

¹⁸⁶ *Каљевић Љ.* Моје успомене. Београд, 1908. С. 53.

¹⁸⁷ *Пироћанац М.* Белешке. С. 469 (запись от 8 марта 1889 г.); *Perović L.* Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću // *Tokovi istorije.* Београд, 2002. Br. 3–4. S. 100.

¹⁸⁸ См.: *Жујовић Ј.* Дневник. Т. I. С. 106.

¹⁸⁹ *Пироћанац М.* Белешке. С. 470 (запись от 8 марта 1889 г.); *Perović L.* Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću... S. 100–101.

¹⁹⁰ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 154.

¹⁹¹ Сербия // Русский сборник. СПб, 1877. Т. 2. С. 133.

¹⁹² Архив Србије (далее – АС). Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 1058. Л. 18 (краљ Милан Обреновић – Милутину Гарашанину. 28. новембра 1886.).

¹⁹³ Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 2 / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 543 (док. 114, примеч. 20).

¹⁹⁴ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 21 мая 1882 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 163.

¹⁹⁵ Там же. С. 159.

¹⁹⁶ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 186–187 (запись от 13 ноября 1893 г.).

¹⁹⁷ АСАНУ. Бр. 9327/XVI (1). Дневник Милана Милићевића. Св. 16 (1). Л. 2820.

¹⁹⁸ Цит. по: *Лафан Р.* Срби – чувари капије... С. 271.

¹⁹⁹ *Дарам М.* Кроз српске земље. С. 201.

²⁰⁰ Писма Краљице Наталије Обреновић / Прев. и приред. И. Хаџи-Поповић. Београд, 1996. С. 107 (краљица Наталија – Јовану Жујовићу. 17/29 новембар 1899.).

- ²⁰¹ *Пироћанац М.* Белешке. С. 283–284 (запись от 29 апреля 1886 г.).
- ²⁰² Цит. по: *Растовић А.* Краљ Милан кроз призму британске политике // *Историјски часопис*. Књ. LV. Београд, 2007. 253.
- ²⁰³ *Каљевић Љ.* Моје успомене. С. 46.
- ²⁰⁴ *Пироћанац М.* Белешке. С. 325 (запись от 23 августа 1886 г.).
- ²⁰⁵ *Богуновић Н.* Коекуде Србијо. Српске историјске теме. 1804–1918. Београд, 2006. С. 341.
- ²⁰⁶ *Крстић П.* Кнез и краљ Милан у мемоаристици // *Историјски часопис*. Књ. LIV. Београд, 2007. С. 193.
- ²⁰⁷ *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 250.
- ²⁰⁸ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. С. 5.
- ²⁰⁹ *Тодоровић П.* Краљ Милан и радикална странка... С. 216.
- ²¹⁰ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 61 (запись от 25 февраля 1889 г.).
- ²¹¹ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 115.
- ²¹² *Михајловић П.* Дневници / Приред. Ј. Милановић. Београд, 2010. С. 85.
- ²¹³ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 186 (запись от 12 ноября 1893 г.). См. также: *Војводић М.* Односи са краљем Миланом // *Он же*. Стојан Новаковић. Београд, 2012. С. 175–208.
- ²¹⁴ Подробнее см.: *Шемякин А.Л.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления... С. 208.
- ²¹⁵ *Јовановић С.* Милан Обреновић // *Он же*. Портрети. Београд, 2005. С. 110–111.
- ²¹⁶ *Пироћанац М.* Белешке. С. 110 (запись от 22 сентября 1883 г.).
- ²¹⁷ См.: *Владе Србије (1805–2005)*. Београд, 2005. С. 154–201.
- ²¹⁸ *Пироћанац М.* Белешке. С. 110, 292, 425 (записи от 22 сентября 1883 г.; 1 июня 1886 г.; 23 мая 1888 г.).
- ²¹⁹ *Кайчев Н.* Македонийо, възжелана. Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006. С. 29.
- ²²⁰ Там же. С. 50, 59, 71–72; *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 187.
- ²²¹ См.: *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880–е годы)... С. 244–248; *Димић Љ.* Србија 1804–2004 (суочавање с прошлoшћу) // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 61–62.
- ²²² *Антић Ч.* Кратка историја Србије. С. 136.
- ²²³ *Лотман Ю.М.* Култура и взрив... С. 144.
- ²²⁴ *Сказкин С.Д.* Конец австро–руско–германского союза. М., 1974. С. 236.

²²⁵ *Алиптић Д.* Приказ књиге *Hamann B. Kronprinz Rudolf. «Majestat, ich warne Sie...»* (München, 1986) // Историјски часопис. Књ. XXXVI. Београд, 1989. С. 288–289.

²²⁶ *Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломате / Прев. и приред. С. Марковић. Београд, 2008. С. 67.

²²⁷ *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова, сукобљени светови. С. 214.

²²⁸ *Тодоровић П.* Краљ Милан и радикална странка... С. 174.

²²⁹ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. С. 129.

²³⁰ См., например: *Тодоровић П.* Дневник / Приред. Л. Перовић. Београд, 1990. С. 349.

²³¹ *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 115.

²³² Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб, 2002. С. 37–39.

²³³ Европские монархии в прошлом и настоящем. СПб, 2001. С. 3.

²³⁴ Цит по: *Рајић С.* Милан Обреновић – краљ–политичар... С. 57.

²³⁵ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића–Стојимировића. Бр. М.13.427. «Краљ Милан и краљица Наталија».

²³⁶ *Пироћанац М.* Белешке. С. 470 (запис от 8 марта 1889 г.); *Perović L.* Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću... S. 101.

²³⁷ *Амфитеатров А.В.* В моих скитаниях // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 449.

²³⁸ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића–Стојимировића. Бр. М.13.427. «Краљ Милан и краљица Наталија».

²³⁹ *Шемякин А.Л.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления... С. 201.

²⁴⁰ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 231 (запис от 15 априла 1895 г.).

²⁴¹ *Милићевић М.* Реформа војске Србије... С. 8, 59; *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији... С. 71.

²⁴² *Каљевић Љ.* Моје успомене. С. 55.

²⁴³ *Тодоровић П.* Мрачна слутња! (Једна успомена с пута краља Александра) // *Он же.* Огледало. Зраке из прошлости. С. 265–266.

²⁴⁴ Подробнее о жизни, правлении и судьбе короля Александра Обреновича см.: *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова, сукобљени светови.

²⁴⁵ Российский Государственный военно–исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 31 об. (И.Н. Сысоев – В.П. Целебровскому. Белград, 4 июня 1903 г.).

²⁴⁶ АС. Ф. Владана Ђорђевића. Бр. 151 (Б. Јанковић – В. Ђорђевићу. Крушевац, 7. јануар 1910.). Документ опубликован в: *Шемякин А.* Како

је у Београду убијен носилац руског ордена Светог Ђорђа (прилог за историју Мајског преврата 1903. године) // Војно–историјски гласник. Београд, 2010. Бр. 2. С. 190–195.

²⁴⁷ Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника / Приред. Ђ. Станковић. Књ. 1. Београд, 2007. С. 326.

²⁴⁸ Михајловић П. Дневници. С. 396.

²⁴⁹ Нова историја Српског народа. С. 189; *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect... Р. 131.

²⁵⁰ Вучковић В. Унутрашње кризе у Србији и први светски рат // Историјски часопис. Књ. XIV–XV. Београд, 1965. С. 175.

²⁵¹ И.Н. Сысоев – В.П. Целебровскому. Белград, 17 апреля 1906 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 384.

²⁵² В.В. Муравьев–Апостол–Коробьин – В.Н. Ламздорфу. Белград, 29 июля 1903 г. // Там же. С. 367.

²⁵³ Б.Н. Евреинов – В.Н. Ламздорфу. Белград, 11 июля 1906 г. // Там же. С. 356–357.

²⁵⁴ Посланство Краљевине Србије у Великој Британији – Министарству иностраних дела Краљевине Србије. 11/25.IX.1903. // Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. I. Св. 1. / Приред. А. Раденић. Београд, 1991. С. 496.

²⁵⁵ АСАНУ. «Pašić collection». Бр. 14924/22.

²⁵⁶ Стојановић Д. Србија и демократија... С. 259–267.

²⁵⁷ *Stojanović D.* Partijske elite u Srbiji 1903–1914: njihova uloga, način vladanja, način mišljenja // Она же. Iza zavese. Ogledi iz društvene istorije Srbije. 1890–1914. S. 31.

²⁵⁸ АС. Ф. Стојана Новаковића. Бр. 428. Л. 3.

²⁵⁹ Скерлић Ј. Фелтони, скице и говори // Сабрана дела Јована Скерлића. Књ. 7. Београд, 1964. С. 402.

²⁶⁰ Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С. 201.

²⁶¹ Троцкий Л.Д. Никола Пашич // Он же. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 71.

²⁶² Там же. С. 67.

²⁶³ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 611–613.

²⁶⁴ *Diplomaticus.* Никола Пашич // Новое время. 17 (30) апреля 1916 г.

²⁶⁵ Дворниковић В. Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С. 881.

²⁶⁶ Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах... С. 613.

²⁶⁷ Сфорца К. Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 287.

²⁶⁸ *Гайденко П.П.* Социология Макса Вебера // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 28.

²⁶⁹ См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии... С. 191–196.

²⁷⁰ *Дучић Ј.* Личност Николе Пашића // *Он же.* Сабрана дела. Књ. 6. Стазе поред пута. Сарајево, 1969. С. 192.

²⁷¹ *Кривокапић–Јовић Г.* Никола Пашић 1918–1926: крај једне карјере // Токови историје. Београд, 2011. Бр. 1. С. 32.

²⁷² Цит по: *Perović L.* Dobrica Ćosić o Josipu Brozu Titu. Skica za istraživanje političkog i intelektualnog odnosa // *Tito – viđenja i tumačenja (Zbornik radova).* Beograd, 2011. S. 169.

²⁷³ *Јовановић В.* Успомене. С. 179–180.

²⁷⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. Т. I. М., 1961. С. 226.

²⁷⁵ *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Србиа и коментари. Београд, 1989. С. 129.

²⁷⁶ *Милићевић М.* Реформа војске Србије... С. 91.

²⁷⁷ *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 74–75.

²⁷⁸ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 74–75 (запись от 6 октября 1892 г.).

²⁷⁹ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 19 июня 1880 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 136.

²⁸⁰ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 22 декабря 1878 г.) // Там же. С. 72.

²⁸¹ П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г. // Там же. С. 183.

²⁸² П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 19 июня 1880 г. // Там же. С. 134.

²⁸³ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв... С. 142.

²⁸⁴ *Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 494.

²⁸⁵ П.А. Ровинский – А.Н. Пыпину. Белград, 20 апреля / 2 мая 1868 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 56; *Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 56.

²⁸⁶ *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера... С. 565.

²⁸⁷ П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 183.

²⁸⁸ *Шевалье (Н.Г–д).* Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб, 1913. С. 98.

²⁸⁹ К.Ф. Радченко – Т.Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июня 1899 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 327.

²⁹⁰ Дневник П.А. Кулаковского (запись от 1 июля 1881 г.) // Там же. С. 111.

²⁹¹ Записка о Сербии К.А. Губастова. Белград, 20 февраля 1905 г. // Там же. С. 395.

²⁹² *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 116.

²⁹³ *Комаров Г.В.* В Белград на Пасху. 1914 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 575.

²⁹⁴ *Ровинский П.А.* Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Там же. С. 109–110.

²⁹⁵ *Дворниковић В.* Херојски тип и његове негативности // *Он же.* Борба идеја. С. 111.

²⁹⁶ *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв. К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76.

²⁹⁷ См.: *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 85–89; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 130–150; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия... С. 120.

²⁹⁸ Цит. по: *Popović–Obradović O.* Kakva ili kolika država. Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XX veka. S. 336.

²⁹⁹ *Stojanović D.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 78–79.

³⁰⁰ Цит. по: *Амфитеатров А.В.* Славянское горе // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 466.

³⁰¹ В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 381–382.

³⁰² *Штрандтман В.* Балканские воспоминания. С. 180–181.

³⁰³ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002. С. 75.

³⁰⁴ *Батакович Д.* Балканские войны 1912–1913 гг. Сербия и албанский вопрос // Балканы в европейских политических проектах XIX – XX вв. М., 2014. С. 81.

³⁰⁵ Доклад И.П. Табурно о ходе Балканской войны и ее результатах. Петербург, 27 ноября 1912 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 492–494, 499.

³⁰⁶ *Драшкић П.* Моји мемоари. С. 117.

³⁰⁷ Цит. по: *Винокуров В.С.* Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб, 2006. С. 251. См. также: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. М., 2013. С. 396.

³⁰⁸ *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С. 318.

³⁰⁹ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. II / Приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. С. 32.

³¹⁰ *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука»... С. 327.

³¹¹ *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и Први светски рат... С. 188.

³¹² *Скоко С.* Војно–политички положај Србије после Букурешког мира 1913. // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 340.

³¹³ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719 («Конфликт 1914. године»). С. 2.

³¹⁴ Цит. по: *Младеновић Б.* Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића // Нововековне српске династије у мемоаристичи. Београд, 2007. С. 365.

³¹⁵ *Шемякин А.Л.* Сербия в начале XX в. ... С. 36–37; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. С. 349–378.

³¹⁶ *Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 312.

³¹⁷ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. II. С. 15.

³¹⁸ *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 366.

³¹⁹ *Штрандтман В.* Балканские воспоминания. С. 330.

³²⁰ Ниш (от нашего специального корреспондента) // День. 29 декабря 1914 г. № 354.

³²¹ Там же. 1 января 1915 г. № 1.

³²² См.: *Вишняков Ј.* Балкански ратови и унутрашњи развој Србије // Балкански ратови 1912–1913. Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 222–223.

³²³ Цит. по: *Рadoјевић М.* Љубомир Љуба Стојановић // Срби 1903–1914. Историја идеја. С. 642.

³²⁴ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. II. С. 14–15.

³²⁵ Там же. С. 56.

³²⁶ *Штрандтман В.* Балканские воспоминания. С. 302.

³²⁷ *Драшкић П.* Моји мемоари. С. 158.

³²⁸ *Јовановић С.* Апис и сукоб између војних и грађанских власти у Македонији // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XI. Из историје и књижевности. I. Београд, 1991. С. 338–339.

³²⁹ *Драшкић П.* Моји мемоари. С. 157–159; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1985. С. 312–319.

³³⁰ *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских... С. 53.

³³¹ *Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В.* Политология. С. 281.

ГЛАВА III

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ПО-БАЛКАНСКИ (К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НЕДОЛГОВЕЧНОСТИ ЧЕРНОГОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.)

Черногорское княжество было в определенной степени уникальным образованием в Европе. Необычность этого государства состояла в том, что оно появилось не только в силу внутренних, но и внешних обстоятельств. Крохотный народ, замкнутый в горах и почти полностью изолированный от иностранных социально-экономических и культурных воздействий, на протяжении нескольких веков вел ожесточенную борьбу за свою идентичность и свободу. Его противником была Османская империя, считавшая черногорские земли подвластной территорией и пытавшаяся подчинить их общему распорядку государственной жизни на протяжении долгого времени. Нельзя утверждать, что это полностью удалось туркам, но и говорить о том, что черногорцы так и не покорились османам, тоже не стоит. Они оказались как бы вне европейского времени и пространства. Утратили институты феодального государства, возвратились к племенному укладу, который заметно упрочился в экстремальных условиях бесконечной войны и оказался самым надежным инструментом борьбы за выживание. К тому же, в Черногории сложилась особая система управления, когда племена подчинялись не только своим старейшинам и вождям, но и митрополиту – главе православной церкви. Черногорские митрополиты постепенно сосредоточили в своих руках и духовную, и светскую власть, стали создателями основ будущей государственности, заложив традицию единоначалия и подготовив почву для передачи управленческих функций светским правителям.

Племенной уклад черногорцев сам по себе, несомненно, интересен исследователям своими неповторимыми специфическими чертами. Но на этом нестандартность черногорской истории не кончается. В XVIII в. у южных славян Балканского полуострова появился мощный покровитель. В начале этого столетия произошел коренной переворот во внутренней и международной жизни России. Она начала проводить качественно иную внешнюю политику, характерную для им-

перий Нового времени, и в этой политике особое место заняли славянские народы. Российская элита взялась освободить христианские народы из-под османского гнета, полагая, что сможет использовать их в дальнейшем в качестве постоянных и послушных союзников. Воинственные черногорцы как никто другой подходили для осуществления этих планов. Начиная с Петра I все русские цари оказывали щедрую помощь черногорским племенам в их борьбе против турок. В XIX в. в ходе русско-турецких войн началось постепенное оформление автономных христианских княжеств, состоящих под покровительством России. В 1852 г. настала очередь Черногории. После смерти митрополита и поэта Петра II Петровича-Негоша (1830–1851 гг.), его племянник Данило (1851–1860 гг.) провозгласил себя князем и начал проводить реформы, направленные на создание всех необходимых атрибутов светского государства (ввел налоги, таможенные пошлины, писанные законы и т.д.). Политику энергичного строительства государственных институтов продолжил преемник Данилы Никола Петрович-Негош, занимавший престол с 1860 по 1918 г. Российская империя последовательно помогала самопровозглашенному княжеству, добившись после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его окончательного международного признания.

• • •

После Берлинского конгресса как будто исчезли внешние препятствия, мешавшие модернизации черногорского общества. 1880-е–1890-е гг. стали временем, когда война не отвлекала силы от мирного строительства, а международную ситуацию можно было назвать почти благоприятной. За этот период княжество должно было продвинуться вперед в экономическом и государственно-политическом отношении. Тогда же определились и проблемы, без успешного решения которых нельзя было добиться процветания. В экономике это были задачи подъема сельского хозяйства и обеспечения страны продовольствием, развития ремесла и промышленности, которых фактически не было до освобождения, создания полноценной финансовой системы и введение национальной валюты, без чего невозможно было развивать торговлю. В государственном строительстве нужно было заниматься со-

зданием эффективного управленческого аппарата, для него требовались квалифицированные кадры. В социальной сфере самой острой была проблема бедности. Очень низкий материальный уровень жизни черногорцев накладывался на почти поголовную безграмотность и неразвитую систему образования, на отсутствие необходимой медицинской помощи. Ко всем этим сложностям следует добавить племенные предрассудки, остатки сепаратизма, патриархальную мораль народа, не успевавшего усваивать достижения современной цивилизации. Наконец, в последней трети XIX в. черногорское государство должно было переключиться с прежнего внешнеполитического курса, сутью которого была борьба за свободу, на новый, обеспечивающий мирное сотрудничество с соседними странами. Сделать это было нелегко из-за того, что национальный вопрос на Балканах был далек от окончательного разрешения, Османская империя и Австро-Венгрия в той или иной мере угрожали суверенитету молодых государств региона. С этим багажом княжество вступило в XX век.

Внешне Черногория менялась очень быстро. Появились дороги, почтовое и телеграфное сообщение, были созданы многочисленные государственные учреждения, носившие европейские названия, народное ополчение преобразовывалось в регулярное войско. Были установлены дипломатические отношения с многими странами и подписано невероятное количество международных договоров. Черногорская молодежь отправилась получать образование за рубеж. Однако качественные сдвиги в общественной жизни шли куда медленнее и мучительнее, чем это могло показаться стороннему наблюдателю, замечавшему, как похорошело княжество за несколько лет. Традиционное сообщество воинов и пастухов оказалось неспособным глубоко усвоить европейскую социально-экономическую и политическую культуру, более того, оно и не стремилось сделать ее своим идеалом. Черногорцы продолжали жить, руководствуясь историческими мифами, собственными представлениями о справедливости, чести и достоинстве, коренным образом отличавшимися от того, что ценила либеральная Европа. Подписав сотни соглашений с европейскими странами, черногорская элита по сути ни на шаг не приблизилась ментально к своим европейским партнерам. Не случайно Россия, заметно отстававшая от великих европейских держав

в социально-политическом развитии, была князю Николе ближе и понятнее, чем Франция или Великобритания. Самодержавная модель исторически была ближе к традиционным механизмам управления, сложившимся в Черногории.

Европейские и российские ученые, написав немало объемных исследований о Черногории, так и не смогли до конца понять, чем же в сущности было это сообщество и это новообразованное государство на рубеже XIX–XX вв. Ближе всех к точному анализу специфики черногорского общества приблизился российский славист П.А. Ровинский, посвятивший почти четверть века изучению страны, которая стала для него вторым отечеством. Но и он не мог по объективным причинам дать окончательные ответы на многие вопросы, возникавшие по ходу становления и развития Черногорского княжества. Что представляла собой «новая» черногорская государственность, какой стала политическая культура страны за 35–40 лет суверенной истории? Что составляло основу и конечную цель развернувшихся модернизационных процессов? Хотел ли черногорский этнос этой модернизации и европеизации? Готов ли был народ перенимать «передовой» опыт Европы или мечтал о своем особом национальном идеале, аналогов которому не было в общественно-политическом арсенале европейцев? Сделаем очередную попытку разгадать загадки черногорской истории.

1. МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЧЕРНОГОРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Вопросы экономического развития Черногории до и после Берлинского конгресса обстоятельно рассматривались черногорскими, югославскими и российскими историками¹. При этом исследователи гораздо меньше внимания уделили собственно экономической политике черногорского правительства. Проблемы подготовки управленческих кадров, выработки стратегии и тактики черногорских властей в сельском хозяйстве, промышленности, торговле все еще нуждаются в кропот-

ливом изучении, иначе трудно определить размах модернизации в княжестве и успешность его государственной жизни. Экономическая эффективность и процветание всегда были мерилom модернизационных процессов.

1.1. Стартовый уровень черногорской экономики в 1878 г. Война как вид хозяйственной деятельности

Для того, чтобы правильно определить темпы развития суверенного черногорского государства, необходимо вспомнить, какой была экономика страны до Берлинского конгресса 1878 г. На протяжении нескольких столетий она носила причудливый характер. Противостоя Османской империи, черногорские племена оказались изолированными от внешнего мира и выключенными из европейской производственной системы. Они были обречены вести самое примитивное хозяйство, сохранявшее натуральную форму. Как писали иностранные наблюдатели, «семьи сами производили то, что нужно для жизни, остальное приобреталось путем грабежа»². Передовой техники черногорцы не знали, их инвентарь не менялся на протяжении веков. П.А. Ровинский писал, что «черногорец продолжает пахать ралом (род сохи. – В.Х.)»³. Таким инструментарием славяне пользовались еще в начале I тыс. Скотоводство тоже выглядело архаичным, летом скот пасли высоко в горах, где были разбросаны временные постройки – катуны. Зимой питались тем, что удалось заготовить за летний сезон. Если этого не хватало и наступал голод, приходилось делать набеги на соседей-мусульман и с помощью разбоя пополнять скудные ресурсы. Заметную роль в экономике играла коммуница – племенная собственность на землю, пастбища, леса. Об имущественном расслоении общества можно более-менее уверенно говорить только во второй половине XIX в., когда появились состоятельные по меркам княжества люди. Как правило, это были представители государства и племенной верхушки, имевшие возможность часть общественной собственности сделать личной, захватить неподделанные земли. Однако и эти «богачи» приумножали свое имущество не производством, а ростовщичеством.

Главным экономическим занятием до XIX в., по мнению П.А. Ровинского, была война, дававшая черногорцам почти

все, что было необходимо для жизни. Войны для Черногории стали разновидностью хозяйственной деятельности, преобладавшей на протяжении долгого времени: «...вся ее история сложилась под влиянием вечной войны, которая при том не представляла собой явления случайного или ненормального, а входила в обыденную жизнь черногорца и составляла для него занятие, как всякое другое, как земледелие, скотоводство или охота»⁴. Хозяйственный аспект войны заключался в том, что военная добыча становилась для замкнутых в горах племен едва ли не единственным источником пополнения продовольствия, скота, оружия и пороха, одежды и тканей. Сами они практически ничего не производили, добывая многое из того, что необходимо в быту, путем четования. Военные трофеи составляли значительную часть благосостояния семей. Все мужчины, включая подростков, принимали участие в боевых действиях. Отказ от участия в военной экспедиции был для черногорца равносителен самоубийству, он становился изгоем и подвергался всевозможным формам общественного порицания. В какой-то мере, героизм и удачливость на войне стали мерилем экономической успешности. Добычу делили на всех почти поровну, только старейшины получали немного больше других, обычно это было вооружение или конь. Не забывали при дележе и о семьях погибших – их доля доставалась вдове и детям. Как видим, война не только позволяла выжить в экстремальных условиях, но и поддерживала относительное социальное равенство, свойственное племенному укладу. Черногорский народ довел до совершенства этот вид деятельности, превратился в сообщество, не принимающее никакой профессиональной ориентации, кроме военной. Стрелять, сечь врага, побеждать его в рукопашном бою черногорец мог, как никто другой в Европе. Однако оборотной стороной такой «специализации» стало специфическое, можно сказать нигилистическое отношение к ремеслу и торговле. Мирные профессии не пользовались уважением в княжестве, считались недостойными юнака, ими должны были заниматься представители соседних народов, но не сами черногорцы. Представления о войне как об источнике дохода, формировавшиеся на протяжении столетий, оказались на редкость живучими. В общем случайный, но тонкий наблюдатель и аналитик Л.Д. Троцкий писал по поводу военных действий на Балканах в 1912 г.: «В этой вой-

не для черногорцев главная задача – грабеж. За черногорским войском – шествие жен, завоевали – грабеж. Солдаты все уносят из лавок и домов, жены – уносят домой.

И сербские войска грабят, но у черногорцев это система, и это делается как само собой разумеющееся, не скрывается, на глазах у всех. Когда сербские и черногорские войска взяли Плевлю (город на границе между Сербией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной, бывший в 1912 г. под властью турок. – В.Х.), черногорцы начали сейчас – еще на глазах офицеров – грабить. Начальник сербской бригады Анджелкович убил на площади двух черногорцев собственной рукой. Этот инцидент еще более обострил отношения – черногорцы остервенели, что их естественное право грабежа столь грубо было поправлено»⁵. Конечно, европейцам подобное поведение на войне казалось диким варварством. Но для черногорского народа, постоянно голодавшего и выживавшего пять веков с помощью боевых трофеев, военная добыча была неотъемлемой частью хозяйственной жизни, предметом почти сакральным, с нею подсознательно связывалась надежда на относительное благополучие. Тридцать с лишним лет мирного независимого существования и международного признания не могли перечеркнуть прошлое и вытравить из народного сознания убежденности в том, что имущество поверженного врага – законная награда победителя. В военных конфликтах начала XX века, включая Первую мировую войну, черногорцы оставались верны своим архаическим представлениям о справедливости.

После 1878 г. географическое и экономическое положение княжества заметно изменилось. Территория выросла в два раза, были присоединены плодородные равнины Зеты, Белопавличей, Приморья. Появились города – центры ремесла и торговли. Правда, к моменту включения их в состав Черногории, там совершенно преобладало мусульманское население, то есть, назвать города черногорскими можно было довольно условно. Получив небольшой участок Адриатического побережья, черногорские власти могли попытаться найти свою нишу в европейской международной торговле. Но еще более важной задачей правительства было дело сплочения старой и новой Черногории, превращение ее в единый цельный хозяйственный механизм. Это наложило особый отпечаток на характер экономической

модернизации княжества, в ходе которой предстояло выровнять уровень развития и благосостояния отдельных областей, различавшихся по климатическим (высокогорный климат и субтропики на побережье), географическим (равнинный и горный ландшафт), этническим (черногорцы, албанцы, турки), религиозным (православные, мусульмане, католики) параметрам.

1.2. Политика черногорских властей в деле развития земледелия и скотоводства

При всех различиях основная масса населения, когда не воевала, была занята в аграрном секторе, что автоматически делало сельское хозяйство главной отраслью экономики, значит и приоритетным направлением экономической политики черногорских властей. Сразу после Берлинского конгресса княжеское правительство активно занялось сложной проблемой распределения вновь присоединенных пахотных участков и угодий. Статья XXX Берлинского трактата сохранила за выехавшими из Черногории турками право собственности на землю. Князь Никола много раз публично подтверждал обещание не производить никаких конфискаций. Но оставлять не возделанными плодородные пашни было непозволительным расточительством для постоянно голодавшей страны. Поэтому после окончания военных действий началась раздача турецких земель. Батальоны, штурмовавшие Колашин и Никшич, получали в награду скромные наделы. Куда больше турецкой недвижимости оказалось в руках семейства Петровичей, родственников князя, племенных вожаков, крупных государственных чиновников. Это вызвало резкое ухудшение официальных турецко-черногорских отношений, османские власти решительно требовали остановить дележ мусульманских имений. Однако черногорская администрация проявила твердость, продолжая распоряжаться земельными ресурсами страны по собственному усмотрению. Не испугавшись турецких демаршей, черногорская элита в течение нескольких лет перераспределила сельскохозяйственные угодья так, как считала нужным. Покинувшим княжество мусульманам была сделана единственная уступка, правительство начало выкупать их право собственности и постепенно покончило с землевладением бегов.

Трудно сказать, чего больше было в этой последовательности и настойчивости – материальной заинтересованности или политической воли. Но результат очевиден, произошло значительное увеличение введенных в оборот сельскохозяйственных площадей. Власти княжества не позволили пустовать тем землям, которые раньше принадлежали подданным султана.

Правда, даже с учетом бывших турецких имений, пахотных полей не хватало для всех, занятых в аграрном производстве, да и распределялись они крайне неравномерно. Сложились два полюса, две имущественные группы. Крупными по меркам Черногории землевладельцами стали представители двора, высшей бюрократии и племенной верхушки. Подавляющее же большинство населения владело такими крохотными наделами, с которых едва могло прокормиться. О товарном производстве в этих микроскопических хозяйствах не могло быть речи. Рядовые черногорцы были обречены батрачить на земле богачей или отправляться в Америку в поисках лучшей доли. Национальным бедствием страны почти каждый год становился неурожай и голод. Впечатляет число голодных лет в княжестве после международного признания – 1887, 1888, 1892, 1893, 1895, 1900, 1903, 1904, 1911, 1912, 1913 гг.⁶. Следовательно, борьба с последствиями голода и меры по предупреждению неурожаяев стали вторым по масштабу и значимости направлением аграрной политики княжеских властей. Эффективная деятельность в этом направлении означала бы успехи в экономической модернизации, безуспешная борьба с голодом свидетельствовала о неудачах правительственных начинаний.

Черногорский двор выбрал спорную с точки зрения внутренней и внешней политики стратегию борьбы с голодом и нищетой. Княжество постоянно обращалось за помощью к другим странам, чаще всего к России. Как правило, для поддержки голодающих иностранные партнеры предоставляли заем, на эти деньги покупали за границей хлеб и раздавали нуждающимся. Российское правительство многократно занималось вопросами покупки и транспортировки муки в Черногорию, подключая к этому делу светские и церковные благотворительные организации. Поскольку эти хлопоты были весьма обременительны, дипломаты Российской империи все меньше сочувствовали бедам черногорцев и все больше раздражались по поводу неадекватности и несамостоятельности

ти княжеской бюрократии. Доверие к черногорской монархии постоянно падало. Еще более пагубным последствием такой политики была проблема стремительно растущего внешнего долга, погасить который Черногория не могла. Превращаясь в должника и банкрота, княжество теряло последнюю возможность вложить хоть какие-то капиталы в сельское хозяйство. О дешевых кредитах для крестьян, о внедрении передовой техники и развитии кооперации, о приглашении специалистов вопрос даже не ставился. Шаги, сделанные руководителями страны для того, чтобы вывести сельское хозяйство из кризиса, были на редкость робкими и непоследовательными. Модернизационные тенденции в сельском хозяйстве свелись буквально к нескольким мероприятиям.

В 1874 г. в Даниловграде была открыта земледельческая школа, позже перемещенная в Подгорицу. На нее возлагались большие надежды, выпускники школы должны были помочь стране перестроить сельское хозяйство на новый лад. Современники высоко оценили усилия педагогического коллектива. П.А. Ровинский писал: «Ученики имели практические занятия, на которых знакомились с уходом за огородом, садом и виноградником, с лучшими способами виноделия и с пчеловодством, с молочным хозяйством, с обработкой земли посредством усовершенствованных орудий и т.д.». Увы, несмотря на то, что школа «привлекла к себе внимание народа и получила его доверие», через 6 лет она была закрыта из-за нехватки денег на ее содержание. Этот частный пример весьма показателен для ученого, ищущего ответ на вопрос, готово ли было черногорское общество к обновлению и прогрессу. Ответ получается парадоксальным. С одной стороны, налицо тяга к новому, готовность учиться и перенимать передовой опыт, внедрять новшества в жизнь. С другой, стремление элиты ограничиться «однообразными» мероприятиями, нежелание тратить средства на профессиональное образование, неумение закрепить достигнутый успех и развивать дальше начатое дело. Также скромно выглядели результаты и других правительственных начинаний в деле преодоления отсталости черногорского земледелия. «Были попытки помочь сельскому хозяйству и помимо школы, в которых принимал участие и сам князь (молочная ферма в Никшиче, виноградник с лучшими сортами лозы в Цермнице, насаждение маслин в Подгорице и др.; но все эти попыт-

ки были недолговечны и не оставляли никаких почти следов своего существования. Несмотря на все эти попытки и благие начинания, сельское хозяйство в Черногории находится в полнейшем застое», – с горечью констатировал П.А. Ровинский⁷.

Другой пример вялости действий черногорских руководителей в деле помощи аграрному сектору – история мелиоративных работ в районе Скутарийского (Скадарского) озера. Осушение его окрестностей и углубление связанной с озером реки Бояны позволило бы ввести в оборот значительное количество земли как на черногорской, так и на турецкой территории. Князь Никола и его посланцы неоднократно обращались к турецкому султану с предложением начать совместные работы в сопредельных районах. Формально турки согласились с этим предложением, фактически же срывали работы много лет. Живший в пограничном османском городе Скутари французский инженер утверждал, что местная администрация имела секретные инструкции от Порты, предписывавшие не предпринимать ничего, что могло бы принести пользу Черногории⁸. Поняв, что турки затягивают проведение мелиоративных работ, черногорцы сами начали строить канал, который должен был отвести лишнюю воду из так называемого Зогайского болота (или озера). В это время в стране был очередной голод, и работа на строительстве канала давала заработок нуждавшимся. Инженерные работы возглавил военный топограф из России Н. Вартман. Расселением и снабжением рабочих занимался славист П.А. Ровинский. Министр-резидент Российской миссии К.Э. Аргиропуло курировал строительство. Активная помощь россиян привела к тому, что черногорская администрация стала вести себя все пассивнее, отошла на второй план, перестала проявлять инициативу, сталкиваясь с очередными трудностями. Постепенно строительство заглохло.

Только в 1909 г. оно возобновилось. Из России был прислан военный инженер Болотов для составления окончательного плана осушительных работ. Ему пришлось преодолевать препоны турецких чиновников, продолжавших тормозить стройку. Также Болотов столкнулся с местной черногорской администрацией, плохо понимавшей суть проблем⁹. Тем не менее, инженер убедился, что мелиоративные сооружения могут быть сравнительно недорогими, и добавляют стране 4 тыс. гектаров пахотной земли¹⁰. Интерес к проекту проявили пред-

приниматели из России и Франции, возникла идея создать в Париже компанию Скутарийского озера с участием русских и французских банкиров. То есть, завершение стройки зависело теперь от иностранного капитала. Снова приходится констатировать недостаток воли, интереса, знаний у черногорских руководителей, понимавших значимость проекта, но не сумевших самостоятельно довести дело до конца. Оно растянулось на много лет, результаты были половинчатыми, и достигнуты они были больше благодаря настойчивости российских партнеров, чем усилиям местных властей.

Также неубедительно выглядит политика княжества в области развития животноводства, которое всегда было важной отраслью черногорской экономики. Стараясь не допустить полного обнищания подданных, князь Никола попытался сохранить остатки коммуницы – общественных пастбищ, где бедняки могли пасти свой скот. В 1883 г. председатель Государственного совета и министр внутренних дел Б. Петрович отдал распоряжение местным властям препятствовать разделам общинных угодий и переходу их в частные руки¹¹. Но запреты не помогали, постепенно луга и лес оказывались в руках богачей. Коммуница исчезала, и сокращалось поголовье скота. Этот процесс наложился на застарелые проблемы – падеж животных из-за сурового климата в горах, нехватки кормов, отсутствия ветеринарной службы и т.д. Как снежный ком обрушивались беды на черногорцев, занимавшихся скотоводством, и власти, по сути, ничем не смогли им помочь. За это черногорская оппозиция в начале XX века резко критиковала монарха и его окружение¹². Единственная реальная помощь, которую правительство смогло оказать животноводству, – это борьба за рынки сбыта за границей. Внутри страны каждая семья, проживавшая в сельской местности, обходилась тем, что сама производила. Черногорская администрация старалась заключить торговые соглашения с итальянцами, французами и другими соседями, обеспечить своим гражданам возможность торговать продуктами скотоводства в других странах. Так удалось подписать договор о постоянных поставках скота в Марсель, что было существенным подспорьем для черногорской экономики.

Успех мог бы быть значительнее, если бы не мешали старинные предрассудки и хозяйственные стереотипы черногорцев. В народе устойчиво бытовали представления о том,

что торговля – занятие малопочтенное, оно подходит албанцу-мусульманину, но не герою-юнаку, вечному воину и борцу. П.А. Ровинский и другие иностранцы отметили странную примету повседневной жизни княжества. В городах имел место дефицит товаров, ассортимент был скудным, а цены на продукты питания непомерно высокими. В селах у некоторых семей был явный избыток скота и продуктов животноводства, но продавать все это не торопились. Получив возможность торговать скотом дома и за границей, многие семейства старались этого избежать: «Сбыт излишка считался неприличным, так как свидетельствовал о нужде семьи, а, следовательно, и о неспособности хозяина к доставлению средств к жизни. Такое понятие почти всецело удержалось в Черногории и теперь», – писал в 1912 г. российский дипломат А.А. Гирс¹³. Только крайняя нужда и голод заставляли торговать, и тем самым ронять достоинство в глазах соплеменников. Народ, цепляясь за прошлое, как будто отталкивал возможности, предоставленные властями. А власть не нашла в себе силы целенаправленно бороться с вредными пережитками «военно-трофейной» экономики, не смогла убедить своих граждан в необходимости переориентироваться на мирные способы ведения хозяйства, организовать систему профессионального обучения агрономов и зоотехников, которые помогали бы добиться прогресса в традиционных отраслях экономики. Поэтому результаты развития сельского хозяйства за время существования суверенного государства были почти нулевыми.

1.3. Попытки развития ремесла, промышленности, торговли. Создание системы транспортного сообщения

Трудно шло развитие ремесла и промышленности, последняя в европейском смысле слова в Черногории почти не существовала. Фабричное производство было в зачаточном состоянии, найти работу человеку, решившему переехать в город из села, было практически невозможно. Для открытия новых предприятий нужны были капиталы, собственных инвесторов в стране не было. Приходилось искать иностранных предпринимателей, которые бы согласились вложить деньги в полунатуральную от-

сталую экономику. В первую очередь черногорское правительство постаралось заманить к себе капиталистов из России. Материалы российской дипломатической миссии свидетельствуют о том, что время от времени черногорские министры просили МИД России разместить в газетах объявление о том, что в княжестве с нетерпением ждут русских промышленников и торговцев, что им будет оказано всяческое содействие со стороны местных властей. Но княжество было слишком далеким и бедным, чтобы заинтересовать российский бизнес. Куда целесообразнее было развивать экономическое партнерство с ближним соседом Австро-Венгрией. Однако здесь препятствием стала политика. Во-первых, Австрия стремилась подчинить себе славян Балканского полуострова, не приветствуя национальных устремлений к суверенитету. Черногория, позиционировавшая себя в качестве последовательного борца за свободу югославян, становилась естественным противником австрийской короны. Все возможные притеснения военного и внешнеполитического характера австрийцы пускали в ход, чтобы ограничить влияние черногорцев на соседей – боснийцев и герцеговинцев. Во-вторых, в славянах Балканского полуострова империя видела только рынок сбыта собственных товаров, поощрять развитие славянской промышленности и тем самым создавать конкуренцию ей было невыгодно.

Так вышло, что единственным близким соседом, выразившим желание инвестировать средства в экономику княжества, стала Италия. В начале XX в. итальянские предприниматели (Дж. Вольпи и др.) выразили желание построить железную дорогу от Вирпазара до Бара. Одновременно началось строительство порта в Баре. К 1906 г. было налажено регулярное морское сообщение между Италией и Черногорией. Железная дорога и порт стали приносить итальянцам солидный доход¹⁴. Примечательно, что российские дипломаты, боявшиеся распространения итальянского влияния среди югославян, не хотели признавать успехов совместных итало-черногорских начинаний. В своих донесениях сотрудники российской миссии в Цетинье отмечали неудовлетворительное качество транспортных услуг, предоставляемых итальянскими компаниями. И все же, именно благодаря Италии в Черногории появилась первая железная дорога, имевшая важное хозяйственное значение.

За свои услуги итальянские предприниматели попросили у князя Николы ввести в стране табачную монополию и передать им концессию на производство и реализацию всего черногорского табака. Князю было обещано, что вскоре будет построена табачная фабрика, на которой найдут работу бедняки, и которая обеспечит стабильные поступления в княжескую казну. Синдикат Дж. Вольпи получил право монопольно устанавливать цены на продукцию, обеспечив себе тем самым весьма высокие прибыли. Однако рядовые черногорцы серьезно пострадали от этой монополии. Цены, назначенные синдикатом, были разорительными для производителей. Нередко в знак протеста сельчане уничтожали выращенный табак, показывая тем самым, какие убытки они несут. Единственным человеком, который по условиям концессионного договора мог вмешаться в дела синдиката, был княжеский министр финансов Л. Миюшкович. Итальянские владельцы компании предусмотрительно ввели его в административный совет своего предприятия, и не сомневались, что чиновник будет на их стороне. Также ловко были «нейтрализованы» местные власти. Секретарь российской миссии П.А. Лобачев писал, что «дельцы-итальянцы,... покупая табак у какого-нибудь главаря, оплачивают его гораздо выше, чем табак, получаемый от простого черногорца»¹⁵. Следствием такой ценовой политики было редкостное рвение местной администрации, встававшей на защиту интересов синдиката. Возмущение рядовых производителей сырья для табачной фабрики просто игнорировали. Иногда дело доходило до насилия, как писал П.А. Ровинский: «Народ протестовал, были побоища, совершилось и одно убийство; тюрьмы стали наполняться нарушителями закона о монополии»¹⁶. Прошло несколько лет после заключения договора с итальянской компанией, и князь Никола стал чувствовать себя обманутым, время шло, а обещанных прибылей в казну не поступало. К тому же оказалось, что от итальянских партнеров не так легко отделаться. Министр Г. Вукович с возмущением отмечал, что концессия была дана на 15 лет, незаметно ее продлили до 25, а итальянцы вели дело так, что не было надежды избавиться от нее и через тридцать лет¹⁷. Черногорский монарх намекал русским дипломатам в Цетинье, что нуждается в их поддержке, чтобы отказаться от невыгодного договора, но последние заняли позицию невмешательства, часто напоминая, как предостерегали черно-

горский двор от необдуманных соглашений¹⁸. Выходило, что первый концессионный договор, заключенный черногорским правительством, себя не оправдал. Руководителям страны не хватило опыта, чтобы обезопасить себя от убытков и гарантировать ожидаемые доходы.

С огромными трудностями сталкивалось Черногорское княжество, пытаясь наладить свою внешнюю торговлю. Сразу после Берлинского конгресса были заключены многочисленные торговые соглашения с европейскими державами: в январе 1882 г. с Великобританией, в марте 1883 с Италией, в мае 1891 с Сербией, в июне 1892 с Францией и т.д. В 1909 г. был подписан договор о торговле и судоходстве с Россией¹⁹. Большею частью эти соглашения остались на бумаге, регулярных коммерческих связей с европейцами наладить не удалось. Более-менее постоянной была торговля с Австро-Венгрией, Италией и Францией. Австрийцы быстро превратили черногорские рынки в места сбыта своих товаров. Имея политические и экономические возможности контролировать побережье княжества, они не упускали случая оказывать на черногорскую сторону давление. Австро-Венгрия установила завышенные торговые пошлины на ввоз в свою приморскую зону скота из Черногории. Это делалось не столько по соображениям конкуренции, сколько по политическим мотивам. Монархия Габсбургов демонстрировала свою мощь, запугивала маленькое государство, пытаясь отбить у него стремление объединиться с другими славянскими народами Балканского полуострова. Это была своеобразная месть за то, что черногорцы считали себя застрельщиками борьбы за свободу югославян. Будучи самой сильной державой в регионе, Австро-Венгрия легко могла позволить себе подобную «политизацию» торговых связей.

Черногорский двор тоже не всегда ставил на первое место возможную экономическую выгоду. Бывало, он пускался в политические интриги на арене международной торговли, забывая, что ресурсы княжества не сопоставимы с возможностями Австро-Венгрии. В начале 1880-х гг. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, население которой не смирилось с австрийской оккупацией. Повстанцы находили в Черногории постоянную поддержку и убежище, что вызывало нескрываемое раздражение империи Габсбургов. Мало того, что княжество нарывалось на политические неприятности, черногорский монарх решил

«проучить» Австрию экономически. Он заявил, что в его стране слишком много австрийских товаров, а это может представлять угрозу ее суверенитету. Было решено немедленно вытеснить австрийские изделия английскими. Черногорское министерство финансов отправило в Манчестер своего чиновника, который должен был приобрести в кредит качественные ткани и сопутствующие товары на сумму в 10 тыс. фунтов стерлингов. Планировалось рассчитаться с поставщиками в течение полугода, после того, как эта партия тканей будет реализована²⁰. Трудно сказать, почему черногорские руководители были уверены в том, британские коммерсанты дадут товар в долг, даже не потребовав аванса. Вероятно, не задумались авторы этого проекта и над вопросом, как доставить английскую продукцию в Черногорию, ведь собственного флота у княжества не было. Но самым главным препятствием на пути этого начинания было хроническое безденежье черногорского населения. Вряд ли оно смогло бы быстро раскупить английские ткани, стоимость которых обязательно должна была вырасти из-за транспортных и прочих издержек. О прибылях английских производителей и черногорских торговцев не приходилось и мечтать. Вся эта затея свидетельствовала о том, что патриархальная черногорская элита не умела отделять экономику от политики и не осознавала силу коммерческого расчета в любых внешних отношениях. Еще один пример непродуманной торговой стратегии дает нам история Боснийского кризиса 1908 г. После аннексии Боснии и Герцеговины черногорские власти установили максимальные таможенные тарифы на австрийские товары и сделали попытку организовать их бойкот в княжестве. В результате таможенные сборы резко упали, а черногорские купцы, поддерживавшие связи с австрийскими банками, лишились кредита²¹. Убытки понесли и казна, и частный капитал Черногории. Так политические потрясения время от времени сокращали скромный внешнеторговый оборот княжества.

Не только торговая, но таможенная политика княжества показывает степень некомпетентности администрации. П.А. Ровинский отмечал, что принятый в 1899 г. таможенный закон механически переносил на черногорскую почву тарифы других стран. Пошлины были завышены, вводились лишние формальности, стеснявшие деятельность купцов²². После принятия этого закона таможенные ставки постоянно увеличивались,

что заставляло торговцев повышать цены. Доходы населения, напротив, практически не росли, а это заставляло многих отказываться от покупки законных товаров и прибегать к услугам контрабандистов. Количество ввезенных в страну контрабандных изделий заметно увеличилось в начале XX в. Это в конечном итоге снова сократило поступления в бюджет.

Несомненной заслугой князя (короля) Николы стало дорожное строительство, без которого невозможно было развивать ни внутреннюю, ни внешнюю торговлю. В короткие сроки в стране были выстроены шоссейные пути, соединившие Цетинье с Котором, Риекой Црноевича, Подгорицей, Даниловградом, Никшичем и другими населенными пунктами. Так сливались воедино старая и новая Черногория. К началу XX в. в княжестве было 404 км дорог²³. Успеху дорожного строительства способствовало не только стремление Николы обеспечить свое государство надежными коммуникациями, но и желание ближайших соседей связать Черногорию с европейскими транспортными линиями. Еще в 1873 г. Австро-Венгрия выделила черногорскому правительству ежегодную субсидию в 30 тыс. форинтов на сооружение шоссе между Риекой Црноевича – в те времена важнейшим торговым центром княжества, и Котором, который издавна был опорным пунктом австрийской торговли на адриатическом побережье. Субсидия выплачивалась до 1891 г., затем Австро-Венгрия решила наказать черногорские власти за поддержку лидеров сербского национального движения и перестала давать деньги²⁴.

Несмотря ни на что, княжеское правительство продолжило строительство дорог, находя для этого различные, иногда необычные возможности. В рассматриваемый период в Черногории еще сохранялась древняя натуральная повинность – кулук. Несколько дней в году крестьяне должны были провести на общественных работах, в конце XIX в. обязательным стало участие в сооружении путей сообщения. Каждый привлеченный к стройке черногорец должен был сделать норму – шесть метров шоссейного покрытия²⁵. В среднем на это нужно было потратить 20 дней. В голодные годы жители страны сами приходили на стройки, потому что за работу раздавали присланный из-за границы хлеб. Иногда окружение князя Николы плутовало, под предлогом дорожного строительства брало за границей займы, но тратило деньги на личные нужды княжес-

кой семьи. Тогда услуги рабочих оставались неоплаченными. Тех, кто возражал против бесплатной эксплуатации, сурово наказывали. Министр-резидент П.М. Власов описывал, как крестьян, привлеченных к сооружению шоссе на Даниловград, за незначительное опоздание подвергли истязаниям. Их на целые сутки привязали к деревьям, а потом заставили отработать дополнительные дни²⁶. Так суровость черногорских властей, финансовая помощь извне и, главным образом, тяжелый труд простых черногорцев способствовали созданию вполне современной системы шоссежных дорог.

В общем контексте хозяйственной политики черногорского правительства, состоявшей в стремлении развивать торговлю и сообщение с внешним миром, решался вопрос о денежном обращении в княжестве. Были предприняты меры по введению в оборот собственных денег, которые должны были вытеснить из страны иностранную, в основном австрийскую валюту. В 1893 г. черногорские власти поставили в известность австрийское правительство о желании начать чеканку собственной монеты и просили признать будущие деньги платежным средством на территории империи. На это просьбу был дан грубый отказ²⁷. Но черногорцы не отступили, продолжали готовить введение в оборот своей монеты и добились того, что в 1906 г. началось изготовление черногорских денег. В 1911 г. была заключена монетарная конвенция с Австро-Венгрией, согласившейся на хождение черногорской валюты на рынках империи. Правда, австрийцы изо всех сил старались подорвать ее курс, они скупали черногорские золотые и переливали их в собственную монету. Но устранить черногорские деньги уже было невозможно, они вошли в обиход в княжестве и ближнем зарубежье.

1.4. Финансовая политика Черногории. Проблема внешнего долга

К сожалению, отдельные успехи черногорской элиты не смогли улучшить общую экономическую ситуацию в княжестве-королевстве. Из-за застоя в производственной сфере материальное положение основной массы населения было отчаянным. На эту безрадостную картину мрачный отпечаток наложила непродуманная тактика черногорского двора,

пошедшего по пути внешних заимствований. Монарху и его окружению не удалось трезво оценить ресурсы княжества и научиться жить по средствам²⁸. Особенности финансовой политики Черногории рубежа XIX – XX вв. выглядели следующим образом. Первые внешние долги появились еще до освобождения от турецкого ига. К началу 1880-х гг. стало ясно, что погасить их собственными силами не удастся. Во время пребывания в России в 1882 г. князь Никола просил помощи у Александра III и получил дополнительную субсидию, из которой черногорцы должны были постепенно погашать свою задолженность. Однако долги продолжали стремительно расти, через несколько лет княжество оказалось на грани банкротства. Оно было должно 771 тыс. гульденов австрийским банкам, 600 тыс. франков частному банку в Константинополе и более 1 млн рублей России²⁹. Чтобы союзник не оказался в долговой кабале, российское правительство заплатило долги черногорцев австрийцам и туркам. Теперь княжество было обязано вернуть российской казне 1 млн 890 тыс. рублей. Около половины долга было сразу списано. Вторую половину черногорские власти должны были выплачивать постепенно из русской же субсидии, увеличенной в два раза. Важным условием консолидации долга было обещание княжеского правительства не делать новых займов. Это условие было быстро забыто, в 1890 г. Черногория заняла в австрийском «Лендербанке» 250 тыс. гульденов, в 1892 г. в Константинопольском банке 650 тыс. гульденов, в 1893 г. в австрийском «Боденкредите» 1 млн гульденов, «и далее уже редкий год проходил без нового займа»³⁰. Вершиной финансовой «активности» черногорского двора стал скандальный долг австрийской почте, вызвавший шум по всей Европе³¹. Суть скандала заключалась в том, что люди из ближайшего окружения князя получали на почте в пограничных австрийских городах крупные суммы денег, якобы перечисленных из Цетинья. Но никаких переводов из черногорской столицы не поступало, долг быстро рос, ситуация приобретала криминальную окраску, австрийские газеты воспользовались ею для очередной антиславянской кампании. Афера с «почтовыми деньгами» нанесла чудовищный удар по репутации черногорских властей и, как лакмусовая бумага, проявила всю глубину проблемы государственного инфантилизма элиты. Впутываясь в сомнительные операции, князь Никола не мог не сознавать, что последствия

будут губительными. Но подобно ребенку, страстно желающему получить игрушку, камарилья стремилась добыть деньги любой ценой. Незрелось и безответственность правительства проявилась в том, что вместо отказа от непозволительных трат, оно легко пошло на нарушение закона.

К началу XX в. положение княжества стало катастрофическим. Министр-резидент К.А. Губастов доносил в Петербург: «Все решительно, начиная с княжеской семьи и до последнего писаря, живут в долг, не платя ни одного, даже самого ничтожного счета <...>. Мне трудно даже представить <...> картину того неподдающегося описанию бедственного положения, в котором находятся в настоящее время здешние финансы»³². Когда стало понятно, что России снова придется выручать «лучшего друга», высшие сферы империи серьезно занялись анализом черногорских ресурсов. Выяснилось, что созданное в 1879 г. княжеское министерство финансов представляло собой скромное учреждение, состоявшее из министра, нескольких сотрудников и так называемых финансовых капитанов, выполнявших поручения двора на местах. Никто из сотрудников министерства не имел специального образования, их работа была сведена только к сбору податей с населения. Решения по денежным вопросам принимал единолично князь Никола, доходы и расходы государства тщательно скрывались. К.А. Губастов не смог найти никаких данных о состоянии черногорской казны и попросил прислать в Цетинье специалиста-эксперта, который разобрался бы в причинах стремительно растущей внешней задолженности. Прибывший из Петербурга чиновник особых поручений российского министерства финансов Миллер собрал информацию, позволившую сделать неутешительные выводы. Оказалось, что бюджета в европейском смысле в княжестве вовсе не было. Не был налажен контроль за расходованием денег. Не было единой государственной кассы. Борьба с долгами велась самым неудачным способом. К моменту погашения процентов по займам правительство Черногории спешно заключало новый заем на крайне невыгодных условиях, выплачивало проценты, но увеличивало общую сумму долга. Статский советник Миллер занялся ликвидацией профессиональной безграмотности сотрудников черногорского министерства финансов, обучая их составлять смету и вести учет средств.

Расходы на содержание государственного аппарата и княжеской семьи были несоразмерны масштабам страны. Тем более удивительно, что именно в этот момент князь Никола в обход российского МИД добился от Николая II обещания выдать еще одну ссуду в 750 тыс. рублей сроком на 20 лет под 5% годовых³³. Многостраничное архивное дело 1895–1912 гг. «Военная субсидия. Отпуск Черногории предметов военного снаряжения. Назначение русского военного агента» из АВПРИ содержит уникальные данные о том, что, несмотря на плачевное экономическое положение Черногории и ухудшившиеся отношения между княжеским правительством и российской дипломатической миссией, князь Никола в 1901–1902 гг. попросил существенно повысить размер русской военной субсидии для проведения реформы своей армии. Российские министерства иностранных дел, финансов и военное скрупулезно изучили этот вопрос. С.Ю. Витте составил обстоятельные справки о том, сколько уже потрачено денег в помощь Черногории и сколько тратится ежегодно; он категорически высказался против новых выплат. В.Н. Ламздорф предоставил в распоряжение царя критические донесения министра-резидента П.М. Власова о том, что никакой армии в княжестве нет, есть только милиция, неприспособленная к современной войне. При этом П.М. Власов ссылаясь на мнение французских, австрийских и английских специалистов, посещавших Черногорию в разное время. Первые 98 листов дела подводят читателя к мысли, что черногорцам откажут. Но на 99-й странице мы с удивлением узнаем, что «по высочайшему повелению» 19 апреля 1902 г. военная субсидия увеличена на 249 тыс. рублей в год. Самое интересное начинается дальше. 28 мая 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин обратился к министру иностранных дел с просьбой сообщить подробности, как, по какому соглашению и в каком порядке следует выплачивать деньги. Ответ В.Н. Ламздорфа обескураживал, но он как раз и проливает свет на то, как удавалось правящим кругам Черногории «добывать» деньги в России: «Высочайшее повеление об увеличении производимой Черногорскому княжеству субсидии состоялось вследствие непосредственного обращения князя Николая к государю императору, и МИДом соглашения по сему предмету заключено не было.

Что касается до контроля над расходованием ассигнованных сумм, то установление такового едва ли было бы допу-

щено князем Николаем как несовместимое с достоинством независимого государства»³³. То есть, никаких договоров, в которых были бы прописаны условия предоставления материальной помощи, подписано не было; никаких формальных обязательств по отношению к России черногорский монарх на себя не брал, контролировать его действия и требовать от него отчета с международно-правовой точки зрения было невозможно. И несмотря на всю правовую неурегулированность вопроса о субсидиях, они постоянно и существенно увеличивались. Такая сугубо славянская безалаберность в финансовых вопросах, проявленная обеими сторонами, несколько не способствовала достижению жизненно важной для черногорцев цели – научиться жить по средствам, соотносить государственные траты с ресурсами экономики. Щедрая помощь России, по сути, вредила черногорцам, мешая им становиться рачительными хозяевами, приучая их к мотовству. Между тем, исторический опыт страны был совсем иным, веками народ выживал в экстремальных условиях. И вдруг на верхушку пролился «золотой дождь», что, несомненно, сократило ее мобилизационные способности, расслабило и изнежило черногорский двор. Казалось бы, благоприятное для модернизации обстоятельство в виде российских денег стало негативным моментом, готовность руководящего слоя отвечать самостоятельно на вызовы времени очевидно снизилась.

Российским политикам пришлось уподобиться строгим контролерам и оказать на князя самое решительное давление, чтобы заставить начать финансовую реформу. В 1901 г. был издан Закон о государственном бюджете, содержавший основные принципы денежной политики Черногории. В нем говорилось о сроках составления и утверждения сметы княжества, о новых правилах получения займов и кредитов. В последнем пункте закона было записано, что в 1902 г. страна уже должна жить по бюджету. Одновременно в силу вступил Закон о Главном государственном контроле, обязанностью этого нового учреждения было наблюдение за правильным расходованием денег из казны. Эти нововведения были, по сути, попыткой механически скопировать российскую финансовую систему. Однако, по мнению современников, проведенные мероприятия нельзя было назвать удачными. То, что составили черногорские

финансисты в качестве бюджета, по словам вновь прибывшего в княжество министра-резидента П.М. Власова, больше напоминало отписку³⁵. Семья князя продолжала тратить казенные деньги как свои личные. Даже простым людям стало ясно, что кормить двор народу больше не под силу. В этот драматический момент «проснулись» и пришли в движение древние демократические племенные механизмы контроля над властью. П.М. Власов в 1900–1901 гг. обратил внимание на удивительное событие. Из внутренних областей страны были отправлены в столицу представители племен, старейшины, посмеавшие начать с князем обсуждение весьма чувствительной темы: почему государство находится в состоянии финансовой катастрофы, в то время как народ регулярно выплачивает немалые налоги. П.М. Власов считал, что это было своего рода требованием дать отчет в расходовании государственных средств, что в народную среду «проникает сознание необходимости преобразований»³⁶. Через год П.М. Власов вернулся к этой истории. В депеше от 2 января 1902 г. он сообщал о поездке черногорского монарха за границу и подчеркивал: «В бесцельном пребывании князя Николая в Ницце здесь (в Цетинье. – В.Х.) усматривают стремление его избежать или отсрочить обычное ежегодное свидание с главарями, которые могут поставить Его Королевскому Высочеству неприятный вопрос о том, почему до сего времени он не сдержал формального обещания, данного им в 1900 г., ввести в княжестве административные и судебные реформы»³⁷. Следовательно, простые черногорцы хоть и медленно, но приходили к осознанию того, что относиться пренебрежительно к хозяйственной жизни больше невозможно, что мотовство и некомпетентность правительства требует от них самостоятельности и активности в финансовых, а значит и в экономических вопросах. Еще не забытая историческая традиция самоуправления наполнилась новым прагматическим содержанием, власть снизу получала толчок к модернизации. Увы, это народное давление не повлекло кардинальных перемен в финансах. В 1903 г. четверть доходов Черногории, как утверждал тогдашний министр финансов Л. Миюшкович, ушла на содержание княжеского семейства³⁸.

В 1905 г., когда по воле князя Николы в Черногории был созван парламент – скупщина, общество получило новую воз-

возможность высказываться о финансовой политике государства. Депутаты скупщины первого созыва подвергли острой критике черногорский двор за бесконтрольное расходование народных средств. В 1906 г. был принят второй, более современный Закон о государственном бюджете. Скупщина получила право вносить поправки в бюджет и утверждать его в окончательном виде. Правда, правительство принимало эти поправки «по-возможности», то есть могло их отклонить. Если скупщина была распущена, то сохранял силу закона бюджет предыдущего года. Это тоже давало камарилье определенные преимущества в бюджетной сфере. Но в законе были и существенные ограничения полномочий князя в финансовых вопросах, например, он не мог делать крупные займы без одобрения скупщины. Были лимитированы расходы князя, свыше утвержденных бюджетом сумм он мог потратить не более 50 тыс. крон и должен был отчитаться перед парламентом, на что ушли эти деньги. Однако и в период конституционного правления не произошло радикальных изменений в финансовых делах страны. Первым нарушителем закона оставался сам правитель, он тормозил работу парламента над бюджетом, не соглашался с критикой в свой адрес, обвинял оппозиционно настроенных депутатов в отсутствии патриотизма. Исполнительная власть постоянно выходила за рамки бюджета, самовольно перебрасывала средства из одной статьи бюджета в другую, не давала полного отчета о расходовании денег. Продолжались внешние заимствования. В Первую мировую войну Черногория вступила с пустой казной и непосильным внешним долгом. Ясно, что финансовая политика государства не способствовала экономическому подъему Черногории.

В целом, экономическая политика черногорского двора выглядела малоэффективной, преодолеть традиционную аграрную модель и создать рыночное товарное хозяйство в начале XX в. не удалось. Это стало причиной мучительного хозяйственного застоя в начале XX в., названного современником «экономическим крушением Черногории»³⁹. Через двадцать восемь лет после международного признания княжества не намечалось значительного сдвига в отношении народа к производственной деятельности. Российский поверенный в делах Е.Ф. Штейн в донесении 1906 г. писал: «Сельское хозяйство ведется тем же первобытным способом, к предметам вывоза: ско-

ту, козам, рыбе, оливкам и сумаку за это время не прибавилось ничего, да и сами предметы эти <...> продолжают вывозиться в сыром виде; продукты же из них приобретаются теми же черногорцами от иностранцев, главным образом от австрийских коммерсантов, за двойную, иногда за тройную цену. Сама торговля развивается исключительно в сторону ввоза»⁴⁰.

Безрадостная картина складывалась еще и потому, что в условиях мирного существования, когда войны не было несколько десятилетий, героизм бывших воинов явно трансформировался в желание сделать карьеру в государственном аппарате, стать чиновником-начальником во что бы то ни стало. Промышленность, банковское дело и торговля так и не стали престижными в глазах общества. «Поэтому в Черногории ремесленник и торговец – парии, и быть и тем, и другим для гордого черногорца унижение», – заключал П.А. Ровинский⁴¹. Княжеское правительство, само оставаясь патриархальным, редко задумывалось над тем, как преодолеть эти стереотипы и пробудить у своих граждан интерес к промышленной или коммерческой деятельности. Острые на язык черногорцы насмешничали над теми, кто был готов заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы прокормить семью. Общественное мнение по-прежнему было на стороне величавших себя «господином», тех, кто за символическую плату, не выплачиваемую месяцами, бессмысленно проводил время в многочисленных и довольно бесполезных канцеляриях. Предпринимательство, которое могло бы дать неплохой доход, казалось менее достойным, чем бюрократический чин, обрекавший на полуголостное существование чиновников невысокого ранга. Нежелание заниматься хозяйством, перекалывание домашнего труда на женские плечи, имело побочное моральное действие. Мужчины, за редким исключением, «стали проводить свое время в кофейнях за картами. Кофеен этих расплодилось множество. Так в местечке, имеющем всего 60 домов, я насчитал 27 кофеен», – отмечал А.А. Гирс⁴². В Черногории появилось пьянство, о котором ни разу не упоминалось в описаниях иностранцев-путешественников XVIII – первой половины XIX вв. Когда же жизнь окончательно ставила черногорца в экономический тупик, он покидал родину и отправлялся в США, где на рудниках и фабриках занимался той самой тяжелой физической работой, которую отказывался выполнять дома. Исход черногорцев

в эмиграцию принял такой размах, что у российского военного ведомства возникли сомнения в оправданности денежной субсидии на содержание княжеской армии. В результате, страна так и не смогла вырваться из чудовищной нищеты, оказалась несостоятельным должником-банкротом. Неопытность и некомпетентность бюрократии, хозяйственный инфантилизм элиты, выразившийся в стремлении делать долги по любому поводу, отсутствие крепких профессионалов-экономистов, укоренившиеся в народе, но безнадежно устаревшие хозяйственные традиции и стереотипы поведения оказались непреодолимым препятствием для экономического прогресса страны. Отдельно следует отметить эгоизм монарха и его ближайшего окружения, не сумевшего отделить личные интересы от общественных и отдать предпочтение последним. В отличие от своего славного предка, поэта и политика Петра II Негоша, Никола Петрович не только не преумножил народного богатства, но напротив, нередко расточал щедрую материальную помощь, приходящую извне. Нельзя не упомянуть и чрезмерного вмешательства российских дипломатов в черногорские хозяйственные дела. Слишком опекая, с одной стороны, и постоянно одергивая и критикуя, с другой, российские политики сковали инициативу черногорской правящей верхушки. Своим неумеренным покровительством Российская империя отучила союзников думать об ответственности за те или иные действия.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРНОГОРИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ. ОСОБЕННОСТИ (СПЕЦИФИКА) НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Исторически сложилось так, что черногорский народ столетиями боролся за суверенитет и только около полувека строил и совершенствовал свое национальное государство. Историкам важно найти объяснение, почему таким недолгим оказался век черногорской монархии в начале XX в.

2.1. Социально-политическое состояние Черногории и развитие института монархии (символа черногорской независимости) в конце XIX – начале XX в.

Провозглашение на Берлинском конгресс княжества независимым означало, что в короткие сроки необходимо расстаться с пережитками племенного уклада и выстроить современные государственные структуры, способные оперативно решать политические и хозяйственные задачи. К последней трети XIX в. в стране уже был накоплен определенный опыт государственного строительства, но он давал мало повода для оптимизма. Создание государственных институтов шло с большим трудом из-за крайне низкого образовательного уровня населения. Первые государственные институты появились в декабре 1831 г., когда владыка Петр II Негош учредил Сенат Черногорский и Брдский – высший орган светского управления. Вскоре появилась так называемая гвардия – 180 местных чиновников, которые выполняли административные, судебные и полицейские функции. Долгое время эти новоявленные органы уживались с системой племенного управления, во главе которой стояли вожди и старейшины. В 1852 г. наследник Петра II Данило провозгласил себя князем, то есть установилась светская монархия. Вся полнота власти стала концентрироваться в руках князя, хотя он продолжал опираться на Сенат, состоявший из самых видных черногорцев. За время правления Данилы развивалась местная администрация, теперь она была представлена окружными начальниками (капитаны), начальниками областей (сердары), племенными вожаками (воеводы). Вступивший на престол в 1860 г. Никола Петрович продолжил создание светских органов власти и управления. В 1879 г. вместо Сената были созданы Государственный Совет, Министерство с шестью отделениями и Верховный суд. Госсовет считался законодательным и надзорным органом, второй после князя государственной инстанцией. Ему подчинялось Министерство, состоявшее из отделений иностранных дел, внутренних дел и строительства, просвещения, правосудия, финансов и армии. В последней трети XIX в. сотрудники всех госучреждений, начиная с членов Госсовета и кончая окружными начальниками, зачастую были малообразованными или полуграмотными

людьми. Князю Николе приходилось приглашать на главные посты иностранцев или назначать министрами тех, кто с трудом понимал суть управленческой работы. Воеводы и министры не всегда могли связно изложить свои мысли на бумаге, что влияло на уровень исполнения их приказаний. Известный сербский писатель Симо Матавуль, приехавший в Черногорию в 1881 году, заметил: «Тогда только что были созданы министерства и другие “учреждения” для всех сторон государственного управления, в основном по сербскому образцу. Все эти нововведения производили комическое и весьма трогательное впечатление, потому что выглядели так, как будто дети играли в государство»⁴³. Следовательно, можно сказать, что полномасштабное государственное строительство в Черногории началось в весьма неблагоприятных условиях, «с нулевого цикла».

Отчасти поэтому долгое время сохранялся прежний привычный догосударственный порядок управления в центре и на местах; по словам П.А. Ровинского черногорец «все еще больше руководствуется своими старыми племенными понятиями и инстинктами»⁴⁴. В конце XIX в. работавший в княжестве сербский юрист В. Богишич проводил своего рода социологические опросы, выясняя отношение населения к тем или иным новым институтам, в том числе к государству. Ответы были весьма красноречивыми: «Черногорский народ не знает другой государственной формы кроме той, во главе которой стоит государь, будет то владыка, князь или кто другой, но при всем этом считает, что при нем должно быть несколько отличных людей – сенаторов, которые чинили бы народу суд, а ему помогали управлять страной. И княжескую власть считают для себя законом и охотно исполняют всякое приказание его (князя. – В.Х.) и его органов, если только уверены, что он дал им отличие не на основании пристрастия и интриги, а по правде. В противном случае они, конечно, и покоряются, но только из страха перед силой, а не вследствие того, что не хотели бы тем сделать неудобное князю», – так прокомментировал П.А. Ровинский результаты опроса В. Богишича⁴⁵. По наблюдениям ученых видно, что черногорцы принимали монархическую форму правления как должное, не проявляя никакой склонности к ее сакрализации. Превыше всего ценили справедливость власти, умение вести диалог с народом через самых достойных представите-

лей. Самоуправство, произвол, неудачные управленческие решения власть имущих осуждались обществом. «Тешко је ногама под лудом главом» («тяжело ногам под сумашедшей головой»), «с главе риба смрди» («рыба воняет с головы»), – говорили в таких случаях. Столь трезвое отношение к правящему слою, хотя и родилось в недрах племенного уклада, вполне соотносилось с европейскими представлениями о государстве как о продукте общественного договора. Демократические тенденции, нараставшие в политической жизни европейских стран в начале XX в., и древние патриархальные ценности черногорцев совпали по времени. Однако старые представления о власти явно доминировали над новыми тенденциями.

Традиционный взгляд черногорцев на власть выражался прежде всего в особом отношении к монарху. На князя Николу смотрели как на патриарха, мудрого отца, гаранта общественной справедливости. Он сам культивировал такое отношение к себе отчасти искренним, отчасти показным демократизмом. В монографии П.А. Ровинского можно найти романтические описания поездок князя по стране, его открытость и доступность, готовность выслушать любого, кто обращается за помощью. Никола Петрович действительно был хорошо знаком с народной жизнью, знал многих своих подданных в лицо, по-отцовски вникал в их проблемы. Это нисколько не мешало монарху быть гневливым и быстрым на расправу, сурово наказывать провинившихся, возвышать одних и отправлять в опалу других. Князь не отличался от любого абсолютного монарха, несмотря на то, что правил полуплеменной страной. «Военная дисциплина, под которой живет весь черногорский народ, устраняет возможность всяких протестов», – считал П.А. Ровинский⁴⁶. Не будет преувеличением сказать, что господарь эксплуатировал старинное уважительное отношение народа к старшему члену сообщества, привычку послушания вождям и митрополитам, чтобы построить в стране вполне современный авторитарный политический режим. Древняя традиция помогала внедрению суровых бюрократических порядков. Современному исследователю очевидно, что князь, может быть даже интуитивно, использовал старину не столько для ускорения государственного строительства, сколько для укрепления своей единоличной власти. Маскировавшаяся под отцовскую

абсолютная власть монарха породила всеобщее заблуждение в народе, что в случае затруднений и несправедливости необходимо обращаться к самому правителю, который примет нужное решение вопреки любой административной или судебной инстанции, созданной им же самим. Никола старательно поддерживал этот стереотип, вмешивался в судебные тяжбы, пересматривал приговоры по своему усмотрению, подрывая авторитет нижестоящих чиновников и повышая свой собственный.

Однако старинных черногорских представлений о власти было недостаточно для того, чтобы возвысить никому не ведомый прежде княжеский род. Укрепление монархического режима требовало больших усилий на внешнеполитической арене. Когда после 1878 г. семейство Петровичей-Негошей получило членство в «клубе» европейских монархов, их статус был, пожалуй, самым скромным из всех августейших семей. Романтическая история превращения горцев-пастухов в политиков-поэтов, вождей и правителей, несомненно, будоражила европейское общественное мнение, привыкшее к более-менее строгому соблюдению принципа легитимизма после падения Наполеона. Князь Никола считался талантливым политиком и дипломатом, но вряд ли мог рассчитывать на то, что европейские монархи забудут его родословную. Тем не менее, он не смущался своего более чем демократического происхождения, убеждая других и себя самого, что имеет право на равных говорить с представителями старейших династий Европы, поддерживать с ними разнообразные, в том числе и семейные контакты. Удачные династические браки превратились в специфический ресурс государственного строительства в Черногории, которая была слишком слабой, чтобы обойтись без внешней протекции. Чем шире становились семейные связи князя Николы с европейскими монархами, тем прочнее выглядели его позиции. Это создавало определенную напряженность в политической ситуации на Балканах, так как представители югославянской интеллигенции не видели особого смысла в укреплении правящего дома Петровичей-Негошей. Многие идеологи сербского национально-освободительного движения были уверены, что черногорцы – это часть «сербства», слияние которого в единое государство превратилось в дело ближайшего будущего. По их мнению, Черногория уже выполнила свою

историческую роль застрельщика борьбы за свободу, и теперь должна влиться в общую сербскую державу. Сам Никола дал повод так думать, часто заявляя в начале своей политической карьеры о приверженности идеалам сербства. В то время мало кто понимал, что подобные декларации вовсе не означали, что черногорский господарь был готов отказаться от власти. Напротив, он мечтал возглавить объединенное государство всех сербов. Поэтому укрепление своей династии считал первоочередной задачей, целенаправленно шел к ее осуществлению, не обращая внимания на обвинения в сепаратизме и эгоизме, сыпавшиеся в его адрес со стороны противников и конкурентов.

Продвижение дома Петровичей по династической лестнице вверх началось еще в 1889 г., когда воспитанница Смольного института и бесприданница Милица, дочь черногорского господаря, вышла замуж за великого князя Петра Николаевича Романова. Затем ее примеру последовала другая дочь Николы Анастасия (Стана), ставшая женой Георгия Лейхтенбергского, князя Романовского*. И в самой Черногории, и за рубежом оценка этих событий была приблизительно одинаковой. Загребская газета «Obzor», сетуя на то, что не хватает слов, чтобы выразить радость по поводу грядущего события, написала, что такие дни следует занести в славянские календари не красными, а золотыми буквами. Не могли не порадовать цетинского правителя рассуждения редколлегии о роли Черногории в истории югославян. Газета написала, что когда повсюду на Балканах развивалось древнее турецкое знамя («конски реп»), только на вершине Ловчена «сиял честный христианский крест», и за него проливали кровь «черногорские львы». Значит, действительно на общественное мнение было произведено то воздействие, на которое рассчитывал черногорский двор. Почти так же писал о замужестве дочерей князя загребский «Србобран»: «В сербстве и во всем славянстве нет сердца, которое не кипит от радости этого родства и этого знаменательного события. От русской Невы до черногорской Зеты, от чешской

* Брак оказался неудачным, и в 1907 г. Стана снова вышла замуж – за русского великого князя Николая Николаевича, брата Петра Николаевича. Этот союз противоречил принятым в Русской Православной церкви нормам семейного права, но для столь высоких особ было сделано исключение.

Белой горы до Балканских гор и везде, где встречаются славянские горы и реки, разливается и течет в груди славянства радость». Таким образом, «Србобран» отметил общеславянское значение установившихся династических связей. В Задаре «Српски глас» утверждал, что раньше Черногория была одинока, теперь приобрела мощного друга: «Тем самым русский царь отдал должное сердцу и памяти народной сербской династии», подтвердив, что она не прерывалась на Балканах⁴⁷. Все эти словословия не просто радовали князя Николу, а становились моральным обоснованием его амбиций. Соперничество с сербскими правителями выглядело оправданным, право на престол югославянской державы очевидным, коль скоро в глазах международной общественности правитель Черногории – настоящий оплот славянской свободы. Если славянские газеты, выражая общественные настроения, так высоко оценили прошлые исключительные заслуги, то, по мнению Николы, он имел полное право претендовать на высокое положение и в настоящем.

В 1896 г., снова не без помощи российского двора, еще одна дочь Николы Елена стала женой будущего итальянского короля Виктора Эммануила III. Были и другие, удачные для Негошей династические браки. Правда, в деле укрепления семейных уз с европейскими монархами часто возникали протокольные затруднения, связанные со слишком невысоким статусом Петровичей-Негошей, но эти препятствия черногорский двор научился удачно преодолевать. В качестве примера можно вспомнить женитьбу старшего сына Николы княжича Данилы на принцессе Мекленбургской. Титул Петровичей для этого брака был слишком скромным, и Никола развил бурную деятельность, чтобы его повысить. Князь просил российских руководителей признать за ним право называться королевским высочеством. С точки зрения традиционной иерархии монархов в Европе, это было довольно необычно, но политические соображения (стремление повысить авторитет малых союзников России на Балканах) заставили ближайших сотрудников Николая II отнестись к просьбе с пониманием и поддержать ее. Черногорский монарх очень настойчиво торопил российскую элиту принять нужное ему решение. Об этом иронично писал из Цетинья министр-резидент К.А. Губастов в донесении от 7 сентября 1900 г., когда уже был официально подписан договор о заключении

брака между Черногорией и княжеством Мекленбург-Стрелиц⁴⁸. Российский дипломат сообщал о содержании своей беседы с тогдашним министром иностранных дел Черногории Гавро Вуковичем: «Хотя г. Гавро и согласен со мною, что 40-летняя годовщина княжения не может быть признана вполне достаточным внешним поводом для возвышения титула, и что нынешний год в виду финансовых невзгод <...> весьма для этого неудобен, но черногорский министр уверяет, что не имеет более сил сдерживать нетерпеливое желание господаря получить давно приготовляемое прибавление к носимому им титулу»⁴⁹. С помощью России Никола добился желаемого и в декабре 1900 г. принял титул королевского высочества⁵⁰.

Спустя несколько лет князь счел, что пятидесятилетнее пребывание на престоле является достаточным основанием для очередного повышения его статуса. Он заявил российскому поверенному в делах Н.Н. Дьяченко в марте 1910 г.: «Со всех сторон доходят до меня слухи, что черногорцы задались мыслью провозгласить меня всенародно королем. Я не вижу, что, собственно, могло бы помешать осуществлению этого заветного желания моего народа. <...> Я с неменьшим правом, нежели правители Сербии и Болгарии могу надеть на себя королевскую корону, которая увенчала бы мои многолетние неустанные труды на благо вверенного мне Промыслом народа»⁵¹. Передавая эту новость в МИД России, Н.Н. Дьяченко выразил уверенность в том, что «инициатива в данном случае идет от самого господаря, а вовсе не из среды народа, который является, как и всегда, лишь покорным орудием своего честолюбивого повелителя»⁵². «Расходы, сопряженные с юбилейными торжествами в Цетинье, поглотили такие громадные суммы, что в Черногории государственная казна ощущает дефицит», – доносил в Петербург посланник С.В. Арсеньев⁵³. Однако очередные финансовые затруднения не казались новоиспеченному королю слишком большой платой за возвышение его династии.

Желание Николы стать королем подлило масла в огонь острого политического и династического конфликта между Карагеоргиевичами и Петровичами. Недовольство сербских патриотов, убежденных, что Никола сделал очередной шаг «по пути столь вредного для славянства соревнования династий», выливалось в разные акции. Например, в августе 1910 г. в Белграде

были попытки сорвать спектакль по произведению господаря «Балканская царица»: «Демонстранты бранными криками и свистками встречали каждое выступление актеров, в особенности фразы, что могли служить поводом к намекам на современное политическое положение. После представления толпа, состоявшая по большей части из молодежи, перенесла беспорядки на улицу и разбила стекла в двух редакциях преданных Черногории газет»⁵⁴. Белградская газета «Дневни лист» писала о коронации: «Хватаясь за королевскую корону, князь Николай ясно показывает, что он намеревается продолжать далее и до крайних пределов свою бессмысленную политику сепаратизма. Сербия и Черногория – два чисто сербских государства; именно поэтому, как только заходит речь об отношениях, долженствующих быть между ними, необходимо всегда рассматривать вопрос с точки зрения самых широких сербских интересов. Этим интересам должны быть подчинены другие, даже интересы династические»⁵⁵. По словам автора статьи, вся сербская печать в Венгрии, Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговине и даже в Америке, высказывается против эгоистической, узкой династической политики Николя, придумавшего не существующее «черногорство».

У черногорского правителя на этот счет была противоположная точка зрения. Свои династические интересы он явно отождествлял с общесербскими, полагая, что ничуть не меньше имеет прав на лидерство в сербском мире, чем любой другой правящий славянский дом. Поэтому, не взирая на плачевное состояние финансов своей страны, господарь пригласил на торжества самых высоких гостей – Николая Николаевича Романова, итальянского короля Виктора Эммануила III, болгарского правителя Фердинанда и многих других. Торжества прошли с невиданной для Черногории помпой, а расходы на них настолько опустошили казну, что глава правительства Л. Томанович готов был уйти в отставку, не дожидаясь признания страны банкротом.

Как бы ни оценивали современники изменение ранга черногорской государственности, роль Николя в политической жизни Балкан была незаурядной. Получение королевского титула – явное тому подтверждение. К тому же, нельзя недооценивать князя и во внутренней политике Черногории, он был

ключевой фигурой всей общественной жизни. Большинство народа было искренне предано своему правителю. В воспоминаниях современников можно найти немало примеров восторга, который охватывал простых черногорцев при случайной встрече с князем⁵⁶. Исторические источники красноречиво свидетельствуют о том, что авторитет господаря был высоким, любое достижение страны приписывалось лично ему, промахи камарильи замалчивались или объяснялись происками внутренних (оппозиция) и внешних (сербская династия) врагов. В засушливые годы родилась легенда: если Никола поднимется на вершину Ловчена, обязательно пойдет дождь*. То, что сильная власть двора нередко использовалась не столько для достижения общенациональных целей, сколько для улучшения положения правящей династии, не заслоняет того исторического факта, что с именем Николы Петровича, оказались связаны самые значительные государственные преобразования.

И тем не менее, независимо от того, каких успехов в укреплении своего статуса добился Никола, в вопросах государственного строительства князь занимал противоречивую позицию. С одной стороны, он приложил немало усилий к созданию полноценной монархии европейского типа. Николу Петровича не остановила даже острая нехватка денег, он делал огромные долги за границей, лишь бы его страна стала вровень с другими преуспевающими народами. Не жалели финансов и на репрезентативные цели, празднование юбилеев и свадеб – все это было организовано на высоком уровне, если вспомнить, что еще недавно никто не знал ни дворцового этикета, ни государственного протокола. К сожалению, правящая верхушка Черногории не всегда осознавала, что эти усилия создавали только фасад монархии, но не влекли за собой постоянной и кропотливой работы по повышению профессионального уровня управления.

С другой стороны, на протяжении долгого правления Никола так и не смог привыкнуть смотреть на власть с государственной точки зрения. По мнению нерасположенных к нему иностранных, в том числе российских, дипломатов, он оста-

* Забавно, что Никола сам отчасти поверил в эту легенду и, по свидетельству С. Матавуля, иногда тайно поднимался на Ловчен.

вался помещиком, эксплуатировавшим свой народ. Ощущая себя отцом народа, а не высшим должностным лицом, Никола показывал пример государственного скептицизма, неверия в возможности им самим созданного госаппарата. В его сознании патриархальная составляющая оказалась сильнее модернистской, и своим поведением князь тормозил развитие государственных навыков у черногорцев. Особенно ярко проявилось это противоречие в мировоззрении монарха в 1905–1908 гг., когда на почве введенной им конституции возникли острые политические конфликты в обществе (речь о них пойдет ниже). Сначала правитель поступил как рассерженный отец семейства, посадив неугодных под арест. И только увидев неэффективность репрессий, всерьез занялся политическими комбинациями по подкупу и расколу оппозиции, которые позволили преодолеть сопротивление недовольных авторитарными порядками в стране. В этом было несомненное достоинство господаря, его мировоззрение было патриархальным, но методы политической борьбы он использовал самые современные. Очевидно, в способности быстро учиться и перестраиваться крылся успех Николы на внутри- и внешне-политической сцене. Какими скромными бы ни были результаты государственного строительства в Черногории, ее монархические институты развивались быстро и достаточно успешно.

2.2. Эволюция племенных и государственных институтов в конце XIX в.

Попытки реформировать центральные и местные органы управления на рубеже веков

Что касается органов власти в центре и на местах, то до конца XIX в. в них господствовал «главарский» (вождистский) тип управления («главарски ред»). Это словосочетание использовал в своем исследовании Н. Шкерович, написавший политическую историю Черногорского княжества на основе воспоминаний людей, живших во времена монархии⁵⁷. В данном эпитете отразилась суть отношений между администраторами, которые нередко были по совместительству вождями племен, и рядовыми черногорцами. Первые опирались на патриархальную традицию подчинения, вели себя как отцы семейства,

постоянно выходя за рамки служебных полномочий. Вторые смотрели на местных чиновников как на старейшин, которым необходимо повиноваться в любом случае. Конфликт вспыхивал только тогда, когда власть имущий переходил границы старинного обычая. Возмущение пострадавшей стороны выливалось в протест, чаще всего носивший характер кровной мести. В монографии П.А. Ровинского есть богатый материал, позволяющий восстановить картину превращения племенной верхушки в чиновничество. Славист подробно описал, как в далеком прошлом появились воеводы – племенные вожди, сердары – своего рода старейшины, отвечавшие за мир и порядок в братствах и общинах, кнезы – старосты, ведавшие хозяйственными и общественными делами сел. Он отметил, что все эти лица наделялись властью на народных скупщинах; даже если звание воеводы переходило от отца к сыну, на это нужно было согласие народного собрания⁵⁸. С момента становления светского государства властные полномочия стали довольно быстро переходить в центре к княжескому двору и Сенату, на местах – к чиновникам, назначенным из центра. Окружные начальники – капитаны стали главными исполнителями воли князя в племенах, которые постепенно превращались в территориально-административные единицы. П.А. Ровинский лично наблюдал эти трансформации: «И в настоящее время все еще существует разделение народа на племена, существуют воеводы, сердари, бывают скупщины; но все это <...> уже утратило свой смысл и значение. Воеводство и сердарство в настоящее время не больше как почетные титулы <...> Все дела вершат капитаны или различные воинские начальники»⁵⁹. Народное собрание созывалось только для того, чтобы поставить местное население в известность о значимых событиях и распоряжениях властей. Ученый показал, как на протяжении определенного времени уживались племенные и государственные «ранги»: «Есть еще несколько так называемых племенных капитанов, которые получают малую плату <...> и носят герб капитанский, но они не имеют никакого участия в управлении, если не занимают другие должности»⁶⁰. Единственное звание из старинной жизни оказалось вычеркнуто сразу и решительно, князь Данило запретил слово «кнез», чтобы не возникало путаницы с его собственным титулом «князь» («кѣаз»).

В 1882 г. для помощи капитанам в каждом селе и городе было создано новое подразделение – община. Городская община выбирала комитет, во главе которого стоял назначенный князем председатель. В сельской общине старшим становился выборный кмет (староста). И П.А. Ровинский, и Н. Шкеревич отметили «непрестижность» статуса кмета. Население не проявляло интереса к выборам старосты, нередко капитаны лично назначали кметов, так как никто не хотел баллотироваться на эту должность. Такая ситуация отразила падение роли выборных институтов, все большее их подчинение представителям исполнительной власти. Лучше дела обстояли в городских общинах, но и там власть назначенного князем председателя становилась все крепче, а голос выбранных горожанами помощников не был слышен.

Только к началу XX в., когда вернулись из-за границы первые выпускники иностранных вузов, стало возможным преобразование «главарской» модели управления. Государственные институты Черногории начали обновляться в 1901–1903 гг. Князь Никола собрал в своем дворце крупнейших чиновников, племенных старейшин, представителей иностранных государств и торжественно объявил о начале структурных реформ, цель которых заключалась в том, чтобы создать новые центральные и местные органы власти, соответствовавшие тогдашним европейским стандартам. После этого были приняты законы о Государственном совете, Совете министров, Великом суде, порядке престолонаследия, государственной службе, налогах и сборах, о государственном бюджете, Главном государственном контроле и др. Перестройка госучреждений сверху вниз пошла полным ходом. Особенно важной была административная реформа, призванная искоренить остатки племенного сепаратизма. Вместо старых племенных границ вводилась новая система управления на местах, в ее основе лежало разделение страны на области и округа, в которые входили города и села. Во главе области стоял губернатор, округ возглавлял окружной начальник – капитан. Во главе городской администрации назначался градоначальник, в селах выбирались общинные советы. По мнению П.А. Ровинского, этот этап государственных преобразований не столько создал новую государственную машину, сколько отрегулировал работу прежней. Славист считал, что произошло уточнение функций и полномочий всех

органов власти. Высшее чиновничество заметно «помолодело», племенные вожаки уходили с политической сцены. Но власть не стала ближе к народу, который все больше «превращается в слепое орудие правительства»⁶¹. Конечно, можно было бы упрекнуть русского ученого в том, что, будучи последовательным сторонником народной свободы и демократии, он недооценил пользу реформ 1901–1903 гг. Однако и российские дипломаты, которых нельзя подозревать в излишнем демократизме, тоже скептически отзывались о нововведениях и о качестве работы черногорских государственных органов.

Важным направлением модернизации было развитие судебной системы княжества-королевства на рубеже XIX–XX вв. «Главарский» патриархальный стиль управления был мощным тормозом на пути развития черногорского судопроизводства. До начала XX века суд оставался неотделенным от администрации. На местах это выражалось в том, что местные начальники должны были разбирать гражданские иски и обеспечивать преследование в уголовном порядке. Криминогенная ситуация в стране была уникальной, преступности в общеевропейской смысле практически не было. Кражи, мошенничество, изнасилования и прочие преступления совершались в Черногории крайне редко. Чаще случались убийства, которые происходили на почве ссор и личных обид и влекли за собой цепочку кровной мести, но власть с этим пережитком племенного строя боролась самыми суровыми методами (вплоть до смертной казни). Понятно, что основная масса судебных дел на местном уровне – это гражданские тяжбы. О том, как старейшины вершили правосудие, можно судить по распоряжениям министерства внутренних дел, министерства юстиции, а также по описаниям современников. Судебные инстанции Черногории до начала XX в. были такими: сельская администрация в лице кмета (мог назначать небольшой штраф и приговаривать к 8 дням ареста), городской общинный комитет и его председатель, капитан и Великий суд в Цетинье, как высшая апелляционная и кассационная инстанция. Практически все дела, какими бы незначительными они не были, попадали в Великий суд, так как авторитет местной власти в судебных вопросах был невысок. Причину этого можно найти в сомнительной практике рассмотрения исков, проанализированной Н. Шкеровичем⁶². Во-первых, долгое время тяжбы шли в час-

тных домах тех людей, которые занимали должности в местной администрации. Никаких канцелярий до 1890-х гг. не существовало. Во-вторых, жалование этих лиц было мизерным. Поэтому был велик соблазн воспользоваться служебными полномочиями в личных целях. В-третьих, должностное лицо имелось далеко не в каждом поселении, поэтому широко практиковался выезд капитана или другого чиновника на место конфликта. За это полагалось нечто вроде «суточных», которые должны были покрыть путевые издержки. Воеводы и капитаны охотно брали с собой на разбирательство сопровождающих лиц. Всех их, как гостей, по древней традиции полагалось достойно встретить и сытно угостить. Расходы на подобные угощения ложились на тяжущиеся стороны. К тому же, на судебное разбирательство стягивались зеваки, для которых это было развлечением. Они тоже не отказывались от угощения. «Суточные», положенные судье, выплачивались из штрафа, к которому приговаривали проигравшую сторону. Понятно, что у судьи была материальная заинтересованность в том, чтобы кто-нибудь был оштрафован, и сумма штрафа не должна была быть слишком скромной. В народе стало утверждаться мнение, что судебный штраф в принципе несправедлив и присуждается для покрытия издержек судьи. Судей стали подозревать в стремлении бездельничать и жить на чужой счет, а приезд старейшины-судьи со свитой иные называли «похара» (грабеж).

Разорительные наезды местных судей пыталась притормозить центральная власть. По указанию князя Николы Министерство внутренних дел в январе 1883 г. издало распоряжение не злоупотреблять штрафами и воздерживаться от ночлега и угощения в домах бедняков. Видимо, предписания из столицы не выполнялись, потому что через несколько лет, в 1891 г. Великий суд издал новый документ в том же духе. Капитанам было запрещено вмешиваться во внутренние дела сельских общин, местные споры должны были разрешать кметы. Кметам категорически запрещалось превышать границы служебных полномочий. Требовалось вести протоколы судебных заседаний и фиксировать суммы штрафов. Запрещалось брать «суточные» за каждое отдельное дело, если разные иски рассматривались в одном селе. Дорожные издержки должны были начислять строго по часам, проведенным в пути. Расходы на

спутников капитан должен был оплачивать из собственного кармана, запрещалось привозить с собой в качестве сопровождения людей из соседних сел. Запрещалось пересматривать уже вынесенные решения, если истек срок давности иска. Запрещалось в качестве судебного штрафа брать скот или другие вещи. Приговоренному к штрафу нужно было дать время, чтобы он сам мог что-нибудь из имущества продать и погасить штраф. Перечисленные запреты как раз и являются своеобразным реестром злоупотреблений, которые позволяли себе местные чиновники, занимавшиеся судопроизводством. Не удивительно, что Великий суд был завален делами, с которыми он не мог справиться, несмотря на то, что число его сотрудников время от времени увеличивалось.

Но не только поток исков, стекавшихся со всей страны, делал работу Великого суда неэффективной. Самой главной проблемой было то, что князь был последним и высшим звеном в цепи судопроизводства. Он регулярно посещал заседания Великого суда и был в курсе многих дел. Это породило стремление многих черногорцев обращаться с исками непосредственно к господарю. П.А. Ровинский отмечал тревожную тенденцию: «В народе явилось вообще недоверие к суду, да и не ищет он справедливости и решения по закону, настаивает на своем, угрожая обращением к князю, который, по его понятиям, может решать, не стесняясь формальностями и параграфами законника, так как воля господаря выше закона»⁶³. Очевидно, правовое сознание черногорцев еще не сформировалось в общепринятом государственном смысле, но уже окрасилось монархическими убеждениями. В народе считали, что не закон, а князь правит обществом, что Никола волен решать любой вопрос по своему усмотрению, и нужно привлечь внимание монарха к своему делу во что бы то ни стало. Такую позицию нельзя назвать правовым нигилизмом, черногорцы, как правило, строго соблюдали нормы обычного права и социальные нормы, были дисциплинированы и знали, что за своеволие можно поплатиться жизнью. Вместе с тем, судебная практика рубежа XIX–XX вв. позволяет говорить о правовом инфантилизме, о том, что писанный закон не имел в глазах общества той силы, какой обладал князь, сам до конца не определившийся со своей ролью то ли главы государства, то ли отца семейства.

• • •

В целом, формально развитие черногорской государственности шло довольно быстро и внешне соответствовало европейским представлениям о формах и функциях госаппарата. Однако практические результаты не совсем совпадали с ожиданиями. Торопливость, если не сказать стремительность правительственных начинаний обусловила первую и, может быть, самую главную особенность государственной жизни Черногории – ее удивительную поверхностность. Наличие немалого числа госучреждений и должностей еще не означало, что госаппарат эффективно работает. Начальниками хотели быть буквально все, но почти никто не был профессионально подготовлен к управленческой работе. Князь, воеводы, министры не могли отбиться от просьб соплеменников и родственников назначить на любую, даже самую маленькую должность. Многие посты в госаппарате оплачивались так скромно, что прожить на оклад было невозможно, да и эти крохотные суммы выплачивались с опозданием в несколько месяцев. И все же любая бюрократическая работа казалась черногорцам престижнее, чем хозяйственная деятельность. Расплодившееся черногорское чиновничество вело полуголодный образ жизни, но ни за что не хотело отказаться от статуса госслужащих. Даже самая мелкая чиновничья должность и самый низкооплачиваемый офицерский чин был предпочтительнее любой другой социальной роли. Черногорец не видел себя ни предпринимателем, ни торговцем, ни работником умственного труда. Он готов был сидеть за партой и ехать на учебу за границу в надежде, что образование сделает его «господином». Это слово у черногорцев имело особую коннотацию. Господин – человек, располагающий властью и авторитетом, не знакомый с грубой физической работой, благородный в особом черногорском понимании. Черногорское понимание благородства – это в первую очередь возможность выполнять управленческие функции и быть приближенным ко двору. Занимая гражданскую или военную должность, черногорец воображал себя подчиненным лично монарху. Он считал возможным вступать в препирательства и выражать открытое недовольство распоряжениями своего непосредственного начальника, обсуждать с другими свои обиды и претензии. Только прямое распоряжение князя воспринима-

лось как окончательное. Представление о том, что любой, даже самый мелкий служащий имеет право доводить свое мнение до сведения монарха, жаловаться и критиковать – это остатки племенной демократии, когда каждый член общества ощущал себя значимой величиной. Однако в условиях почти абсолютной монархии старинные демократические традиции деформировались в привычку не подчиняться среднему звену руководителей и бесконечно апеллировать к монарху, сутяжничать и ссориться друг с другом. Низкая исполнительская дисциплина накладывалась на пережитки племенной розни. Племена, хоть и стали называться территориально-административными единицами, по-прежнему легче подчинялись «своему» начальнику, а не выходцу из другого племени. Даже если чужак оказывался более успешным специалистом, он мог «провалиться» только потому, что изначально к нему отнеслись враждебно. В такой ситуации руководитель иногда не успевал вникнуть в суть порученного дела, и вдруг оказывался в отставке из-за интриг подчиненных. Между выходцами из разных племен шло острое соперничество за высокие посты. В 1900 г. К.А. Губастов писал: «В настоящее время Цетинье представляет из себя решительно гнездо самых мелких интриг, личных заискиваний и неблагоприятных подкапываний друг под друга»⁶⁴. Понятно, что это провоцировало министерскую чехарду, которая в свою очередь парализовывала работу ведомств. Племенное сознание не исчезало так быстро, как хотелось бы центральной власти.

Завышенное самомнение и явно преувеличенное представление о собственной значимости было характерно для чиновников всех уровней. В своих мемуарах бывший министр иностранных дел Гавро Вукович вспоминал, как отстаивал перед российскими дипломатами свое право не быть их «агентом». Г. Вукович гордился тем, что всячески давал понять: он служит в первую очередь родине и князю, а не иностранным посланникам, и пусть они не ждут, что черногорский министр станет бегать к ним с донесениями⁶⁵. Однако в этом же разделе книги министр пишет о размерах российской финансовой помощи, без которой черногорский госаппарат в принципе не мог существовать. По сути, министр противоречил сам себе и не хотел признавать, что обречен подчиняться чужой воле. Явно переоценивал свой авторитет и князь Никола.

Он демонстративно приближал к себе то одного, то другого зарубежного дипломата; мог игнорировать посланника той страны, которая, по его мнению, не проявила достаточного внимания к Черногории, капризничал, гневался, мог повысить голос на иностранного представителя, словом, давал понять, что от его расположения зависит многое. На самом деле, он был бессилен повлиять на ход международных дел даже в рамках Балканского региона и вырвать свою страну из неразрешимого круга проблем, порожденных бедностью Черногории.

Эта бедность и привычка жить на деньги Российской империи породила еще одну черту черногорской бюрократии – ждать от покровителей разрешения всех затруднений, перекаладывать на них свои обязанности. «Все черногорские власти находятся в состоянии какого-то оцепенения, делами не занимаются и не чувствуют себя в силах принять какое-либо решение», – писал в 1900 г. российский министр-резидент П.М. Власов⁶⁶. Ответственность за такой инфантилизм следует отчасти возложить на российское правительство. Из лучших побуждений оно так плотно окружило черногорских политиков заботой, что ни шагу не давало им сделать самостоятельно. В Петербурге нередко критиковали руководителей княжества за проявленную инициативу, в каждом несанкционированном поступке видели желание заменить российское покровительство иным. Отчасти на это были основания, отчасти эта подозрительность носила гипертрофированный характер. В любом случае, чрезмерный патернализм России тормозил государственное развитие Черногории, мешал ее элите приобрести собственный управленческий опыт.

Возникло противоречие, мешавшее стране идти вперед по пути прогресса. С одной стороны, черногорские министры были не слишком компетентны, не обладали необходимым опытом управления. С другой, они были преданы своей родине, от природы сметливы, хитры, энергичны, быстро схватывали суть. Однако эти ценные качества проявлялись, главным образом, когда речь шла войне, о храбрости, патриотизме, самоотверженности, в этом черногорцам не было равных. В любую минуту они готовы были идти на войну. Когда же нужно было повышать квалификацию, учиться, заниматься будничной незаметной работой, они быстро впадали в уны-

ние и скуку. Нежелание и неумение совершенствоваться профессиональные навыки, низкая исполнительская дисциплина – «коренные» черты черногорского политика и управленца. Он готов был отдать жизнь за родину, но не умел кропотливо трудиться, чтобы шаг за шагом добиваться ее процветания. Один за другим руководители российской миссии в Цетинье доводили до сведения своих министров, что не стоит рассчитывать на последовательность черногорской элиты. К.А. Губастов писал о князе Николе: «Он мало способен к усидчивому труду; не может сосредоточить своего внимания при продолжительном обсуждении новых законов, положений и пр.»⁶⁷. По мнению П.М. Власова, за всякое новое дело (например, за проведение реформ) черногорские руководители брались с горячностью и энтузиазмом, искренне веря в быстрый успех. Но при первых же затруднениях теряли интерес к затеянным мероприятиям и увлекались новыми планами. Неусидчивость и поверхностность в характере черногорцев отметил и П.А. Ровинский.

Отсюда вытекала необходимость приглашать на ключевые посты компетентных иностранцев или тех черногорцев, которые учились за границей. Результатом такого кадрового подхода стала «эклектика» во внутренней и внешней политике, стремление механически перенести чужой опыт на черногорскую почву. Этот опыт не учитывал ментальные особенности народа, его неготовность расстаться с племенными порядками. Особенно ярко несостоятельность таких попыток проявилась тогда, когда в начале XX в., опираясь на помощь русских военных специалистов, начали реформу черногорской армии. Несмотря на серьезные денежные затраты со стороны России, вооруженные силы княжества не смогли дать отпор австрийским войскам в Первой мировой войне. В целом, правящая элита Черногории не смогла выработать эффективную, рассчитанную на свою специфику, концепцию национального развития в условиях государственной независимости и воплотить ее в жизнь.

Слабую подготовку и расхлябанность чиновничества приходилось компенсировать патриархальной строгостью монарха. От князя терпели то, что не простили бы другому человеку. Никола Петрович был авторитарен, скор на расправу, не всегда справедлив, часто неоправданно жесток. И в то же время

он был харизматической личностью, отличался красноречием, артистизмом, был умен и скор в решениях, любил и умел делать широкие жесты. Этим и можно объяснить тот парадокс, что в государстве, где дела шли из рук вон плохо, был очень популярный правитель, чьи решения не подвергались сомнению. Сколько бы оппозиция не критиковала авторитарный режим в начале XX в., следует признать, что суровый стиль управления Николы прививал самовольным патриархальным черногорцам навыки государственной дисциплины, хотя давались они бывшей племенной верхушке и рядовым членам общества с огромным трудом.

2.3. Введение Конституции 1905 г. Рождение партий и обострение политической борьбы в Черногории

Не успела Черногория привыкнуть к новым органам власти и управления, как был сделан еще один шаг вперед. 18 октября 1905 г., на следующий день после того, как русский царь Николай II опубликовал Манифест об усовершенствовании государственного порядка, князь Никола тоже обратился к своим подданным с заявлением. Он обещал собрать в Цетинье народных представителей «в целях лучшего устройства государственных дел». Никола отметил, что в течение 45 лет правления он взращивал новое поколение, которому можно будет предоставить право участвовать в народных делах и управлении, как это делают передовые народы. По словам господаря, и для патриархальной Черногории настало время обратиться к такому опыту⁶⁸, хотя правитель прямо предупредил своих подданных, что его «уступчивость» не будет слишком велика.

И в 1905 г., и сейчас вопрос о том, почему вдруг был сделан такой стремительный переход от самодержавного режима к конституционному остается дискуссионным. Слухи о том, что возможно подобное развитие событий, уже давно ходили по стране. Однако сам монарх своими высказываниями на тему устава до 1905 г. скорее опровергал, чем подтверждал такие предположения. В черногорской историографии XX в. утвердилось мнение, что князь враждебно относился к конституционным порядкам. Вместе с тем, многим было известно,

что Никола поручил некоторым членам правительства изучить содержание сербских конституционных проектов, то есть определенная подготовительная работа была проделана заранее. Н. Шкерович утверждал, что широкие слои населения восприняли решение князя ввести конституцию без особого энтузиазма⁶⁹. На самом деле, отношение к конституционным планам в народе было сложнее. Большинство сельского населения, далекого от политики, действительно, вело себя пассивно, почти равнодушно, о чем писал П.А. Ровинский. Не приветствовали таких нововведений люди старшего поколения, составлявшие племенную верхушку. При дворе, напротив, были силы, подталкивавшие государя ввести конституционный строй, это был старший сын князя княжич Данило, его поддерживал влиятельный политик Л. Миюшкович и другие заинтересованные лица. Наконец, заметную роль в демократизации общественной и политической жизни страны сыграло черногорское студенчество, получавшее образование за границей. Особую заинтересованность в переменах выражали студенты из Белграда, которые часто критиковали авторитарные порядки на родине и настаивали на политических реформах. Следовательно, не стоит считать объявление Николы о начале конституционного правления результатом случайного настроения монарха или внешнеполитической конъюнктуры. В обществе были импульсы, которые князь вовремя уловил и использовал в интересах обновления внутривластного курса.

Можно согласиться и с рассуждениями о причинах введения конституции, которые все чаще стали появляться в современных черногорских исследованиях после недавнего отделения Черногорской республики от Сербии. Например, М. Шукович утверждает, что дарование конституции в 1905 г. – не конъюнктурный поступок, а результат смены государственных ориентиров черногорского правителя. До начала XX в. у Николы были надежды на то, что он встанет во главе единого сербского государства. Когда он расстался с этими иллюзиями, то стал еще энергичнее развивать и укреплять институты черногорской государственности, и Конституция 1905 г. – это вершина государственного строительства, «основа нынешнего государственного строя Черногории»⁷⁰. Признавая справедливость таких рассуждений, хочется обратить внимание на то,

что их авторы настроены слишком критически к «югославянскому» опыту Черногории. Стремление отринуть целый век из своей истории и сделать вид, что это была нелепая ошибка, свидетельствует скорее о незрелости государственности, чем о ее самостоятельности. Только то государство жизнеспособно, которое переживает и хранит весь свой опыт, и положительный, и отрицательный. Не стоит вместо серьезных исторических исследований создавать новые мифы о золотом веке Черногорского княжества, век был отнюдь не золотым.

В декабре 1905 г. монарх опубликовал Избирательный закон и собрал своего рода Учредительное собрание – особую Скупщину, которая должна была одобрить дарованную им Конституцию. Выборы в учредительную Скупщину прошли в ноябре 1905 г., в начале декабря она открылась. И хотя законодательным это собрание не было, его состав заслуживает интереса, так как показывает, какие слои населения были больше всего вовлечены в политическую жизнь страны: 22 офицера, 12 окружных начальников, 11 штатских чиновников, 1 инженер, 1 учитель, 1 пенсионер (бывший начальник полиции), 4 православных священника и 1 католический, 11 человек из торговой и других сфер экономики. Таким образом, среди народных избранников мы видим преобладание военных и гражданских чиновников. Собирая их, князь не сомневался в полном послушании подданных и был несколько удивлен, что депутаты проявили особое внимание к тем положениям Конституции, в которых речь шла о его праве досрочно распускать будущие парламенты. Тем не менее, в целом дарование Устава прошло гладко, споров о содержании Конституции власть не допустила. Князь зачитал депутатам ее текст, принес присягу, в которой обещал править в соответствии с Конституцией, после чего депутаты разошлись по домам.

Октроированная Конституция вступила в силу 6 декабря 1905 г. Она объявила Черногорию наследственной конституционной монархией. Князь обладал высшей властью, неприкосновенностью, никому не подчинялся и не должен был давать отчета о своих действиях (ст. 2). Законодательную власть князь делил с парламентом – Скупщиной, из которой законы поступали на утверждение к монарху, ему принадлежало и право промульгировать законы. Князь собирал и распускал

Скупщину, которую предстояло выбирать каждые 4 года (ст. 17, 42, 43). Кроме выбранных народом депутатов, в работе Скупщины должны были участвовать главы трех конфессий княжества (митрополит, муфтий, архиепископ), члены Госсовета, председатели Великого суда и Государственного контроля, а также три названных князем военачальника (ст. 43–45). Очевидно, эти высокопоставленные лица должны были выполнять функции верхней палаты парламента. Князь мог отложить созыв Скупщины, но не больше, чем на три месяца; мог досрочно распустить парламент. В вопросах, связанных с государственной безопасностью, князь располагал особыми правами. Он мог лично принять решение, имеющее силу закона, если Скупщина распущена или еще не собралась. После начала ее работы, княжеское решение должно утверждаться депутатами. Полномочия Скупщины сводились, главным образом, к вопросам формирования бюджета и налогообложения (ст. 75, 77). Если Скупщина будет распущена до принятия нового бюджета, автоматически продлевается действие прежнего бюджета⁷¹.

Исполнительная власть принадлежала монарху в полном объеме. По Конституции князь объявлялся верховным главнокомандующим (ст. 5) и главой дипломатии (ст. 7), назначал и смещал всех должностных лиц (ст. 8), жаловал чины, награды, титулы, имел право амнистии (ст. 9–13). Еще несколько статей Конституции регламентировали правовой статус членов княжеской семьи. Также уточнялось уже сложившееся административное устройство Черногории (ст. 36, 37), регламентировалась государственная символика (ст. 38). Конституция закрепила прямые выборы, к которым допускалось все мужское население без имущественного ценза (ст. 48). В ней были положения о свободе всех вероисповеданий и защите всех религий в княжестве (ст. 6). Привлечение к уголовной ответственности могло производиться только на основании закона (ст. 196, 197, 198, 199). Вводилась презумпция невиновности и состязательный суд (ст. 200, 201). Уголовное наказание должно было назначаться в строгом соответствии с законом. Смертная казнь отменялась, исключение делалось только для военных преступников и для тех, кто станет покушаться на жизнь монарха и членов его семьи. В Конституции говорилось о неприкосновенности жилища, свободе слова и отмене цензуры, тайне

переписки, праве на проведение собраний и создание общественных организаций, праве подавать петиции. Содержание названных статей позволяет говорить о либеральном характере Конституции Черногории. Она была составлена вполне в духе того времени и напоминала многие октроированные конституции Европы. Например, ее можно сравнивать с Основными государственными законами Российской империи 1906 г., которые приблизительно так же трактовали соотношение различных ветвей власти. Сразу же произошли перестановки и в правительстве. Ушел в отставку воевода Божо Петрович, который был главой кабинета с 1879 г. Министрами стали люди молодого поколения, получившие то или иное образование, как правило, за границей. Новые министры, не дожидаясь созыва парламента, начали разрабатывать различные законы, имевшие важное значение для страны (Закон о печати 1.12. 1905, Уголовный кодекс 23.02. 1906, Закон о выборах народных посланников 24.06. 1906 и др.).

В начале 1906 г. началась подготовка к выборам в первую полноценную законодательную Скупщину. В стране еще не было политических партий, которые могли бы предложить избирателям предвыборные программы. Поэтому окружение князя стало издавать газету «Уставност» («Конституционность»), на страницах которой разъяснялись основы конституционного порядка. «Уж и наскучила же она всем своими поучениями!», – так оценил трехмесячную работу газеты П.А. Ровинский⁷². «Уставност» имитировала политические споры с несуществующей оппозицией, таким образом черногорцы приучались к мысли о необходимости принимать участие в политической жизни княжества. При этом правительство предполагало, что народ полностью его поддерживает и одобряет. Однако это заблуждение быстро исчезло, 8 ноября 1905 г. в Белграде была опубликована брошюра черногорского студенчества, в которой внутриполитическое и хозяйственное положение княжества оценивалось крайне негативно. 7 апреля 1906 г. вышла вторая брошюра, в которой содержалась еще более резкая и не всегда аргументированная критика в адрес нового правительства и двора. В сентябре 1906 г. в Никшиче представители немногочисленной черногорской интеллигенции стали выпускать газету «Народна мисао» («Народная мысль»), которая стала на-

стоящим, а не вымышленным оппонентом правящей элиты. Редколлегия «Народной мысли» обращала внимание читателей не только на просчеты и упущения властей, но и на то, что, не дождавшись открытия парламента, правительство наспех приняло несколько законов (например, о деятельности итальянских компаний), серьезно затрагивавших интересы населения. По мнению редколлегии, такие важные вопросы должны были решать те, кого выберет и уполномочит сам черногорский народ. То есть «Народна мисао» стремилась укрепить авторитет будущего парламента и убедить избирателей ответственно подойти к вопросу о том, кто достоин чести работать в законодательном органе. Современники, сравнивавшие два издания, считали, что интереснее и содержательнее выглядела «Народна мисао». По словам российского дипломата Е.Ф. Штейна, «Уставность» «рекламировала все казенные мероприятия, восхваляя мудрость Господаря», а «Народна мисао» выпустила несколько весьма интересных номеров, в которых «приступила к просвещению своих читателей о положении разнообразнейших отраслей народной жизни и хозяйства с попутной критикой правительственных по ним распоряжений и упущений»⁷³.

Никола сразу уловил опасные для себя тенденции и серьезно встревожился из-за того, что далеко не все одобряли ситуацию в стране. Он совершил поездку в Никшич и соседние населенные пункты, выступил перед народом и призвал «не поддаваться наущениям недовольных; пуще всего остерегаться школьных учителей, литераторов и журналистов, и горячо советовал производить выборы из сословия чиновного – блюстителя законности и порядка, и военного – носителя боевой славы страны и оплота ее безопасности»⁷⁴. Так монарх ясно обозначил тот строительный материал, из которого будут построены будущие политические партии – чиновничество и интеллигенция. Политический опыт подсказывал Николе, что союзников он найдет среди первых, а оппонентов среди вторых. Предвыборные поездки по стране предприняли многие члены правительства, выступавшие перед избирателями в том же духе, что и князь. Но в целом, проправительственные силы не смогли облечь свою предвыборную платформу в привлекательный вид, агитацию вели вяло и формально. Напротив, их противники, настроенные критически по отношению к властям, поста-

рались привлечь в свои ряды как можно больше сторонников, придав газетным публикациям актуальную и доступную форму.

Начало работы первого полноценного черногорского парламента совпало по времени с судебным разбирательством, которое затеяло правительство против черногорских студентов, обучавшихся в Сербии и выпустивших брошюры 8 ноября 1905 и 7 апреля 1906 гг. Молодые люди позволили себе такие серьезные обвинения в коррупции и злоупотреблениях в адрес высшей власти, что оставить их без ответа было невозможно. Было возбуждено дело о клевете. Обвиняемые специально приехали из Белграда, чтобы публично защищать свою точку зрения. Судебное разбирательство в Цетинском окружном суде состоялось 11 октября 1906 г. Зал и коридоры были переполнены публикой, интерес к делу был так велик, что еще до начала разбирательства князь занял примирительную позицию. Ход судебных заседаний ярко описан П.А. Ровинским, который показал, как удачно студенты построили свою защиту, зачитав на процессе выдержки из писем члена действующего кабинета. В процитированных письмах выражения и оценки были еще резче, чем в студенческих памфлетах. Неприятным для обвинителей обстоятельством было и то, что в Цетинье приходило много телеграмм-обращений из-за границы, от черногорской молодежи, обучавшейся в разных европейских странах, но требовавшей одного и того же – полного оправдания авторов брошюр. Суду пришлось ограничиться формальным выговором и отпустить обвиняемых. Их встретила толпа сочувствовавших, устроивших вечером манифестацию под окнами княжеского дворца. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Да здравствует правосудие!», «Да здравствует князь!». Князь заранее отдал приказ не разгонять демонстрантов, а когда толпа собралась под его окнами, монарху пришлось выйти к народу и провозгласить: «Да здравствует молодежь!»⁷⁵. Такое внешне доброжелательное поведение Николы принесло отличные политические результаты. Студентам пришлось благодарить князя и даже принять от него небольшую денежную помощь. Этот эпизод, с одной стороны, показал, до какой степени накалились политические страсти в стране еще до того, как Скупщина приступила к обсуждению животрепещущих проблем. С другой стороны, он характеризует князя Николу, как опыт-

ного и хитроумного политика, умевшего даже поражение делать своей победой.

Выборы в Скупщину прошли в сентябре 1906 г., их результат оказался таким: 22 чиновника, из них 9 юристов и 2 врача, 4 православных священника и 1 мусульманский, 14 пенсионеров – бывших госслужащих, 17 человек из других сфер. По Конституции в работе Скупщины должны были участвовать главы трех конфессий (митрополит, архиепископ и муфтий), члены Госсовета, председатели Великого суда и Государственного контроля, а также три назначенных князем военачальника. Эти «парламентарии по служебному положению» выполняли роль противовеса выбранным депутатам. Опять приходится констатировать значительный перевес чиновников в депутатском корпусе. В октябре 1906 г. работа парламента началась торжественной тронной речью монарха, выразившего надежду на успех своих нововведений. Однако даже однородный состав депутатов не смог обеспечить двору послушания и спокойствия в парламенте, ситуация в стране была такой сложной, что неизбежным был раскол на сторонников и противников власти. Скупщина сразу же обнаружила, по меткому замечанию Е.Ф. Штейна, «задорный характер». Будучи неискушенными в вопросах политической тактики, депутаты сначала вели себя так же прямолинейно, как на племенном собрании. Отважно критиковали правительство, устраивали обструкции непопулярным министрам, требовали провести ревизию государственных финансов и т.д. «Среди неистового шума по адресу министерства слышались крики: воры, мошенники, кровопийцы; одни кричали, чтобы их немедленно вытолкали в шею, другие, чтобы они предварительно дали в своих действиях полный отчет и уже после этого убирались по добру, по здорову. Министры пробовали что-то возражать, но их голоса были заглушены такой отборной руганью, что председатель счел своевременным положить конец начинавшемуся скандалу, объявив перерыв, после которого заседание в этот день возобновлено не было», – описывал Е.Ф. Штейн первые рабочие дни черногорского парламента⁷⁶. В то же время от внимательного наблюдателя П.А. Ровинского, также посещавшего заседания Скупщины и отметившего чрезмерную эмоциональность выступлений депутатов, не ускользнула другая важная деталь. Народные из-

бранники без труда овладевали новыми для них парламентскими протоколом, регламентом, процедурами. Славист считал, что на помощь пришли старинные обычаи: «Внешнюю сторону парламентаризма черногорская скупщина усвоила себе очень легко, может быть, благодаря тому, что у черногорцев исстари существовали скупщины, на которых всегда был порядок и совершенно свободные отношения между ее членами без различия, были то главари или простые черногорцы»⁷⁷, – писал славист. Следовательно, древние порядки, еще не забытые обществом, пригодились в новой политической ситуации, которая менялась так быстро, что общественное сознание не всегда успевало ее «переварить». Изучая историю черногорского парламентаризма, нельзя утверждать однозначно, что племенные пережитки были тормозом, в определенных ситуациях они были скрытым резервом недавно родившегося государства.

• • •

Сначала князь Никола демонстрировал готовность прислушиваться к мнению парламента. В отставку было отправлено правительство Л. Миошковича, обвиненное в некомпетентности и злоупотреблениях. Был сформирован кабинет М. Радулловича, пользовавшийся доверием депутатов, но не встретивший никакой поддержки своих инициатив у монарха. В январе 1907 г. этот кабинет подал в отставку, снова было сформировано правительство, поддержанное большинством депутатов, во главе которого встал А. Радович. Оно продержалось у власти только два месяца, главным образом потому, что двор не стремился к конструктивному сотрудничеству с министрами, кандидатуры которых выдвинула оппозиционно настроенная часть Скупщины. Именно этот момент можно считать временем зарождения двух политических партий Черногории. К марту 1907 г. они практически сформировались. Одна из них стала называться Народная партия, она представляла большинство в Скупщине первого созыва. Эта партия основала первый в истории Черногории политический клуб, поэтому ее сторонников в народе называли «клубаши». Состав партии был причудливым, в нем четко выделяются два разнородных компонента. Во-первых, это были высокопоставленные в прошлом государственные фигуры, которые находились в опале

по двум причинам. Либо они не справились со служебными обязанностями, либо, что случалось гораздо чаще, навлекли на себя гнев князя Николы неосторожными поступками и высказываниями. В качестве примера можно назвать родственника черногорского правителя воеводу Шако Петровича или крупнейшего землевладельца Черногории, тоже бывшего воеводу Лазо Сочицу. Среди них был и известный министр иностранных дел в отставке Гавро Вукович, которого современник назвал «политическим хамелеоном». Такие члены партии позволяли себе критиковать действующее правительство за то, что сами делали или допускали, будучи во власти. В их критике было много личного и субъективного. В Скупщине они видели не инструмент волеизъявления народа, а своего рода мост, по которому можно вернуться к высоким постам. По наблюдениям российского министра-резидента П.В. Максимова, они были похожи на тех, кто умышленно разжигает страсти, а не на тех, кто защищает своих избирателей. Став членами Народной партии, эти люди пошли по проторенному пути политических спекуляций, обмана, фальши. Некоторые из них распускали слухи, что Россия не станет выплачивать никаких субсидий до тех пор, пока они не станут министрами⁷⁸. Такие деятели скорее нанесли урон авторитету своей партии, чем помогли ей набрать силу и опыт.

Второй составляющей Народной партии стали более-менее молодые люди, не имевшие в прошлом никакого отношения к правительству. Их репутация не была запятнана политическими скандалами и сомнительными методами борьбы. По профессии это были те самые «учителя, литераторы и журналисты», сторониться которых призывал князь Никола. Политическую карьеру они начинали обычно как сотрудники редколлегий газеты «Народна мисао». Самые типичные примеры – это секретарь окружного суда Спасо Пилетич или учитель Янко Тошкович. Оба оставили мемуары о времени, когда их партия появилась и была разгромлена властями⁷⁹, оба позже подвергались политическим репрессиям. Отличительной чертой этого молодого поколения Народной партии была искренняя вера в возможность демократического развития Черногории. Они слишком серьезно отнеслись к октроированной Конституции и поверили в возможности парламентаризма.

К тому же они явно недооценивали властолюбия и жестокости черногорского монарха. Их взгляды и политическая деятельность вызывали у избирателей симпатии и сочувствие. Но их политическая неопытность, вообще свойственная молодости, сделала их почти беззащитными перед правительством и позже подтолкнула к роковым ошибкам, вроде увлечения политическим террором. Кстати, при всей своей неопытности, молодая генерация Народной партии поняла, какой урон ее репутации наносят политиканы старшего поколения, и призвала очистить свои ряды от самых одиозных лидеров.

Под влиянием молодых политиков Народная партия сформулировала основные положения своей программы, главным пунктом которой стал вопрос об ответственном кабинете. Конечно, неискушенные руководители «народников» не сформулировали этого тезиса четко и ясно. Но они твердо настаивали на парламентском расследовании деятельности предыдущего правительства (это расследование тогда называли «анкетой»), наказании тех чиновников, которые нарушили закон и на том, чтобы впредь во власти были люди, репутация которых не будет вызывать сомнения у народных представителей. Трудно сказать, насколько сами руководители Народной партии понимали, что вольно или невольно вторгаются в прерогативы князя. Но опытные российские дипломаты, занимавшие позиции наблюдателей и аналитиков, сразу отметили, какие серьезные политические изменения может повлечь за собой претворение в жизнь этих требований. П.В. Максимов доносил в Петербург: «Меня лично князь уверял, что он смотрит на Скупщину, как на ничего не значащую величину, и что он будет держать народных представителей в кулаке, он глубоко ошибся в своих расчетах. Князь Николай проиграл игру, и так недавно еще вполне властный и народом любимый и уважаемый правитель, сам вместо Скупщины того и гляди обратится в совершенно незначащую величину»⁸⁰. Другие требования Народной партии касались хозяйства и экономического развития страны, в первую очередь «народники» предлагали поднимать аграрную отрасль и реформировать финансовую систему. Много внимания было уделено самоуправлению общин. Еще одна актуальная задача – развитие народного просвещения, ликвидация неграмотности, создание профессиональных учебных заведений. Позже Народная пар-

тия обратила особое внимание на массовую эмиграцию черногорцев, вынужденных ехать за границу в поисках заработка. Были названы и другие наболевшие вопросы, затрагивавшие интересы широких слоев населения. Во внешней политике партия выступила за прочную дружбу с Россией и Сербией. «Народники» высказались против лавирования и попыток играть на противоречиях великих держав на Балканах. Такую программу можно назвать демократической, она была направлена на защиту материальных и духовных интересов рядовых черногорцев от произвола и злоупотреблений власти.

Вторая политическая партия, появившаяся в Черногории после введения конституции, стала называть себя Истинная народная партия. В народе ее называли «вирилцы», видимо потому, что она состояла из официальных лиц, пользовавшихся доверием монарха и заседавших в парламенте в силу своего служебного положения. Ее душой и строителем был лично князь, который оказался самым опытным из всех черногорцев политиком. Появление активной оппозиции заставило Николая действовать стремительно и жестко. С одной стороны, он сделал опорой своей партии тех, кто заседал в Скупщине «по положению». Так как это были чиновники высшего ранга, они без колебаний встали на сторону двора, понимая, что критика депутатов в первую очередь адресована именно им. С другой стороны, князь провел серьезную «организационную» работу среди оппозиции. Люди, не имевшие твердых убеждений, подверглись настоящей политической атаке со стороны правителя. Он переманивал, запугивал, подкупал тех, кто, по его мнению, составлял колеблющуюся часть зарождавшейся Народной партии, особенно депутатов, стремившихся к карьерному росту. Николай «очень умело, отчасти увещеваниями, а отчасти угрозами, не более как в три недели перевел из рядов Народной партии все недостаточно сплотившиеся с нею элементы на сторону вирильцев, так что Скупщина явилась разделенною на два почти равных лагеря», — доносил в Петербург П.В. Максимов⁸¹. Теперь оставалось дезорганизовать работу Скупщины настолько, чтобы ее роспуск стал неизбежным. Так и случилось в скором времени. Еще не сформулировав никаких программных положений и не определив лица своей партии, депутаты из придворного лагеря стали бойкотировать за-

седания парламента, лишив его кворума. Уже в апреле 1907 г. князь приостановил работу Скупщины на три месяца. В те же дни сторонниками властей была разгромлена типография газеты «Народна мисао» в Никшиче. Это была акция устрашения, целью которой можно считать демонстрацию общенародных монархических симпатий. Оппозиции как будто показывали, что у нее нет опоры в народе, нет надежды на победу. Вскоре парламент был распущен окончательно, на октябрь 1907 г. были назначены новые выборы. Из предвыборных заявлений Истинной народной партии трудно было понять ее внутриполитические задачи, но ясно высветилась внешнеполитическая часть: князь и «вирилцы» заявляли, что Народная партия выполняет задание Белграда, будучи подкуплена королем Петром, она добивается уничтожения династии Петровичей⁸². Поэтому себя члены Истинной народной партии считали спасителями отечества. Такие утверждения и восхваление властей заменили им политическую программу. С этого момента «сербский след» станет едва ли не главным козырем придворного окружения. Буквально каждый шаг оппозиции близкие к Николе политики станут объяснять происками Белграда.

Отсутствие четкой предвыборной программы у партии власти было компенсировано тем, что представители оппозиции были поставлены практически вне закона. В 1907 г. политическая борьба в княжестве вышла далеко за рамки парламентских методов. С. Пилетич описал в своих мемуарах весьма непростую обстановку в стране накануне выборов, утверждая, что на «клубашей» велась «настоящая охота»⁸³. Из сел вербовали крестьян, которые составляли вооруженные отряды, патрулировали улицы городов и угрожали физической расправой членам Народной партии. В столице члены партии стали получать письма, в которых были угрозы поджога домов. Были уволены с государственной службы многие депутаты распущенной Скупщины, поддерживавшие «народников». Случалось, что кандидаты Народной партии подвергались аресту в тот момент, когда шла регистрация лиц, решивших баллотироваться в парламент. То есть, некоторые политики не имели физической возможности подать соответствующие документы окружным властям. К тому же многие члены Народной партии не отвечали цензам (владение определенным имуществом или доходом

в виде жалования), предусмотренным статьей 63 Закона о выборах. Казалось, у этой партии не осталось шансов на то, чтобы попасть в Скупщину второго созыва. Напротив, кандидаты Истинной народной партии беспрепятственно занимались предвыборной агитацией, совершая частые поездки по стране.

В этот переломный момент проявился еще один специфический фактор черногорской политической жизни, сделавший партийное строительство в княжестве непохожим на другие страны Балканского полуострова. Речь идет о племенной солидарности. Тогда еще не очень искушенный политик, но активный агитатор и кандидат Народной партии, С. Пилетич в своих мемуарах подробно рассказал, как ему удалось принять участие в выборах 1907 г. По словам автора, его племя (Пиперы), как и другие, не проявило особого интереса к нововведениям князя Николы в 1905–1906 гг. Народ не очень понимал, что такое конституция и парламент, мало реагировал на рассуждения о преимуществах конституционной монархии, не слишком активно участвовал в первых выборах. Но после роспуска Скупщины, отношение к новым политическим институтам стало меняться буквально на глазах. Племена не понимали, почему в предвыборной гонке их земляки поставлены в неравные условия по сравнению с другими кандидатами, они усмотрели в таком положении и политическую, и племенную дискриминацию. Поэтому именно родственники С. Пилетича постарались устранить все препятствия на его пути в парламент. Пиперы подарили ему участок земли с небольшим домиком и стадо овец, обеспечив «своему» политику необходимый по закону имущественный ценз. Они сами зарегистрировали Пилетича как «своего» кандидата в депутаты, когда тот был арестован и не имел физической возможности вовремя подать документы, и вообще демонстрировали местным властям свое недовольство тем, что «их» выдвиженцу мешают участвовать в политической борьбе. В этот момент некоторые руководители Народной партии, оскорбленные предвзятым отношением двора, предлагали бойкотировать выборы, но С. Пилетич отказался к ним присоединиться, считая невозможным обмануть ожидания своих единоплеменников. Он был убежден, что та поддержка, которую ему оказали земляки, свидетельствовала о пробуждении политического сознания народа и о стремлении черно-

горцев защитить свою политическую свободу. Можно согласиться с этим мнением с одной только оговоркой. Гражданское равенство жители Черногории приравнивали к равенству племен, соединяя старые общественные ценности (приоритет своего племени и своих сородичей) с новыми идеалами (свобода слова, мнений, выборов).

Больше ста лет прошло со времени тех трагических выборов. Теперь уже можно судить беспристрастно о мотивах и результатах избирательной кампании 1907 г. Внимательно разбирая все примеры притеснений и насилий, которые организовала власть против оппозиции, и анализируя методы работы с избирателями, исследователь не может не обратить внимания на то, что лозунги противоборствующих сторон мало напоминали политическую борьбу в классическом понимании. В поведении князя и двора был налет личной обиды, оскорбленного самолюбия, задетого чувства собственного достоинства. Монарх был раздосадован критикой оппозиции не как глава государства, несущий ответственность за свой народ. Никола испытывал чувства старого отца, которому сыновья ответили черной неблагодарностью. Он был в ярости от одной мысли, что кто-то посмел осудить его действия, потребовать отчета в том, как тратились народные деньги в течение многих лет, что есть люди, не считающие его мудрым руководителем. Для господаря это были не политические, а личные враги, никто из них не должен был попасть в новый парламент. Поэтому лейтмотивом избирательной кампании для сторонников князя, военных и полицейских чиновников на местах, стал вопрос: «Ты за князя или за того или иного кандидата»? Малообразованные, но настроенные монархически черногорцы без труда находили правильный ответ. Люди более-менее грамотные и думающие отвечали резонно: разве лояльное отношение к монарху исключает право голосовать за своего кандидата? Ведь это право даровано короной.

Приблизительно так же выглядит и обида оппозиционеров на власть, нашедшая отражение в многочисленных мемуарах и исследованиях. Они не считали себя врагами Черногории, напротив, были патриотами, стремившимися к процветанию отечества, считали себя людьми, настроенными мирно и лояльно по отношению к монархии. Они мечтали о прогрессе,

а не о революции. Обрушившийся на них шквал оскорблений и позже физического насилия был воспринят так, как и следовало ожидать от представителя патриархального общества: за несправедливую обиду следует отомстить. Мысль о том, что сама оппозиция была отчасти виновата в преследованиях, что критика в адрес властей была слишком суровой, а некоторые обвинения не доказанными, редко приходила в голову тем, кто писал о «терроре правительства». Н. Шкерович, детально описывая столкновения сторонников и противников правительства в разных городах Черногории, уделяя повышенное внимание отдельным фактам притеснений народников, только мимоходом отмечает, как князь Никола старался не допустить кровопролития в столице, как старый монарх справедливо опасался не столько гражданской войны, сколько межплеменной розни и цепи убийств по мотивам кровной мести⁸⁴. Между тем, если бы не эта осторожность и опытность мстительного, но трезво мыслящего правителя, исход политической борьбы мог бы быть куда более трагическим, стране грозил братоубийственный затяжной конфликт. На примере избирательной кампании 1907 г. ясно видно, как шла мучительная ломка патриархального сознания, с трудом формировалось представление о том, что государство – величина абстрактная, не связанная с той или иной личностью. Мало кто понимал тогда, что можно уважать монарха, но видеть его просчеты. Можно держать в руках всю полноту власти, но не пользоваться ею для сведения личных счетов. Черногорцы не были готовы признать эти истины в начале XX в., политическую борьбу вели так, как когда-то боролись с турками, не на жизнь, а на смерть. Внеся в избирательную кампанию всю страстность и бескомпромиссность, которая была свойственна племенному сознанию, они обрекли себя на иррациональное политическое поведение, результатом которого станет политический тупик. Процесс о бомбах и Колашинский процесс – закономерный итог неправильного понимания целей и задач политики.

Весьма активно вели себя избиратели в день выборов, несмотря на то, что в стране по существу было введено чрезвычайное положение. На некоторых избирательных участках были расположены воинские подразделения. Тайное голосование, предусмотренное Конституцией, заменили открытым.

А избирательные комиссии прибегли к наивному приему, надеясь в последнюю минуту помешать голосовать за кандидатов оппозиции: не поставили избирательных урн для бюллетеней нежелательных кандидатов (для голосования за каждого кандидата полагалась отдельная урна). Однако боевой дух черногорцев тут же дал о себе знать. Давление администрации многие восприняли как вызов. Характерно поведение Пиперов на избирательных участках: одни земляки С. Пилетича выбрасывали бюллетени, протестуя таким образом против дискриминации, другие отправились жаловаться князю Николе, который встретил ходоков враждебно и разговаривал с ними грубо. Как видим, избежать акций протеста и заставить народ послушно исполнять волю двора не получилось. Описанные С. Пилетичем политтехнологии, примененные правительством, дают основание утверждать что, вводя конституцию, правитель Черногории и придворная камарилья не были готовы к полноценной межпартийной борьбе и к наличию политической оппозиции. Такая нетерпимость властей к проявлению любого, в том числе партийного инакомыслия, конечно, еще больше обострила взаимные нападки и политические обвинения, спровоцировала неадекватную ответную реакцию оппозиционеров. Молодое поколение Народной партии стало искать альтернативы правлению князя Николы, рассматривать возможность прихода к власти одного из его сыновей и прибегло к политическому террору, что стало причиной жестокого преследования «народников» и репрессий против лиц, оказавшихся причастными к покушениям⁸⁵.

• • •

Вопрос о подготовке террористических актов 1908 и 1909 гг. и судьбе их участников обстоятельно изучался в черногорской историографии XX в. Возможно, некоторые выводы историков сегодня могут вызвать критику. Но материал, собранный и опубликованный исследователями, позволяет современному читателю делать собственные умозаключения, на которые уже не могут влиять личные предпочтения. Правда, снова в научные споры начинают вмешиваться действующие политики, стремящиеся пересмотреть итоги развития Черногории в XX в. К сожалению, такое смешение науки

и политической конъюнктуры не дает правильного ответа на принципиальные вопросы, политическая оптика искажает историческую реальность. В данном случае нам важны не отдельные подробности событий, а общее их значение для всего государственного развития княжества в качестве самостоятельного субъекта. Ведь главным вопросом для ученого остается загадка рождения, смерти и возрождения государства. В конце концов, политический террор начала XX в. был явлением общеевропейским, покушения и убийства высокопоставленных лиц случались в странах, куда более благополучных, чем Черногория. Но Черногория была одной из тех стран, которые не смогли пережить внутренние и внешние потрясения, она исчезла с политической карты Европы после Первой мировой войны. Значит, для нее терроризм оказался слишком тяжелым испытанием, неокрепшее государство не смогло преодолеть его пагубных последствий.

Не смирившись с изгнанием Народной партии из парламента, черногорские студенты, учившиеся в Белграде, решили ответить на притеснения властей силой. Были приобретены бомбы, которые доставил в Черногорию провокатор, объявивший о заговоре против князя. Полиция быстро обнаружила бомбы и арестовала несостоявшихся террористов. Ход следствия и судебного процесса, скрупулезно описанный Н. Шкеровичем, производит на современного читателя странное впечатление. Если в 1964 г., когда вышла книга, процесс о бомбах однозначно воспринимался как доказательство репрессивной политики черногорского двора, то сейчас на первый план выходят иные детали. Например, очевидно, что революционно настроенная молодежь и сама не понимала, что делать с бомбами. Эмоциональный порыв так не оформился в сколько-нибудь понятный план действий. С этим были связаны затруднения следователей и судей, перед которыми была поставлена задача наказать преступников. Как сформулировать обвинение, в чем конкретно виноваты подсудимые? Туманность состава преступления повлекла за собой цепочку малоубедительных действий властей, которые потом много лет разоблачала и клеймила оппозиция и близкие к ней историки. Совсем нелепо выглядело привлечение к следствию гимназистов, несовершеннолетних школьников. Не удалось процессуально доказать вину тех политиков,

которые физически не могли участвовать в заговоре, но были осуждены (например, бывший глава правительства А. Радович). В мае 1908 г. суд вынес 6 смертных приговоров, остальные участники заговора были приговорены к каторжным работам, тюремному заключению и т.п.⁸⁶. Приговор тоже десятилетиями оценивался как свидетельство жестокости правящего режима. Но если посмотреть на него с другой точки зрения, которая ближе к реальному историческому контексту событий, то получатся иные выводы. Князь Никола, считавший себя отцом нации и искренне страдавший от «неблагодарности» молодежи, был растерян. В 1906 г. он уступил молодым, проявил великодушные, а не твердость, позволил суду оставить без наказания те бескомпромиссные и несправедливые с его точки зрения обвинения, что были напечатаны в Белграде. Но это не способствовало сближению власти и оппозиционно настроенного студенчества, переступившего границы закона. Если не помогла «отцовская» уступчивость, значит нужна «отцовская» суровость. Решение суда, в котором были и смертные приговоры, и тюремные сроки, оказалось совсем неудачным, политическая ситуация в стране не улучшилась, а ухудшилась. Даже смягчение приговоров и отмена смертной казни не остудила накала страстей. Не слишком опытная в деле модернизации политическая элита Черногории не смогла найти подходящие рецепты управления в стрессовой ситуации постоянно углубляющегося внутривнутриполитического кризиса. Она пошла обычным для всех европейских правительств путем колебаний от репрессий к уступкам и наоборот, но делала это неуклюже, непродуманно, импульсивно и слишком жестоко, с прямотой племенных вождей. Своим непрофессионализмом двор еще больше дестабилизировал ситуацию в стране.

Процесс о бомбах не только вызвал усиление преследований по политическим мотивам в Черногории, но и привел к крупным международным осложнениям. Черногорский двор обвинил в подготовке покушения на жизнь Николы официальные круги Сербии, отношения двух славянских государств были разорваны. Российские дипломаты прикладывали невероятные усилия, чтобы погасить скандал и примирить два двора, связанных родством, но разделенных ненавистью и соперничеством⁸⁷. Только разразившийся в октябре 1908 г. ан-

нексионный кризис положил, по крайней мере формально, конец этой распре двух династий. Боснийский кризис 1908 г. и последовавшие за ним Балканские войны 1912–1913 гг. в значительной степени переключили внимание черногорской общественности с внутривосточных проблем на внешние. Князь Никола, не справившийся с внутренними противоречиями, умело сыграл на национальных чувствах славян, особенно своих подданных, внушая им, что война решит все вопросы. Это ему удалось гораздо лучше, чем попытка править конституционно, возможно потому, что он сам в это искренне верил, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Этот момент следует отметить особо, так как желание решать внутренние задачи путем внешнеполитических демаршей также свидетельствует о слабости правящих кругов, не сумевших разработать эффективной программы развития, ориентированной на внутренние ресурсы. Элита пошла по экстенсивному пути внешнего расширения. Черногорский двор стал настойчиво пропагандировать идею необходимости присоединения новых земель к княжеству, видя в нем единственный выход из тупика.

Положение в стране в тот момент никак не напоминало конституционные порядки, обещанные в 1905 г. Поэтому решительно настроенные противники режима создали во второй половине 1908 г. (по мемуарам Я. Тошковича в начале 1909 г. – *В.Х.*)⁸⁸ подпольную организацию в Подгорице, Центральный комитет которой разработал настоящий план вооруженного восстания. Этот план предусматривал захват средств связи и путей сообщения, а также правительственных зданий, арест правительства и обращение к народу с манифестом, в котором предполагалось объявить о свержении Николы, сделать правителем Черногории старшего сына князя Данилу, освободить политзаключенных и т.д. Хотя молодые конспираторы надеялись создать свои ячейки по всей Черногории, позже в своих мемуарах они признавали, что их круг был слишком узким, чтобы добиться успеха. Тем не менее, несколько членов организации на свой страх и риск, не поставив в известность остальных, сделали попытку захватить военный арсенал недалеко от городка Колашин. Эта «колашинская афера» спровоцировала новый виток правительственного террора осенью 1909 г.⁸⁹ Расправы над членами Народной партии,

парламентской оппозицией, подпольными молодежными организациями не только показали, до какой степени формальный характер носила черногорская Конституция, но и помешали обществу сконцентрировать внимание на требовавших немедленного решения вопросах. Ни либеральные начинания в духе конституционной монархии, ни репрессии против инакомыслящих не сняли с повестки дня насущные проблемы народа – бедность, непосильные налоги, невозможность получить образование и применить свои силы в отечестве, застой в социальной сфере. Черногорцы стали «голосовать ногами», в массовом порядке уезжая за границу. Масштабы эмиграции вызвали тревогу даже в России, которая щедро финансировала военную реформу в княжестве, рассматривая черногорскую армию как свой резерв на Балканах. Уже в 1906 г., по сведениям Российской дипломатической миссии из страны выехало около 10 тыс. человек, а в 1907 г. поверенный в делах Е.Ф. Штейн писал начальству: «Угроза переселения в Америку – этого злейшего кошмара здешнего правительства, по-видимому, расшевелила даже местное равнодушие»⁹⁰. Понятно, что после казней и расправ 1908–1909 г. эти цифры выросли. Чтобы укрепить пошатнувшийся авторитет, черногорский монарх затеял грандиозные и непозволительные с точки зрения княжеских финансов юбилейные торжества в честь 50-летия своего правления в августе 1910 г., во время которых провозгласил себя королем. Внешне празднества прошли красиво, в них приняли участие представители разных династий и дипломаты великих держав. Однако по сути эти мероприятия не улучшили политического климата новоявленного королевства. Противники Николы считали, что королевский титул не сулит народу ничего, кроме увеличения трат на содержание двора. Многие современники, посетившие Черногорию в 1910 г., обратили внимание на тягостную атмосферу, сложившуюся в стране. Идеологическое давление на общество усиливалось, внушалась мысль о том, что всеми успехами черногорский народ обязан лично своему монарху. Для закрепления пропагандистского эффекта Никола объявил амнистию политическим преступникам. Но и это было сделано крайне непоследовательно, многие амнистированные политики оставались в заключении еще долгое время.

Вспоминая обвинения в расправах, многократно высказанные в мемуарах оппозиционеров, нельзя не сказать и о точке зрения тех, кто был у власти и преследовал Народную партию. Их видение ситуации было прямо противоположным, близкие ко двору политики, наказывая политических врагов, вовсе не считали себя палачами и губителями отечества. Напротив, они видели свою задачу в спасении государства от подрывных элементов, защищали страну от потрясений, как могли⁹¹. Отойти от крайностей оценок, высказанных противоборствующими сторонами, и увидеть реальную расстановку сил поможет взгляд стороннего наблюдателя, далекого от черногорских политических предпочтений. Это размышления российского дипломата Е.Ф. Штейна о поступках правительства Л. Томановича, на которого народники возложили ответственность за террор. «Более скромной, бесцветной и, если можно так выразиться, безличной личности, чем г. Томанович, мне редко приходилось встречать, хотя присущее ему миролюбие и спокойствие сделали здесь больше в смысле успокоения здешних страстей во время недавней борьбы правительства со Скупщиной, чем могла сделать вся деятельность предшествовавших ему министров. <...> Мне доподлинно известно много случаев, когда на самого князя Николая, которому между прочим слепо предан, г. Томанович действовал успокоительным и умиротворяющим образом», – сообщал Штейн в Петербург⁹². Эти слова позволяют предположить, что окружение короля даже в самый разгар противостояния не исключало возможности контактов с оппозицией. Не случайно так долго задержался на должности председателя правительства «бесцветный» Л. Томанович, хотя многие исторические источники подтверждают его желание сложить с себя полномочия. Его толерантность нужна была обеим сторонам конфликта. Как видим, режим Николы был жестоким, но не был кровожадным. Оставаясь по взглядам отцом народа, новоиспеченный король сделал главой правительства человека, склонного к компромиссу и примирению. Сам он этим качеством не обладал, но видимо ощутил бесперспективность нагнетания ситуации вокруг оппозиционеров. Ему нужен был тот, кто поможет вернуться к диалогу, и таким человеком стал интеллигент Л. Томанович, послушно исполнявший волю монарха, но не стремившийся раскрывать механизм репрессий и сводить

счеты с противниками. Снова остается догадываться, осознанно или интуитивно Никола нашел и выдвинул такого человека, но этот выбор оказался верным. Таким образом, был нащупан, если можно так выразиться, экспериментальным путем, метод управления, альтернативный террору. Элита на собственных ошибках училась управлять не племенным, но государственным народом, осознавая значение политических компромиссов во внутренней политике.

К этому времени выборы в Скупщину стали проводить по системе «официальных кандидатов», разработанной и успешно применяемой во Франции в годы Второй империи. Следует напомнить читателям, что некоторое время в юности Никола жил и учился во Франции, значит, был знаком с избирательной практикой французов. Система безальтернативных выборов, когда в бюллетени вносились только фамилии правительственных кандидатов, применялась на выборах в черногорский парламент в 1911 и в 1913 гг. В архиве Института истории Черногории хранится донесение окружного управителя Никшича министру внутренних дел, написанное в сентябре 1911 г., когда шла предвыборная кампания. По содержанию этого документа нетрудно восстановить те приемы, с помощью которых правительство добивалось победы на выборах официальных кандидатов. Во-первых, в донесении говорится о новой тактике, которую выбрали оппозиционно настроенные черногорцы, не имеющие возможности выдвинуть кандидатами в депутаты Скупщины своих единомышленников. Они предлагали землякам вообще не ходить на избирательные участки, бойкотируя выдвиженцев власти. Во-вторых, описаны меры, с помощью которых местная власть предполагала преодолеть угрозу абсентеизма, рассказано о том, какие строгие инструкции были выданы чиновникам, отвечающим за успешное проведение выборов. Им прямо предписывалось обеспечить явку избирателей вплоть до того, что названы цифры, сколько человек должны обязательно проголосовать. В-третьих, окружной начальник провел собеседования с теми людьми, которые были заподозрены в нелояльности по отношению к выдвинутым правительством кандидатам. Вообще, судя по донесению, на контроль брались все, кто выражал хоть малейшее недовольство тем, как протекает предвыборная кампания.

С «беспокойным» электоратом велись постоянные «разъяснительные» беседы. Наконец, сообщалось о том, насколько активно местные чиновники вели предвыборную агитацию в пользу ставленников правительства, а тех, кто, по мнению автора донесения, не проявил должностного рвения, предлагалось немедленно уволить с государственной службы⁹³. Понятно, что благодаря системе официальных кандидатов состав Скупщины был таким, каким хотел его видеть черногорский правитель. Этот парламент был лоялен и послушно одобрял распоряжения исполнительной власти. Но даже при таком тотальном давлении на избирателей, монархия не смогла добиться абсолютного послушания. В одном из округов депутатам Скупщины был избран представитель Народной партии⁹⁴.

Тщательно контролируемая система официальных кандидатов дала сбой уже в 1913 г. Экономическая и политическая ситуация в стране была настолько тяжелой, а участие в войнах 1912–1913 гг. до такой степени ухудшило материальное положение черногорцев, что невозможно было избежать проявлений недовольства и критики в адрес короля Николы. На этот раз в роли оппозиционера выступил представитель Истинной народной партии, официальный кандидат, член Государственного совета воевода Йован Пламенац. Этот человек был очень близок ко двору, именно он расправлялся с теми, кто принимал участие в заговорах 1908–1909 гг. Некоторые современники изображали Пламенаца спасителем монархии⁹⁵. И вдруг, в декабре 1913 г. Й. Пламенац обратился к черногорцам с избирательной программой, которая почти полностью повторяла программу Народной партии 1907 г. В ней говорилось о необходимости внести поправки в Конституцию с целью улучшения работы парламента, предлагалось разработать продуманную стратегию социально-экономического, в первую очередь аграрного развития Черногории. Также ставилась задача добиться уменьшения эмиграции в Америку, подчеркивалась необходимость снизить налоги, улучшить работу судов и администрации, поднималась проблема упадка системы народного образования и т.д. Реакция двора была незамедлительной. Председатель правительства потребовал немедленной отставки Й. Пламенаца с государственной службы⁹⁶. Уже отпечатанное обращение к избирателям было конфисковано.

Казалось бы, возрождавшаяся оппозиция задушена в зачатке. Состав последней Скупщины формально был таким, каким его хотел видеть монарх: 44 чиновника, 12 пенсионеров, 3 крестьянина, 3 торговца. Фактически же последний черногорский парламент снова оказался оппозиционным. Из 62 депутатов только 16 человек были представителями придворной камарильи («вирилцами»). 25 парламентариев считали себя сторонниками Народной партии. 17 человек были членами Истинной народной партии, которая теперь выступала с теми же программными требованиями, что и Народная партия. 5 депутатов заявили, что являются участниками молодежного движения («Омладина») и готовы были повторить те обвинения в адрес властей, которые когда-то содержались в студенческой брошюре 1907 г.⁹⁷. Следовательно, черногорская монархия по сути проиграла самые последние в своей истории выборы. Депутаты сохранили желание менять сложившийся в стране уклад, проводить реформы и модернизировать государство. Собравшаяся накануне Первой мировой войны Скупщина попыталась начать социальные преобразования, приняв законы о помощи инвалидам войны и семьям тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей, о пенсиях для госчиновников и учителей др. Но время, отпущенное Черногории самой историей, было упущено. Война помешала этой работе и поставила точку в истории самостоятельной черногорской монархии и ее политических институтов.

Годы Первой мировой войны были периодом, когда не осталось ни малейшей возможности совершенствоваться и обновлять черногорскую государственность. Логически они связаны с другой темой, в центре которой будет исследование истории вхождения Черногории в Королевство СХС, изучение военной гибели королевства Черногория и выбор пути дальнейшего государственного существования, сделанный в 1918 г. Альтернативы, перед которыми стояла страна, факторы, повлиявшие на предпочтения политиков, решивших вопрос в пользу Королевства СХС, становятся особо актуальными не только с научной, но и с политической точки зрения в начале XXI в. Нынешняя политизация этого исторического сюжета является обстоятельством, не упрощающим, а намного усложняющим задачи ученых. Склонные рубить с плеча политики и политиканы во все време-

на отличались неким историческим нигилизмом, нежеланием чтить тот накопленный опыт, который не укладывался в рамки их идеологических убеждений. Какими бы неутешительными не казались итоги «югославского периода» истории Черногории, они — составная часть народной жизни, заслуживающая самого внимательного и объективного рассмотрения.

• • •

Подводя итоги конституционного правления в Черногории, попробуем суммировать те особенности, которые удалось выделить на основании архивных материалов и мемуарной литературы. Во-первых, все авторы сходятся в том, что в момент введения в княжестве конституционных порядков народ не был готов к полноценному участию в политической борьбе и вел себя пассивно до тех пор, пока власть не стала подавлять оппозицию насильственными методами. Те, кто составил эту оппозицию, представляли собой не единую социальную среду или определенный экономический класс, а немногочисленную просвещенную часть общества, которую принято называть черногорской интеллигенцией. Несмотря на то, что образованных людей, способных критически оценить результаты деятельности правительства, было очень мало, они проявили повышенную политическую активность. Создатели Народной партии быстро научились использовать печать для достижения поставленных целей, сформулировали программу действий, которая отражала интересы широких слоев населения, правильно определили основные направления предвыборной и парламентской работы, искренне надеясь добиться улучшения экономической и политической ситуации в княжестве. Проправительственная группировка в Скупщине выглядела менее убедительно, хотя на ее стороне были все преимущества, а организатором этой партии стал сам князь Никола, опытный и одаренный политик, не останавливавшийся ни перед какими трудностями. Такая чрезмерная активность монарха в деле создания политической партии, которая должна служить опорой трону, составляет вторую особенность межпартийной борьбы в Черногории. Конечно, в любом монархическом государстве правительство старается опереться на монархические партии, но в Черногории такая партия вообще

вряд ли появилась бы без усилий князя. Черногорская бюрократия была послушным инструментом в его руках.

Еще одна особенность политической борьбы в начале XX в. – племенной фактор, который активизировался в 1907 г. и показал, что народ не очень готов защищать партийные идеалы, но ни за что не оставит без помощи соплеменника, оказавшегося в положении преследуемого. Осознание своих гражданских прав постепенно приходило к черногорцам через племенную солидарность и стремление оберегать интересы своего братства. Племенные пережитки давали о себе знать во всех сферах государственной и политической жизни, проявились они и в борьбе политических партий. Следующая специфическая черта государственного развития княжества – нежелание монарха и придворной камарильи терпеть возражения и инакомыслие, критику в свой адрес. Любое несогласие двор расценивал как измену, искал в оппозиции иностранные происки, не допуская мысли о том, что не внешние, а внутренние обстоятельства породили недовольство отдельных групп населения. Низкая способность власти к конструктивному диалогу и быстрый отказ от уступок оппозиции, репрессии и нетерпимость правительства привели к результату, противоположному ожиданиям монарха. Народная партия и Истинная народная партия, в конце концов, пришли к одному знаменателю, осознали, что целью их политического существования является исправление тех коренных пороков политической системы Черногории, которые не давали стране развиваться и прогрессировать. Можно констатировать, что исследователи, писавшие о формальном характере черногорской Конституции и о том, что от конституционных начинаний Николы не было особой пользы, несколько упростили историческую картину. Конечно, черногорский правитель не стал демократичнее в своих поступках, а жизнь народа не стала легче. Но политическая борьба партий помогла всему обществу постепенно осознать свои важнейшие интересы в экономике и политике, определить приоритеты в национальном развитии, а также, очевидно, повлияла на судьбу монархии. Династия Петровичей, не сумевшая отказаться от чрезмерного патернализма и патриархального взгляда на власть, не успела научиться видеть в черногорцах граждан, обладающих пра-

вом мнения и голоса. Народ, в свою очередь, использовал в политической борьбе старинные навыки войны, противостояния, конфронтации. Двор и оппозиция даже не приблизились к поискам компромиссов. Может быть, поэтому определенная часть населения перестала видеть в монархе гаранта черногорской самобытности и суверенитета, отдав предпочтение югославянским проектам и мечтам.

3. ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЧЕРНОГОРСКОГО КНЯЖЕСТВА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Непременным атрибутом независимой державы является армия. В европейском общественном мнении конца XIX в. существовало устойчивое представление об исключительных боевых способностях черногорцев, их мужестве и высоких нравственных идеалах. Оно имело под собой историческую почву, не раз Европа была свидетельницей ожесточенных схваток черногорских племен с турецкой армией. Военная история Черногории была предметом исследования ученых и в XIX, и в XX, и в XXI вв.⁹⁸. П.А. Ровинский считал, что «черногорец прежде всего представляет собою тип воина, проникнутого мыслью о войне, и никогда ни перед кем не складывающего оружия». Среди воинских качеств черногорцев славист назвал «необыкновенную энергию, неустрашимость, решительность, сметливость, умение не потеряться и найтись во всяком положении, выносливость, физическую легкость, ловкость»⁹⁹. При этом военный потенциал страны вполне соответствовал ее патриархальному укладу. В XVIII и в первой половине XIX в. каждый черногорский воин сам добывал себе оружие и боеприпасы, либо захватывая их у турок, либо покупая в соседних странах. Только во второй половине XIX в. черногорское государство стало заниматься проблемами поставки оружия, иногда закупая его, а чаще получая в дар от дружественных держав. Вооруженные силы княжества в то время были народным ополчением, неразрывно связанным с племенами. Именно братства и племена создавали основные

подразделения: четы, батальоны, бригады. Офицерами становились племенные старейшины. Такие выдвиженцы обязательно должны были показать себя с лучшей стороны. Люди, лишенные способностей к военному делу (если таковые вообще были среди черногорцев), не имели шансов сделать военную карьеру. Только личные заслуги позволяли рассчитывать на высокие воинские звания. Племя не могло позволить бездарному командиру губить людей, жизнь каждого воина высоко ценилась в крохотной стране. Крупные боевые потери могли привести к захирению и даже вымиранию племен. Однако территориально-племенной принцип формирования батальонов имел и отрицательные стороны. Во-первых, самые боевитые племена часто теряли молодых мужчин. Во-вторых, народное ополчение не знало единоначалия и строгой дисциплины. Каждый черногорец принимал в бою самостоятельные решения, не дожидаясь приказа командира. П.А. Ровинский, принявший участие в боевых действиях черногорской армии в 1878 г., заметил: «Слишком строгая команда <...> может парализовать его (черногорца. – В.Х.) природную способность, что может дурно отразиться на ходе дела»¹⁰⁰. В условиях современной войны такая особенность могла обернуться гибелью армии. Племенной дух черногорцев приводил к разобщенности действий отдельных частей, неумению координировать наступление, соперничеству в атаке.

Создатели Черногорского государства, владыки Петр I и Петр II, князь Данило сознавали необходимость создания регулярной армии. Последний не только составил списки всех воинов и их снаряжения, но и законодательно сделал защиту отечества основной обязанностью черногорца. По XVIII-й статье Законника Данилы каждый мужчина должен был в случае войны с оружием в руках являться на сборный пункт. У уклонившихся от мобилизации пожизненно отнимали оружие. Труса публично повязывали женский фартук, «ибо нет у него мужского сердца». Статья XVI Законника предусматривала расстрел за измену родине и под страхом такого же наказания запрещала любую помощь изменнику. Князь ввел десятичную структуру народного войска: во главе десяти бойцов стоял десятник, во главе сотни – сотник, во главе тысячи – тысяцкий. Каждой тысяче полагалось знамя, чтобы она сознава-

ла себя частью армии, а не отрядом одного племени. Установленный Данилой порядок существовал почти без изменений до 1903 года. С 1860 г. был введен особый налог для пополнения военного снаряжения. Тогда же началось сотрудничество с Сербским княжеством, помогавшим в деле подготовки военных специалистов. Из России стали регулярно поступать деньги на покупку оружия. Русские офицеры наладили в Цетинье работу оружейных мастерских.

После Берлинского конгресса международное положение Черногорского княжества было очень сложным. С одной стороны лежала враждебная Австро-Венгрия, видевшая в черногорцах помеху своим экспансионистским замыслам на Балканах. С другой была Османская империя, для которой успех освободительного движения славянских народов равнялся смертному приговору. Особую роль в дипломатической жизни Черногории играла Россия, которая считала необходимым создать на Балканах своего рода российский военный оплот в лице православных государств. Черногория виделась русским политикам хорошо укрепленной крепостью. В инструкции начала 1880-х гг. было сказано: «В случае политических усложнений черногорская армия может принести нам пользу как отдельно действующий в западной части Балканского полуострова отряд наш, могущий отвлечь часть сил противников наших от главного театра военных действий и сверх того, сгруппировать вокруг себя соседние, сочувствующие нам славянские элементы»¹⁰¹. Поэтому военное сотрудничество и помощь были поставлены на широкую ногу. В 1881 г. на русские деньги черногорцы приобрели крупную партию оружия. Топографы из России составляли для черногорской армии точные карты. Офицеры Н.Р. Овсяной и Н.С. Сумароков, жившие в княжестве в качестве воспитателей сыновей князя Николы, выполняли обязанности «негласных военных агентов»¹⁰².

1894 год стал переломным в деле военного строительства в Черногории, власти которой, опираясь на русскую поддержку, попытались радикально улучшить вооружение, организацию и подготовку офицерского и рядового состава. Князь обратился к правительству России с просьбой подарить его стране списанные из русской армии 30 тыс. винтовок-берданок. По подсчетам полковника Н. Каульбарса, несколько лет

работавшего в Черногории, ее народное войско после войны 1876–1878 гг. насчитывало около 25 тыс. человек, следовательно, русских винтовок хватило бы на всех бойцов¹⁰³. Россия не только подарила винтовки и патроны к ним, она взяла на себя дипломатические хлопоты по переправке оружия через Прованс. Когда оказалось, что присланный за винтовками личный пароход Николы в аварийном состоянии, из российской казны были выделены 34 тыс. рублей для доставки вооружения к месту назначения. Кроме того, военное министерство прибавило к грузу современные виды оружия: 6 пулеметов и 500 кавалерийских винтовок с необходимым запасом боеприпасов. В дальнейшем Россия неоднократно поставляла в княжество крупные партии оружия. Правда, иногда, когда запросы черногорского монарха становились нескромными, ему отказывали. В 1898 г. очередное прошение Николы было отклонено. Товарищ министра иностранных дел граф В.Н. Ламздорф так пояснил отказ: «Несмотря на всегдашнюю готовность императорского правительства споспешествовать, по-возможности, преуспению Черногории, удовлетворение означенного ходатайства по финансовым соображениям было бы затруднительным, тем более, что издержки казны по снабжению Черногории оружием в 1895 и 1898 годах уже превысили 1 и 1/2 миллиона рублей сверх постоянного ежегодного расхода в 200 с лишком тысяч на различные нужды княжества»¹⁰⁴. Но в целом, с конца XIX в. вооружение черногорской армии шло, главным образом, за счет России. За это черногорский монарх брал на себя, по крайней мере, на словах, определенные обязательства. В письме к А.Н. Куропаткину в январе 1899 г. он писал: «Я желал бы, чтобы государь император смотрел на мое войско как на часть своей великой армии»¹⁰⁵.

Перестройка черногорской армии велась сразу в нескольких направлениях, одним из которых была подготовка обученного современному военному искусству офицерского состава. После международного признания княжество уже не воевало так часто, как прежде. Все меньше оставалось командиров, имевших личный боевой опыт. Нужно было заменить их новыми людьми со специальным образованием. Черногорское правительство посылало юношей за границу в военные школы, так как своих не было, но результат оказался сомнительным.

Полковник Н.С. Сумароков сообщал в российский Генштаб, что не все из этих молодых людей были подготовлены к своей профессии: «Инструкторы, обучавшиеся в Италии, которые имеются в настоящее время в Черногории, по-видимому, не вполне удовлетворяют тем требованиям, которые должны быть к ним предъявлены. Лично мне удалось во время поездок в окрестностях видеть два раза учение, производившееся ими. Учения эти почти исключительно состояли в ружейных приемах, в сдваивании и выстраивании рядов и в проверке знаний сигналов, и велись вообще по шаблону и крайне вяло»¹⁰⁶. Очевидно, чужеродная система строевой подготовки не соответствовала военному темпераменту черногорцев. П.А. Ровинский утверждал, что «черногорец не нуждается, чтобы его долго мучили маршировкой <...>, потому что с детства занимается гимнастикой и с детства же приучается к маршировке и владеет оружием»¹⁰⁷. Нужно было углубленное изучение стратегии и тактики современного боя, приучение к строгой дисциплине, воспитание навыков безусловного подчинения командирам. К тому же, давая деньги на черногорскую армию, российское командование стремилось сформировать в княжестве «корпус офицеров с русской выправкой».

Поэтому часто и охотно военные заведения России принимали черногорских юношей в ряды своих учеников. По окончании учебы черногорцы целый год проходили службу в русских полках, а по необходимости срок такой стажировки продлевался еще на два года. Много лет прослуживший в Черногории военный агент Н.М. Потапов считал, что «из числа черногорских офицеров, получивших военное образование вне своего отечества, а именно – в России, Италии, Франции, Турции, Болгарии, Сербии и даже Австрии, особенно хорошей подготовкой отличаются наши русские воспитанники»¹⁰⁸. По признанию другого официального лица, российского представителя в Цетинье С.В. Арсеньева, выпускники русских военных заведений успешно продвигались по службе на родине, занимая должности от начальников штабов дивизий до военного министра¹⁰⁹. Конечно, российское командование было вполне удовлетворено наличием в Черногории таких кадров, но все же их было слишком мало, чтобы возглавить все воинские подразделения страны. Попутно выяснилась еще одна

проблема. Офицеры, окончившие учебные заведения в разных странах, открыто соперничали друг с другом, нередко между ними складывались неприязненные отношения. Эта враждебность накладывалась на племенные различия и предрассудки, мешала эффективному управлению войсками. Была очевидной необходимость создать собственные военные школы. К началу XX в. появились три таких заведения: Цетинская пехотная школа, артиллерийские курсы в Никшиче и Подгорицкая школа унтер-офицеров. Они, по мере возможностей, готовили военных специалистов, но развивались медленно из-за слабого финансирования, характерного для всей системы образования Черногории.

В 1895 г. черногорские власти взяли за массовую подготовку молодых людей к службе в армии. Было решено создать пехотный и артиллерийский учебный батальоны (последний называли полубатареей), в которых юноши должны были проходить ускоренную военную подготовку в течение 4–6 месяцев. За год планировалось пропускать через эти части 3–4 смены, а через несколько лет вся молодежь призывного возраста прошла бы такое обучение. Так как собственных средств на реализацию этого проекта не было, за помощью обратились к России. По распоряжению царя были выделены 57 тыс. рублей для постройки батальонных казарм и приобретения оснащения. С января 1896 г. началась ежегодная выплата 82 тыс. рублей на содержание учебных батальонов. Контроль за расходованием средств и работой батальонов был поручен полковнику Сумарокову¹¹⁰. Но с самого начала дело не заладилось. Российские дипломаты подозревали, что деньги идут не по назначению, а Н.С. Сумароков жаловался начальству, что его не информируют должным образом: «Еще в конце прошлой зимы я заметил, что существует стремление отдалить меня от наблюдения за тем, что там делается. Высказывалось это стремление довольно регулярно в разных мелочах, и, наконец, в марте месяце прошлого года мне не был даже составлен обычный отчет об обучении людей пятой смены. <...> Осенью я заметил, что то же стремление отстранить меня во что бы то ни стало от всего, что касается учебного батальона, упорно продолжается»¹¹¹. К 1901 г. обучение совсем разладилось. Министр-резидент П.М. Власов доносил в Петербург, что летом 1901 г. в пехотном батальоне было только 320 человек, горная полубатарея «уже

два года как перестала существовать даже на бумаге». П.М. Вла-сов был человеком дотошным и часто напоминал черногорским руководителям об обязательствах перед Россией, но ничего, кроме конфликтов, из этого не выходило. В одной из таких перепалок княжеский министр иностранных дел Г. Вукович заявил, что учебные батальоны вообще не нужны, что молодежи хватит и нескольких дней военных сборов в году для освоения основ армейского дела¹¹². К 1902 г. батальоны уже практически бездействовали. Представители других великих держав в Черногории не скрывали своего злорадства по поводу того, с каким треском провалилось это начинание, называли его «прихотью», а не серьезным делом¹¹³. Очевидно, что именно в 1901–1902 гг. ясно проявились те препятствия, которые были связаны с патриархальным менталитетом народа и могли помешать военной модернизации.

Тем не менее российское руководство не собиралось отказываться от своей военно-политической доктрины на Балканах. Поэтому князю Николе снова удалось убедить своих покровителей в необходимости продолжить военные реформы в Черногории. В том же самом 1902 г. он посетил Петербург и уговорил Николая II увеличить субсидию княжеству до 500 тыс. рублей. Российская дипломатическая миссия в Цетинье уже начала получать деньги на проведение новой армейской реформы, между тем никаких мероприятий не проводилось, никакого контроля за расходованием этих средств не велось. Единственное, что смогли сделать дипломаты в этой ситуации, это создание специального резервного фонда, в котором накапливались деньги. Фонд был в руках князя. Упорно ходили слухи, что он уже опустел¹¹⁴. С большим трудом сотрудники миссии смогли добиться назначения в Черногорию постоянного военного агента. В 1903 г. в Цетинье выехал подполковник Генштаба Н.М. Потапов. Он с воодушевлением взялся за разработку и проведение реформы вооруженных сил Черногории. Ему пришлось заниматься буквально всем, составлять смету расходов, готовить план создания медико-санитарной части, руководить постройкой казарм для нового учебного батальона и даже по поручению черногорского двора разрабатывать законопроект реорганизации военного министерства¹¹⁵. Несмотря на свой энтузиазм, Н.М. Потапов испытывал смущение всякий раз, когда вступал в тесные контакты с черногорским руководством.

От своего начальства он не стал скрывать удивления по поводу «неспособности здешнего военного министра уяснить себе значение всего того, что подлежало сообщению с моей стороны»¹¹⁶.

Усилия Н.М. Потапова привели к тому, что усложнилась структура Военного министерства Черногории, в нем появились новые отделы, которые отвечали и за старые вооруженные подразделения (пехоту и артиллерию), и за создание новых частей (санитарной и интендантской служб). Чтобы проверить результаты реформы, осенью 1904 г. были проведены невиданные по размаху военные учения, которыми формально руководил тогдашний военный министр Пламенац, фактически – Н.М. Потапов. В маневрах приняли участие 12 батальонов народного войска и 3 батареи артиллерии. Рапорт, составленный Н.М. Потаповым после окончания учений, лег на стол самого Николая II. Содержание рапорта было двойственным. С одной стороны, в нем еще раз были отмечены личные боевые качества черногорцев. С другой, Н.М. Потапову пришлось признать: «Наиболее крупные проблемы, обнаруженные во время проведения маневров, заключаются в слабой тактической подготовке офицеров и в неудовлетворительной организации и слабом несении службы отдельных штабов, выразившееся 1) в несвоевременной и неумелой передаче войскам приказаний, 2) в неумелой организации разведок и службы связи и 3) в полном игнорировании тыла, как в смысле сообщения туда необходимых распоряжений, так и в отношении его обеспечения»¹¹⁷. Год спустя прошли учения 15 батальонов народного войска, закончившиеся с тем же итогом. Н.М. Потапов констатировал, что для ополчения характерны: «1) весьма слабая военная подготовка, почти круглое невежество старших начальников народного войска и 2) природное отсутствие в черногорцах инстинкта необходимости связных, дружных, согласованных действий». Вывод звучал мрачно: «Войска крайне тяжелы (выделено в оригинале. – В.Х.) для управления. Отсутствуют не только частная инициатива и умелое использование представляющимися во время действий выгодными изменениями обстановки, но даже простая подвижность, быстрое исполнение приказаний и простое применение к местности»¹¹⁸. Выходило, что все усилия пропали втуне.

Российские дипломаты забили тревогу. Д.А. Капнист предупреждал в 1904 г.: лучше создать лишнюю русскую дивизию, чем

тратить деньги «на содержание целого черногорского корпуса». В пользу своей точки зрения он привел два аргумента – военный и политический. Военный сводился к тому, что Черногория всегда вела партизанскую войну, к отпору профессиональной армии она вряд ли готова. Политический довод был еще убедительнее – давая маленькому государству в руки оружие, Россия дает ему возможность торговаться с великими державами, лавировать между ними. Д.А. Капнист напоминал опыт Болгарии: «Одной будущности еще предстоит доказать, не придется ли нам самим считаться при ограждении наших собственных интересов на Балканском полуострове с нами самими созданной болгарскою армиею». Также может произойти и с Черногорией, монарх которой готов «стакнуться с Австрией или Италией в ущерб России»¹¹⁹. Мрачные прогнозы Д.А. Капниста стали сбываться уже в 1905 г., когда разразился крупный политический скандал. Наследник черногорского престола Данила позволил себе в присутствии дипломатов поднять тост за здоровье японского адмирала Того, победителя русского флота в битве в Цусимском проливе. Правда, позже черногорский двор категорически отрицал этот факт. Тем не менее, российский представитель Ю.Я. Соловьев бурно протестовал против подобного поведения княжича, за что был удален из Черногории. Негоши демонстрировали в тот момент, что у них есть друзья посильнее России, например, Италия, сближение с которой принимало угрожающие формы. Тогда впервые российские официальные круги стали подсчитывать свои издержки и подводить итоги.

Оказалось, что за 1895–1906 гг. Россия израсходовала на военные нужды Черногории 2150 тыс. рублей, не считая стоимости подаренных крупных партий оружия (60 тыс. ружей, 25 тыс. револьверов, 26 млн. патронов и т.д.). Между тем, всеми имевшими отношение к вооруженным силам княжества официальными лицами признавалось одно и то же: «слабая подготовка административного и командного состава», «внизу – неспособность толково выполнить даже простейшие задачи». Пришлось констатировать, что «после одиннадцати лет непрерывного и щедрого субсидирования <...> черногорской армии, ценность последней с точки зрения современных требований представляется ничтожной»¹²⁰. Становилось понятно, что церемониться с таким слабым союзником и, тем более, терпеть его капризы было нелепо.

В 1906 г., воспользовавшись истечением срока субсидии, руководство МИД обратилось к правительству России с предложением ужесточить условия, на которых давались деньги на военные нужды: выдавать субсидию по частям, полностью контролировать расход средств, продлевать субсидию ежегодно и увязывать ее выплату с внешнеполитическим курсом княжества. Из чисто военной субсидия превращалась в военно-политическую и должна была отныне играть роль регулятора российско-черногорских официальных отношений. Черногорский двор должен был согласиться на такие перемены. Но когда настало время первой выдачи денег по новым правилам, произошел серьезный конфликт. В начале 1907 г. Н.М. Потопов, до того тщетно настаивавший на составлении военного бюджета Черногории, предложил руководству российской дипломатической миссии выдать только ту часть субсидии, которая покрывала уже произведенные расходы (то есть оплатить представленные черногорцами счета). Князь Никола оскорбился и заявил, что если субсидия не будет выплачена сразу и без условий, он вообще ничего не примет. Пришлось министру-резиденту П.В. Максимову нанести визит князю. В начале беседы «его королевское высочество, сильно приподняв голос, объявил», что его посетитель «не имел права входить в какие-либо рассуждения, касающиеся военного бюджета, а должен немедленно передавать получаемые суммы полностью». П.В. Максимов отвечал, что «господарь напрасно повышает голос на русского представителя, который наверно не поступает без надлежащих указаний». После долгих препирательств и колебаний между самостоятельностью и получением денег черногорский монарх выбрал второе¹²¹. Этот выбор был предсказуем, российские дипломаты хорошо знали, как остро нуждался Никола в материальной поддержке. За несколько месяцев до описанной сцены П.М. Максимов присутствовал на испытании только что прибывших из-за границы 12 пулеметов. Тогда князь вслух подсчитывал, могут ли черногорцы купить пулеметы вскладчину и выходило, что «на один пулемет Максима едва хватило бы и годовичного жалования черногорского министра»¹²². При таком финансовом положении страны черногорским правителям оставалось либо отказаться от идеи иметь современное вооружение, либо послушно выполнять волю России.

В эти же годы стала проявляться еще одна негативная тенденция в развитии вооруженных сил Черногории, постоянно беспокоившая российских покровителей. Началась массовая эмиграция черногорцев за рубеж, в основном в Америку. Проверка, проведенная в начале лета 1906 г. показала, что в большинстве воинских подразделений осталось только две трети наличного состава, а в некоторых – половина. Поверенный в делах Е.Ф. Штейн доносил в Петербург: «За последние три года <...> выбыло из Черногории около 10.000 самого энергичного, здорового, сильного и молодого элемента, около 2/3 которого приходится на воинов, прошедших курс подготовки в содержимых на счет нашей субсидии учебных батальонах и батареях»¹²³. Черногорские власти старались помешать оттоку молодежи. Получить заграничный паспорт могли 25-летние юноши, которым разрешали выезжать только в Европу. Выезжавшие должны были давать письменное обязательство находиться по адресу, указанному в паспорте, каждый месяц извещать своего командира о месте своего пребывания, по письменному приказу эмигранты должны были возвращаться на родину¹²⁴. Особую тревогу правительства вызывал перелом в общественном настроении. Если раньше было позором не пойти на войну, то теперь стыдно было не ехать в Америку. По мнению Н.М. Потапова, в 1907 г. Черногория переживала «военный кризис», вызванный «уродливыми, чисто болезненными формами, которые приняла за последнее время эмиграция черногорцев в Америку», «уже не нужда, а фальшиво понимаемая удаль гонит <...> все мужское население княжества в рудники Нового Света»¹²⁵. Не даром Е.Ф. Штейн считал своевременным сократить военную субсидию на треть, у княжества больше не было тех людских ресурсов, на которые рассчитывал российский Генштаб¹²⁶.

• • •

Положение вооруженных сил Черногории осложнилось с введением в стране конституции в 1905 гг. В течение двух-трех лет царил полная неразбериха в высшем военном руководстве, имела место министерская чехарда, с конца 1905 по весну 1907 г. на посту военного министра побывали Я. Вукотич, Д. Гатало, М. Мартинович. Депутаты первого в исто-

рии Черногории парламента начали финансовую проверку использования военной субсидии. В армии шло брожение. Н.М. Потапов писал: «Вкусившие в последнее время политической свободы офицеры, позабыв дисциплину, не перестают засыпать Радовича (и.о. военного министра. – В.Х.) требованиями о выполнении разного рода обещаний, данных им когда-то князем Николаем, никогда, впрочем, не исполняющим никаких обещаний. Дисциплина забыта до того, что упомянутые офицеры назначают военному министру срок, в течение коего на их требования должен последовать положительный ответ»¹²⁷. Причиной такого возбуждения российский военный агент считал «невиданный переход из патриархального быта в парламентский». То есть, он правильно заметил, что патриархальное сознание черногорцев не успевало меняться так быстро, как менялись формы организации государства. Носитель племенного менталитета, черногорский воин считал себя вправе обсуждать распоряжения командира и не выполнять приказов начальства, если эти приказы задевали его самолюбие. Никакие военные субсидии и усилия иностранных специалистов не могли ускорить процесса «привыкания» черногорцев к государственной и воинской дисциплине. На это нужно было долгое время, которого история не дала маленькой славянской державе, оказавшейся в центре большой европейской политики. Это наглядно продемонстрировали события, связанные с Аннексионным кризисом 1908 г.

Черногорский монарх, узнав об аннексии Боснии и Герцеговины, мобилизовал часть своей армии, надеясь в случае военного столкновения отнять у Австро-Венгрии часть побережья Адриатики. Оснований для таких радужных надежд не было. Военный агент Потапов еле-еле убедил черногорский двор, «что армия вообще не снабжена техническими средствами, игравшими в современной войне столь важную роль»¹²⁸. Тогда князь Никола заявил о намерении «немедленно приступить к коренному преобразованию своей армии». Он снова обратился к России с настойчивой просьбой увеличить военную субсидию. По этому поводу 7 августа 1909 г. проводилось совещание российского правительства, на котором были выражены сомнения в целесообразности такого увеличения. Между тем, усиленные военные приготовления Австро-Венгрии на

Балканах заставили российских руководителей пересмотреть свою позицию. Поверенный в делах Н.Н. Дьяченко доносил из Цетинья: «Число войск, размещенных в Боснии и Герцеговине, увеличено <...> вдвое, и фортификационные работы австрийцев вдоль всей черногорской границы ведутся с необычайной энергией и поспешностью». В этом донесении, с которым ознакомился сам Николай II, говорилось о необходимости поддерживать черногорцев. Царь отдал распоряжение о помощи.

Снова и снова шли совещания по черногорскому вопросу. В их ходе существенно изменилась боевая задача, которую российские военные хотели бы поставить перед черногорскими коллегами. Теперь заговорили о вторжении вооруженных сил Черногории в случае войны на территорию Боснии и Герцеговины и отвлечении части австрийских войск от русских границ. Эта наступательная доктрина требовала новых затрат. Военная субсидия была удвоена и составила 600 тыс. рублей. В страну были командированы русские офицеры-инструкторы для подготовки на месте необходимых военных специалистов. И главное – за оказанные услуги от королевства потребовали подписания двухстороннего договора, который должен был обеспечить использование черногорских войск в интересах России¹²⁹. Такой договор показал, что на слово Николе Негошу уже не верили, от него требовали твердых гарантий. В бессрочном военном соглашении, подписанном в 1910 г., Россия взяла на себя обязательство оказывать черногорскому народу помощь «в форме субсидии на военные нужды наличными деньгами и материалами», «для поддержания вооруженных сил королевства на высоте современных требований» туда направлялись русские офицеры-инструкторы. Черногорский король, в свою очередь, был обязан «по первому призыву русского царя предоставить все вооруженные силы в распоряжение империи». Отныне черногорское командование должно было ежегодно приводить свой план военных действий в соответствие с русскими планами. В случае военных действий начальником штаба черногорской армии назначался русский офицер. Царь имел право посылать инспекторов в черногорское войско. Черногорская сторона обещала не начинать наступательных действий без согласования с Россией и не заключать без ее разрешения военных соглашений

с другими государствами. Российская сторона оговорила свое право прекратить выдачу субсидии в случае нарушения подписанного договора. К этому соглашению прилагался особый акт, установивший порядок выплаты субсидии. Ее сумма держалась в секрете, в бюджет королевства не вносилась, а расходовалась по особой смете¹³⁰.

Однако даже в самый разгар этой военной лихорадки Н.М. Потапов сообщал своему начальству, что черногорское правительство проявило «крайнюю медлительность в осуществлении предположенного переустройства своей армии и до настоящего времени не приступало даже к подготовительным в сем направлении работам. Обстоятельство это дает основания предполагать, что в первое, по крайней мере, время названное правительство имеет намерение использовать средства увеличенной субсидии не на развитие боеспособности черногорской армии, а на покрытие значительного дефицита в <...> казне, образовавшегося вследствие усиленных военных приготовлений Черногории в период присоединения Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также чрезмерно широкой выдачи наград чиновникам народного войска»¹³¹. Как видим, российские руководители так и не добились от своего партнера послушания и готовности следовать их указаниям. Черногорские власти использовали славянские лозунги для получения материальной помощи, но не считали себя обязанными выполнять чужие приказы. Свои интересы они ставили гораздо выше, чем обязательства перед Россией, хотя формально соглашение 1910 г. отнимало у Черногории военный суверенитет...

1910–1915 гг. – последний этап в деле превращения черногорской армии в современное войско. Королевство дважды смогло проверить готовность своих вооруженных сил к боевым операциям во время Балканских и Первой мировой войн. Этим проверкам предшествовали такие начинания как новый военный закон 1911 г., перепись народного войска, перераспределение офицерского состава по новым категориям. Появились новые артиллерийские части, например, осадная батарея, вооруженная 240-миллиметровыми мортирами. По всей стране создавались артиллерийские склады. В Военном министерстве появились новые подразделения, разрабаты-

вались дисциплинарный, гарнизонный и другие военные уставы, готовилось открытие кадетского корпуса и т.д. Правда, наученное горьким предыдущим опытом, российское военное командование скептически оценивало усилия черногорцев; на полях одного из рапортов Н.М. Потапова написано: «Надо ожидать, что эта “Гора” родит мышь»¹³². Немало усилий к тому, чтобы такого не случилось, приложили русские офицеры-инструкторы, долгие месяцы проводившие в Черногории. Полковник Егорьев был назначен директором кадетского корпуса и начальником Цетинского военного училища. Полковник Колосов отвечал за постановку делопроизводства в Военном министерстве и штабах бригад, за разработку новых учебных программ различных военных курсов и сборов. Черногорскую артиллерию курировал полковник Рачинский. Жизнь этих офицеров в королевстве была трудной, плохие бытовые условия, отсутствие квартир, расхлябанность подчиненных, неровные отношения с королевским двором – все это приходилось терпеть и преодолевать. Понятны жалобы Н.М. Потапова, руководившего инструкторами: «Дать черногорскому офицеру какое-либо указание <...> еще недостаточно; надо лично и притом не один раз настоять на его исполнении. Черногорцев, таким образом, постоянно приходится вести на “коротком поводу”, начиная от младших чинов до самых старших, – ибо как только ослаблено наблюдение, он немедленно прекращает всякую работу и начинает рассуждать о внешней политике <...>. Я не останавливаюсь уже на том, какое неослабное наблюдение приходится иметь постоянно, чтобы отпущенная нами материальная часть артиллерии и разного рода военные запасы содержались в порядке; чтобы суммы субсидии расходовались согласно бюджета, а не по внезапным капризам короля или военного министра; чтобы назначенные расписанием и рассчитанные по часам занятия не отменялись на несколько дней только из-за того, что государь, отправляясь на охоту или в маленькое путешествие по Черногории, пожелал взять с собою из числа рекрут загонщиков или почетную охрану. Наконец, я не упоминаю, какую массу нервной энергии приходится тратить мне лично на неприятные объяснения с королем и военным министром, только чтобы отстоять правильный ход или необходимость какого-либо улучше-

ния»¹³³. Конечно, эти признания вызывают сочувствие к нашим офицерам, которое, однако, не изменяет того факта, что сами того не заметив, они превратились из инспекторов в опекунов и нянек черногорской армии, и винить в этом они должны были себя, а не черногорцев. Излишним рвением и желанием насадить в черногорском войске собственные порядки русские приучили своих славянских коллег к несамостоятельности и безответственности, к мысли о том, что в конце концов Россия все уладит. Создавая в некотором смысле искусственно благоприятные условия для проведения военной реформы в Черногории, российские военные специалисты не учитывали патриархального мировоззрения черногорцев, ждали от них характерного для «государственного» народа поведения. Российские чиновники не хотели понять, что невозможно так стремительно перейти от племенного уклада к государственной дисциплине, как им хотелось бы. А черногорская история, в том числе и военная, шла своим ходом.

В Балканских войнах 1912–1913 гг. черногорская армия воевала неудачно. Провалом закончилась самая крупная военная операция – штурм албанского города Скутари (Скадара). Черногорское войско потеряло 4 тыс. человек, что равнялось трети его личного состава¹³⁴. Снова дипломаты пытались образумить военных и показать тщетность российских начинаний в королевстве. На этот раз горькую правду высказал российский посланник в Цетинье А.А. Гирс: «Обучение черногорского войска нашими инструкторами имело для него более чем второстепенное значение. Наши офицеры постоянно жаловались на вмешательство короля в дело обучения и организации армии, с требованиями военной техники ничего общего не имевшие и вызывавшиеся соображениями домашнего свойства; он часто парализовал их труды, что и сказалось в известной мере на плачевном ходе военных операций <...> под Скутари <...>. Рассчитывать на то, что король Николай вперед иначе отнесется к своим обязательствам и к делу обучения своего войска – никаких оснований не имеется. Кроме того, я полагаю, что ввиду племенных особенностей сербов Черногории, образующих скорее клан, чем государство, мы вряд ли добьемся образования из них боевой единицы, отвечающей всем современным требованиям военной техники и нашим

военно-полевым задачам»¹³⁵. Этим трезвым рассуждениям А.А. Гирса не хватало только одного. Официальным представителям России не удалось понять, что невозможно навсегда обеспечить единство интересов двух разных стран и народов даже очень щедрой материальной помощью, что какой бы маленькой, слабой и послушной не казалась им Черногория, она в интересах самосохранения будет проводить свою, а не чужую политику. Если эта политика не нравилась российским властям, то это совсем не значило, что она не подходила черногорскому правителю. Недооценка вкусов, стремлений, амбиций короля Николы каждый раз приводила к одному и тому же результату. Черногорский монарх так или иначе получал желаемое, а его российские партнеры – нет. Но этого урока они так и не поняли.

Приближалась Первая мировая война. К ней готовились почти все европейские страны, в том числе и Россия. Ей были нужны союзники на Балканах, и она готова была за это платить. В начале 1914 г. возобновилось финансирование черногорской армии. Для покупки ружей было выделено 1476 тыс. рублей, на содержание штабов и военных инструкторов 931043 рубля, на пополнение артиллерии 5533244 рубля, а в целом, королевство должно было получить более 9 млн. рублей¹³⁶. Приехавший в марте 1914 г. в Петербург А.А. Гирс напрасно пытался противостоять этой щедрости или, на крайний случай, добиться назначения военным министром Черногории русского офицера¹³⁷. Оставшийся в Цетинье поверенный в делах Н.А. Обнорский тоже призывал не доверять очередной «представляемой черногорским военным министерством программе»¹³⁸. Голоса дипломатов-практиков утонули в шуме ура-патриотических настроений. Однако ход войны все быстро расставил на места. Уже в 1914 г. Н.А. Обнорский в письмах к А.А. Гирсу писал об острой нехватке в королевстве продовольствия, топлива и даже воды. Он постоянно боялся прорыва австрийских войск под местечком Грахово, потому что дорога на Цетинье была бы тогда полностью открыта. Вообще, Н.А. Обнорский не верил в победу славян: «Пока русское солнце взойдет над всякими там будапештами <...>, австрийская роса может юго-славянам глаза выесть»¹³⁹. В ноябре 1914 г. прибавилась новая беда – немцы заминировали при-

брежные воды Адриатики, сообщение Черногории с внешним миром почти прервалось¹⁴⁰. В январе 1916 г. под натиском австрийской армии пал Ловчен (горная вершина над Цетиньем), где была установлена королевская артиллерия. Затем сдалась и столица. Король Никола и его окружение покинули страну. Н.А. Обнорский описал этот «исход»: «Мои коллеги и я выехали буквально в чем грех застал, даже без ручного багажа. Я сделал было попытку вывезти свой мундир и некоторые наиболее необходимые документы (конечно, не секретные, ибо их пришлось предварительно сжечь), но все это был вынужден оставить в Медуге за полным отсутствием удобных перевозочных средств»¹⁴¹. Вооруженные силы Черногории, как и само королевство, больше не существовали.

Итак, войны начала XX в. показали, что Черногории не удалось создать таких вооруженных сил, которые защитили бы ее национальные интересы на собственной территории и за границами. Причины этой неудачи, на первый взгляд, следует искать в экономической отсталости и бедности страны. Но такое объяснение не очень убедительно. Мы видели, что Российская империя, нуждавшаяся в союзниках на Балканах, готова была полностью компенсировать черногорцам нехватку средств на модернизацию армии. Скорее, главная причина провала нескольких кампаний по реорганизации вооруженных сил состояла в том, что черногорское общество не было готово расстаться с традиционным укладом жизни. Сохранявшиеся в начале XX в. пережитки племенного строя наложили причудливый отпечаток на войска. Внешне они все больше походили на армии других европейских стран, а внутренне оставались патриархальными. В них с трудом приживались дисциплина и единоначалие. Несмотря на все усилия российских военных специалистов, черногорцы так и не сумели овладеть навыками современных боевых действий, упорно сохраняли приверженность «народной» (партизанской) войне. Опыт военного сотрудничества России и Черногории показал, что невозможно искусственно ускорить процесс военно-политического развития государства. Если народ не готов принять формы государственного существования, он их либо отторгает, либо деформирует. Никакая помощь извне не может изменить внутреннего состояния.

4. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРНОГОРСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

На описанные выше внутривнутриполитические процессы большое влияние оказывала внешняя политика, проводимая Черногорией в конце XIX – начале XX в. Целью черногорской дипломатии в это время было активное участие во всех важных процессах, протекавших на Балканском полуострове, и установление самых широких связей на международной арене. Черногория никогда не чувствовала себя в полной безопасности из-за того, что ее ближайшим соседом оставалась Османская империя, которая по-прежнему явно или скрыто проводила по отношению к славянам враждебную политику. Таким же тяжелым для княжества было и соседство с Австро-Венгрией, не скрывавшей своих экспансионистских замыслов на Балканах. Поэтому княжеское правительство развернуло бурную деятельность, направленную на то, чтобы установить как можно больше официальных контактов с разными странами. После Берлинского конгресса черногорское правительство заключило более ста двусторонних и многосторонних экономических, политических, военных, культурных и проч. соглашений¹⁴². Правда, иногда складывается впечатление, что черногорские руководители чрезмерно увлеклись самим процессом подписания договоров, внешней юридической формой, но не всегда подкрепляли ее практическим содержанием. Вместе с тем, некоторые направления внешней политики княжества никогда не носили «бумажного» характера и были исключительно актуальными. Действия, предпринятые в этих направлениях, динамично менялись под влиянием международной обстановки. В первую очередь, это относится к двусторонним связям Черногории и России. Для российского правительства аксиомой было то, что княжество, пользовавшееся со времен Петра Великого протекцией империи, – надежный и послушный партнер. Сначала, в конце XIX в., российский МИД и первый министр-резидент в Цетинье А.С. Ионин старались не принимать чрезмерного участия в делах своего клиента. Но дистанцироваться от проблем народа, только что получившего международное признание и право самостоятельно строить свое будущее, не

удалось. Русские специалисты помогали княжеской администрации буквально во всех ее экономических и политических начинаниях¹⁴³. К сожалению, серьезные усилия россиян, направленные на решение черногорских проблем, и постоянно растущая денежная поддержка не приносили ожидаемых результатов. Черногория стремительно погружалась в глубочайший социально-экономический и финансовый кризис. Российская империя превратилась в постоянного «спасателя» князя Николы, причем эта «служба спасения» обходилась весьма недешево. Понятно, что подобные обстоятельства оказали принципиальное воздействие на качество российско-черногорских отношений. В 1900 г. размер русских субсидий княжеству и черногорских долгов империи был таков, что российские руководители просто не допускали мысли о возможной самостоятельности союзника на международной арене. «Наш боевой отряд на Балканах», «возможный резерв русской армии», – такими эпитетами наделяли Черногорию представители официальной России. Между тем, уже в 1901 г. министр-резидент П.М. Власов сообщал в Петербург, «что князь Николай стал постепенно уклоняться от откровенных объяснений <...> по таким делам, где голос русского представителя мог бы иметь <...> существенное значение»¹⁴⁴. Дипломат из всех сил старался предупредить свое руководство о грядущих осложнениях в российско-черногорском сотрудничестве. Тогда в МИД России сочли, что сам П.М. Власов проявил чрезмерную резкость в своих суждениях о положении дел в княжестве и княжеском семействе. Российская элита не могла поверить, что господарь мог хоть на минуту забыть о многочисленных благодеяниях, оказанных ему домом Романовых. На смену П.М. Власову прислали А.Н. Щеглова, снабдив его инструкциями, в которых настоятельно призывали облекать любые советы «в подобающую форму». Такая рекомендация сочеталась со следующей оценкой черногорской ситуации: «Неурядицы во внутреннем управлении княжества; расстройство денежного его хозяйства, вызванное главным образом отсутствием сколько-нибудь правильного контроля, а также и непосильными для страны расходами княжеского двора; чрезмерная задолженность в связи с природной бедностью края и отсутствием у населения его капиталов и промышленной предприимчивости – все это со-

здает для Черногории в высшей степени тяжелое финансовое положение, нередко угрожающее княжеству потерей экономической самостоятельности. Так в 1900 г. лишь великодушная помощь, оказанная, по высочайшему повелению, князю Николаю выдачей черногорскому правительству ссуды в 750000 рублей, спасла княжество от закабаления его западноевропейскими капиталистами. В истекшем 1901 г. его императорскому величеству благоугодно было вновь придти на помощь княжеству, повелев не требовать возврата означенной ссуды и отпускать в субсидию Черногории вместо прежде выдававшихся 222 тысяч по 500000 рублей в год»¹⁴⁵. Однако ни щедрость царя, ни повышенная тактичность российских дипломатов не убедили черногорского монарха твердо следовать пророссийским внешнеполитическим курсом.

Во всех донесениях российской миссии начала XX в. отмечались прохладное и не очень дружелюбное отношение княжеского двора к представителям России и стремление князя «оказать всевозможные любезности» западным странам, в первую очередь Италии и Австро-Венгрии. Такое «кокетничание», по мнению российских политиков, было связано, во-первых, с тем, что правительство России попыталось поставить определенные границы, за которые русская денежная помощь княжеству не должна выходить. Во-вторых, неудовольствие Николы вызвали попытки российских официальных лиц проверить, насколько эффективно расходуются средства, отпущенные из русской казны на вполне определенные цели государственного и военного строительства в Черногории. В-третьих, охлаждение пылкой любви черногорской камарильи «к матери – России» было связано с неудачами Российской империи в Русско-японской войне, которые черногорский двор «был склонен преувеличивать»¹⁴⁶. Понимая горечь тех, кто немало потрудился над укреплением российско-черногорской дружбы, приходится все же заметить, что лавирование и игра на противоречиях великих держав, которую черногорское правительство позволяло себе в начале XX в., говорит о новом качестве внешней политики княжества. Небольшая балканская страна выросла из роли послушного ученика и стремилась быть самостоятельной во всем. Поскольку собственные возможности Черногории были минимальными, ее правите-

ли научились извлекать материальную выгоду из стремления ведущих европейских держав под своим контролем балканский регион. Каждый визит черногорского монарха за границу приносил ему немалую пользу, независимо от того, посещал он Россию, Австро-Венгрию или Османскую империю. Во время этих поездок князь Никола почти всегда добивался помощи в тех или иных делах. Также успешно он использовал для достижения своих целей представителей великих держав, работавших в Цетинье. Приближая к себе то одного, то другого дипломата, давая понять, что именно этому человеку готов доверить решение насущных черногорских проблем, Никола добивался того, что в Вену, Рим, Петербург или Париж шли депеши, в которых содержались развернутые планы помощи черногорцам. Вместе с тем, ситуация на Балканах была такой напряженной, что никаких дипломатических талантов не хватило для того, чтобы положить конец аннексионным планам Австро-Венгрии в отношении славянских земель или убедить турецкие власти добровольно освободить Старую Сербию. Когда дело доходило до принципиальных вопросов балканской политики, интересы России и Черногории объективно совпадали, две страны оказывались вместе в одном военно-политическом лагере, причем княжество играло роль застрельщика в борьбе за окончательное освобождение югославян, а Российская империя роль главнокомандующего, решающего, когда проявить сдержанность и осторожность, а когда идти в бой. Так было в 1908 г. во время Аннексионного кризиса, в 1910 г. во время подписания русско-черногорской военной конвенции, в 1912–1913 гг., во время Балканских войн. Словом, несмотря на все трения и ссоры, имевшие место в начале XX в., российско-черногорские отношения были союзническими.

Напротив, никакие ухищрения князя Николы не могли сделать Австро-Венгрию менее опасной для соседей-славян, в том числе и для Черногории, треть территории которой граничила с империей Габсбургов. До 1904 г. отношения соседей были крайне напряженными, так как Австро-Венгрия требовала от черногорских властей выдать ей боснийцев и герцеговинцев, принявших участие в антиавстрийских выступлениях и укрывшихся на территории княжества. Короткие периоды смягчения этой напряженности сменялись новыми конфликтами

и угрозами со стороны австрийского правительства. Современные черногорские исследователи считают, что после начала Русско-японской войны Австро-Венгрия начала концентрировать свои войска на границе со славянскими странами, и что именно эти приготовления заставили князя Николу сделать несколько дружественных шагов навстречу Вене, например, пригласить в Цетинье начальника австрийского Генерального штаба барона Бека, совершавшего инспекционную поездку в Боку Которскую¹⁴⁷. Чем хуже шли у России дела на Дальнем Востоке, тем приветливее к австрийцам становился черногорский правитель. В 1905 г. он посетил Берлин, в 1906 г. – Вену. Эти попытки сближения со странами Тройственного союза вызвали резкую критику и со стороны России, и со стороны черногорской общественности. Дело шло к тому, что российское правительство было готово прекратить финансирование черногорской армии, а Австро-Венгрия, наоборот, вынашивала амбициозный план строительства железнодорожного пути от Боснии и Герцеговины через Черногорию в Косово. Однако князь не собирался быть послушным инструментом и в руках австрийского двора. Немного обнадежив австрийских дипломатов, он вскоре (март-апрель 1908 г.) посетил Петербург, был принят Николаем II, убедил своих российских покровителей, что австрийские планы ему претят, что вооруженные силы Черногории крайне необходимы России, и что военную субсидию нужно увеличить почти в три раза (с 331 тыс. рублей до 1 млн). Субсидию, конечно, не стали увеличивать, но поставки оружия из России в Черногорию заметно возросли¹⁴⁸.

Аннексия Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г., казалось, свела на нет любую возможность улучшения отношений Черногории и Австро-Венгрии. Но уже в 1910 г. черногорский монарх возобновил дипломатические маневры. Накануне торжества в честь 50-летнего юбилея своего правления Никола организовал визит австрийского военно-морского флота в черногорский порт Бар. Провозгласив себя королем, он делал вид, что никак не может решить, Петербург или Вену он посетит в новом качестве. Маленькие хитрости принесли большой успех. В ноябре 1910 г. была подписана русско-черногорская военная конвенция, в соответствии с которой русская военная субсидия была увеличена до 600 тыс. рублей, а черногорское

правительство взяло на себя обязательство «не предпринимать своей армией никаких наступательных действий без предварительного соглашения с императорским правительством»¹⁴⁹. Российские политики считали, что одержали дипломатическую победу над австрийцами и укрепили свое влияние на Балканах. На самом деле победу одержал король Никола, который добился дополнительного финансирования своей армии, но не собирался отказываться от собственных замыслов в угоду союзникам из России. В 1912–1913 гг. он без колебаний нарушил конвенцию, начал военные действия, целью которых было территориальное расширение Черногории за счет турецких владений, и, несмотря на протесты русского правительства и правительств западных великих держав, захватил албанский город Скадар (Скутари), считая, что Черногория имеет право на эти земли¹⁵⁰. Вызывающее с точки зрения европейских дипломатов поведение короля Николы во время Балканских войн было в действительности отчаянной попыткой действовать независимо. Балканским монархам надоело быть «резервом», хотелось самим «творить историю» своих стран. Но сочувствия «покровителей» и «защитников» в этом стремлении ни Никола, ни другие правители маленьких государств не нашли. Собственных же сил и опыта оказалось явно недостаточно.

Несколько неожиданным для России и Австро-Венгрии было укрепление черногорско-итальянского экономического и политического сотрудничества в начале XX в. Первые признаки беспокойства по поводу наметившегося итальянского влияния сотрудники русской миссии в Цетинье проявили уже в 1903 г., когда в одной из школ Подгорицы по желанию господаря стали преподавать итальянский язык. Тогда же вернувшийся из поездки по Черногории драгоман миссии П.А. Ровинский сообщал, что «страна кишит итальянскими “изыскателями”»¹⁵¹. Вслед за экономическим сотрудничеством наметилось и сближение в военной области. В 1906 г. итальянский король подарил Черногории несколько пушек, а министр-резидент П.В. Максимов подозревал, что черногорский двор не скрывает от итальянцев подробности русских военных планов в Черногории. Но экономическое сотрудничество и политическое сближение оказались недолгими и не удовлетворили черногорское правительство. Итальянские концессии в Черногории обогатили самих

итальянцев, но не принесли тех доходов в казну, о которых мечтал князь Никола. А политические контакты свелись к минимуму. В 1907 г. черногорско-итальянские отношения вообще разладились из-за семейного конфликта между старшим сыном князя Николы Данилой и итальянским двором¹⁵². Таким образом, Италия не смогла занять в Черногории прочные позиции и повлиять на ситуацию на юго-западе Балкан.

Исключительно важное место во внешней политике Черногории занимала Сербия, связи с которой носили неоднозначный и иногда непредсказуемый характер. В конце XIX в. югославы верили в идею объединенного сербского государства, ядром которого должны были стать Сербия и Черногория. Однако между двумя странами лежал Новипазарский санджак, оставшийся под властью Османской империи и находившийся под неослабным контролем Австро-Венгрии, сделавшей все возможное, чтобы уничтожить перспективу слияния двух славянских стран. Ситуация осложнялась острым политическим соперничеством правящих династий Карагеоргиевичей и Петровичей за лидерство в славянском мире. Несмотря на близкое родство, Петр Карагеоргиевич и Никола Петрович не скрывали подозрительного и даже враждебного отношения друг к другу. Конфликт двух династий достиг своего апогея в 1907–1909 гг., когда правительство Черногории обвинило сербские власти во вмешательстве в политическую борьбу в княжестве и в покушении на жизнь черногорского монарха. Разгорелся затяжной громкий дипломатический скандал, замять который российским дипломатам удалось нескоро и с большим трудом¹⁵³.

Будучи убежденными сторонниками славянской идеи, черногорские политики не были чужды и своеобразного национализма. Они очень гордились своим боевым прошлым и считали свои заслуги в деле борьбы за освобождение от османского ига исключительными. Поэтому им было свойственно несколько высокомерное отношение ко всем иностранцам, включая выходцев из югославянских земель. Упомянутый выше Симо Матавуль писал о недоверчивости и даже неприязни черногорцев к сербам, приглашенным на работу в княжество в конце XIX в.¹⁵⁴. А известный государственный деятель, министр иностранных дел Черногории Гавро Вукович, много рассуждавший о «сербстве» на страницах своих мемуаров, не стеснялся честно

признаваться в том, что балканские народы рассматривались черногорским руководством в качестве средства достижения собственных целей¹⁵⁵. Такое сочетание югославизма и регионального национализма было, на наш взгляд, отличительной чертой черногорского политика рубежа XIX – XX вв.

Между тем, ситуация на Балканском полуострове требовала совместных усилий славянских стран в борьбе против реальной угрозы, исходившей от Австро-Венгрии. В 1908 г. после аннексии Боснии и Герцеговины Сербия и Черногория заключили договор, в соответствии с которым решили вместе защищать свои права и интересы, если понадобится, то и вооруженными средствами*. В 1909 г. на передний план опять вышли династические споры, снова во внутренних событиях черногорские власти увидели сербский след, а сербская периодика публиковала статьи, в которых описывала политический террор династии Петровичей в самом критическом духе. Провозглашение князя Николы королем в 1910 г. в Сербии оценили как удар по делу единения славян. Разногласия и взаимные обвинения пошли на спад только тогда, когда на Балканах в очередной раз обострилась политическая ситуация и встал вопрос о войне против Турции. В 1912 г. был заключен знаменитый Балканский союз, важной составной частью которого была сербско-черногорская военно-политическая конвенция. Начались Балканские войны, в ходе которых у Сербии и Черногории, наконец, появилась общая граница. К началу Первой мировой войны их отношения оставались союзническими. Но застарелая вражда двух династий дала о себе знать в самый неподходящий момент, летом 1915 г. без согласования с Сербией, король Никола начал наступательную операцию в Северной Албании, между тем австро-венгерские войска вместе с союзниками (немцами и болгарам) готовились к большому наступлению против югославян. В результате и Сербия, и Черногория были оккупированы, их правительства оказались в эмиграции. История их соперничества подошла к концу, в 1918 г. появилось новое государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев, а Черногория стала только одной из административных единиц в его составе. Как видим, итог вне-

* Договор между Сербией и Черногорией был заключен 24 октября 1908 г.

шней политики, проводимой черногорским правительством в начале XX в. был неоднозначным. С одной стороны, княжество смогло занять такое место в системе международных отношений, которое было явно непропорциональным его внутреннему потенциалу. «Почему-то сочли нужным устроить свое представительство в Черногории даже такие державы, которые, как Франция, Англия, Америка и Германия, не имеют к ней абсолютно никаких коммерческих или иных реальных интересов», – удивлялся российский дипломат в 1906 г.¹⁵⁶ Несомненно, далеко не каждому маленькому европейскому государству удалось оставить такой заметный след в истории дипломатии начала XX в. Это был очевидный успех на международной арене. С другой стороны, во внешней политике Черногории обнаружилось несколько слабых мест, например, стремление решать свои проблемы, опираясь не на собственные силы, а на помощь великих держав; неумение находить компромисс с другими славянскими правителями, соперничество с которыми мешало решению стратегических задач, стоявших перед балканскими странами; эгоизм придворной камарильи, корыстные побуждения которой иногда брали верх над национальными интересами. Видимо, этим и объясняется падение авторитета правящей черногорской династии в глазах самих черногорцев и всех югославян к началу Первой мировой войны. В 1918 г. на так называемой Подгорицкой скупщине народ Черногории принял решение о детронизации Николы Петровича и об объединении с Сербией в одно государство под эгидой Карагеоргиевичей.

Национальный фактор в политической жизни Балканского полуострова оставался главным вплоть до окончания Первой мировой войны и образования объединенного югославянского королевства. После 1878 г. национальные устремления черногорцев, сербов, боснийцев и герцеговинцев были направлены на то, чтобы полностью освободить Балканы от турок и создать единое государство. Правда, представители сербской и черногорской династий никак не могли договориться о том, кто встанет во главе этого государства. Это обстоятельство породило затяжную конкурентную борьбу между сербским и черногорским двором, нередко приводя к острым политическим кризисам. Однако среднестатистический черногорский поли-

тик (племенной старейшина, офицер, местный администратор) был в стороне от этого соперничества. Его гораздо больше тревожило поведение соседних монархий Австро-Венгрии и Турции, которые проводили недружественную политику в отношении славян. Внешние угрозы подпитывали дух югославянского единства и укрепляли убежденность черногорцев в том, что братский союз родственных славянских наций является единственным залогом успешного государственного развития. Поскольку черногорцы в массе своей были малообразованными людьми, они выражали эту идею славянской солидарности не в форме политических концепций, но в виде народной мудрости, повседневного опыта, здравого смысла, описывая свои национальные идеалы в устном народном творчестве.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать вывод, что в менталитете черногорских политиков рубежа XIX–XX вв. отчетливо видны пережитки прежнего племенного уклада и неподготовленность к новым государственным формам общественной жизни. Черногорская верхушка и общество в целом отличались противоречивыми качествами. С одной стороны, черногорцы были настроены патриотически и верили в идеи славянской солидарности. С другой стороны, черногорские руководители ставили свои интересы выше интересов соседей и были убеждены в том, что Черногория имеет право на главенствующую роль в балканской политике. Осознавая себя народом-героем, ведущим непрерывную борьбу за свободу, черногорцы были заражены высокомерием по отношению к другим славянам. Не научившись преодолевать внутренних разногласий, черногорские политики плохо понимали, что такое компромисс. Племенная обособленность была хронической болезнью страны. Низкий уровень профессиональной подготовки сочетался в политиках с преувеличенным чувством собственного достоинства. Но это чувство не делало черногорских руководителей более ответственными, в трудную минуту они готовы были переложить свои проблемы на российских покровителей. Неприятной была привычка жить на иностранные деньги и не

заботиться об экономическом подъеме своей страны. Такие качества черногорцев удручали и огорчали российских покровителей, не желавших учитывать необычность политической истории и политической культуры страны, ее несоответствие европейским стандартам. То, что российские рекомендации слабо воспринимались окружением Николы Петровича и им самим, списывалось на их «неверность» стране – покровительнице и на готовность обратиться за помощью к другой великой державе. В действительности же Россия столкнулась с самобытным национальным характером, который было невозможно использовать в своих интересах в той мере, в какой этого хотели бы кураторы из Санкт-Петербурга. В этом характере причудливо переплелись архаические и современные черты, причем архаика нередко одерживала верх над современностью. Черногорцам нужно было определенное время, чтобы перейти окончательно на общеевропейские принципы существования. Однако международная ситуация в начале XX в. была такой, что великие державы, особенно Россия, подталкивали Черногорию к политическим и военным союзам, не считаясь с ее возможностями. Эта попытка ускорить ход истории сделала черногорскую государственность нестабильной, не дала политической элите этой страны «повзрослеть» и стать квалифицированной и ответственной. Политики Черногории так и не успели набраться опыта самостоятельного решения острых проблем и болезненных задач без опоры на внешние силы. Из всех вариантов модернизации черногорская элита предпочла экстенсивный путь расширения и не смогла дорасти до европейских стандартов управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Булајић Ж. Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959; Буровић М. Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX вијека. Цетинье, 1958; Ђурић-Богетић Л. Комунице у Црној Гори у XIX и почетком XX века. Титоград, 1966; Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1907 гг. М., 1993 и др.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293. Л. 65.

³ Ровинский П.А. Черногория е ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь (1851–1907). Т. III. Пг., 1915. С. 63.

⁴ Там же. Т. II. Ч. 1. СПб., 1897. С. III.

⁵ *Троцкий Л.Д.* Черновые заметки «Сербия и Болгария» (1912 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 489.

⁶ Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (далее – АОНМЦГ). Ф. Књаза и краља Николе; Ф. Приновљени рукописи; Историјски институт Црне Горе (далее – ИИЦГ). Архивска грађа.

⁷ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 62–63.

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3371. Л. 29 об.

⁹ Државни архив Црне Горе (далее – ДАЦГ). Ф. МИД. Фасц. 126. № 1136.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3371. Л. 29 об.

¹¹ ИИЦГ. Архивска грађа. Фасц. 314. Бр. 667.

¹² *Божовић Т., Ђоновић Н.* Црна Гора и напредни покрет. Београд, 1911. С. 115–116.

¹³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293. Л. 65.

¹⁴ Там же. Д. 3370. Л. 223.

¹⁵ Там же. Л. 128 об.

¹⁶ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 81–82.

¹⁷ *Вуковић Г.* Мемоари. Из дипломатских односа Црне Горе. Це-
тиње-Титоград, б/г. Ч. 3. С. 118.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3370. Л. 130.

¹⁹ См.: *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992.

²⁰ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Донесение А.Н. Шпейера от 23 апреля 1883 г.

²¹ Там же. Донесение Е.Ф. Штейна от 26 апреля 1909 г.

²² *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 86, 125.

²³ Там же. С. 480.

²⁴ ИИЦГ. Архивска грађа. Фасц. 54. Бр. 1296.

²⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 193 а, 193 б.

²⁶ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Донесение П.М. Власова от 19 марта 1902 г.

²⁷ *Вуковић Г.* Мемоари... Ч. 3. С. 52–54.

²⁸ *Ђуровић М.* Црногорске финансије 1860–1915. Титоград, 1960.

²⁹ ДАЦГ. Ф. МИД. Фасц. 25. Бр. 1832. 1889 г.

³⁰ АОНМЦГ. Ф. Књаза и краља Николе. Бр. 6.

³¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 31–38 об.

³² Там же. Д. 3350. Л. 2.

³³ Там же. Л. 20–20 об.

³⁴ Там же. Д. 3334. Л. 101–101 об.

³⁵ Там же. Д. 3349. Л. 87 об. – 88.

³⁶ Там же. Д. 3334. Л. 58 об.

³⁷ Там же. Д. 3349. Л. 182 об.

- ³⁸ Там же. Д. 3334. Л. 193 об.
- ³⁹ Там же. Л. 66.
- ⁴⁰ Там же. Л. 264.
- ⁴¹ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 68.
- ⁴² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 5293. Л. 67.
- ⁴³ *Матавуљ С.* Биљешке једног писца // *Он же.* Сабрана дела. Т. IV. Београд, 1953. С. 82.
- ⁴⁴ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. II. Ч. 1. СПб, 1897. С. 389.
- ⁴⁵ Там же. С. 390.
- ⁴⁶ Там же. Т. III. С. 73.
- ⁴⁷ *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 32.
- ⁴⁸ *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878-1918... С. 355.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3322 («Принятие князем Николаем титула королевского высочества»). Л. 7 об. – 8.
- ⁵⁰ Там же. Л. 13.
- ⁵¹ Там же. Д. 3326 («Празднование 50-летнего юбилея князя Николая» – секретная депеша Н. Дьяченко от 22 марта 1910 г.). Л. 11–11 об.
- ⁵² Там же. Л. 12.
- ⁵³ Там же (Секретная депеша С. Арсеньева от 20 октября 1910 г.). Л. 246.
- ⁵⁴ Там же (Доверительное донесение поверенного в делах в Белграде В. Муравьева от 15 августа 1910 г.). Л. 198 об. – 199.
- ⁵⁵ Там же (Сватковский. Славянский обзор). Л. 253.
- ⁵⁶ *Матавуљ С.* Указ. соч. С. 133–135.
- ⁵⁷ *Шкеровић Н.* Црна Гора... С. 40, 41, 44.
- ⁵⁸ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. II. Ч. 1. С. 158–178.
- ⁵⁹ Там же. С. 179.
- ⁶⁰ Там же. С. 180.
- ⁶¹ Там же. Т. III. С. 79.
- ⁶² *Шкеровић Н.* Црна Гора... С. 44–45.
- ⁶³ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 57.
- ⁶⁴ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение.* 1997. № 5. С. 49.
- ⁶⁵ *Вуковић Г.* Мемоари... С. 91.
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 39.
- ⁶⁷ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка... С. 49.
- ⁶⁸ *Никола I Петровић-Његош.* Говори. Цетиње, 1969.
- ⁶⁹ *Шкеровић Н.* Црна Гора... С. 86.
- ⁷⁰ *Шуковић М.* Устав за Књажевину Црну Гору од 1905. // *Montenegrina – digitalna biblioteka crnogorske culture.*

⁷¹ Устав за Књажевину Црну Гору. Цетиње, 1905.

⁷² *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 104.

⁷³ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LIVB. 1906. Донесение Е.Ф. Штейна № 52 от 20 сентября 1906 г.

⁷⁴ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Донесение Е.Ф. Штейна № 49 от 10 сентября 1906 г.

⁷⁵ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 111–117.

⁷⁶ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Донесение Е.Ф. Штейна № 69 от 10 ноября 1906 г.

⁷⁷ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. С. 132.

⁷⁸ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LVA. 1907 (I). Донесение П.В. Максимова № 52 от 10 ноября 1907 г.

⁷⁹ Прибиљешке о Црној Гори. Рад С. Пилетића // Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа. Фасц. 266; *Тошковић Ј.* Мемоари. Биљешка из уставне владавине краља Николе и њеног трагичног свршетка од 1905 до 1918. Цетиње, 1971.

⁸⁰ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LVIX. 1907. Депеша П.В. Максимова № 12 от 27 февраля 1907 г.

⁸¹ Там же. Донесение П.В. Максимова № 17 от 31 марта 1907 г.

⁸² Там же.

⁸³ Прибиљешке о Црној Гори. Рад С. Пилетића... С. 68–71.

⁸⁴ *Шкерковић Н.* Црна Гора... С. 169–250.

⁸⁵ *Тошковић Ј.* Мемоари... С. 68–71.

⁸⁶ *Шкерковић Н.* Црна Гора... С. 269–298.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363 («Сербо-черногорский конфликт по поводу заговора против князя Николая в 1908 г. и обострение сербо-черногорских отношений в связи с заговором в Колашине в 1909 г.»).

⁸⁸ *Тошковић Ј.* Мемоари... С. 66–68.

⁸⁹ Там же. С. 72–89.

⁹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3352. Л. 142.

⁹¹ ИИЦГ. Архивска грађа. Фасц. 81. *Вуковић Д.* Један мој одговор јаранима Мире Колине (Мира Митровић. – ВХ).

⁹² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363. Л. 128–128 об.

⁹³ ИИЦГ. Архивска грађа. Фасц. 99. Извештај о досадашњем раду и изгледу за избор народних посланика у Никшићкој области 4. септембар 1911.

⁹⁴ *Тошковић Ј.* Мемоари... С. 93.

⁹⁵ ИИЦГ. Архивска грађа. Фасц. 81.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Јовановић Ј.* Стварање Црногорске државе и развој црногорске националности // Историја Црне Горе од почетка VIII в. до 1918. Цетиње, 1948. С. 407.

⁹⁸ *Ровинский П.* Черногорская война // Русская беседа. 1895. № 10, 11; 1896. № 1, 3, 7; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Т. II. С. 214–230; *Хлебникова В.* Черная дыра. Как Россия пыталась реформировать черногорскую армию // Родина. 2006. Специальный выпуск. С. 52–57; *Она же.* Патриархальный воин в индустриальную эпоху (П.А. Ровинский и Н.М. Потапов о боевых качествах черногорцев) // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 632–651; *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955; и др.

⁹⁹ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. II. Ч. 2. С. 158.

¹⁰⁰ *Ровинский П.* Черногорская война // Русская беседа. 1896. № 7. С. 102.

¹⁰¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3318. Л. 3.

¹⁰² Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 401. Оп. 5. Д. 46. Л. 30–30 об.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 107.

¹⁰⁴ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. XII. 1898.

¹⁰⁵ Там же. Ф. Књаза и краља Николе. 1899. № 10.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 12. Л. 20–21.

¹⁰⁷ *Ровинский П.А.* Черногория... Т. II. Ч. 2. С. 160.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 836. Л. 116.

¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. Личный архив С.В. Арсеньева. Оп. 854. Д. 3. Л. 25–27.

¹¹⁰ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 1–37.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 82. Л. 3.

¹¹² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 120–121 об.

¹¹³ Там же. Д. 3349. Л. 114.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 831. Л. 63–63 об.; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 132.

¹¹⁵ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LIA. 1903; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 836. Л. 20.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 831. Л. 76.

¹¹⁷ Там же. Д. 841. Л. 26.

¹¹⁸ Там же. Д. 841. Л. 40–46 об.

¹¹⁹ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LIA. 1904.

¹²⁰ Там же. Фасц. LIVB. 1906.

¹²¹ Там же. Фасц. LVA. 1907.

¹²² Там же. Фасц. LIV. 1906.

¹²³ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LIVB. 1906.

¹²⁴ ИИЦГ. Архивска грађа. Фасц. 86. 1906.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 2. Д. 3180. Л. 1.

¹²⁶ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. Фасц. LIVB. 1906.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 2. Д. 3180. Л. 2 об.

¹²⁸ Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 842. Л. 56.

- ¹²⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3356. Л. 26–33.
- ¹³⁰ *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе... С. 624–628.
- ¹³¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3356. Л. 40–41.
- ¹³² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 2. Д. 3187. Л. 230, 266–268.
- ¹³³ Там же. Л. 311, 390 об.
- ¹³⁴ *Писарев Ю.А.* Руско-црногорски односи уочи Првог свјетског рата // Историјски записи. 1986. № 1–2. С. 101.
- ¹³⁵ АВПРИ. Ф. Канцеларија. Оп. 470. Д. 133. Л. 199.
- ¹³⁶ *Писарев Ю.А.* Русско-црногорски односи... С. 112.
- ¹³⁷ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. 1914. На архивном деле нет шифра.
- ¹³⁸ АВПРИ. Ф. Канцеларија. Оп. 470. Д. 62. Л. 2, 4.
- ¹³⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 892. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 15.
- ¹⁴¹ Там же. Д. 203. Л. 32 об. – 33.
- ¹⁴² *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорица – Београд, 1996.
- ¹⁴³ *Хлебникова В.Б.* Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблема диалога и взаимопонимания // Человек на Балканах глазами русских. СПб, 2011. С. 95–117.
- ¹⁴⁴ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. 1901. Фасц. XLIX. Д. 1.
- ¹⁴⁵ Там же. 1902. Фасц. L. Д. 1.
- ¹⁴⁶ Там же. 1904. Фасц. LII-A.
- ¹⁴⁷ *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе... С. 434.
- ¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3355.
- ¹⁴⁹ Военное между Россией и Черногорией соглашение. СПб, 2.12.1910. Цетинье, 17.11.1910 // *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе... С. 624–628.
- ¹⁵⁰ *Хлебникова В.Б.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность... С. 163–177.
- ¹⁵¹ АОНМЦГ. Ф. Прин. рук. 1903. Фасц. LI A.
- ¹⁵² Там же. 1907. Фасц. LVA (I).
- ¹⁵³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363 «Сербо-черногорский конфликт по поводу заговора против князя Николая в 1908 г. и обострение сербо-черногорских отношений в связи с заговором в Колашине 1909 г.».
- ¹⁵⁴ *Матавуљ С.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁵⁵ *Вуковић Г.* Указ. соч.
- ¹⁵⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 263 об.

ГЛАВА IV

КОРОЛЕВСТВО СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ ОТ СОЗДАНИЯ ДО ОБРЕТЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ (1918–1921 гг.)

В день святого Вита – 28 июня 1921 г. – была принята первая конституция Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), вошедшая в историю как «Видовданский устав». Это событие, по мнению представителей сербского истеблишмента, «увенчало великое дело народного освобождения и объединения»¹. Основным законом описывал «единое, неделимое и компактное» в территориально-административном отношении государство – «конституционную парламентскую монархию», подданным которой принадлежала «вся полнота власти». «Ни одно решение не сможет быть принято без одобрения народного представительства»², – так, по уверению главы Народной радикальной партии (НРП) Николы Пашича, надлежало воплощаться «народному суверенитету». Основанием оного служили индивидуальные права и свободы, обретение которых должно было стать «компенсацией» за упраздненные коллективные права югославян, которыми они до 1918 г. пользовались в собственных «племенных государствах и локальных автономиях»³. Тем, кто опасался остаться в меньшинстве в этом *L'État unitaire*, выдающийся сербский (югославский) историк и правовед Слободан Йованович разъяснял, что «парламентаризм и самоуправление исключают какую-либо тиранию, в том числе тиранию одного племени над другим»⁴. Или, говоря словами того же лидера НРП, «конституция не создает такого централизма, при котором отсюда всем раздаются приказы, и все должны их слушаться... Не может быть такого централизма, когда все братья собираются в одной Скупщине, вместе совещаются, вместе договариваются, как нам обустроить наше общее братское государство»⁵.

Увы, представленная либерально-демократическая модель, подразумевающая возможность преодоления любых общественных противоречий посредством популярно описанных Н. Пашичем парламентских процедур, не имела ничего общего с политической практикой ни 1918–1921 гг., ни более поз-

дного времени. Лейтмотивом десятилетнего существования Королевства СХС* стал не поиск согласия воссоединившимися «братьями», а их жесткая конфронтация. Принятие конституции ознаменовало окончание первого ее этапа, о котором пойдет речь далее.

• • •

С момента появления на карте Европы, Королевство СХС было неоднородным территориально-государственным образованием. Излишне перечислять все исторические, религиозные, национальные и экономические факторы, разделявшие югославян. Достаточно упомянуть лишь, что страна делилась на шесть «исторических» правовых областей**; в ней действовало по пять разных уголовных*** и налоговых**** кодексов. Объединяло сербов, хорватов и словенцев избирательное право Сербского королевства, приобретшее общегославский характер в 1919 г.

По аналогии с ситуацией в правовом пространстве, новое и старое сосуществовали и в деятельности исполнительной власти. Наряду с центральным кабинетом министров, в Хорватии, Славонии и Среме; Боснии и Герцеговине; Далмации продолжали функционировать областные правительства – ру-

* 6 января 1929 г. король Королевства СХС Александр Карагеоргиевич отменил конституцию и установил личную диктатуру. Само Королевство было переименовано. Отныне ему надлежало именоваться Королевством Югославия.

** 1. Сербия; 2. Черногория; 3. Банская Хорватия со Славонией, Ликой, Кордуном и частью Срема; 4. Воеводина с Меджимурьем и Прекомурьем; 5. Словения с Далмацией и частью Истрии; 6. Босния и Герцеговина.

*** 1. в Сербии, принятый в 1860 г.; 2. в Черногории – в 1906 г.; 3. в Боснии и Герцеговине – в 1879 г.; 4. в Хорватии и Славонии, а также Далмации и Словении – в 1852 г.; 5. в Воеводине – в 1879 г. Единый уголовный кодекс для всей Югославии был принят 1 января 1930 г. (*Dobrivojević I. Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra. Beograd, 2006. S. 101*).

**** 1. Сербский; 2. Черногорский; 3. особый – в Боснии и Герцеговине; 4. австрийский – в Словении и Далмации; 5. венгерский – в Воеводине и Прекомурье. Единый налоговый кодекс для всей Югославии был принят в 1928 г. (*Бецић И.М. Министарство финансија Краљевине Југославије 1918-1941. Београд, 2012. С. 85, 115.*)

дименты автономии, которой пользовались эти регионы в Австро-Венгрии.

«Новорожденное» государство, первоначальный правовой облик которого был закреплён в Акте объединения от 1 декабря 1918 г., должно было основываться на трех столпах: династии, народном представительстве, и происходящем из его состава правительстве⁶. Однако де-факто к моменту создания Королевства СХС из трех перечисленных государственных институтов существовал лишь первый. В результате именно монаршая воля дала импульс к формированию законодательной власти и кабинета⁷. Указом принца-регента Александра Карагеоргиевича (с 1921 г. – король Королевства СХС) от 20 декабря 1918 г. образован Совет министров, приоритетной задачей которого должен был стать созыв Временного народного представительства (ВНП), первое заседание которого состоялось в Белграде 1 марта 1919 г. По сути дела, речь шла о расширенном варианте Народной скупщины Королевства Сербия, в состав которой влились депутаты Народного вече Государства словенцев, хорватов и сербов в Загребе, Великой народной скупщины Воеводины в Новом Саде, Великой народной скупщины сербского народа Черногории (так она официально называлась) в Подгорице*. Вопросы, нерешенные в «сербийском»** парламенте, составили первую повестку дня унаследовавшего его регламент ВНП.

Преодоление вышеописанного правового хаоса оказалось не под силу Временному народному представительству как в силу краткости отведенного ему срока существования (до октября 1920 г.), так и по причине неполноценности в качестве и значении высшего законодательного органа. Легитимность временного парламента не была подтверждена конституционными нормами, поэтому оно на всем протяжении периода до принятия «Устава» не могло определять персональный состав правительства или контролировать его деятельность. На-

* В территориальном плане в состав ВНП вошли 62 депутата из Хорватии и Славонии, 16 – из Истрии и Далмации, 32 – из Словении, 42 – из Боснии и Герцеговины, 84 – из Сербии, 24 – из Воеводины, 12 – из Черногории, 24 – из Македонии, Косова и Санджака.

** Сербиянац – серб из Сербии южнее Дуная. «Сербийский» политик – политик из Сербии в границах до Первой мировой войны.

оборот, от исполнительной власти зависели prerogatives ВНП и распорядок его работы. Более того, в «переходный период» правительство издало около 800 распоряжений, указов и подзаконных актов, чем в значительной степени присвоило себе роль законодателя.

Несоответствие Временного народного представительства своему законодательному предназначению объяснялось в значительной степени тем, что оно стало площадкой партийного строительства, в которое оказались вовлеченными организации, представлявшие все области Королевства СХС. Главным результатом этого «турбулентного» процесса стало образование Демократической партии (ДП), объединившей «сербиянские» Независимую радикальную, Либеральную и Напредняцкую (Прогрессивную) партии, а также загребскую Хорватско-сербскую коалицию. Ее глава Светозар Прибичевич стал неформальным лидером ДП*, располагавшей во временном парламенте фракцией в 115 человек. Второе место по численности депутатов (55) занимала НРП, увеличившаяся за счет присоединения группы единомышленников из Воеводины во главе с Яшей Томичем.

Крупнейшей чисто хорватской организацией в ВНП был Народный клуб – фракция (30 депутатов) партии Хорватское объединение (ХО), образованной из Старчевичевской партии права, Прогрессивно-демократической партии, Хорватского народного объединения из Боснии и Герцеговины и т.д. Словенцы были представлены Словенской народной партией (СНП), чья фракция называлась Югославянский клуб (19 мандатов), возглавляемый Антоном Корошцем.

* Формально ДП основана в феврале 1919 г. на конференции в Сараево. Сербиянская оппозиция присоединилась к фракции ДП в ВНП в апреле 1919 г. Официальным председателем ДП был Любомир Давидович, бывший глава Независимой радикальной партии. Реальным же лидером партии с момента ее создания являлся С. Прибичевич. Желание Л. Давидовича реализовать на практике свой формальный статус и идеологические расхождения с Прибичевичем привели сначала к фактическому распаду ДП на «давидовичевцев» и «прибичевичевцев», а в 1924 г. и к официальному разделу организации. Прибичевич и его сторонники образовали Независимую демократическую партию.

• • •

Перечисленные партии сразу стали участниками междоусобной борьбы, приведшей 16 августа 1919 г. к отставке первого югославского правительства. На смену так называемой концентрации*, образованной 20 декабря 1918 г. и возглавляемой радикалом Стояном Протичем, пришел кабинет Любомира Давидовича – лидера коалиции ДП и Социал-демократической партии.

Роль ДП в межпартийном противостоянии определялась схожестью интересов разношерстных политических сил, участвовавших в ее формировании. «Демократическая партия, – утверждал деятель НРП Лазар Маркович, – возникла под лозунгом борьбы против Радикальной партии. Создатели ДП считали, что ее предназначение в том, чтобы заменить радикалов у кормила власти в новом королевстве»⁸. Отметим, что в Сербии усилия в этом направлении предпринимались задолго до появления Югославии на карте Европы. Еще в 1880-е гг. берет начало соперничества НРП с либералами, напредняками, а затем и с «младорадикалами» (отколовшимися от «старорадикалов» Пашича их «независимыми» тезками), отказавшимися мириться с политической гегемонией пашичевцев. В предвоенные годы перечисленные партии рассчитывали ее нарушить при поддержке наиболее влиятельного закулисного фактора сербской политики – офицерского тайного общества «Объединение или смерть» («Черная рука»), организаторы которого в мае 1903 г. свергли династию Обреновичей и возвели на сербский престол Петра Карагеоргиевича⁹.

От конкурента в лице заговорщиков НРП избавил Салоникский процесс (1917 г.), сфабрикованный еще одним их принципиальным противником – амбициозным принцем-регентом Александром Карагеоргиевичем. Лишив сербскую оппозицию ключевого внепарламентского союзника, королевич после войны сам выступил в роли такового. Как утверждал Л. Маркович, «именно регент придал импульс к образованию Демократической партии...»¹⁰. С ее помощью престолонаследник рассчитывал избавиться от опостылевшего ему союза с Н. Пашичем, ставшего ненужным в отсутствии угрозы со сто-

* В состав концентрационного правительства входят все крупные партии, представленные в парламенте.

роны «преторианцев». Это стремление Александра к самостоятельности российский посланник князь Г.Н. Трубецкой отмечал еще до начала Первой мировой войны: «Робкий, но в то же время самолюбивый, он тяготился, по-видимому, авторитетом Пашича и пытался проявить собственную власть, но не всегда знал, как это сделать»¹¹.

Что касается оппозиционеров, то общность антипатий служила достаточным основанием для их союза с двором. «Независимцы» и проч. в целях борьбы с НРП были готовы к созданию самых неожиданных альянсов. Так в ноябре 1918 г. в ходе Женевской конференции они поддержали «конфедералистскую» позицию Югославянского комитета*, а, вступив в союз с Александром Карагеоргиевичем и С. Прибичевичем, перешли на централистские «рельсы». Как справедливо заметил хорватский историк Хрвое Маткович, «сербиянские политики в Демократической партии были больше антирадикалы, чем демократы. Для них тактика значила больше, чем программа»¹².

В свою очередь С. Прибичевич в НРП видел препятствие распространению собственного влияния на Сербию. Сотрудничество с Л. Давидовичем и его соратниками открывало перед ним такую возможность. Бывшему лидеру Хорватско-сербской коалиции в Загребе принадлежала заслуга создания идеологии новой партии. Та, как и большинство представленных в ВНП объединений, придерживалась принципов «народного единства сербов, хорватов и словенцев», логическим следствием которого было централистское государственное устройство, «с одним законодательным органом и одним правительством для всей страны». Однако, по мнению лидера демократов, только его партия была способна последовательно воплощать в жизнь идеи Объединения и защищать югославянское государство от внешних и внутренних угроз: «Единственная партия всех племен, всех религий и всех сословий в нашей

* Согласно подписанной сербским премьером Н. Пашичем, главой Югославянского комитета Анте Трумбичем и председателем Народного вече в Загребе Антоном Корошецем Женевской декларации, Королевство Сербия признавало Народное Вече в качестве представителя Государства словенцев, хорватов и сербов. Вместо присоединения последнего к Сербии, должна была сохраниться его обособленность. Провозглашалось создание «общего министерства для решения задачи организации общего государства».

стране, Демократическая партия основана на возвышенных идеалах народного единства, политических свобод, гражданского равноправия и экономической справедливости»¹³.

Если ДП состояла из групп, формально представлявших все части «сербо-хорвато-словенского народа» и объединенных «надплеменной» идеологией, то остальные партии, возникшие в тот период, когда «трехименный» народ был насильственно разделен, «не способные решать проблемы современного югославянского государства», являлись не более чем «анахронизмом» – сербскими, или, еще того хуже, австрийскими рудиментами. По словам Прибичевича, «возникнув еще до войны, они не способны понять реалии новой жизни. Поэтому все старые партии следует распустить. Радикальная партия давно дала все, что могла дать... Югославская мусульманская организация имеет слишком отчетливую религиозную окраску... Словенская народная партия это партия католических священников. В ней собраны одни словенцы, и нет хорватов... Другие партии совершенно не актуальны, не знакомы с обстановкой, сложившейся в стране. Надо широко открыть глаза, чтобы эти слепцы не завели нас в пропасть»; «нужна одна большая партия, которая сможет нести ответственность за все государственные дела»¹⁴. «Один народ – одно государство – одна партия» – заголовок загребского рупора демократов и свидетельство их убежденности в собственной избранности¹⁵.

Подобная позиция стала причиной острого противостояния ДП с остальными организациями, которые она пыталась столкнуть с политического Олимпа. Таким образом, в условиях борьбы с «племенными» партиями, опиравшимися на компактные массы избирателей, проживавших в исторически сформировавшихся областях, этнический и государственный унитаризм, проповедуемый ДП, был, по словам сербского историка Бранислава Глигориевича, «практической политической программой, осуществление которой гарантировало партии увеличение ее политического влияния. Принимая этот принцип (якобы единственный, способный обеспечить существование молодого государства) и отвергая принцип представительства во власти отдельных народов, партия добивалась неограниченной власти»¹⁶.

Союз ДП и двора методом борьбы со своими противниками выбрал ослабление, или прямое упразднение тех правовых и государственных институтов, в рамках которых они могли угрожать его могуществу. В этом контексте следует рассматривать и ликвидацию хорватской автономии, унаследованной от Австро-Венгрии, и уменьшение роли центрального парламента – Временного народного представительства, в результате чего в первую очередь пострадали радикалы, стремившиеся в условиях опалы, наложенной на них Александром, использовать парламентские процедуры в качестве главного способа оспаривания «руководящей и направляющей» роли демократов. Подтверждением того, что эти, на первый взгляд различные, направления политики ДП имели одну природу, служит тот факт, что С. Прибичевич и предназначение ВНП, и смысл Перводекабрьского акта Объединения, гарантировавшего сохранение в неизменном виде «пречанских»^{*} областных органов власти как минимум до принятия конституции Королевства СХС, видел лишь в «демонстрации зарубежному миру нашего народного единства»¹⁷.

Хорватия была главным полем борьбы демократов с австрийскими «атавистическими» проявлениями. К таковым С. Прибичевич относил все органы хорватской автономии и, в первую очередь, Сабор. В качестве первого министра внутренних дел он запретил его созыв, целью которого должна была стать ратификация Объединения, аналогичная осуществленной Сербской народной скупщиной 29 декабря 1918 г. Кроме того, в целях приведения в соответствие с принципом «народного единства сербов, хорватов и словенцев» внутреннего государственного устройства, были распущены местные органы самоуправления – городские представительства и муниципальные комитеты, – уменьшены полномочия «областных» правительств, была упразднена их ответственность перед представительными органами.

Вызванный централизаторской политикой протест хорватской общественности и, в первую очередь, Хорватского объединения, требовавшего соблюдения условий Перводека-

^{*} Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

брьского акта, наталкивался на софистическое утверждение С. Прибичевича, что тот не может иметь «никакого государственно-правового характера и не является договором сербского правительства, с одной стороны, и Народного вече, с другой»¹⁸. «Договоры и соглашения, – продолжал фаворит короля, – могут быть между чехами и немцами, т.е. между народами, которые имеют разные интересы и хотят их согласовать. А между членами одного народа, сербами, хорватами и словенцами, этого не может быть ни в коем случае. Всякое желание договариваться и подписывать соглашения показывает, что они не один народ»¹⁹. В соответствии с этим тезисом представителя любой политической организации, не являвшегося членом Демократической партии, можно было квалифицировать как «агитатора, подрывающего народное и государственное единство», с которым нужно бороться, используя «все превентивные меры и репрессивные средства государственной власти»²⁰. В арсенал Демократической администрации входили неподкрепленные решениями суда аресты, введение цензуры и ограничений как на передвижение внутри страны, так и на выезд за границу.

Доминирующее положение в исполнительной власти, поддержка «внепарламентских факторов» – все это делало в глазах С. Прибичевича излишним само существование ВНП. Усилиями демократов, пользовавшихся обстановкой правового вакуума, в каком находилось молодое государство, законотворческие функции парламента присваивались правительством, издававшим «распоряжения, обладавшие силой закона». Достаточным основанием для этого, по мнению С. Прибичевича, было то, что не существовало законодательной базы для работы Временного народного представительства, которое было «навязано», поэтому «спорным является вопрос, может ли оно вообще принимать законы. Из-за его нефункционирования нельзя подвергать опасности государство».

Практическая реализация подобной позиции лидера демократов стала возможной только при поддержке двора. Главные усилия с конца 1918 г. принц-регент направил на то, чтобы лишить парламент и участвовавшие в его работе партии возможности контролировать работу правительства и определять его состав. Жесткое «неконституционное» давление

Александр оказывал на тех, в ком видел угрозу себе и, таким образом, «расчищал площадку» для своей креатуры – Демократической партии. Престолонаследник воспрепятствовал получению Н. Пашичем мандата на формирование первого югославского правительства, чей состав был одобрен и всеми сербскими партиями, и делегацией Народного веча Государства СХС²¹. Еще одним громким случаем «отступления от принципов парламентаризма» стал отказ престолонаследника осенью 1919 г. утвердить состав правительства Парламентского объединения (НРП, ХО и СНП) во главе с радикалом Марко Трифковичем. По мнению С. Протича, этим нарушалось «право парламента решать вопрос о работе, или падении правительства с того момента, когда корона определилась в кандидатуре будущего премьера».

Идеологическое обоснование подобных мер осуществлял С. Прибичевич. Конфликт двора и демократов, с одной стороны, и Парламентского объединения (ПО), с другой, он характеризовал как революционную борьбу сторонников «идеи единого государства с сепаратистскими сербскими и хорватскими элементами»: «Всякая революция противоречит законам, и никто не спрашивает, как осуществлены изменения. Мы проходим период созидания, и государство должно употребить все средства для поддержания общественной безопасности и порядка. Мы не можем обращать внимания на формальности».

Тандем демократов и социал-демократов продержался у власти до февраля 1920 г., когда ему на смену пришел кабинет ПО. К заключению союза сербскую, хорватскую и словенскую партии побудила необходимость противодействия вышеописанной централизаторской политике. Лидером коалиции стала НРП, которая не желала лишать свою программу национальной сербской окраски и, в отличие от оппонентов, не считала пережитком прошлого «племенные» национальные особенности югославянских народов. Соответственно радикалы относились и к намерению альянса ДП и двора как можно скорее стереть границы исторических областей, вошедших в состав Королевства СХС. «Я исходил из того, – разъяснял свою позицию С. Протич, осуществлявший руководство партией во время участия Н. Пашича в Парижской мирной конференции, – что не следует трогать, хотя бы поначалу, многое

из того, что имело место ранее. Внутреннее административное деление – дело очень консервативное. Вероятно, самый консервативный общественный институт. Умные государственные деятели с этим считаются. Все остальное можно переделывать, а это либо оставить, как есть, либо менять очень осмотрительно и постепенно...»²².

Такая позиция крупнейшей сербской партии сделала возможным ее партнерство с политическими представителями интересов католического населения. Те приняли на вооружение идеологию Объединения, руководствуясь не столько убежденностью в ее бесспорной верности, сколько практическими соображениями: ее постулаты лежали в основе Перводечабрьского акта, гарантировавшего сохранение автономного положения «пречанских» областей вплоть до принятия конституции²³. В целях сближения с радикалами Народный клуб, громогласно выступавший за сохранение хорватской автономии, свою позицию по проблеме внутреннего устройства страны привел в соответствие с теорией «национального унитаризма», которой он официально придерживался:

«1. Наше молодое государство должно быть конституционной и парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей и со столицей в Белграде. 2. Оно должно иметь одну государственную власть для всего Королевства. 3. Оно должно иметь один единственный парламент. 4. Этот парламент должен будет принимать законы для всего Королевства. 5. Конституция должна гарантировать широкое самоуправление общины, уезда, жупании и более обширных территориальных единиц»²⁴.

В свою очередь, руководство НРП согласилось на требования своих союзников в случае формирования кабинета Парламентского объединения обеспечить им властные позиции в органах хорватской автономии и восстановить утраченные ею по воле С. Прибичевича полномочия. Возможность реализации взаимных обязательств представилась членам ПО в феврале 1920 г., когда демократа Л. Давидовича на посту главы правительства сменил радикал С. Протич. СНП и ХО в его правительстве получили по 3 и 4 министерских портфеля соответственно. Баном Хорватии стал один из руководителей ХО Матко Лагиня.

Участники Парламентского объединения по-разному понимали предназначение созданной ими организации. В дальнейшем десятилетняя политическая практика Королевства СХС покажет, что большая часть югославских политиков в создании политических союзов и коалиций видела по большей части средство достижения тактических целей. И в течение переходного периода основная масса словенских клерикалов, хорватских «заедничаров» и радикалов смыслом своего сотрудничества считала решение локальных сиюминутных задач. Необходимость совместного поиска путей законодательного урегулирования взаимоотношений трех югославянских «племен» была очевидна немногим.

За исключением Стояна Проти́ча, взвешенная позиция которого по проблеме национально-территориального устройства Королевства СХС нашла выражение в составленном им проекте конституции. В нем Югославия представляла парламентской монархией с двухпалатным законодательным органом. Страну следовало разделить на девять областей: 1). Сербию, 2). Старую Сербию с Македонией, 3). Хорватию со Славонией, Риекой, Истрией и Меджимурьем, 4). Боснию, 5). Черногорию с Герцеговиной, Бокой и Приморьем, 6). Далмацию, 7). Срем и Бачку, 8). Банат, 9). Словению с Прекомурьем. Самоуправление областей осуществляли бы местные законодательные органы – областные скупщины и избираемые из их среды исполнительные комитеты. Согласно норме, определявшей характер взаимоотношений местных и центральных властей, «областные законы не могут противоречить конституции и государственным законам»²⁵. Другими словами, «одно государство – один суверенитет»²⁶. За его соблюдением надлежало следить Государственному совету и стоящему во главе области «наместнику», назначаемому королем по предложению премьер-министра.

Проект предоставлял гарантии автономии щепетильным в отношении своих «прав» католическим «племенам». В частности, полномочия областных органов не давали повода сетовать на уменьшение прав Хорватии по сравнению с довоенным временем.

Особое внимание уделялось обеспечению интересов сербского народа в условиях административной децентрализации.

Из девяти предусмотренных единиц, за исключением Хорватии, Далмации и Словении, шесть по национальному составу могли считаться сербскими. По мнению Протича, из всех областей только Сербия будет «по-настоящему жизнеспособной, и вскоре настолько окрепнет, что сможет присоединить к себе Южную Сербию с Македонией и Воеводину»²⁷. Присоединение Боснии – дело ближайших десяти лет. Путь к подобной консолидации «сербского национального пространства» открывала предусмотренная проектом возможность слияния областей «по требованию, или с согласия населения, которое затрагивают производимые изменения».

Позиция С. Протича по вопросу взаимоотношений центра и регионов была обусловлена либеральностью его общих представлений о надлежащем облике югославянского государства (по крайней мере, таковыми эти представления выглядят в сравнении с прибичевичевскими). Его важнейший атрибут – дееспособность представительной власти, пользующейся «бюджетным правом» для недопущения произвола со стороны правительства. Протичевский проект, в отличие от положенного в его основу сербского «Устава» 1903 г., запрещал кабинету «продлевать действие бюджета» в случае роспуска скупщины или «откладывания ее сессии». С другой стороны, создавались препятствия использованию пленарного заседания парламента в узкопартийных интересах и в ущерб законодательной деятельности. По словам Слободана Йовановича, «кворум, который в соответствии с конституцией 1903 г. составлял половину плюс один голос, Протич уменьшил до одной трети. Помимо этого он запретил тот вид обструкции, который заключался в бойкоте заседаний скупщины»²⁸.

Увы, планам С. Протича* не позволила сбыться шаткость его правительства, отправленного в отставку уже в мае 1920 г. В целом, неспособность соперничавших группировок длительное время находиться у власти была предопределена па-

* Пост главы кабинета и, одновременно, «министра, ответственного за созыв Уставотворной скупщины (Конституционного собрания. – А.С.)» Протич занимал с 19 февраля по 17 мая 1920 г. («Второе правительство Стояна М. Протича») За созыв Конституционного собрания он отвечал и в «Первом правительстве Миленко Веснича» до его роспуска 18 августа 1920 г.

ритетом их сил в ВНП. Численности коалиций не хватало для формирования прочного правительственного большинства, но было достаточно, чтобы путем так называемой «абстиненции» – бойкота заседаний – доказать парламентскую нелегитимность «вражеского» кабинета. В результате, как пишет Б. Глигориевич, из 20 месяцев существования ВНП только на протяжении 10 оно имело возможность заниматься законодательной деятельностью²⁹. Остальное время депутаты проводили в вынужденных парламентских каникулах, так как правительство, возглавляемое попеременно то демократом, то радикалом, вынуждено было распускать недостаточно лояльное ВНП, последнее заседание которого состоялось в октябре 1920 г.

Сложившаяся патовая ситуация грозила молодой стране параличом государственной власти. Осознание этой опасности принудило оба парламентских блока к поиску компромисса. Его воплощением стало концентрационное правительство Миленко Веснича – бывшего посланника Королевства СХС во Франции. Условием вхождения партий в кабинет стало подписание Протокола соглашения, согласно которому правительству от имени всех представленных в нем организаций предстояло подготовить единый проект конституции, предлагаемый на рассмотрение Конституционного собрания. Наряду с принятием избирательного закона*, проведение первых парламентских выборов стало главным достижением кабинета Веснича, остававшегося у власти до 1 января 1921 г.

• • •

Первые месяцы правления концентрации были отмечены новой перегруппировкой политических сил. Определение каждой из партий собственной позиции по вопросу национально-территориального устройства страны накануне выборов и парламентского обсуждения проектов конституции привело к взаимному отчуждению прежних союзников и сближению ДП и НРП, «дрейфовавшей» в направлении национального унитаризма и государственного централизма. Их неприятие обусловило выход из правительства (август 1920 г.)

* Закон установил в стране всеобщее избирательное право, которого, впрочем, были лишены женщины и военнослужащие.

С. Протича, занимавшего в нем пост «министра, ответственного за созыв Конституционного собрания». На его место пришел другой радикал – Лазар Маркович, составивший новый правительственный проект конституции. Он предусматривал раздел страны не на 9 больших, а на 35 маленьких административно-территориальных единиц (с населением от 200 до 600 тыс. жителей), не имевших ничего общего с границами «исторических областей».

Отказ НРП от протичевского «конституционного решения национального вопроса» был, помимо прочего, обусловлен тем, что союз с ХО и СНП не принес партии явного перевеса над демократами, продолжавшими пользоваться поддержкой Александра Карагеоргиевича. В рядах НРП росла убежденность в том, что политическая «ликвидность» сложного плана Протича весьма неочевидна. Под воздействием Пашича, вернувшегося летом 1920 г. с Парижской мирной конференции, возобладало мнение, что государственная централизация, хоть и не такая жесткая, какой ее видел Прибичевич, – гораздо более простой и эффективный метод как претворения в жизнь интересов сербов, т.е. сохранения государственного единства, так и обеспечения руководящей роли партии. В преддверии выборов в Конституционное собрание ДП и ее покровителя гораздо спокойнее было видеть в качестве союзников, чем оппонентов. Принятие НРП централистской программы открывало дорогу партнерству двух непримиримых врагов. По словам сербского историка Ольги Попович-Обрадович, «покровительство, оказываемое престолонаследником Александром демократам, особенно сторонникам Прибичевича, демонстрировало, что пользоваться поддержкой двора будет только бескомпромиссная централистская политика и только та партия, которая ее осуществляет. Это убедило Радикальную партию в том, что ее перспективы (уже тогда было ясно, что без поддержки регента на них нечего рассчитывать) не в совместной с хорватскими и словенскими децентралистскими силами борьбе с демократами, на чем настаивал Протич, а в заключении союза с ними»³⁰.

Переориентация НРП, а также усиление центробежных настроений хорватских масс подтолкнули умеренное Хорватское объединение к радикализации собственной позиции³¹. Не-

задолго до выборов из политического лексикона и ХО, и СНП исчезли такие слова как «народное единство» и «трехименный народ». В своих обращениях к избирателям они стали выступать как сторонники «федерализма». По сути, их конституционные проекты предусматривали сохранение границ, отделявших довоенную Сербию от югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии³².

Фактором изменений на политической арене, в том числе и в правительстве, стали итоги выборов, состоявшихся 28 ноября 1920 г. Хорватское объединение, получив всего 3 депутатских мандата, утратило право считаться политическим представителем хорватских областей. Место ХО было занято Хорватской народной крестьянской партией (ХНКП) во главе со Степаном Радичем, популярность которого принесла его партии 50 мест в скупшине. 24 мандата получила Югославянская мусульманская организация (ЮМО), социальной базой которого было исламизированное население Боснии и Герцеговины. Словенская народная партия с 27 депутатами сохранила право представлять Словению. «Неожиданностью» стал результат, достигнутый Коммунистической партией Югославии (КПЮ) – 58 мандатов.

Электоральный успех противников государственного строя Югославии – КПЮ и партии С. Радича – стал дополнительным мотивом сближения представителей «сербиянского» политического истеблишмента. В частности, возродился союз двора и Радикальной партии, о чем повествует осведомленный современник: «Пашич вернулся из Парижа. Александр долгое время не хотел его принимать. Веснич, намеревавшийся оставить премьерский пост и вернуться в Париж, ходатайствовал перед королем. Наконец, тот принял Пашича и беседовал с ним три часа. Пашич получил мандат на формирование нового правительства (в январе 1921 г. – А.С.)... Возможно, Пашич стал премьером потому, что вместе с королем выступал за централистское государство. После этого, до принятия на Видовдан 1921 г. конституции, реализовывалась только эта программа»³³.

Обновленный кабинет представлял собой не прежнюю многопартийную концентрацию, а «дуэт» радикалов и демократов, которые в Уставотворной скупшине, собравшейся впервые 12 декабря 1920 г., были представлены 91 и 92 депутатами

соответственно. Детищем коалиции* стала конституция, принятие которой было ознаменовано обострением противоречий представителей сербов и югославян-католиков. От имени последних Мате Дринкович «отказал Уставотворной скупщине в законности ее деятельности и в праве принимать конституцию для Хорватии и хорватского народа... А в случае, если такая конституция будет принята, – продолжал деятель ХО, – заявляем, что она не будет иметь никакой правовой силы, как если бы она и не существовала»³⁴. В итоге за принятие правительственного проекта проголосовало 223 депутата. Против – 35. Бойкотировал голосование 161 депутат – члены Народного клуба (ХО), Югославянского клуба (СНП), КПЮ и радичевской партии...

Причины, по которым радикалы – не слишком рьяные сторонники теории «трехименного народа» отошли от «средней линии», разнообразны. На поверхности лежат сиюминутные соображения членов НРП, не удовлетворенных результатами сотрудничества с остальными членами ПО.

В меньшей мере изменение вектора политики крупнейшей сербской партии было вызвано обострением хронических противоречий с хорватами и словенцами, пришедшимся на период парламентского обсуждения партийных проектов конституции. Выбор в пользу «федерализма» стал для сербского политического бомонда и широких общественных кругов подтверждением справедливости расхожих стереотипных представлений об «освобожденных братьях». И деятели Югославянского комитета во главе с Анте Трумбичем, и радичевские «крестьяне-республиканцы», и загребские «буржуазные интеллигенты» для большей части сербских политиков были «одним миром мазаны». Все они считались злонамеренно настроенными по отношению к сербам и к новому государству, воплотившему их чаяния. Эта точка зрения объединяла и ярых унитаристов – адептов С. Прибичевича, и радикалов, и их оппонентов – деятелей сербской Республиканской партии. Ее лидер академик Любомир Стоянович констатировал: «Венс-

* В период с 1 января 1921 г. по 16 декабря 1922 г. коалиционное правительство возглавлял бессменный председатель НРП Никола Пашич. Демократам принадлежал ключевой портфель министра внутренних дел.

кая печатьставляла нас грубым и некультурным народом... В то время как во всем мире представление о нас изменилось, хорваты продолжают смотреть на нас так, как их научила Австрия... Они жестоко заблуждаются, будто мы когда-нибудь допустим, чтобы государством управляли те, кто больше восьмисот лет назад «заключил договор» с венграми, а позднее с австрийцами, кто отказался от управления собственной страной... Неужели вы, отдавшие свое древнее государство в чужие руки, хотите обустройства и это новое, которое и нам принадлежит!? Нет, братья хорваты, этого быть не может»³⁵.

Защита народных интересов от политических оппонентов, отождествляемых с многолетним врагом югославян, стоила того, чтобы пренебречь принципами парламентской этики, собственными уставными нормами и взятыми на себя обязательствами. В Конституционном собрании радикалы отреклись от содержавшегося и в Корфской декларации 1917 г., и в партийной программе от октября 1920 г. положения о принятии конституции квалифицированным большинством. «С хорватами невозможно договориться, так как они ушли в крайний экстремизм. Желательно было бы выработать закон для страны при согласии всех трех частей нашей нации, но большинство хорватов... не хочет такого согласия. Поэтому нужно через них переступить и принимать конституцию без их участия»³⁶, – обращение Пашича к однопартийцам диссонировало с приведенным в начале работы описанием толерантного «братского» взаимодействия парламентского большинства и меньшинства. Голоса поддержавших правительственный проект конституции депутатов от Югославской мусульманской организации и Джемиета были оплачены денежными компенсациями феодалам-мусульманам при проведении аграрной реформы.

Таким образом, конституция, как и более поздние законы, не служила воплощением позитивного представления об оптимальных принципах сосуществования «трех племен одного народа» – принципах, не подлежащих пересмотру в зависимости от конъюнктуры межпартийных отношений. Напротив, принятие тех или иных норм, регулировавших устройство внутренне неоднородного Королевства СХС, обуславливалось тактической необходимостью дать отпор хорватским и словенским представителям. Отношение к ним соответствовало

той роли, которую «государствообразующие партии» уготовили себе в продолжавшемся не одно десятилетие процессе достижения национального идеала. «Подобно тому, как во время военных испытаний мы были верны идее народного и территориального единства, сегодня мы считаем своим долгом отстаивать это завоевание на новом поприще»³⁷, – гласил предвыборный манифест НРП от 1923 г. В 1925 г. радикально-демократическая коалиция совместное участие в третьих выборах в скупщину преподносила как «решительную битву двух фронтов – одного, выступающего за это государство, и второго, который хочет наше прекрасное отечество видеть не единым, а разобщенным и расколотым»³⁸.

Проводя аналогии между парламентской жизнью и войной, НРП и ДП оценивали своих оппонентов не иначе как внутренних «врагов народного и государственного единства», в борьбе с которыми нет места компромиссу. Таковыми, справедливости ради, считались не одни только пречане. С 1919 г. столь же однозначно радикалы относились к демократам, а те – ко всем остальным партиям. Взаимоотношения участников югославской политической драмы характеризует формула, выведенная А.Л. Шемякиным для описания межпартийной борьбы в предвоенной Сербии: «В фокусе *внутреннего* противостояния находилась выраженная *внешне*-окрашенная претензия на “экс-клюдзивный патриотизм”, отчего в диалоге политических сил и звучали так часто упреки в “измене родине”»³⁹. В пользу, разумеется, «вероломной и злодейской Австрии», которая, как мы убедились, неизменно оставалась главным «внешним» жу-пелом, с помощью которого сербские/сербиянские политики разоблачали друг друга. «Подлинная *австрияница* (здесь и далее курсив наш. – А.С.) в чистом виде окопалась в нашем государстве», – так в 1919 г. оценивала партийная радикальная газета «Самоуправа» пребывание у власти Демократической партии. Та не оставалась в долгу. Неутверждение кабинета М. Трифковича в том же году преподносилось как раскрытие «адского заговора, направленного против народа и короны», целью которого было «создание новой *Австрии* на территории нашего королевства».

Аналогичным образом «друзьями-соперниками» – НРП и ДП – расценивались законопроекты, представленные пре-

чанами на суд Конституционного собрания. «Мы не хотим, – заявлял с парламентской трибуны высокопоставленный член НРП, – чтобы вышло, как нам предлагают Радич, Корошец, Дринкович и Шурмин, – чтобы сербы оказались в сербской провинции, хорваты – в хорватской, словенцы – в словенской, а черногорцы – в Черногории. Еще менее нам нравится, что господин др. Смодлака предлагает ампутировать у Сербии Македонию. Подобные рекомендации мы категорично отвергаем, потому что они очень похожи на *австрийские* и болгарские схемы, по которым резали тело нашего народа»⁴⁰.

По мнению О. Попович-Обрадович, непримиримость взаимного восприятия белградских политиков следует рассматривать как проявление особенностей менталитета крестьянских масс – социальной базы и радикалов, и их оппонентов. Политическое сознание сословия, доля которого в населении страны не опускалась ниже 85–87%⁴¹, «определяли отнюдь не идеи индивидуальной свободы и толерантности, а сугубо коллективистские и эгалитаристские представления... Подобные черты сербского общества, – продолжала исследовательница, – существенным образом сказались на природе политических партий, их идеологии, понимании того, что есть демократия и само государство»⁴².

В однородной в социальном и этническом отношении Сербии «черно-белая» риторика наиболее массовой партии позволяла рассчитывать на политическую мобилизацию большей части «нашего народа». Однако в полиэтническом Королевстве СХС использование шкалы «народности – антинародности» в качестве единственного критерия самоидентификации и оценки окружающих могло быть только фактором государственной нестабильности. В связи с этим маститый белградский историк Бранко Петранович отмечал: «В 1918 г. сербское руководство как будто и не представляло, какой эпохальный переворот произошел в результате создания первого югославского государства... В отличие от единой и гомогенной Сербии периода народно-освободительных войн, в Королевстве СХС плеяда великих сербских политиков была не в состоянии проявить творческие способности в области государственной политики. Новые проблемы переросли старые представления и решения...»⁴³.

В 1921–1929 гг. уподобление Народной скупщины полю битвы, в которой принимали участие примерно равные по силам сторонники и противники видовданского централизма, лишило «парламентский механизм» в Королевстве СХС его имманентного свойства – способности нивелировать социальные, межэтнические и прочие противоречия и вырабатывать внятный государственный курс. Наступивший в конце десятилетия кризис, грозивший самому существованию Югославии, мог быть разрешен либо пересмотром принципов общежития «трех племен одного народа», либо узурпацией власти. 6 января 1929 г. король Александр Карагеоргиевич, установив режим личной власти, разрубил гордиев узел. Пророческими оказались слова С. Протича, обращенные к депутатам правительственной коалиции в январе 1922 г.: «Вот вам, приняли конституцию, а не будет ни легче, ни лучше... Сразу после принятия конституции перед вами встанет вопрос ее ревизии. Может, вы ее и не хотите, но это неизбежно. И что еще хуже, вы окажетесь перед дилеммой – либо вы осуществите ревизию конституции, либо вам придется её упразднить»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Марковић Л.* Из Уставотворне у законодавну скупштину // Нови живот. Књ. VI. Београд, 1921. С. 3.

² Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Књ. I (од I претходног до XXXVII редовног састанка). Београд, 1921. С. 11–12.

³ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С. 94–95.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Говор г. Н.П. Пашића у Народној скупштини 7. јуна 1923. године // Самоуправа. 8. јун 1923.

⁶ *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 283.

⁷ Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931 / Приред. Љ. Димић, Н. Жутић, Б. Исаиловић. Београд, 2002. С. VIII.

⁸ *Марковић Л.* Из Уставотворне у законодавну скупштину... С. 4.

⁹ *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији од 1903. до 1914. године. Београд, 2008. С. 428.

¹⁰ Цит. по: *Glignorić B.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 64.

¹¹ Цит. по: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 324.

¹² *Matković H.* Svetozar Pribićević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 41.

¹³ Проглас Демократске странке // Политика. 16. јануар 1923.

¹⁴ Цит. по: *Matković H.* Svetozar Pribićević... S. 191. (Хотя эти слова были произнесены в 1925 г., они могут служить иллюстрацией убеждений Прибичевича, которыми он руководствовался при формировании ДП.)

¹⁵ Riječ Srba, Hrvata i Slovenaca. 19. februar 1919.

¹⁶ *Glignorić B.* Demokratska stranka... S. 77.

¹⁷ Цит. по: *Протић Ст.* Наша спољна и унутрашња ситуација (Конференција одржана у клубу београдских радикала 2.X.1919.) Београд, 1920. С. 23–33.

¹⁸ Цит. по: *Glignorić B.* Demokratska stranka... S. 49.

¹⁹ Цит. по: *Banac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 144.

²⁰ Цит. по: *Matković H.* Svetozar Pribićević... S. 33.

²¹ Архив Југославије. Ф. 143 (Никола Пашић). Фасц. 1 (текст оставки премијер-министра Србије Н. Пашића).

²² *Протић С.* Владин предлог устава. Једна критика од Стојана Протића. Београд, 1921. С. 53.

²³ *Образовање Кралевине ШС* // *Шишић Ф.* Оп. cit. S. 280–283.

²⁴ Цит. по: *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 194.

²⁵ *Ustavni nacrt Stojana Protića* // *Petranović B., Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. T. I. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 100.

²⁶ Цит. по: *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Књ. II. Крагујевац, 1995. С. 423.

²⁷ Цит. по: *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S. 98.

²⁸ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 35. Среди других либеральных нововведений, предлагаемых лидером «умеренного» течения, – главенство гражданских судов над военными, использование армии в полицейских операциях только по решению гражданских властей и закрытие газет только по решению суда, а не полиции.

²⁹ *Glignorić B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979. С. 63.

³⁰ *Popović O.* Stojan Protić... S. 33.

³¹ Ibid. S. 36.

³² *Matković H.* Hrvatska zajednica. Prilog proučavanju političkih stranaka u staroj Jugoslaviji // *Istorija XX veka. Zb. radova. V.* Beograd, 1963. S. 60.

³³ Архив Српске Академије наука и уметности. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

³⁴ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Књ. I (XXIX редовни састанак). С. 15.

³⁵ *Стојановић Љ.* Хрватска «аустријанштина» // Српски књижевни гласник. Књ. 17. Бр. 5. 1 март 1926. С. 360–361.

³⁶ Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. 1918–1923. Београд, 1995. С. 96–97.

³⁷ Бирачима // Самоуправа. 25. фебруара 1923.

³⁸ Говор г. Николе Пашића, председника министарског савета, одржан 1. фебруара 1925. године // Самоуправа. 3. фебруар 1925.

³⁹ *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014. С. 28.

⁴⁰ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Књ. I (XXI редовни састанак). С. 5.

⁴¹ *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб, 2007. С. 94.

⁴² *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији... С. 433.

⁴³ *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993. С. 27.

⁴⁴ Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Редован сазив за 1921/22 годину. Књ. I (XVII редовни састанак. 21. јануар 1922.). С. 165.

POST SCRIPTUM

В каждой последней книжке любого научного журнала редакция помещает список опубликованных в нем за год материалов. Так и мы, завершая восьмым по счету выпуском *коллективную* часть проекта «Человек на Балканах»*, хотели бы предложить вниманию читателя краткий очерк его истории, где перечисляются этапы исследования и подводятся некоторые итоги...

• • •

Проект стартовал в начале 2000-х годов, когда в рамках работы Комиссии историков России и Болгарии в Институте славяноведения РАН был подготовлен сборник статей «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века»¹. Он был посвящен в основном политическим вопросам, особенно актуальным в то время в связи с распадом Югославии и неустойчивым положением других балканских государств, которые после развала социалистической системы оказались на перепутье – без ясных целей, ориентиров и перспектив развития. Политические причины, лежавшие на поверхности, представлялись публицистам разных стран вполне очевидными и объявлялись ими достаточным обоснованием для объяснения произошедшего. Однако столь упрощенная

* Проект «Человек на Балканах» состоит из двух частей. Первая, гораздо более объемная, представляет собой восемь коллективных трудов – семь сборников статей по результатам конференций и коллективную монографию. Вторая (меньшая) включает в себя индивидуальные работы координаторов проекта – Р.П. Гришиной и автора данных строк. И если Ритта Петровна свое сочинение уже опубликовала (*Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008), то нам это только предстоит. Рабочее название предполагаемой книги: «Человек на Балканах. Очерки истории модернизации независимой Сербии (1878–1914)». С ее выходом наш проект (числом в десять позиций) можно будет считать окончательно завершенным.

схема удовлетворяла далеко не всех. Ученые Института славяноведения РАН хорошо понимали, что драматические события на Балканах – это следствие длительного исторического процесса. А потому им был действительно необходим комплексный подход к реконструкции прошлого балканских народов, изучение истоков стратегии политического поведения, которая в столь острой форме реализовалась в 1990-е годы.

В историографии существовало никем не оспариваемое утверждение, что страны региона, обретя независимость / самостоятельность в конце 1870-х гг., развивались затем как буржуазные государства. Но одна эта констатация не давала понимания того, почему, например, в Югославии процесс распада социалистической системы получил столь трагическое выражение, когда брат пошел с оружием на брата. Или – какими поведенческими традициями обуславливалась в 1990-е годы сравнительно спокойная (хотя и в разной степени) адаптация других балканских славян к новым реалиям, в том числе в рамках отношений «Восток – Запад». Время требовало углубиться в историю народов Балкан, по крайней мере, двух последних столетий, причем подойти к изучению ее на новой базе – в рамках социокультурного анализа, с привлечением данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии, – т.е. используя совсем новый для традиционного позитивистского дискурса исследовательский инструментарий.

Эти идеи нашли отражение в статьях названного сборника, причем их авторы пришли к ним вполне самостоятельно, что позволило выделить в труде ряд разделов: 1) идентичность и ментальность балканских народов, национальные идеалы, ценности и герои; 2) демографическая и конфессиональная ситуация на полуострове в XX в.; 3) Балканы – зона культурного пограничья, а также место столкновения интересов не только великих держав и блоков, но и государств самого региона друг с другом.

• • •

Изданный в 2002 г. сборник не остался единственным. Осознавая всю важность затронутых в нем проблем и необходимость новых подходов к изучению исторического прошло-

го народов Балкан в переломную эпоху их развития (1878–1918), Ритта Петровна Гришина предложила продолжить исследование, сконцентрировавшись на анализе социокультурного контекста, без чего трудно понять направление и вариации процесса государственного строительства в освободившихся странах региона. Следовало установить, насколько адекватно он взаимодействовал с устоявшимися в Европе культурно-политическими идеями и практиками. Тогда же (пока еще в общих чертах) и детализировался замысел расширенного проекта «Человек на Балканах». Его исследовательское ядро составили сотрудники Отдела истории славянских народов периода Мировых войн Института славяноведения РАН – доктора исторических наук Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин, а также кандидат исторических наук А.А. Силкин. Отметим, что название «Человек на Балканах» изначально было сугубо «частным», предложенным академиком Г.Г. Литавриным конкретно для первого сборника. Но оно показалось нам настолько точным по смыслу и удачным по форме, что впоследствии стало центральной концептуальной линией нашего проекта, маркируя антропологический принцип как основу его методологии...

Следующим этапом исследования стала целенаправленная разработка темы «Балканские народы в процессе модернизации. XIX – первая половина XX в.», поддержанной грантом РГНФ. Главной задачей на этом этапе стало изучение особенностей модернизационных процессов в балканских странах – аграрных, с неполной социальной структурой, зависимых внешнеполитически и приступивших к строительству собственной государственности в то время, когда на Западе идеология либерализма и доктрина государства-нации достигли расцвета. Другой аспект исследования был связан с попыткой обрисовать характерные проявления ментальности «балканского человека». Эта этнокультурная матрица не исчезает со временем, особенно в традиционных обществах или социумах с сохранением архаических социальных форм в поле многоукладности. Следует сказать, что изучение картины мира и общественного сознания балканских народов на переходном этапе в процессе *модернизации*, – было (и остается) фундаментальным научным направлением², соответственно и наш проект был отнесен к разряду приоритетных.

Решение этих задач потребовало привлечения к исследованию специалистов по смежным с историей дисциплинам – демографов, социологов, культурологов, филологов, политологов и др. Изучались теории модернизации западных (М. Вебер, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт) и отечественных (В.Г. Федотова, В.И. Пантин) философов. Последовательно на специальных тематических конференциях были рассмотрены три главных показателя состояния общества в балканских странах ко времени приобретения ими собственной государственности – уровень экономического развития, особенности политического процесса, культурная специфика; а затем и первые модернизационные шаги в каждой из областей.

Основные результаты этого этапа исследования нашли отражение в серии изданий под общим титулом «Человек на Балканах»: «Синдром отягощенной наследственности»³, «Государство и его институты: гримасы политической модернизации»⁴, «Социокультурные измерения модернизации на Балканах»⁵.

Каковы же результаты проведенных изысканий, которые можно считать наиболее значимыми?

Изучение механизма догоняющего рывка «из балканского мрака на европейский свет», по образному выражению сербского экономиста Бошко Миятовича, показало, что одной из причин, тормозящих процесс подключения молодых балканских государств к общеевропейскому модернизационному процессу, явилось многофакторное влияние доставшихся от прошлого архаичных общественных моделей. Помимо общеизвестных обстоятельств (неполная социальная структура, отсутствие родовой аристократии, более чем 80-процентный крестьянский состав населения с его ориентацией на традиционные ценности, крайне слабая социальная мобильность, высокий уровень неграмотности и др.), было выявлено, что крестьянские представления, нормы жизни и этос поведения не только не ограничивались рамками одного, земледельческого, сословия, но и пронизывали все слои общества, включая правящую элиту, интеллигенцию и военных, т.е. сохранялись в самой конструкции социальных связей и отношений. Они обладали такой силой воздействия, что и в XX в. большинство балканских лидеров строило государственную политику,

исходя преимущественно из интересов мелкого земельного собственника, защищая и *сохраняя* его, поощряя в нем патриархальный дух, идеалы эгалитаризма и общинного коллективизма, что редко или совсем не совпадало со стратегией модернизационных реформ.

Анализ процесса модернизации, который более интенсивно происходил в политической сфере, позволил ученым поставить вопрос об *институциональной революции* в регионе и особенностях ее протекания. Представляется, что некоторые выводы, полученные исследователями, имеют значение как с точки зрения теории, так и практики. В частности, заключение о том, что в условиях неравномерности цивилизационного развития западноевропейского и балканского регионов, «скоростному» методу строительства государственно-политических институтов по образу и подобию Европы во втором из них (принятие либеральных конституций, введение широкого избирательного права, формирование парламента и системы политических партий) сопутствует появление, или сохранение в видоизмененной форме, нетипичных для устоявшихся европейских политсистем «подпольных» органов и организаций, в том числе вооруженных, к тому же действующих параллельно с легитимными структурами. Такой симбиоз легальных и нелегальных органов, их нерасчлененность, способствуют консервации изначально низкого уровня политической культуры местного населения и правящих кругов, ориентированных по большей части на разрешение конфликтов с позиции силы, а не на поиски компромисса.

Другой пример: политическая модернизация, проводимая сверху и не имеющая под собой достаточного социально-экономического основания, оборачивается простым заимствованием иностранной модели управления, чаще всего, западной. Скрывающиеся за фасадом «пересаженных» на неподготовленную почву новаций (номинально демократических конституций, институтов власти и пр.) устойчивые структуры и навыки традиционного общества препятствуют строительству современного государства, к чему стремятся местные элиты. Но создаваемый ими государственный остов длительное время являет собой лишь «фанерную» имитацию избранного образца, повторяющую его форму и контуры, но не содержание,

которое обеспечивало бы полноценное функционирование государства. Отсюда постоянные сбои из-за несоответствия фундамента и надстройки, в том числе в виде государственных переворотов, политических убийств и хронической нестабильности.

Возможно, более общее значение имеет и балканский опыт адаптации населения к изменявшимся условиям жизни, выразившийся, в частности, в появлении особого типа политического менталитета. Балканцы, с исторически привычными им формами общинности, родовой и семейной солидарности, соборности, локального патриотизма, в гораздо меньшей степени обладали опытом государственности и ощущением государственного единства, а именно его социологи считают определяющей чертой политического менталитета нации*. Недостаточность государственноческого настроя, в свою очередь, препятствует формированию чувства гражданской ответственности, причем на всех этажах общества, включая руководящие государственные структуры. А отсюда – недалекость и запоздалая реакция на вызовы времени, и «недофункциональность» политических систем в целом, нечетко понимающих свою роль в организации политической жизни общества.

Наш опыт изучения «другой Европы» (Балканской) показал, что практика «вестернизации», так или иначе работающая на ранней стадии процесса, в дальнейшем становится непродуктивной и слишком перегружающей национальную идентичность. Наступает время выдвижения собственных для каждой страны национальных задач. Правильно – с учетом исторической перспективы – поставить такие задачи и мобилизовать общество на их решение становится испытанием для каждой страны.

* Когда весь политический процесс базируется на личностных (в рамках патриархальной локальной лояльности), а не на формальных (порождаемых индустриализацией и ускорением внутренних миграций) принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу – родственникам, землякам и друзьям, – как того требовал древний *обычай*, проявляется у его участников значительно сильнее, чем общегражданская / государственная ответственность, закрепленная *законом*.

И здесь едва ли не важнейшим для исследователя становится анализ социокультурной реальности – внимание к состоянию культуры, образования, прессы, театра, содержанию массовых зрелищ, т.е. всего того, что не только воспитывает, но и формирует цивилизацию.

Компонентом модернизации в этой сфере, как гласит теория, является создание новой системы личных и общественных ценностей (социальных норм). В конечном счете, речь идет о трансформации ценностной и поведенческой модели, транслирующейся через средства социализации, о появлении «экономического человека» – рационалистически действующего индивида, перед которым человек традиционного типа отстает. Некоторые ученые, раздвигая привычные рамки дихотомии «модернизация – индустриализация», анализируют проблему в другом ракурсе и видят результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, сколько гражданского общества.

Рассмотренный нами на такой основе балканский опыт показывает, что времени для «переваривания» крестьянской ментальности требуется гораздо больше, чем история отвела балканцам. Но в отдельных сферах культуры процесс шел даже весьма интенсивно. И важно отметить, что воздействие социально-культурных новшеств, так или иначе функционирующих на различных уровнях – от деклараций и лозунгов до имитации или формального воспроизведения институтов, – заметно и на бессознательном уровне, тем самым способствуя переменам ментальности социума. При этом на конкретных примерах удалось показать определенную зависимость социокультурных позиций *Homo balcanicus* от степени его территориальной приближенности или удаленности от центров европейской цивилизации.

Так, например, сербская столица Белград, напрямую граничившая с Европой через Саву, представляла собой островок культуры и модерности (процент грамотных жителей и количество газет; открытие в 1905 г. Университета, в числе студентов которого было даже 14 девиц, и наличие как европейски образованной бюрократии, так и отдельных, там же признанных, ученых) в море не желавшей отступать патриархальности. И факт обучения 14 студенток не должен вводить

в заблуждение, заслоняя главное, – остальные женщины были практически исключены из сферы образования*; общий же его уровень в Сербии оставался катастрофически низким. Влияние столицы на окружающий руральный мир, таким образом, было минимальным – сербский селяк буквально «в штыки» воспринимал город и городскую культуру.

Касательно же сферы образования во всем регионе, авторы проекта обнаружили явное несоответствие между самим фактом наличия школ и результатами обучения в них (что может служить аргументом в пользу признания резкой нестыковки между формой и содержанием, или если точнее: «фанерным» фасадом и *действительным* «интерьером»). Огромное число крестьянских детей, возвратившись после школы к привычной трудовой жизни, в несколько лет забывали практически все, ибо обретенное ими знание – умение читать, писать и пр., – в патриархальном сельском мире оказывалось абстрактным, не будучи востребованным, что, впрочем, есть давно известный и *универсальный* – т. е. характерный для всякого традиционного общества, феномен «вторичной (или функциональной) неграмотности». Добавим лишь, что, например, в Болгарии, в силу ряда причин (см. предисловие), он проявлялся в меньшей степени...

• • •

Новым этапом изучения процесса модернизации на Балканах стало исследование темы «Власть и общество на Балканах: модель взаимодействия в процессе модернизации. Середина XIX – начало XX в.», реализованная при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН⁶. Ее целью было исследовать специфику формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью. Выявленные ранее балканские «отклонения» от «магистрального» западноевропейского пути, в результате проведенного исследования, дополнились заключением о том, что парламентская деятельность в странах полуострова предшествовала становлению в них гражданского общества, в то время

* В начале XX в. только 9 % замужних женщин в Сербии могли написать свое имя и фамилию.

как в Европе аналогичная трансформация совершалась кардинально противоположным образом. Следовательно, «парламентская форма» и ее реальное содержание расходились очень значительно. Но иначе и быть не могло: на Балканах, сохранявших аграрно-патриархальный характер, практически отсутствовал средний класс – основа формирующегося гражданского общества.

Обоснованный нами таким образом подход к проблеме позволяет объяснить, почему одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах функционируют совершенно по-разному. Как таковой (т. е. значительно отходящий от простого «институционального» и активно привлекающий новое социокультурное знание), он заставляет не только пересмотреть прежние объяснительные схемы, но и полностью опровергнуть незыблемость комплекса «чистых», «объективных» позитивистских методов – привычных и точных, но не всегда достаточных, что доказывает несомненную перспективность столь же эффективных, сколь и модных ныне междисциплинарных методов.

Для изучения вопроса о том, каким образом в балканских обществах, где гражданский контроль над верхами был минимальным, осуществлялся национальный консенсус, было решено привлечь дополнительный источник, а именно: записки внешних наблюдателей – путешественников-иностранцев. Итогом стал сборник статей специалистов различных дисциплин «Человек на Балканах глазами русских»⁷. С помощью имагологического метода оказалось возможным прояснить вопрос о национальных константах культуры балканских народов, изучить варианты их социальных практик, представления о себе и других. Отмечалось различие подходов русских авторов – представителей православной страны, типологически близкой к большинству балканцев по ценностным и социокультурным характеристикам, и носителей западной культуры, которым присуща своего рода «презумпция цивилизационного превосходства»⁸.

Не случайно, к примеру, известный русский славист и путешественник П.А. Ровинский, как русский человек, воспринимал Сербию и сербов как *своих*: «То, что недоступно в Сербии для каждого иностранца, вполне открыто для нас. Там вы чувс-

твуете себя между своими, хотя и при другой обстановке»⁹. Понятно поэтому, что, описывая эту страну и народ, он не мог не сопоставлять все виденное с Россией. И, надо сказать, что выстроенные им сопоставительные ряды весьма органичны, поскольку «мерка, по которой я оцениваю сербский народ, служит та самая, которую я применяю к России»¹⁰. Подобная органичность была чужда западному восприятию, в основе которого, как уже говорилось, лежал стереотип о собственной супериорности, чему соответствовало очевидное неравенство в подходах, т. е. две противоположные «мерки», характерные для всякого *этноцентризма*: одна – для себя, другая – для «туземцев». Оно и понятно, ведь любой западный автор «ни на минуту не может забыть о том громадном расстоянии, которое находится между ним, человеком высшей цивилизации, и полуварварским сербом...»¹¹.

• • •

Общий вывод, полученный нами путем реконструкции политических и социокультурных реалий на Балканах во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. (что стало возможным в том числе благодаря использованию нового комплекса источников), можно свести к следующему: **за фасадом европейских новаций, в виде «стандартного» набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства, скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они во многом определяли уклад жизни и поведения не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит.** Осознание этого положения способствует ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран), освобождению от сковывающих мысль умозрительных представлений и, главное, дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений – утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории*.

* Настоящая коллективная монография (и в особенности ее глава, посвященная Сербии) является своего рода «ответом» на новейший коллективный же труд сербских авторов «Срби 1903–1914. Историја идеја / Приред. М. Ковић» (Београд, 2015), в котором идеализация этого «золотого десятилетия» сербской истории достигает своего апогея.

Помимо этого нам удалось установить еще два важных соотношения. Одно из них касается роли лидера в обществе, которая у балканских народов (и, по-видимому, вообще у народов, сохранявших традиционные навыки правления) была значительно более весома, чем в развитых гражданских обществах Запада с уже устоявшейся парламентской системой и в основном решенным национальным вопросом; балканские элиты формировались из «людей из народа». Другое связано со способами установления национального консенсуса в таких странах, как балканские, где это происходило либо на основе союза низов с традиционной властью, либо на основе национальной внешнеполитической программы.

Последнему вопросу – т. е. национальному, и военным средствам его решения – при разработке проекта было уделено особое внимание. Прежде всего, критическому анализу был подвергнут пришедший из балканской практики в историографию тезис, будто одним из условий успеха модернизации является завершение национального объединения страны. Путем реконструкции балканских реалий первого десятилетия XX в. и детального рассмотрения отношения к войне в таких странах, как Сербия и Болгария, мы получили «разновеликие» ответы. Это стало возможно благодаря тому, что, отбросив довлеющее влияние постулата о схожести культурно-политического архетипа *Homo Balkanicus*, удалось обнаружить: несмотря на такую «схожесть», устремление к войне проявлялось в каждой стране по-своему, в том числе и в прямо противоположных формах.

В конечном итоге, должно признать – большинством балканских элит война действительно мыслилась как средство достижения «национального идеала» и как первостепенное и ближайшее дело. Сербия и Черногория, к примеру, были готовы начать действовать в любой благоприятный момент, разногласий в обществе по этому поводу не наблюдалось. В Болгарии же, когда в 1912 г. война уже стучалась в дверь, общество оставалось расколотым: часть его протестовала против возможной войны, ссылаясь на желательность продолжать экономический восход страны и на возможность в будущем осуществить национальный идеал мирным, дипломатическим путем. Но антивоенные протесты были пассивными и неорга-

низованными, наглядной модернизационной программы и ее конкретных выгод болгарские гражданские деятели не выработали, и предъявить им было нечего, чем и воспользовалась военная партия¹².

Представления о недорешенности национального вопроса (хотя она существовала объективно) выводили на политическую арену балканских стран руководство армии и нелегальных патриотических организаций, способствовали быстрой милитаризации полуострова. Происходила переориентация с решения внутренних задач на внешнеполитические, что сопровождалось отвлечением средств и общественного внимания от модернизационных проблем. Приближавшиеся Балканские войны и стали очередной проверкой – встал вопрос о выборе пути на исторической развилке. Анализу результатов военного выбора посвящен 7-й сборник нашей серии¹³.

Итак, именно война мыслилась большинством балканских элит средством реализации «национального идеала», основанного, в условиях стойкости стереотипов традиционного мышления, как правило, на исторических мифах. Решение национального вопроса принимало в сознании немалого числа балканских политиков часто фантастические формы и было связано со стремлением восстановить границы средневековых держав – речь шла о моделях «великих государств», вожделения о которых перехлестывали границы соседей, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Южные славяне победят турок, но побьются между собой», – пророчески писал еще в 1868 г. П.А. Ровинский А.Н. Пыпину¹⁴. Балканские войны – увы! – блестяще подтвердили точность данного «прогноза».

• • •

Методологической основой нашего подхода к исследованию стал антропологически ориентированный принцип: в данном случае – изучение «агентов» или движителей модернизации, с одной стороны, и консерваторов, сопротивляющихся переменам, активно или пассивно, с другой, т.е. внимание к *Homo Balkanicus* в разных его качествах и проявлениях. Это было основанием для объединения всей последовательности изданий под серийным наименованием «Человек на Балканах». Важное место в коллективных исследованиях

заял и метод реконструкции образов, характеров и представлений – как коллективных, создающих в совокупности обобщенный или идеальный портрет наций и народов, так и индивидуальных – воплощенных в образцово-героических или трагически-мученических изображениях различных деятелей эпохи как носителей типичных ее черт.

Более того, из серии сборников о «модернизации» выделилось новое направление, своего рода «ответвление» проекта «Человек на Балканах», – в 2009 г. при непосредственном содействии участников его первоначального состава свет увидела книга «Политические лидеры и идеи национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе»¹⁵, заложившая основы нового серийного исследования «До и после Версаля».

Вместе с тем, коллектив активно применял и *сравнительный* метод исследования, и это также оказалось плодотворным в условиях, когда, повторимся, в науке подчас слишком абсолютизируется схожесть культурно-политического архетипа «Человека с Балкан»¹⁶. Полезным оказалось и сопоставление балканских реалий не только с западноевропейскими образцами, но и с модернизационными процессами в странах Восточной и Средней Европы, а также России...

Костяк группы исследователей всего жизненного устройства балканских государств в Новое и Новейшее время составили, как уже говорилось, сотрудники Отдела истории славянских народов периода Мировых войн Института славяноведения РАН. За более чем 10-летний срок вокруг них сложилась большая группа исследователей, заинтересовавшихся предложенной проблематикой. Наряду с коллегами из Института славяноведения, причем не только историков, в проекте приняли участие представители Института всеобщей истории РАН (Ар.А. Улунян), Института этнологии и антропологии РАН (Р.Н. Игнатьев), МГУ им. М.В. Ломоносова (Л.В. Кузьмичева, В.Б. Хлебникова), МГИМО (У) – Я.В. Вишняков, РУДН им. П. Лумумбы (Г.И. Шевцова). Кроме них следует упомянуть М.В. Белова (Нижний Новгород), Ю.П. Аншакова (Самара), Д.О. Лабаури (Екатеринбург), Е.В. Яковкину (Ставрополь), а также коллег из ближнего и дальнего зарубежья – Д.В. Миколенко (Украина), Л. Перович, М. Йовановича, А. Тимофеева, А. Растовича, А. Жи-

вотича (Сербия), М. Куманова, Св. Елдарова (Болгария), Ф. Соломона (Румыния).

И в заключение следует отметить, что результаты исследований в рамках указанной серии трудов, посвященных различным аспектам «модернизации по-балкански», привлекли внимание зарубежных коллег. Наряду с весьма обильным «оперативным» цитированием, «Человеку на Балканах» нашлось место и в обобщающих публикациях сербских ученых о зарубежной (русской) историографии истории Сербии (Югославии)¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002.

² См.: *Огурцов А.П.* Трудности анализа ментальности // Вопросы философии. 1994. № 1.

³ Человек на Балканах и процессы модернизации: синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2004.

⁴ Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2006.

⁵ Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2007.

⁶ Результаты работы по проекту были обобщены в сборнике статей: Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2009.

⁷ Человек на Балканах глазами русских / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб, 2011.

⁸ *Гордон А.В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С. 45.

⁹ *Ровинский П.А.* Наши отношения к сербам (поучение из прошлого и настоящего) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. I. № 2. С. 187.

¹⁰ Цит. по: *Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.* Из истории отечественной славистики: П.А. Ровинский в Черногории. Калинин, 1989. С. 72.

¹¹ *Ровинский П.А.* Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Кн. 11. С. 379.

¹² См.: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Война – мать родна? // Родина. 2012. № 11. С. 5–7; *Они же.* Судьба «балканских союзников» 1912–

1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132.

¹³ Модернизация *vs* война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.

¹⁴ П.А. Ровинский – А.Н. Пыпину. Белград, 20 апреля / 2 мая 1868 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 56.

¹⁵ До и после Версаля. Политические лидеры и идея национально-го государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2009.

¹⁶ Сравнительный метод, как наиболее плодотворный при региональных исследованиях, использовался координаторами проекта и вне его – в совместных авторских работах. См. примечание 12, а также: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014. С. 2–64; То же // *Etudes Balkaniques*. Sofia, 2014. № 1. Р. 41–80.

¹⁷ См.: *Timofejev A.* Savremena ruska istoriografija o Srbiji // *Tokovi istorije*. Beograd, 2006. Br. 3. S. 200–213; *Ković M.* Saznanje ili namera: savremena svetska istoriografija o Srbima u XIX veku // *Sociologija*. Vol. LIII. Beograd, 2011. S. 402–416.

Научное издание

Коллективная монография

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ.
ОСОБЕННОСТИ «НОВОЙ» ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: БОЛГАРИЯ, СЕРБИЯ, ЧЕРНОГОРИЯ,
КОРОЛЕВСТВО СХС В 1878–1920 гг.

В оформлении обложки использовано фото
«Гусяр в центре Белграда. Начало 1920-х гг.»,
взятое с сайта футбольного клуба «Белград»

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*
Ответственный редактор *А.Л. Шемякин*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 1.03.2016 г.

Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 25,5. Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96

ISBN 978-5-7576-0358-2

9

785757 603582